INSPIRIA

ЧЕРНЫЙ ЧЕРНЫЙ ДОМ

Призракам не нужно следовать за тобой.
ОНИ – ЭТО ТЫ...

КЭРОЛ ДЖОНСТОН

Annotation

Мощный психологический триллер, где на границе реальности так просто встретиться с другим собой.

Призракам не нужно следовать за тобой. Они – это ты…

Вся жизнь Мэгги Маккей – сплошное проклятие. Девушка не может избавиться от ощущения, что с ней что-то не так. Что она – кто-то другой…

Когда ей было пять лет, Мэгги внезапно объявила, что на отдаленном шотландском острове Килмери – на котором она никогда не была – убит мужчина. И что теперь она – это он. Сенсационное заявление маленькой девочки привлекло внимание СМИ. Полиция начала расследование, которое так ничем и не закончилось, – тело погибшего не нашли. И немудрено – в ту ночь остров накрыло чудовищным штормом…

Теперь, почти двадцать лет спустя, Мэгги приезжает на Килмери, твердо решив выяснить, что там произошло на самом деле…

«Великолепно и жутко». – Daily Mail

«Один из самых атмосферных романов года… Джонстон укрепляет свою репутацию восходящей королевы готики». – Crime Reads

«Атмосферно и захватывающе». – Кэтрин Купер

«Повествование, леденящее кровь». – Си Джей Тюдор

- Кэрол Джонстон
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7

- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Эпилог
- Благодарности

    - Перечень персонажей
    - Глоссарий терминов и топонимов
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- 35
- 36
- 37

Кэрол Джонстон
Черный-черный дом

Посвящается Иэну

Человек выбирает зло не потому, что это зло; он ошибочно принимает его за счастье, которое ищет.

Мэри

Уолстонкрафт
Шелли

Шепчу ее имя;
Она – это остров,
Где овцы пасутся и камни лежат.
Атлантику буйную к двери своей
Она призывает.

Ширли Райт «Нэ Херэй/Остров Харрис»

Carole Johnstone

THE BLACKHOUSE
Copyright © by Carole Johnstone 2023
© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Отчетливее всего ему запомнились не крики, пусть они и долетали до берега вместе с воем яростного ветра и в течение многих часов отражались от высоких скал над пляжем. Не шторм и не ревущие, пенящиеся волны, которые проделывали огромные извилистые ходы в мокром песке и вырывали опору у него из-под ног.

Не темнота и не трепещущий свет факелов. Не те полные отчаяния часы, когда люди сталкивали в бурный прибой лодки: моторные, рыбацкие, даже старые деревянные *скоу*[1]. Все эти лодки были разбиты о высокие мысы залива или выброшены на берег, словно камни из рогатки.

И не протяжные, усталые причитания женщин, чьи силуэты маячили на выступе скалы, выделяясь на фоне усеянного серебристыми звездами неба над материком. И не взмахи белых рук возле камней, становившиеся все медленнее и реже по мере того, как стихал хор криков. И дело было не в том, что он гадал, какие из этих машущих рук, какая из этих голов, качавшихся на волнах, исчезая и появляясь вновь, принадлежат его отцу.

И даже не жуткая тишина, наступившая после этого. Когда иссякли силы, горе и надежда. Когда иссякли ветер, дождь, гром и море.

Это был приливной колокол на скалах. Его низкий, тяжелый звон становился все глуше под тяжестью воды и времени.

И черная башня, отбрасывающая незримую тень на песок, на залив и на утихающие волны.

Именно это *всегда* вспоминалось ему отчетливее всего. Иногда это было единственное, о чем он мог думать.

Приливной колокол. И черная башня.

И осознание того, что никто из людей, оказавшихся на этих камнях, никогда не вернется. Из-за него.

Из-за того, что он пожелал. Из-за того, что он сделал.

Глава 1

Четверг, 14 февраля 2019 года

Может быть, все будет хорошо. Может быть, я просто слишком привыкла к тому, что все *никогда* не бывает хорошо. Не исключено, что и так. Может быть, злой, леденящий страх, живущий у меня внутри последние три месяца, – не столько дурное предзнаменование, сколько давний балласт, ставший слишком привычным. *Может быть*.

В пабе много народу. Он забит до отказа. И здесь шумно. Намного больше народу и шума, чем я ожидала; это усиливает мое ощущение тревоги и еще сильнее выводит из равновесия.

– По крайней мере, вы пропустили интересную ежемесячную встречу, – с улыбкой говорит Джаз.

С тех пор как он встретил меня на паромном причале Сторноуэя («Вы, должно быть, Мэгги, а я Эджаз Махмуд – Джаз. Добро пожаловать на остров Льюис-и-Харрис!»), высокий и стройный, с круглым лицом, аккуратной узкой бородкой, мягким шотландским акцентом и широкой улыбкой, он относился ко мне не как к незнакомке, а как к давней приятельнице. На протяжении всей последующей сорокамильной поездки на машине Джаз вел нескончаемую беседу, которая сначала нервировала, а потом стала приятным развлечением. «Вообще-то здесь довольно большая пакистанская община – это обычно удивляет людей. Келли говорит, что вы с юга? Я тоже из Англии, из Берика, но лучше не упоминать об этом – думаю, что мне это пока сходит с рук. Говорят, вы не знаете, как долго пробудете здесь? Самое лучшее в этом месте – оно становится домом для всех, кто этого хочет… пока они этого хотят».

Мы ехали на юг по прибрежной дороге, где изредка встречались деревушки – белые домики с двойными мансардами и шиферными крышами, – а затем на запад по плоской пустынной низменности; ее вид в золотистых сумерках заставил меня задрожать, а наш «Рейнджровер» покачивался под порывами свистящего ветра. Далее – тесные лабиринты отвесных скальных стен, а затем – череда зеленых холмов и гладких озер; болота с пламенеющим вереском и мхом, обрамленные высокими скалистыми горами.

И с каждым поворотом – с широкого шоссе на узкую трассу, а затем на почти ненаезженный однополосный проселок, вдоль которого виднелись редкие строения, – я все больше и больше ощущала удаленность от суеты Сторноуэя, не говоря уже о Лондоне. Именно тогда тяжесть в желудке начала усиливаться. Еще до того, как мы достигли западного побережья и я услышала рев Атлантики. Еще до того, как мы пересекли последнее озеро и протряслись по скотопрогонной решетке, а затем по дамбе через узкий пролив. Еще до того, как последние лучи солнца осветили на другом берегу щит с приветственной надписью:

Fàilte gu Eilean Cill Maraigh
Добро пожаловать на остров Килмери

Мои зубы начали стучать еще тогда, когда Джаз гнал машину на запад по единственной дороге. Прочь от огней Урбоста на юго-восточном побережье – поселения с населением шестьдесят шесть человек, – в сторону второй деревни на этом острове, размер которого составлял две с половиной на полторы мили. Эта деревня была древнее и меньше, она находилась на открытом всем ветрам мысу под названием Лонгнесс, и ее население насчитывало менее двадцати человек. Блармор… Мурашки побежали у меня по телу, когда мы свернули на единственную улицу и Джаз наконец остановил автомобиль возле паба – длинного и белого, с черными карнизами, увешанными гирляндами. В его ярко освещенных окнах маячило слишком много людей. Белая вывеска в быстро угасающем свете казалась серой: AM BLÀR MÒR[2].

– «Блар» – значит «битва», «мор» – «большая». Больше никто ничего не знает, но таковы уж эти острова. Тайна – мать заблуждений. – Джаз усмехнулся, не замечая ни моих стучащих зубов, ни тяжести у меня в желудке, ни моего внезапного и отчаянного желания сказать: «Я знаю. Потому что я не просто бывала здесь раньше, мне всю жизнь снились кошмары об этом месте».

И тогда я перестала пытаться отвлечься на то немногое, что знала об острове – на его географическое положение и численность населения, – и стала убеждать себя: может быть, все будет хорошо. Может быть, никто меня не вспомнит. Может быть, я смогу сделать то,

для чего я здесь, так, чтобы они не узнали. Но и тогда я ни на секунду не поверила в это.

Переполненный зал бара – это уютное помещение с огромным открытым камином, красными стенами, столами из темного дерева и мягкими табуретами. Я чувствую усталость и беспокойство, оглядываясь по сторонам и стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Джаз толкает меня локтем, заставляя вздрогнуть. Он кивает в сторону большой группы людей на другом конце комнаты. Большинство из них – молодые люди, столы вокруг них заставлены полупустыми стаканами и завалены хрустящими пакетами с чипсами.

– Археологи из университета Глазго, – говорит он. – Я был таким много лет назад. Приехал студентом работать на захоронении Клух-Ду недалеко от Западного Мыса. Должен был провести там всего полгода, а вот до сих пор здесь… – Он смеется, качает головой. – Они снова открывают раскопки. Так что вы не единственная новенькая. – Еще одна ухмылка. – Почему бы вам не выпить, пока я схожу за Келли? Она сейчас наверху, в своей квартире.

Я не хочу выпивки. После трех железнодорожных переездов, задержки рейса из Станстеда, одиннадцатичасовой поездки на автобусе из Глазго и переправы на пароме из Уллапула я так устала, что мне кажется, будто я могла бы уснуть стоя. Выпивка, не говоря уже об общении, кажется мне совершенно непосильной задачей.

– Спасибо, что подвезли меня, это было очень любезно с вашей стороны.

– Не стоит благодарности. А то таксист содрал бы с вас три шкуры.

Он улыбается мне в последний раз и направляется к двери с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА». Я неохотно оглядываюсь по сторонам. У барной стойки относительно пусто. В другом ее конце на табуретах сидят двое мужчин в рыбацкой экипировке – желтые нагрудники и брюки с лямками поверх терможилетов и защитных ботинок.

– Здравствуйте, я Джиллиан Маккензи, – произносит женщина за стойкой. Лицо у нее загорелое и веснушчатое, улыбка теплая, акцент местный, но, возможно, со слабыми следами какого-то другого. Она заправляет за уши длинные темно-русые волосы, припорошенные

сединой, и протягивает руку для рукопожатия. – А вы, должно быть, Мэгги.

– Откуда…

– О, про вас все знают. – Бармен поворачивается от ряда бочонков на другом конце бара. Пока не вижу его непринужденной улыбки, я воспринимаю его слова буквально, и мое сердце на мгновение ускоряет темп. Как тогда, когда Джаз спросил меня, бывала ли я раньше на островах, и я сделала слишком длинную паузу, прежде чем покачать головой.

Бармен ставит два виски перед рыбаками и снова поворачивается ко мне. Он невысокий и худощавый, глаза у него на удивление темно-карие.

– Вы – первый клиент Келли. Когда она получила ваше письмо, то танцевала по этому залу, словно цапля в брачный сезон.

– Мой муж, Брюс, – представляет его Джиллиан. – Не обращайте на него внимания. В любом случае, что я могу вам предложить? Первая выпивка – за счет заведения. Мы делаем клубничный дайкири и розовый джин с тоником в честь Дня святого Валентина. – Она делает небольшую паузу, а затем наклоняется ко мне: – Вы в порядке?

«Нет, – хочу резко ответить я. – У меня только что умерла мама». Это похоже на очень специфическую и внезапную форму синдрома Туретта. Я продержалась меньше десяти минут в самолете в Станстеде, прежде чем сказала это бедной женщине, сидевшей рядом со мной, и наслаждалась ее сочувствием всю дорогу до Глазго. Наверное, она думала, что моя мама действительно *только что* умерла. Три месяца назад – это не «только что», даже если кажется, будто это именно так. И как бы мне ни хотелось, чтобы это было оправданием для моего состояния, но то, что мамы больше нет, не может быть причиной той тяжести в животе, тех кошмаров, от которых я не могу избавиться, всех этих «может-быть-все-будет-хорошо». Это не причина того, что менее чем через две недели после выписки из больницы Модсли[3] я преодолела семьсот миль до этого места – этой деревни – в глуши. Даже если мне легче притворяться, что это так.

– Извините. Я просто устала, – отвечаю. И пытаюсь улыбнуться. – Можно мне белого вина, пожалуйста? Любого, какое у вас есть. И спасибо.

Я притворяюсь, будто меня интересуют фотографии, почти вплотную друг к другу развешанные на красной стене рядом с барной стойкой, пока Джиллиан достает из холодильника бутылку «Пино гриджио» и наливает. Некоторые фотографии вставлены в рамки, некоторые заламинированы: цветные, сепия, черно-белые пейзажи моря, скал и пляжей, портреты мужчин, женщин и детей. Над ними – вырезанный из коряги кусок лакированного дерева с написанными черной краской словами: «Овца всю жизнь будет бояться волка, а потом ее съест пастух».

– Веселенькое высказывание, – улыбается Джиллиан, протягивая мне вино. – Но оно было здесь еще до меня, как и большинство этих фотографий. Многие из тех, кто на них изображен, сегодня сидят здесь.

– Мэгги!

Я узнаю́ слегка щербатую улыбку и гладкую каштановую стрижку Келли по ее фотографии в интернете. Она обходит стойку бара, обнимает меня за плечи и крепко сжимает.

– Я так рада, что вы здесь. – Отпускает меня, чтобы еще раз широко улыбнуться и снова обнять. – Я уже начала думать, что ваше письмо мне померещилось… Как прошло ваше путешествие? Наверняка ужасно. Пожалуй, проще добраться до Северного полюса… Джиллиан, можно мне как обычно?

Келли забирается на табурет рядом со мной и поворачивается лицом к залу.

– А, я пропустила ежемесячное общее нытье, – отмечает она. – Какая досада… Жаловаться – это для некоторых постоянная работа. – Она протягивает барменше банкноту в пять фунтов, в то время как Джиллиан ставит на барную стойку еще один большой бокал вина. – Спасибо. – Келли смотрит на меня и подмигивает. – Итак… Не хотели бы вы получить краткую информацию об этих замечательных и милых людях, раз уж собираетесь жить среди них в обозримом будущем?

– Конечно.

– Хорошо. – Келли опирается локтями о барную стойку, скрещивает ноги и указывает на четырех мужчин, сидящих за маленьким столиком. – Дрочер, дрочер, хороший парень, дрочер.

Когда я начинаю смеяться, она сжимает мое плечо.

– О, слава богу… Наконец-то кто-то понял мои шутки. Пожалуйста, скажите, что вам меньше тридцати лет! Это, наверное, очень грубый вопрос. Я имею в виду, что вы выглядите моложе тридцати, очевидно. Просто у здешних людей есть привычка уезжать, как только они заканчивают школу, и возвращаться только тогда, когда они уже готовы получать свою пенсию. Лично я за нашествие студентов-археологов.

Я снова смеюсь. Келли в точности такая, какой я ее себе представляла.

– Мне почти двадцать пять, – отвечаю я. – А вы не уезжали отсюда?

– Мама с папой переехали на Норт-Уист, когда мне было три года, так что до сих пор я здесь и не жила по-настоящему. Большинство людей сегодня приехали из Урбоста на собрание, а летом всегда прибывают туристы. Но постоянное население Блармора составляет около семнадцати человек. Всего семь человек моложе тридцати – и трое из них моложе десяти. Включая моего пятилетнего сына.

– У вас есть сын?

– Фрейзер. – Она снова улыбается. – Отчасти из-за него я и оказалась здесь. Я уехала с островов, когда мне было восемнадцать, и встретила его отца в Глазго. У нас произошел довольно неприятный разрыв чуть больше трех лет назад. – Тень, пробежавшая по ее лицу, настолько коротка, что я почти не замечаю ее. – Это очень длинная, очень печальная история, для пересказа которой потребуется не один бокал вина. Но я собираюсь вернуться. В Глазго, я имею в виду. Как только у меня будет достаточно денег, чтобы снять квартиру и начать обучение. Я хочу стать детской медсестрой… Боже мой, какое потрясающее ожерелье! Где вы его купили?

Я опускаю взгляд и понимаю, что вытащила из-под джемпера длинную серебряную цепочку и машинально потираю прохладный кварц кулона указательным и большим пальцем. Это нервное действие, от которого я так и не смогла избавиться. Вспоминаю мамину открытую улыбку, свет в ее глазах, который всегда пугал меня. И как сильно я тосковала по ним в ту минуту, когда они пропали; в тот день, когда она нашла меня в саду, чтобы сказать, что пришло время отвезти ее в больницу. Она запретила бы мне приезжать сюда. Этот

свет в ее глазах тоже запретил бы мне появляться здесь. «Я знаю, что ты можешь видеть тьму. Я знаю, что ты можешь…»

– Вы в порядке?

«Нет. У меня только что умерла мама».

– Да. Извините. – Я поворачиваюсь в сторону зала. – Итак… замечательные и славные?

– Точно. – Она смотрит на пару, сидящую за соседним столиком. – Старик – Чарли Маклауд.

У него всклокоченные седые волосы, щетина на подбородке подернута серебром, а судя по цвету загрубевшей кожи на лице и руках, он всю жизнь провел на свежем воздухе.

– Он ведет себя так, словно ему лет сто пятьдесят. Имеет свое мнение обо всем и обо всех.

Женщина рядом с ним – маленькая и улыбчивая. Ее серебристые волосы заплетены в длинную тяжелую косу, переброшенную через плечо, а на руках выступают шишковатые костяшки, пораженные артритом.

– Это Айла Кэмпбелл. Живет за пределами деревни у Защищенной бухты – Шелтерид-бэй. Она классная чувиха, крепкая, как старые сапоги. В общем, я хочу стать такой, когда повзрослею. – Келли подталкивает меня. – Ее сын, Дэвид, живет в Глазго. Холостой и горячий, как черт. В прошлом году я струсила, но собираюсь сделать свой ход, когда он снова приедет на торфоразработки.

Она указывает на мужчину помоложе, играющего в бильярд в дальней части бара, светловолосого и коренастого.

– А это Донни Маккензи. Сын Джиллиан и Брюса. – Она фыркает. – Донни – это Джиллиан с Y-хромосомой. Не думаю, что в нем есть хоть капля от настоящего Маккензи. – Она опускает голову, когда Брюс поворачивается к нашему концу стойки. – Давняя островная шутка. Не все, конечно, находят ее смешной. Когда паб только перешел к моим родителям…

– Ваши родители владели этим заведением?

– Арендовали. Я имею в виду, что все в деревне всегда помогали здесь или в магазине – я по меньшей мере пару раз в неделю работаю за барной стойкой, – но всегда был кто-то главный, ну, знаете, по бумагам. И раньше это были мои родители. У отца однажды была безумная идея стать фермером, но, к счастью, это продолжалось

недолго. – Она закатывает глаза. – Представляете? Мне пришлось бы покупать резиновые сапоги…

Она бросает взгляд вдоль барной стойки.

– Донни был еще ребенком, когда его родители взяли на себя управление этим пабом. Они владеют соседней фермой и участком. Вы видели, когда приехали: два коттеджа, огромный каменный амбар, хозяйственные постройки, гектары земли? Еще одна давняя шутка заключается в том, что Маккензи владеют «правильной» половиной деревни. Сейчас Донни управляет фермой полный рабочий день. – Она пожимает плечами. – Он из разряда «нормальных парней». По крайней мере, если считать тех, кто состоит в клубе «под тридцать». Разведен. Двое детей, которые проводят с ним половину времени. Знаете, если вы мечтаете стать женой фермера…

Келли говорит так быстро, что за ее речью трудно уследить, но я не возражаю. Пусть даже тяжесть в моем желудке не уменьшилась, тревога, которая затаилась у меня в груди еще в Лондоне, начала отпускать.

– Если после этой лекции мне придется сдавать какой-то экзамен, я не смогу вспомнить ни имен, ни чего-либо еще.

Келли вздергивает бровь.

– Слушайте, через пару дней вы будете знать, сколько раз в неделю каждый из них ходит в туалет.

Мой смех достаточно громок, чтобы привлечь внимание одного из рыбаков, сидящих по другую сторону бара. Высокий, широкоплечий, с иссиня-черными волосами и орлиным носом, он смотрит на меня странным долгим взглядом прищуренных глаз.

– Джимми Стратерс, – поясняет Келли. – С виду он настоящий злобный шотландец, но в целом нормальный чел. Пожалуй, слишком любит виски, но кто не любит?.. Вообще-то, я. Чертовски противный напиток. Джимми живет рядом с Айлой, занимается ловлей креветок в Шелтерид-бэй.

Стратерс продолжает смотреть на меня, и я поворачиваюсь на своем табурете лицом к залу.

– Последние, обещаю, – продолжает Келли. – Видите угрюмого парня в клетчатой рубашке у пианино?

Я прослеживаю ее взгляд. Высокий и темноволосый, он выглядит немного старше Джаза, может быть, около сорока лет, но выражение

лица у него как у подростка: воинственное и озлобленное.

– Это Алек Макдональд. У него с моим отцом давние терки. Не спрашивайте меня, что к чему. Найдите в словаре словосочетание «раздражительный ублюдок», и вы получите точный портрет Алека. Женщина с пышными волосами рядом с ним – его жена, Фиона. Я полагаю, она, должно быть, одна из тех женщин, которые получают удовольствие от того, что несчастны, – не может быть другой причины, по которой она решила бы оставаться здесь с ним. – Келли говорит почти беззлобно, но щеки ее розовеют, и я вспоминаю тень, которая промелькнула на ее лице, когда она упомянула отца Фрейзера. – Их дочь, Шина, живет в квартире над поселковым магазином и почтовым отделением. Она тоже злая и несчастная. И… ой-ой-ой…

Она резко поворачивается к бару, когда мужчина лет шестидесяти, лысеющий и одетый в серый твидовый костюм, который по меньшей мере на размер мал ему, пересекает зал и направляется к нам.

– Юэн Моррисон, – шипит она мне в ухо. – Его семья раньше владела всем островом. Просто пожмите ему руку и улыбнитесь, не разговаривайте. Иначе мы застрянем здесь до самой пенсии.

– Вы, должно быть, Мэгги Андерсон, – обращается ко мне Юэн, широко улыбаясь и сверкая очень белыми зубными протезами.

– Да. – Я бросаю взгляд на Келли и молча пожимаю ему руку.

– Добро пожаловать на наш маленький остров, – продолжает Моррисон. – Надеюсь, он не покажется вам слишком скучным после блеска и шика Большого Дыма[4].

– Уверена, что нет.

– Могу я угостить вас выпивкой, девушки?

– Конечно. – Келли лучезарно улыбается. – Мы возьмем еще две…

– Принеси мне порцию «Баллантруан», – встревает другой мужчина, протискиваясь между Юэном и моим табуретом, чтобы пройти к бару. Это Алек, сердитый парень в клетчатой рубашке. – *Двойную порцию*. Похоже, теперь у нас хрен знает сколько времени не прекратятся шум и суета.

– Не волнуйся, все будет в порядке, – отвечает Брюс, прижимая стакан к рычагу розлива виски.

– У этого заведения в любом случае дела пойдут хорошо, – хмуро заявляет Алек. Оглядывается на Юэна. – А в том, что ты сдашь в

аренду все бунгало на Лонг-Страйде, я нисколько не сомневаюсь. Пока остальные вынуждены будут терпеть бульдозеры, экскаваторы и университетских придурков, шастающих здесь день и ночь. – Он с силой тычет пальцем в грудь Юэна. – Ты сказал, что сделаешь что-нибудь с этим.

– А я уже объяснил тебе, что ничего не могу с этим поделать, – отзывается тот, когда Брюс ставит виски на барную стойку. – В общем, у нас тут еще одна гостья. Мэгги Андерсон, журналистка из Лондона.

– Я просто пишу для журна…

– И нам не нужно, чтобы ты тут орал во весь голос, Алек, – вполголоса продолжает Юэн, – выставляя нас напоказ.

– Журналистка? – Алек, игнорируя Юэна, отхлебывает виски, плеща им себе на пальцы, и смотрит на меня сверху вниз сузившимися глазами. – И о чем же, черт возьми, вы здесь пишете? О раскопках?

– Нет. – Я чувствую, как горят мои щеки. – Просто историю о том, что случилось давным-давно.

– О, неужели? – комментирует Юэн. – Звучит очень интригующе. И что…

Алек наклоняется ко мне, снова отталкивая Юэна. Глаза его влажно блестят под тяжелыми веками, под мышками на рубашке проступили круги пота. Он гораздо пьянее, чем я думала.

– Погоди-ка минутку… Погоди минутку, мать твою!

Я чувствую, как Келли рядом со мной вздрагивает, но в этот момент застываю неподвижно, глядя на Алека, который смотрит на меня.

– Господи Иисусе! *Ах, господи Иисусе!* Я бы узнал эти глаза где угодно… – Его смех похож на лай. – Это *ты*.

Дело в моем левом зрачке. Он постоянно расширен после автокатастрофы, случившейся, когда мне было четыре года, и, возможно, это было бы совсем незаметно, если б мои глаза были более карими, более темными. Полагаю, именно это окончательно перечеркивает все эти «может-быть-все-будет-хорошо». Потому что я точно знаю, что сейчас произойдет. Что он собирается сказать. И тяжесть в моем животе тоже знает. Я почти чувствую облегчение.

– Алек, – говорит его жена, дергая его за руку. Вблизи видно, что лицо Фионы Макдональд, напряженное от волнения, обильно усыпано

мелкими веснушками. Она бросает на меня нервный взгляд, потом еще один. Я не могу понять, знает ли она, кто я, или нет.

– Не теребi меня, женщина. – Он отпихивает ее, допивает виски, возвращает стакан Брюсу. – Еще. – И когда снова смотрит на меня, в его взгляде все еще читаются отвращение, враждебность, узнавание, но присутствует и что-то еще. Что-то, что заставляет меня чувствовать себя еще хуже. Я думаю, это страх. Он поворачивается к остальным посетителям паба, широко раскинув руки. Люди уже переглядываются. – Вы не узнаёте ее? Никто из вас? Вы не узнаёте *малышку Мэгги*?

– О чем, черт побери, ты говоришь? – спрашивает Юэн, теперь уже скорее растерянно, чем сердито, выставив одну руку между нами, как рефери по боксу.

Улыбка у Алека ледяная.

– Эндрю Макнил. – Он склоняется ко мне настолько близко, что я чувствую кислый запах виски в его дыхании. – Ты Эндрю, мать твою, Макнил. Я прав, верно? *Верно?*

Я слышу бормотание и восклицания из зала позади нас. Громкие и становящиеся все громче. Абсолютно все теперь смотрят на меня.

– Не хочешь уйти отсюда? – шепчет Келли мне на ухо, и тут я понимаю, что сжимаю ее руку, глубоко впиваясь ногтями в ее кожу.

Когда мне удается кивнуть, она спрыгивает на пол, стаскивает меня с моего табурета и ведет к двери. Скрип петель заставляет меня вздрогнуть, яростные крики Алека гонят меня наружу, где безлюдная темнота так же желанна, как и ветер с материка, охлаждающий мое лицо и мою ужасно горячую кожу. Мне не следовало приезжать сюда. А теперь уже слишком поздно возвращаться.

Глава 2

– Итак, налево – к Урбосту и дамбе, через Шелтерид-бэй – Баг-Фасах[5]. Гора Бен-Донн в пятистах ярдах в ту сторону, высота более тысячи футов; можно потратить целый день на восхождение, если тебе это по душе. А вот то чудовище впереди – Бен-Уайвис. Beinn Uais по-гэльски, «Гора Ужаса». Вот на нее восходить далеко не так весело.

Келли едва успевает сделать паузу, чтобы перевести дыхание, когда мы стремительно проходим мимо старой красной телефонной будки на перекрестке на выезде из Блармора. Вечерний воздух холоден. Я слышу вдали шум волн, чувствую в воздухе запах моря и характерную тяжелую сладость торфяного дыма.

– Гленн-нам-Бокан[6], Долина Призраков. – Она светит фонариком своего телефона поверх дороги в темноту между гор, такую густую, что она кажется просто черной – плоской и непроницаемой. Дыхание Келли клубится впереди нас, как туман. – Я бы не советовала туда ходить.

Я киваю в темноте, наблюдая, как яркий свет ее фонарика отражается от асфальта, когда мы поворачиваем направо, на главную дорогу на запад. Я думаю о словах Алека: «Господи Иисусе! Это *ты*». Все эти взгляды, потрясение и ярость… Это было хуже, чем я ожидала. Нет. Это было *именно то*, чего я ожидала.

– В доме есть фонарик, – рассказывает Келли. – И если тебе придется уступать дорогу машине, обязательно отходи на обочину с этой стороны, особенно ночью. С другой стороны – сплошное болото, его видно по зарослям пушицы, «болотной ваты». О, а это старая Гробовая дорога, по которой люди относили покойников на кладбище на западе. – Она освещает фонариком старинное каменное здание, и я понимаю, что это разрушенная церковь, крыша которой обвалилась, а окна заколочены досками. – Вон те огни в сторону побережья – это домики, где остановились археологи. Они совсем крошечные, при одном взгляде на них у меня возникает чувство клаустрофобии.

Я понимаю, что в глубине острова нет ни единого огонька. Наверное, все жители острова обитают на этой узкой прибрежной полосе между горами и обрывом к морю. А впереди, за небольшой

линией домиков, – только темнота. Ни людей, ни далеких золотых квадратов. Я вздрагиваю, плотнее прижимая отвороты плаща к горлу. «Ты – Эндрю, мать твою, Макнил. *Верно?*»

– Добро пожаловать на Внешние Гебриды в феврале. – Келли смеется, ненадолго ослепляя меня светом своего фонарика, а затем поворачивает его обратно на дорогу. – Надеюсь, ты захватила термобелье. О, кстати, пока я не забыла: завтра в пабе будет праздничная вечеринка. Знаю, звучит немного банально, но обычно они проходят очень весело. Ты обязательно должна прийти. Мы можем встретиться в моей квартире и выпить водки «Ред буллс», как будто нам снова восемнадцать.

– Звучит неплохо, – лгу я. Потому что мне нужно туда пойти. Несмотря на то, что произошло несколько минут назад в пабе, я не могу забыть, зачем я здесь.

В конце концов из черноты вдоль дороги возникает длинный каменный сарай, а рядом с ним – небольшой двухэтажный коттедж, сложенный из белого камня и сияющий огнями.

– Ферма Уилла Моррисона, – поясняет Келли, и ее фонарик снова описывает широкую дугу, когда она ударяет себя ладонью в грудь. – Ферма *сексуального* Уилла Моррисона. То есть, конечно, выбор невелик, но все же… Ферма Очень Сексуального Уилла Моррисона.

Она ведет меня в сторону от дороги и по траве вдоль нее. Ветер усиливается, и я снова чувствую запах моря, вижу впереди слабую тень другого здания.

– Это место называется Ардхрейк. В переводе означает «высокий утес», но на самом деле все оно довольно надежно защищено для мыса, расположенного так далеко на западе. В основном здесь пастбища, но холодными ночами Уилл обычно загоняет овец вон в тот сарай. И… – Келли сворачивает на узкую асфальтированную дорожку. – Вот мы и на месте! Не могу дождаться, когда ты увидишь это при дневном свете. Я знаю, что на сайте есть фотографии, но они не передают всей полноты картины. Их сделал Джаз, а он далеко не Дэвид Бейли[7]. Когда мама с папой переехали на Норт-Уист, они продали землю обратно Юэну, а потом практически бросили это место на произвол судьбы. Здесь часто так поступают, но это безумие: в наши дни коттеджи для отдыха как золотой песок. – Ее фонарь замирает над большой деревянной дверью с маленьким окошком. –

Сначала они не хотели, чтобы я сюда приезжала, но, когда я предложила сделать всю работу и разместить дом на «Эйрбиэнби»[8], они в конце концов уступили.

Келли поворачивает ручку и со скрипом открывает дверь.

– Ключи лежат на кухонном столе, хотя замок немного заедает, я все собираюсь его починить. Но не волнуйся, здесь все равно никто не запирает двери. – Она переступает порог. – Добро пожаловать в Ан-Тей-ду.

Внутри – небольшая прихожая и три закрытых двери.

– Ванная комната, кладовка и… – Келли открывает левую дверь и щелкает выключателем, заливая светом большую комнату. – Все остальное.

С одной стороны комнаты располагается столовая, она же кухня, полностью обшитая сосновыми панелями, даже потолок. По каждой стене – крошечные окна с решеткой в четыре ячейки и тартановыми занавесками. Перед открытым изразцовым камином и длинной каминной полкой из плáвника стоит большой коричневый кожаный диван, заваленный твидовыми подушками от фирмы «Харрис». У противоположной стены – двуспальная кровать, а также сосновый шкаф и комод.

Я опускаю свой чемодан на пол.

– Келли, это потрясающе!

Ее щеки, и без того розовые от холода, вспыхивают еще сильнее.

– Это копия традиционного «черного дома». Вот что значит *An Taigh-dubh*. Черный дом. Блэкхауз. Пока не забыла: пароль от вай-фая на роутере. Сеть 4G еще не добралась так далеко на запад, а пропускная способность сети HebNet просто ужасна, так что не скачивай порно, иначе месяц не сможешь проверить свою почту. Мобильной связи здесь нет, стационарного телефона тоже, но есть телефонная будка в Бларморе и таксофон в пабе. – Она кивает в сторону камина. – Торфа нет, только уголь и дрова. И нет магистрального газа. Хотя стены толщиной более двух футов, так что холодно не бывает. В ванной комнате пол с подогревом. И ты не представляешь, сколько это стоило. У меня кончились деньги примерно через два месяца. Долги прямо из ушей лезут.

– А что там, внизу? – спрашиваю я, указывая на большой люк в полу в углу комнаты.

– Это земляной погреб. Что-то вроде дополнительного подвала для хранения запасов, я так понимаю. – Келли морщится. – Я была там один раз, и мне стало жутко. – Она идет на кухню, открывает холодильник. – Сбоку от дома стоят два контейнера: для общих отходов и для вторсырья. Просто выкатывай их на дорогу каждый четверг вечером и держи кулаки за то, чтобы кто-нибудь приехал их опустошить. Я оставила тебе кофе, молоко, масло, яйца, хлеб, несколько бараньих отбивных, которые продавались в магазине по акции. Я имею возможность есть их только в это время года, когда они не скачут за окном, умоляя меня дать им имена. О, и предупреждаю сразу: в воскресенье, к сожалению, жизнь на острове замирает. Ничего не будет работать, никакого общественного транспорта. Большинство людей отправятся либо в церковь в Урбосте, либо в одну из других на Льюис-и-Харрисе. А ты ходишь в церковь? Я имею в виду, это не обязательное условие, но выбор достаточно велик: Шотландская церковь, Свободная церковь, католическая…

– Я не хожу в церковь. – Вспоминаю мамины похороны. Двадцатиминутная процедура в крематории Хизер-Грин.

– Я тоже; мы можем вместе побыть грешницами. О, и я принесла тебе вот это в качестве приветствия в Блэкхаузе. – Келли достает из холодильника бутылку содовой и ставит ее на стойку, отмахивается от моей благодарности, открывает шкаф и извлекает оттуда бутылку виски. – Но это на крайний случай. – Она наконец-то делает паузу, переводит дыхание. – А то я совершенно измотана тем, что притворяюсь, будто ничего страшного там не произошло.

– Мне казалось, ты говорила, что виски – это гадость, – говорю я, чтобы потянуть время.

Келли наливает виски в два стакана и протягивает один мне.

– Так оно и есть.

Я делаю глоток, хотя терпеть не могу виски, особенно островной, который варят на торфе.

– Тебе не нужно возвращаться за Фрейзером?

– За ним присматривает Джаз. – Она усмехается. – Слушай, это самый интересный вечер за последние несколько недель. Стоит мне вернуться в паб, и я узна́ю – или, скорее, мне расскажут, – что к чему. Так что хватит тянуть время. Выкладывай.

Я молчу, и это ошибка. Я слишком часто так поступала в больнице Модсли; это придает дополнительную значимость молчанию, тому, о чем ты пытаешься не говорить.

Келли перестает улыбаться.

– Боже… Прости меня. Я часто так делаю. Мама говорит, что я любопытнее, чем журналист таблоида. Это во мне говорит гебридец: ни один вопрос не может быть слишком личным, ни один секрет не может долго оставаться тайной. Но ты не обязана мне ничего рассказывать. Я имею в виду, это просто потому, что ты не выглядишь так… ну, понимаешь… – Ее щеки краснеют сильнее. – Так, как будто ты был… была когда-то Эндрю. Черт. Это не…

– Боже, нет, это совсем не то… Я не… Ладно. – Сажусь за обеденный стол, прижимаю прохладные ладони к лицу. – Хорошо.

Келли тоже садится.

Я осушаю стакан виски. Наверное, мне вообще не следовало бы пить, но доктора Абебе здесь нет, и я решаю, что это не считается.

– Я родом из Кроя, это деревня к северо-востоку от Инвернесса. А когда мне было пять лет, я приехала сюда. На этот остров. Мама… – Мой голос умудряется не сорваться на этом слове. Прогресс. – Она привезла меня сюда.

– Почему? У вас здесь была родня?

В голове возникает внезапное и очень нежелательное воспоминание о том, как мы бежали по пляжу в Шоуберинессе, визжа от смеха, пытаясь ухватиться за нити воздушного змея – ромбовидного, радужной расцветки, – который кружился и взлетал под дикими порывами ветра. Помню, я втайне боялась, что он подхватит меня и унесет.

– Нет. – Я смотрю, как Келли снова наполняет наши стаканы; заставляю себя подождать пару вдохов, прежде чем снова поднять свой. – Я говорила, что я мужчина по имени Эндрю Макнил.

Келли хмурит брови.

Тени, камень и трава, вой ветра. Кошмар, такой знакомый, такой незабытый, – это просто еще одно воспоминание.

– Я верила, что когда-то была мужчиной по имени Эндрю Макнил. И… – Я вижу, как расширяются глаза Келли. – Что однажды… я умерла – утонула, – и когда я пришла в себя, то была Мэгги.

– Нет. Не может быть.

Я заставляю себя глотнуть виски.

– И, видимо, я так твердо верила в то, что я Эндрю, а не Мэгги, что рассказывала об этом всем и каждому. В какой-то момент в дело вмешался режиссер-документалист. Он предложил оплатить все расходы, если сможет поехать с нами, – сомневаюсь, что мама могла себе это позволить, а папа уже женился и практически забыл, что у него есть дочь, так что… Я не знаю. – Пожимаю плечами. – Мы так и поступили. Я многое упускаю, но сейчас мне кажется, что этого достаточно. Более чем достаточно.

– Но почему здесь? Почему вы сюда приехали?

– Я этого не помню, но мама сказала, что примерно в то же время я повторяла ей: «Kill Merry»[9] – снова и снова, как будто она должна была знать, о чем я говорю.

Рот Келли приоткрывается, и я чувствую, как жар поднимается по моей шее.

– Я понимаю. Довольно жутко для ребенка, верно? А потом она обнаружила, что я испугалась какой-то шотландской передачи про остров Льюис-и-Харрис по телевизору. Она посмотрела на карту, и там была деревня Килмери.

– Ого… – Келли закрывает рот. – Так вы приехали сюда – и что потом?

– Я не очень хорошо помню, что здесь было. – Я делаю паузу. Тени, камень и трава. Я рыдала так, как может рыдать только ребенок – так сильно и безудержно, что была не в состоянии дышать… – В основном короткие мгновения. Но мама сказала, что это был натуральный цирк. Она пожалела, что привезла меня. Она пожалела, что пригласила съемочную группу. Меня возили по всему острову, чтобы найти «мой» дом или место, где «я» якобы умер. Режиссер даже поручил своим сотрудникам ходить по домам, останавливать людей на улице.

Я вспоминаю ледяную улыбку Алека. «Вы не узнаёте ее? Никто из вас? Вы не узнаете *малышку Мэгги*?» Все эти бормотания и восклицания из зала бара…

– Ничего себе!

– Полагаю, к тому времени он уже был в отчаянии. Потому что они не нашли никаких записей об Эндрю с Килмери, не говоря уже об

Эндрю Макниле. Думаю, режиссер рассчитывал на то, что островные приходские записи, как известно, не заслуживают доверия, и просто на общий эффект, понимаешь? На меня. Очевидно, я была очень убедительна.

– Кто-нибудь что-нибудь нашел?

– Нет, по крайней мере, я так не думаю. Мама сказала, что местные жители приняли нас не очень радушно, и в итоге мы уехали через несколько дней. После этого мне снились кошмары. Мама говорит, что я плакала несколько недель. Она так и не простила себе, что согласилась привезти меня сюда. – Я пожимаю плечами. То, что мама не смогла простить себя, во многом определило мое детство. – Примерно через полгода, по ее словам, я перестала говорить, что я Эндрю Макнил. А через пару лет все стало так, как будто этого никогда не было. – Если не считать кошмаров…

– Хм. – Келли смотрит на меня и подливает виски в свой стакан. – Так почему ты сейчас здесь? В своих письмах ты сообщала, что работаешь в женском журнале и пишешь статью. Она об этом?

Я киваю, делаю незаметный вдох. Готовлюсь произнести тщательно подготовленную ложь, даже если при этом не могу смотреть Келли в глаза.

– Пару месяцев назад у журнала появился новый главный редактор, и он, по сути, сказал: «Если самое интересное в вас *достаточно* интересно, я позволю вам сохранить работу».

– Понятно.

Моя улыбка явно выглядит фальшивой.

– А я думаю, что это и есть самое интересное во мне.

По крайней мере, это правда.

– Ну… – Келли моргает. – А почему никто не узнал тебя по имени? Я имею в виду, я уже несколько недель говорю о том, что ты забронировала этот дом.

– Тогда я была Мэгги Маккей. Мама снова вышла замуж, когда мне было десять лет. Андерсон – это фамилия моего отчима. Мы переехали в Англию до того, как я пошла в среднюю школу. – Я не упоминаю, что брак длился меньше одного учебного года. – Я прожила в Лондоне больше половины своей жизни. У меня английский акцент. Могу поспорить, ты всем говорила, что я англичанка.

– Да, это понятно. Но почему все так разозлились? И почему, черт возьми, они до сих пор так злятся?

Я тянусь за своим стаканом, смотрю на него, а не на Келли.

– Потому что, когда я приехала сюда, я не просто сказала, что я – Эндрю – умер. Что он утонул. – Я пью, пока не заканчивается виски. – Я сказала, что его-меня убили. – Смотрю в темноту через одно из маленьких окон. – Один из них.

– Ого… – И когда наступает тишина, я понимаю, что у Келли наконец-то закончились слова.

* * *

После ухода Келли я заставляю себя съесть несколько ломтиков тоста и выпить воды. Достаю из рюкзака пузырек с таблетками, и мои пальцы медлят лишь несколько секунд, прежде чем отвинтить его крышку. Тоже прогресс. Я проглатываю таблетку, запивая ее водой, и сажусь на диван. На телефоне нет сигнала, ни одной палочки, и это радует. Я не могу позвонить Рави, даже если захочу. Опускаю взгляд на безымянный палец, рассеянно потираю почти исчезнувшую белую полоску. Я знаю, что он подумал бы – что сказал бы – обо всем этом. Я могу не видеть его и не разговаривать с ним месяцами, но все равно знаю. Я всегда слышу его, как будто он сидит рядом со мной.

«Что ты делаешь, Мэгги? А вдруг что-то случится?»

Я думаю о резких очертаниях его скул, о том, как я любила смотреть на него. Я любила даже хмурые морщины на лбу и вокруг глаз, которые появились из-за меня.

– В Сторноуэе есть терапевт, который согласился меня осмотреть и сделать все анализы, – говорю я, глядя в потолок. – Я не на Луне. Я не сама по себе.

Поскольку я боюсь, что без него что-то может случиться. Я всегда боюсь. Но после того, что случилось в больнице с мамой, и после того, что произошло в крематории Хизер-Грин, когда мамы не стало, я чувствую себя по-другому. Летучие нити того ромбовидного радужного змея действительно подхватили меня и унесли, и это оказалось страшнее, чем я могла себе представить. И я не могу позволить этому страху остаться со мной. Я не могу больше жить с

ним. Именно поэтому я здесь. Потому что из всех вещей, которые мама ненавидела – а она ненавидела очень длинный список вещей, – больше всего она ненавидела трусов. А Рави всегда делал так, что рядом с ним легко было быть трусихой.

Я тяну за длинную цепочку на шее, тереблю кулон из согретого теплом моего тела розового кварца. Думаю о маме, стоящей на коленях у моей кровати. «Выбери руку». И я выбрала правую – правильную, – наверное, потому что никогда не ошибалась.

Коробочка была розовой, бантик – белым. Цепочка внутри оказалась невероятно длинной; ее серебряные звенья блестели на свету, когда я тянула и тянула ее. На ее конце я нашла кулон с кварцем.

«Ты носилась с этой вещью несколько месяцев. Чудо, что ты его еще не потеряла».

«Ты говорила, что это просто уродливый камень».

Она пожала плечами и взяла мое лицо в ладони: «Это *твой* уродливый камень».

И вдруг воспоминания обрываются. Мама лежит в другой кровати. Ее улыбка исчезла. Свет исчез. Комната погружена в темноту, только тонкая серебристая нить протянулась по полу между нами. Я слышу царапающие постукивания и тихое свистящее дыхание, слишком близко. Из темноты внезапно выплывает мужское лицо, улыбка кривая, губы скрыты под усами – как у Дика Строубриджа. Он касается меня холодными мясистыми ладонями, и я вздрагиваю, когда мама вскидывается на кровати, чтобы обнять меня за шею иссохшими руками. Чувствую, как ее сердце бьется в такт моему собственному. Черный провал раскрытого рта, черные бусины глаз. «Не верь никому. Они все лгут. Ты знаешь, что это правда. Ты знаешь. Прошу тебя, Мэгги. Пожалуйста». А потом эта ужасная безмятежная улыбка, которую я всегда ненавидела больше – гораздо больше, – чем ее боль.

Позади меня люди. Дышат, ждут. Наблюдают. Предвкушение ужаса, звучащее в тихом нарастающем шепоте, от которого мороз пробегает по коже и волосы встают дыбом.

А потом я оказываюсь на открытом воздухе, в другом месте, в другом времени. Серебристый «Лексус» появляется из ниоткуда, вырывает мою ладонь из маминой руки, подбрасывает меня в воздух. Серебристая решетка радиатора. Ветровое стекло и лицо, рот открыт в форме идеально круглой буквы «О». Скалистая поверхность утеса и

клочья травы на ней, ветер ревет, как море. А потом я падаю, словно камень, словно ромбовидный воздушный змей без ветра.

И я вижу ЭТО. Сидящее на корточках на усеянной стеклом дороге, рядом с маминой кроватью. Рядом с маминым гробом. Лысое и ухмыляющееся, с большими, плотно посаженными зубами. Когти стучат по земле, оставляя черные раны на асфальте.

«Мэгги, заставь это уйти!»

Я резко просыпаюсь и чуть не падаю с дивана. Когда разжимаю кулак, кулон оставляет вмятины на моей коже. Я заталкиваю его обратно под ворот джемпера, делаю долгий, глубокий вдох, массирую ноющую голову. «Я в порядке». Мне нужно помедитировать. Или сделать одно из дыхательных упражнений доктора Абебе. Вместо этого я встаю и беру с обеденного стола виски. Глотаю прямо из бутылки, ожидая, пока сердцебиение снова нормализуется. Смотрю на часы на каминной полке: мультяшная морда рыжей хайлендской коровы. Пять минут пополуночи. *С днем рожденья меня*.

Слышу звук снаружи, слишком громкий в этой тишине. Почти желанная возможность отвлечься, но потом я оказываюсь рядом с входной дверью и выглядываю через ее маленькое квадратное окошко наружу. Не вижу ничего, кроме силуэта своей головы, обрамленной встрепанными волосами. Я вздрагиваю, когда дверь дребезжит от внезапного порыва ветра, и это раздражает меня настолько, что я нахожу в себе мужество открыть ее.

Хотя я знаю, что здесь нет уличных фонарей, чернота снаружи настолько непроглядна, что это все равно потрясает. Нет ни луны, ни звезд. Я представляю себе каменную дорожку и склоненную под ветром траву прямо впереди, одноколейную дорогу и топкое болото за ней. Громада Горы Ужаса, мрачная тень Долины Призраков. Возможно, именно детскость названий в стиле «кто боится буки» – или скорее то, что я действительно боюсь – заставляет меня выйти из домика, не возвращаясь ни за телефоном, ни за фонариком Келли.

Ветер завывает вокруг меня, когда я останавливаюсь на тропинке. Поворачиваюсь к теплым огням фермы на другой стороне мыса, и что-то резко смещается у меня под ногой, заставляя меня потерять равновесие. Пошатываясь, я ударяюсь спиной об открытую дверь и хватаюсь за ее край. Переведя дыхание, смотрю на землю, но свет из прихожей недостаточно ярок, чтобы разглядеть что-либо, кроме теней.

Я возвращаюсь за фонариком, потому что не могу просто закрыть дверь и оставить на тропе то, что там лежит. Я никогда не могу оставить что-либо как есть. Я всегда буду знать, что оно еще здесь.

Фонарик яркий. Он освещает то, на что я наступила, пугающе резко вырисовывая это на фоне каменной дорожки.

– Господи!

Это две мертвые птицы. Большие мертвые птицы. Воро́ны. Я осторожно подхожу ближе и нагибаюсь над ними. Они не похожи на тех мертвых птиц, которых можно увидеть на обочине дороги. Их крылья расправлены, головы повернуты в одну сторону, лапы скрючены так, что когти почти соприкасаются. Хвостовые перья черные, а все остальное грязно-серое, не считая голых перьевых стержней на крыльях, расходящихся веером, как крошечные ребра. Клювы изогнутые и острые, глазницы глубокие, овальные и пустые. Я не понимаю, как они могли оказаться здесь, если мы с Келли только нынче вечером добрались до Блэкхауза, а ушла она спустя час с лишним. Ведь эти птицы от клюва до хвоста занимают почти всю ширину тропинки.

«У тебя бывают плохие предчувствия, Мэгги?»

Я кладу на порог дома фонарь, возвращаюсь на кухню, достаю из-под раковины мусорный пакет и надеваю резиновые перчатки. Стараюсь не смотреть на птиц, когда беру их в руки, но чувствую хрупкую плотность их крыльев, прохладную мягкость их брюшек, когда запихиваю их в пакет. Это, наверное, сделало какое-то животное. Может быть, собака. Или, скорее всего, кошка. Большая. В Лондоне я однажды видела, как бенгальский кот моего соседа расправился с голубем.

Я встаю, вглядываюсь сквозь завывающую темноту в маленькие квадратные огоньки на востоке, а затем отступаю по тропинке к дверному проему. Захожу в прихожую и бросаю пакет на пол. Вспоминаю, как проснулась после этого кошмара с тенями, камнями и травой, ревом ветра. Мама убирала влажные волосы с моего лба, по ее щекам текли слезы. «Такие люди, как мы, Мэгги, должны прислушиваться к своим плохим предчувствиям. И мне очень жаль, что я этого не сделала».

А потом другое, более давнее воспоминание – острое, всегда такое острое, на фоне чего-то смутного, белого и забытого. Сжатые

кулаки, хрип в горле, горячие слезы, жесткая пульсация в ногах, как будто я долго-долго простояла на месте.

«Я Эндрю Макнил. Я Эндрю Макнил. Я Эндрю Макнил!»

Мама опускается передо мной на колени, держит меня за руки, смотрит на меня с тем же светом в глазах, с той же безмятежной улыбкой.

«Да, это так».

И я-тогдашняя впервые – хотя отнюдь не в последний раз – пугаюсь этого света, этой улыбки. Пугаюсь настолько, что меня пробирает дрожь, переходящая к ней.

Я освещаю фонариком пустую тропинку, то место, где лежали птицы, раскинув крылья и соприкасаясь гладкими головками. Как стрела, направленная прямо на дом. «Мне так жаль, что я привезла тебя туда, малышка. Мне очень, очень жаль…»

Я выключаю фонарик.

– Я здесь не из-за тебя, мама, – говорю в темноту. Но мне хочется крикнуть это громко-громко. – Я здесь *из-за себя*.

Вглядываюсь в ночь. Чувствую запах моря в ветре.

Я здесь, чтобы доказать, что двадцать пять лет назад на этом острове был убит человек по имени Эндрю Макнил.

Поднимаю пакет. Закрываю дверь. И запираю ее.

Глава 3

Я просыпаюсь от солнечного света, проникающего сквозь щель в шторах. Сейчас без четверти двенадцать и зверски холодно. Я встаю с кровати, надеваю термобелье под джинсы и худи и раздвигаю шторы, а затем направляюсь в кухонный уголок, чтобы сварить себе очень крепкий кофе. Солнечный свет преобразил большую комнату, окрасив ее стены из лакированной сосны в ярко-золотистый цвет.

После кофе я чувствую себя лучше. Надеваю желтый непромокаемый плащ и ботинки. Мне хочется спрятаться в доме навсегда, но я знаю, что не могу этого сделать. Открываю шкаф под раковиной, смотрю вниз на черный пакет. Внезапная уверенность в том, что он пуст, привычна и в то же время пугающа – гораздо более пугающа, чем найденные на тропинке странные мертвые птицы, которых там не было менее чем за час до того. «Не позволяйте панике и тревоге овладеть вами, – думаю я голосом доктора Абебе. – Первый шаг к тому, чтобы доверять себе, – это никогда не бояться». И именно это позволяет мне взять в руки пакет и приоткрыть его. Я заглядываю в него только для того, чтобы увидеть коричневые ребра крыльев и черные подбрюшья. Мое облегчение кажется слишком большим, слишком неподъемным. Оно напоминает мне о том, что все мое доверие к себе – а оно у меня никогда не было сильным – исчезло.

Открыв входную дверь, я решительно прижимаю к себе пакет. Дорожка пуста. Я не закрываю за собой дверь хотя бы потому, что хочу закрыть ее. Возле дома стоят мусорные баки; я откидываю крышку одного из них и с невольным содроганием бросаю туда пакет. Из травы за мной наблюдают две черномордые овцы в грязных лохматых серых шубах.

Я слышу вдали, за дорогой на западе, перекличку громких голосов, отдаленный гул и скрип машин. Наверное, археологи ведут раскопки. Когда начинается дождь, овцы задирают хвосты и бегут за дом. Я натягиваю капюшон и иду за ними.

Я еще не готова к настоящей компании.

Ветер ударяет меня, словно молотом. Я слышу море; Блэкхауз находится гораздо ближе к нему, чем я предполагала, – между домом и краем мыса не более сорока ярдов. Я начинаю двигаться, еще не

понимая куда, и замедляю шаг только тогда, когда дохожу до конца узкой дорожки, а путь становится все более крутым. Ветер и стадо смотрящих в разные стороны овец успешно мешают мне подойти к краю обрыва, но вид все равно открывается потрясающий. Во все стороны до горизонта простирается Атлантический океан, серый, бескрайний и плоский, если не считать крошечного островка на северо-востоке. Я вообще не вижу ни одного из крупных островов; такое впечатление, что Килмери совершенно одинок в этом мире. За тропинкой – поросшая травой раскисшая земля, которая быстро раскисает еще сильнее, и когда я прохожу мимо фермы, то не вижу ни одного живого существа, помимо овец, укрывающихся под навесом возле сарая. Наверное, мне следует познакомиться с Очень Сексуальным Уиллом, о котором говорила Келли, но после минутного колебания я продолжаю путь.

Туман, надвигающийся с моря по мере усиления дождя, оседает мутными завихрениями, которые вскоре полностью закрывают мне обзор.

Когда тропинка поворачивает, я осторожно следую по ней до тех пор, пока из мглы неожиданно не выступают два резких темных силуэта. Я сглатываю, немного потрясенная тем, как легко потеряла направление. Запах моря стал намного сильнее, ветер изменил силу и звук, его вой громко и настойчиво раздается где-то внизу, и я задаюсь вопросом, насколько близко нахожусь к кромке.

По мере приближения силуэты становятся все выше, и когда я наконец добираюсь до них, то вижу, что это каменные плиты, расположенные на некотором расстоянии одна от другой и прямоугольные, как надгробия. За ними виднеется крутой край утеса, а за ним – далекое скопление огней, должно быть, Блармор. Между двумя мысами – только завывающий ветер и туманное пространство, и у меня складывается впечатление, будто обрыв ужасно крут; это отбивает всякое желание подходить ближе.

Я откидываю мокрые волосы с лица и склоняюсь перед первым камнем, выветренным по краям, но украшенным затейливыми завитками и спиралями, с надписью «ПО ЛОРНУ». А под ним: 9 апреля 1994 года. Соседний камень выше, строже, из твердого гранита, а не из мягкого песчаника. В центре его высечена глубокая и четкая надпись «РЫБАК».

Я оглядываюсь на море – туда, где оно было до появления тумана, – и тут же вижу себя, стоящую на краю обрыва, в черном платье с белыми точками и полосатых гольфах, поверх которых надеты резиновые сапожки цвета хаки. Моя маленькая рука вытянута в сторону скрытого в тумане моря, палец указывает: «Там!» Мое сердце сбивается с ритма, в основном от облегчения. Впервые это воспоминание вернулось ко мне в психиатрическом отделении интенсивной терапии клиники Модсли, когда начали снижать дозу лекарств. Тогда это была привязка – маяк в темноте. Но здесь это реальность. Реальное воспоминание об этом месте. Возможно, не об этом утесе. Но точно об этом месте. Я издаю недостойный визг, когда что-то вдруг выскакивает из тумана и с восторженным тявканьем начинает носиться вокруг меня.

– Не обращайте внимания на Бонни. Она слишком стара, чтобы долго так бегать.

Бонни – черно-белая колли. И, конечно же, еще до того как ее спутник появляется в поле моего зрения, она садится на задние лапы, наклоняет голову и смотрит на меня, стоящую на одном колене в грязи, с кулаком, все еще прижатым к груди.

– Вам помочь?

Я качаю головой, пытаясь подняться, ботинки скользят по раскисшей земле. Он улыбается, обнажая кривые зубы; седые бакенбарды у него такие же густые, как волосы, торчащие из-под широкополой твидовой кепки, лицо румяное и сильно обветренное. Я узна́ю его – как там сказала в баре Келли? «Он ведет себя так, словно ему лет сто пятьдесят. Имеет свое мнение обо всем и обо всех». При ближайшем рассмотрении я понимаю, что ему, скорее всего, около шестидесяти.

– Чарли Маклауд, – представляется он, протягивая руку, которая, когда я ее пожимаю, оказывается непостижимо теплой. Как и у Келли, акцент у него мягкий и певучий, скорее ирландский, чем материковый шотландский.

– Мэгги Андерсон.

– Ага. – Он кивает.

Наступившее молчание становится неловким, и я потуже затягиваю шнурок на капюшоне.

– Я просто осматривала эти камни.

– Ага. – Он тоже неловко замолкает, а потом проводит толстым корявым пальцем по своему носу. – У нас в этих краях ставят памятники практически по всему.

– А по кому они? – спрашиваю я, потому что чувствую, как наступает очередная неловкая пауза.

Чарли кивает на плиту с надписью: «РЫБАК».

– Большинство из нас всю жизнь рыбачили на этом побережье. Я ловил рыбу на отцовском судне, а потом и на своем, пока лицензии и квоты не вытеснили нас и не дали дорогу крупным корпорациям. Раньше вокруг этих островов было столько сельди, скумбрии, лосося, трески, пикши и хека, что и представить себе нельзя было, что кто-то сможет выловить всё. – Он качает головой, и дождевая вода стекает с его фуражки. – За годы море забрало многих островитян. И редко их возвращало. Этот камень говорит о том, что мы их помним.

Он смотрит на завесу тумана. Водит пальцем взад-вперед по своему носу так долго, что я думаю, не завершен ли наш разговор.

– Маленький камень – по малышу Лорну. Он утонул здесь в восемь лет.

– Боже! – Я опускаю взгляд на обтесанные ветром завитки и спирали. – Это ужасно.

– Ну да. – Чарли откашливается. – Иногда ужас – это часть жизни.

Бонни тихонько поскуливает, и Чарли наклоняется и чешет ей уши.

– Ты уже спускалась на Трай-Шарак, Мэгги?

– Куда?

Маклауд выпрямляется и указывает вниз, на то невидимое пространство, где ветер все еще воет и свистит между Лонгнессом и этим мысом.

– Лонг-Страйд-бич, Пляж Длинных Шагов. Я провожу тебя вниз, если хочешь.

Я пытаюсь удержать капюшон, когда ветер снова меняет направление и толкает меня в бок.

– Не думаю…

– А, пустяки, – усмехается Чарли. – Никто не говорил тебе, что, если кому-то не нравится погода на Внешних Гебридах, пусть даст ей минуту? – Он поворачивается и направляется обратно в туман. – Время и прилив не ждут никого. А этой собаке никогда не попадался камень,

будь то памятник или нет, на который она не хотела бы помочиться, если б ей представилась такая возможность. Бонни, идем.

* * *

Чарли прав. К тому времени, когда мы огибаем Ардхрейк и спускаемся по тропинке к поросшим травой скалистым выступам, дождь прекращается, а туман рассеивается. Даже ветер стихает. Чарли на удивление бодр; они с Бонни взбираются на вершину скалы и ждут, пока я их догоню. Он протягивает руку и легко тащит меня за собой.

Пляж под нами безлюден. Неожиданный райский уголок с белым песком и бирюзовым морем под огромной голубой чашей неба и низкими облачками. Нет ни малейших признаков ливня, через который мы только что пробились. Солнце выглядывает, когда мы спускаемся по траве, а затем по дюнам, таким зыбким, что местами я проваливаюсь почти до колен.

Бонни мчится с радостным воодушевлением, оставляя следы на нетронутом песке.

– Конечно, летом здесь немного оживленнее, – замечает Чарли без тени иронии. – При желании через несколько недель здесь можно будет купаться. Гольфстрим не дает Атлантике остыть вблизи этого побережья даже зимой. – Он кивает в сторону небольшого острова, который я видела с мыса. – А Эйлан-Бик препятствует большинству течений и приливов.

– Здесь очень красиво.

– Ага. – Чарли садится на песок и смотрит на Бонни, которая бежит навстречу белопенной волне, а потом пугается и мчится обратно на сушу. – Глупая с’бака.

Он шарит по карманам своей ветровки, достает стальную фляжку и делает длинный глоток. Когда я усаживаюсь рядом с ним, Маклауд колеблется, прежде чем передать фляжку мне. Несмотря на проявленный ко мне интерес, в нем есть холодность, отстраненность, вроде бы не враждебная, но все же заметная. Как будто мы с ним разные биологические виды, и пропасть между нами слишком велика, чтобы даже пытаться ее преодолеть.

– Морской ром. Я всегда был в первую очередь рыбаком, а во вторую – шотландцем.

На вкус ром немногим лучше виски Келли. Возможно, он ослабит похмелье, с которым я проснулась.

– Эйлан-Бик, – произношу я, глядя на маленький остров. – Что это значит?

Чарли забирает у меня фляжку и завинчивает ее.

– Eilean – это «остров». Beag – «маленький».

– А гэльское название Килмери – Килл Мер…

– Кил-Мэри.

– Что это значит? – Я прекрасно понимаю – и, несомненно, Чарли тоже, – что попытка завязать хорошее знакомство хотя бы с одним из местных жителей выглядит крайне неуклюже. Но для меня настойчивость часто заключается в том, что я начинаю идти по какому-то пути и понимаю, что сворачивать с него будет только хуже.

– «Остров, где церковь Святой Марии». – Он кивает в сторону длинного, узкого мыса, виднеющегося далеко на западе и все еще окутанного темными облаками. – На острове Роэнесс есть развалины средневековой церкви тринадцатого века. Конечно, это слово происходит из древнескандинавского наречия. Большинство географических названий здесь такие. Почти в каждом Маклауде, Макниле, Макдональде, Маккензи или Моррисоне, родившемся на этих островах, течет скандинавская кровь.

Я слегка вздрагиваю при упоминании фамилии «Макнил», но заставляю себя сделать паузу, чтобы не показаться слишком настойчивой.

– Значит, вы всегда жили здесь? На Килмери?

– Ага. – Он бросает на меня взгляд с сильным прищуром, а затем отворачивается.

Я улыбаюсь, досадуя, что он не клюнул на наживку, и не зная, как направить разговор в нужное мне русло.

– Итак, – начинает Чарли, наблюдая за Бонни, которая теперь сидит на песке, высунув язык и с тоской глядя на волны, – эта история, которую ты собралась писать… Зачем ты ее пишешь?

И хотя это именно то, чего я хотела, я вдруг начинаю нервничать. Потому что я плохая лгунья. Я говорю раньше, чем думаю. И я как-то

не предполагала, что это будет так трудно. Не просто сказать ложь, а запомнить ее, поверить в нее.

– Мое начальство любит *личные* истории, – отвечаю я. – Как у того американского писателя, который понял, что его бабушка всю жизнь кормила его семью ядом, или у нейробиолога, который изучил снимки мозга психопатов и обнаружил, что он тоже один из них.

У меня больше нет работы. Я уволилась из журнала в тот день, когда покинула больницу Модсли и заказала билет в Глазго. Я потеряла маму. Своего жениха. Себя. Потеря работы на этом фоне почти не ощущалась. Моя выдумка – это не просто ложь, это средство достижения цели. Способ поговорить с людьми, которые были здесь много лет назад. Чтобы они поговорили со мной. Чтобы узнать правду. Об Эндрю Макниле. Обо мне. И я все еще могу что-нибудь написать; возможно, это единственная часть меня, которую мне удалось сохранить.

Я рискую исподтишка взглянуть на Чарли.

– Но я думаю, что он будет очень разочарован. Я вообще не уверена, что стану что-то писать.

– Почему?

– Здесь нечего выяснять, верно? Я проделала массу исследований, прежде чем приехать сюда, и все результаты совпали с тем, что нашел режиссер в девяносто девятом году – или не нашел. Эндрю Макнил – довольно распространенное имя на Гебридских островах. Но на Килмери никогда не был зарегистрирован ни один Эндрю Макнил: ни его рождение, ни брак, ни смерть. Ни один Эндрю Макнил не регистрировал здесь ни участок, ни торфоразработки, ни рыбацкое судно.

Чарли не отвечает. Он набирает в кулак горсть белого песка и пропускает его сквозь пальцы.

– И даже если я смогу написать свою историю о том, как приезжала сюда ребенком, вряд ли кто-то поможет мне заполнить пробелы, правда? – Снова смотрю на него. – Я имею в виду, вы ведь были в баре вчера вечером.

– Ну-у… – Чарли коротко вздыхает. – Люди болтают всякое, вот и всё. И, в общем-то, ничего нового в этом нет.

– Я не собираюсь писать ничего ужасного, Чарли. Если вы думаете именно так – если все так думают, – то я действительно не

собираюсь этого делать. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь поговорил со мной.

Он вытягивает ноги, морщась.

– Знаешь, это место прекрасно только потому, что на его долю выпали века невзгод. Оно безлюдное и дикое только потому, что богачи, владевшие людьми так же, как и землей, поняли, что станут еще богаче, если заменят арендаторов овцами. И потому, что крутые материковые рыболовные хозяйства вымели из моря всё, кроме моллюсков, заставив уехать и тех, кто рыбачил здесь поколениями. Господи, даже туристы просто считают, что им нужно идеальное уединение, а потом, когда получают его, чаще всего жалуются. Я считаю, что через день эти новые археологи начнут ныть по поводу отсутствия вай-фая в домиках и цен на дизельное топливо на острове. – Он одаривает меня еще одной полуулыбкой. – Люди приезжают сюда, чтобы брать, Мэгги. Редко кто отдает. Так было всегда.

– Я здесь не для того, чтобы брать, – возражаю я. И это звучит удивительно искренне, учитывая, что это самая страшная ложь из всех, что я произнесла до сих пор.

Чарли устремляет на меня взгляд, долгий взгляд. Затем вздыхает и очень торжественно кивает.

– Малыш Лорн был сыном Алека и Фионы Макдональд.

– Боже… – Я вспоминаю бледное веснушчатое лицо Фионы, узкие и полные ярости глаза Алека.

– Алек – сволочь. Он всегда был сволочью – буровик, больше половины жизни проводит в море на нефтяных месторождениях компании «Бритиш петролеум» к западу от Шетландских островов, – но после смерти Лорна стал сволочью с оправданием. У него тёрки не с тобой. Практически со всеми.

– Значит, люди могут со мной поговорить?

Прибой усиливается. Чарли смотрит на горизонт как раз в тот момент, когда большая зеленая волна разбивается о береговую линию.

– Ты когда-нибудь видела корабль-призрак?

– Что?

– Они знамениты на этом побережье. Люди видят их постоянно. Потерянные рыболовные траулеры, омароловные суда, яхты… Старые пароходы, ходившие в Канаду…

Я смотрю на плоский горизонт, словно ожидая, что один из них вот-вот появится в поле зрения.

Чарли делает паузу, смотрит вниз на свои мозолистые ладони.

– С тридцати до сорока лет всякий раз, когда я шел на запад от деревни в сумерках или на рассвете, мне казалось, будто я вижу похоронную процессию, которая идет по Гробовой дороге рядом со мной и несет черный гроб. Всегда видел ее только краем глаза; стоило мне взглянуть прямо, и она исчезала. Иногда мне казалось, что я слышу их голоса, как шум ветра вокруг кайрна на вершине Бен-Уайвиса. Я настолько поверил в это, что совсем перестал ходить на запад. Решил, будто это означает, что когда-нибудь я не смогу вернуться на причал в Шелтерид-бэй; что когда-нибудь я стану еще одним мертвым рыбаком, еще одним именем на камне, под которым нет тела. – Он делает паузу, откашливается. – Почему-то я всегда знал, что этот черный гроб пуст.

Я слегка вздрагиваю и вспоминаю тот шум возле Блэкхауза прошлой ночью. То, какими странными выглядели эти мертвые птицы. Какими странными они казались.

– Ты знаешь, что такое *тонкое место*? – спрашивает Чарли.

– Нет.

– Это древнескандинавское и кельтское понятие. Языческое, а затем христианское. *Тонкое место* – это место, где, как говорят, расстояние между этим миром и другими мирами самое короткое, стены самые тонкие. – Он делает паузу, почесывая белую щетину на подбородке. – Кто-то сказал мне давным-давно, что *тонкое место* – это то, где расположенное *по эту сторону* встречается с находящимся *по ту сторону*. Где порядок встречается с хаосом. Некоторые считают, что *тонкие места* – это места, где можно узнать, сделать, увидеть то, что невозможно нигде больше.

– Призраки?

– *Бокан*. – Маклауд пожимает плечами. – Да.

И я думаю не столько о процессии на Гробовой дороге, сколько о маминых костлявых пальцах, сжимающих мою руку, о ее неизменном яростно-уверенном «я знаю, что ты можешь видеть тьму».

– Остров Килмери – *тонкое место*?

– Считается, что да.

Что, как я отмечаю, на самом деле нельзя назвать однозначным «да», несмотря на его истории о корабле-призраке и Гробовой дороге.

Мы оба смотрим на песок, море, небо, слушаем тишину, стоящую за шумом ветра и волн.

– Мама бы в это поверила, – наконец произношу я.

– Я помню твою маму, – кивает Чарли. – Она была хорошей женщиной.

Даже во время этого странного разговора я едва не начинаю смеяться над его словами. Как бы мама отнеслась к тому, что ее назвали хорошей женщиной?

– Вы с ней разговаривали?

– Разговаривал с вами обеими. Ты была похожа на непоседливый ураган. Маленькая кроха с черными кудряшками и ножками-палочками, которая не могла усидеть на месте больше минуты.

– Она недавно умерла, – выдавливаю я, наконец-то поддавшись желанию выговориться. – Рак кишечника.

И тут предо мной снова предстает усатый доктор Леннон, сжимающий мои руки между своими прохладными мясистыми ладонями, пока мама сидит, сгорбившись в кресле, и не желает смотреть ни на кого из нас. «Болезнь распространилась на легкие и мозг. Без лечения речь идет о нескольких месяцах, а может быть, и неделях».

– Ах, вот как… – Чарли закрывает глаза и качает головой. – Мне жаль это слышать, девочка.

Я киваю. Разжимаю кулаки. Выпрямляю позвоночник и плечи.

– Я действительно даю слово, что приехала сюда не для того, чтобы создавать проблемы, Чарли. – И хотя это не совсем ложь, но и не совсем правда. Я *буду* создавать проблемы. Если придется.

Когда Маклауд открывает глаза и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, он делает это целеустремленно, как будто пришел к какому-то личному решению.

– Когда ты приехала сюда вместе с матерью, мы поступили с тобой нечестно. Ты была совсем маленькой и не заслуживала этого. И правильнее будет сказать тебе, в чем дело.

Мое сердце учащает бег; оно колотится так сильно, что это причиняет боль.

– Я знаю, в чем дело. Я рассказывала всем и каждому, что меня когда-то звали Эндрю Макнил и что кто-то на этом острове убил меня.

Чарли отводит взгляд в сторону и качает головой, и тогда в животе у меня начинает ворочаться что-то холодное, дрожащий темный ком беспокойства. Когда старик снова достает свою флягу и протягивает мне, я принимаю ее без возражений, пью и передаю обратно. Он делает куда более длинный глоток, чем раньше, после чего долго и шумно втягивает воздух и снова смотрит на меня.

– Мы солгали тебе. Вот в чем дело. Двадцать пять лет назад здесь действительно погиб человек. Он утонул. – Чарли смотрит поверх моего плеча на скалы. – Его звали Эндрю.

Глава 4

Конец сентября 1993 года
Роберт

«Все мы в чем-то виноваты», – всегда говорил мой отец. Но самый большой грех – это страх. И то, что мы никогда не смотрим ему в лицо. Разумеется, это был не его грех. Только мой. Этим утром солнце стоит высоко. Оно зажигает серебристо-белые искры на редких брызгах над волнами. С этой высоты океан кажется бесконечным, как небо. Голубой и спокойный. Но приближаются бури. Я угадываю их по брызгам, сдуваемым с гребней волн, и по белым гребням, катящимся к горизонту. По медленному, неуклонному исчезновению дневного света с небес, с каждым днем все более раннему. И ощущаю их в воздухе и на своей коже. Трепет. Дрожь давнего страха.

Сегодня на горизонте нет ни одной лодки, но я вижу «Единство», разукрашенное красными и белыми полосами, – оно возвращается на стоянку в Баг-Фасах. Кейлум тоже видит его и мчится вдоль береговой линии, вздымая воду, ветер подхватывает и уносит вдаль его заливистый смех. И что-то в моей груди сжимается от надежды.

Когда-то, много лет назад, я вот так же стоял на мысу и смотрел на тот же океан. Я был одинок, испуган и полон отчаяния. Но уже тогда поклялся, что вернусь снова. Я вернусь, несмотря на штормы. Несмотря на страх. Несмотря на отчаяние. У меня была надежда. Потому что я каким-то образом знал, что однажды все будет по-другому. Однажды я перестану бояться. Я вернусь. И все будет хорошо.

И вот я здесь.

В дни, когда я не уверен в себе, – когда задаюсь вопросом, зачем я вообще вернулся на острова, – прохожу по этому мысу до самых границ моей собственной арендованной земли и вспоминаю, как оно было в Абердине. Это мрачное здание без окон, полное шума и крови. Столешницы из нержавеющей стали и вонь рыбьих кишок, которую я никогда не мог смыть с себя, как ни старался. Чувство тяжести в груди (то удушье, которое я испытываю, глядя на океан, – это далеко не то же самое). И это не сравнится с тем чувством, которое я испытываю, когда иду по Ардхрейку, когда смотрю на землю, на свое стадо неподалеку

или на пастбище за его пределами, на их черные гебридские шубы, выбеленные солнцем.

«Ни один мой сын никогда не станет фермером».

И возможно, это правда, потому что я не чувствую себя таковым. До сезона спаривания овец осталось меньше месяца, а я уже уверен, что все пройдет плохо, что я найду способ все испортить. Лето было влажным, а урожай ячменя и овса слишком мал – ни то ни другое не даст достаточно корма, чтобы продержаться до зимы. Слишком часто, когда собираю стадо, чтобы перевести его на другое пастбище, я смотрю на море. Слежу за высокими мачтовыми огнями рыболовных траулеров, выходящих из Сторноуэя и Порт-Ниша в розовых лучах рассвета, за силуэтами их радаров, мачт и надстроек на горизонте. Прислушиваюсь к скрежету и гудкам суденышек поменьше и поближе – из Баг-Фасах, А'Харнаха и Миавайга. Низкий гул их дизелей, высокие нетерпеливые крики чаек. Это звуки моей памяти, моего детства. Как и голос моего отца, низкий, тягучий и всегда сердитый.

– Папа! Папочка! Мамочка говорит, поторопись!

Щеки Кейлума пылают, когда он взбирается на утес. Он всегда был больше похож на Мэри, чем на меня, – светлокожий, маленький, с широкой и открытой улыбкой. Интересно, улыбался ли я когда-нибудь так же?

Мэри уже устроила пикник на пляже. Трай-Шарак лучше защищен от ветра, чем Трай-Вор на западе, но чаще всего узкие ветровые воронки закручивают песок в «вихри дьявола». Сегодня же все спокойно. Настолько, что, спускаясь на дюны, я чувствую, как внутри меня поселяется спокойствие. Давит на стены моего беспокойства.

– Садитесь, вы оба, – улыбается Мэри. – Я думала, мне придется съесть все это самой.

Она приготовила бутерброды и пироги, собрала пластиковые тарелки и стаканы. Она берет пиво из сумки-холодильника и передает его мне. Ее волосы распущены и развеваются, так как она знает, что мне это нравится. Мэри приложила гораздо больше усилий, чем я, и чувство вины заставляет меня улыбаться еще шире, когда я беру пиво и сажусь.

– Вы сегодня выглядите особенно великолепно, миссис Рид.

На мгновение она словно изумляется, а потом смеется, ее щеки становятся розовыми. Мэри никогда не хотела уезжать из Абердина. И никогда не хотела приезжать сюда. Она – жительница восточного побережья, говорит на шотландском, английском, немного на дорийском, но ни слова не знает по-гэльски.

А еще Мэри городская жительница. Иногда она говорит мне, что я привез ее на самый край света. И все же приехала без всяких сомнений.

– Кенни! Кенни! – кричит Кейлум и размахивает обеими руками вслед уходящему «Единству». Кейлум тоже не хочет быть фермером. Он хочет быть рыбаком. И от одной мысли об этом моя кровь закипает и холодеет одновременно.

«Ты взойдешь на это судно, мальчик». Темные грозовые брови и серые как море глаза. Смуглая кожа и обветренные, покрытые щетиной щеки. Я всегда видел отца во сне. Слышал его. Ощущал кислый жар его разочарования, удар его ремня или волосяного поводка от его перемета. В те ночи, когда я его не вижу, все равно просыпаюсь – в панике и со смутным чувством утраты, хотя это должно приносить только облегчение.

Но с борта судна ухмыляется и машет Кейлуму в ответ вовсе не хитрый ублюдок Кенни Кэмпбелл; он сейчас – лишь сгорбленный силуэт в рулевой рубке «Единства». Это другой шкипер судна, Чарли Маклауд. Всегда разговаривающий со всеми с легкой развязностью, с беспечной улыбкой, как будто за всю жизнь его ничто не беспокоило. А может, и не беспокоило; может, за его подмигиваниями, ухмылками и быстрым смехом вообще ничего не скрывается…

– Чарли! – кричит Кейлум. – Чарли!

Мэри тоже машет рукой.

– Иди сюда, Кейлум, – говорю я. – Сядь и съешь обед, над которым трудилась твоя мама.

– Всё в порядке, – заверяет Мэри, пока Кейлум идет назад, чтобы опуститься на песок.

«Единство» исчезает в тени мыса, и мы едим в комфортной тишине. Кейлум едва может спокойно сидеть и есть свои сэндвичи в предвкушении шоколадных яиц «Киндер-сюрприз», которые, как он знает, Мэри положила в корзину.

– Перестань вертеться, Кейлум.

Он замирает, а затем ухмыляется настолько широко, что весь пляж видит полный рот сыра и хлеба.

– Прости, папочка.

– Сегодня вечером в пабе будет еще одна встреча, – говорит Мэри.

– Ты шутишь?

– Боюсь, что нет. Фиона первым делом сказала мне об этом в магазине.

– Ради всего святого! Собрания по поводу чертовых собраний! Не то чтобы у большинства из нас не было по крайней мере дюжины других долбаных дел…

Мэри хмурит брови, бросив взгляд на Кейлума – хотя в ее глазах мелькает что-то непонятное, и я понимаю, что она думает об Абердине.

– Прости, Кейлум. Папа сказал плохое слово, которое никогда нельзя говорить. – Я бросаю взгляд на Мэри. – Опять.

– Плохой папа, – восклицает он с восторгом.

– Плохой папа, – соглашается Мэри, а потом улыбается и гладит меня по щеке прохладной тыльной стороной ладони. – Тебе нужно будет пойти туда.

– Да, я знаю.

Втыкаю свою пустую бутылку в песок. Когда мы только приехали полгода назад, я забыл об этом – о том, что все не просто в курсе чужих дел, но и активно участвуют в них. Да будет так. Я привез сюда Мэри и Кейлума, потому что они дали мне больше любви и покоя, чем я когда-либо знал. Или заслужил. И поэтому оно того сто́ит. Должно стоить.

Кейлум смеется, когда я протягиваю руку, чтобы схватить его, и вскрикивает, когда я перекидываю его через плечо и начинаю спринтерский бег к морю.

– Или… мы можем все вместе сбежать и доплыть до Канады!

Шелест песка под ногами и уколы битых ракушек неизменно напоминают мне о *мами*[10]. О долгих днях, когда она брала меня с собой кататься на весельной лодке или ловить рыбу с камней и собирать мидии; о длинных приключенческих историях, которые она потом рассказывала мне у костра за кружкой дымящегося шоколада. «Ты мой хороший мальчик. Мой маленький воин». До того дня, когда умер мой отец. До того дня, когда он ушел в море и не вернулся.

Однажды, задолго до свадьбы, мы с Мэри накачались домашним джином и завели такой разговор, который можно вести только в пьяном виде и на заре любви. «Со сколькими людьми у тебя был секс? Сколько раз ты изменял? Какой самый ужасный поступок ты совершил?» И даже пьяный, даже давно переступив порог начала любви, – потому что, когда впервые увидел Мэри, я уже был обречен полюбить ее, еще до того, как она улыбнулась той открытой, легкой улыбкой, – я знал, что никогда не смогу сказать ей правду. Только не об этом. Я не смогу рассказать Мэри о самом ужасном поступке, который я когда-либо совершил, как и о настоящей причине моего возвращения сюда. О том, почему я притащил ее и Кейлума на край света. Я даже не рассказал ей о зиме – она понятия не имеет, что такое сезон штормов на этих островах. Такой темный, дикий и бесконечный, что она с трудом сможет вспомнить, что у нас вообще бывают такие дни, как сегодняшний. И почему я с нетерпением жду этих штормов, несмотря на то, что боюсь их. Несмотря на кошмары, хотя я всегда притворяюсь, будто вижу в них что-то другое.

Потому что смотреть в лицо своему страху – не значит говорить правду. Это значит не убегать. Не работать на рыбоперерабатывающем заводе в Абердине и не притворяться фермером, когда ты родился рыбаком. Это значит вернуться туда, где все началось. Туда, где все закончилось. Или настолько близко, насколько я могу выдержать. Только в ясный день я могу увидеть мыс Ардшиадар в десяти милях к северу или длинный, указующий перст Ардс-Эйниша за ним.

Но сегодня я благодарен не только за это. Сегодня я благодарен за свет, за чистый воздух. За то чувство, которое я испытываю, когда иду по земле; за зелень травы, коричневый и золотой цвет болот, пурпур вереска и розово-лиловые цветы бересклета. За огромное открытое небо и ветер, который нигде не ощущается и не пахнет одинаково. За запахи торфяного дыма, морских водорослей и дождя. За тишину. Все это похоже на Мэри. Как Кейлум. Я никогда не принадлежал другим местам, только этому.

И вот сегодня, несмотря на все это – ложь, секреты, вину, ужас и страх, – я счастлив. Мое сердце легко. Мой разум спокоен. Я здесь. И это того сто́ит. На этот раз все будет по-другому.

Глава 5

Когда я включаю ноутбук и подключаюсь к вай-фаю, меня отвлекает по меньшей мере дюжина непрочитанных писем. Несколько неискренних поздравлений с днем рождения от знакомых – в основном от бывших коллег, для которых, сдается мне, я теперь лишь мимолетная обязанность или напоминание в календаре на их телефоне: ни с кем из них я не общалась уже несколько месяцев. Несколько pdf-файлов из клиники Модсли: «Узнайте, как управлять своим выздоровлением»; «Поймите свои предупреждающие знаки»; «Позаботьтесь о своем теле». Напоминание от похоронной компании «Гроув парк» о том, что я до сих пор не оставила отзыв на сайте «Фифо». И наконец, поздравление с днем рождения от Рави – неловкое и какое-то неодобрительное, хотя в нем почти ничего не сказано. Я думаю о его бесконечных претензиях: «Твой голос звучит как-то не так», «Ты уверена, что с тобой всё в порядке?», «Ты принимала лекарства?». Под конец он проявлял не столько обеспокоенность, сколько назойливость; этого было достаточно, чтобы довести меня почти до лихорадочного изнеможения. Я вспоминаю тот последний день на нашей кухне за несколько недель до маминой смерти. Удивление на его лице, а затем гнев.

«Ты бросаешь меня? Вот, значит, как, Мэгги?» И хотя это всегда было моим делом – успокаивать, отступать, – в тот день я этого не сделала. Потому что он не был моим врачом, а я не была его пациенткой. И мы так давно не были счастливы вместе, что даже трудно вспомнить, когда это было. Я гордилась собой, пока не осознала, что это сработало. И он ушел.

Я не отвечаю ни на одно письмо. Вместо этого сижу за обеденным столом и вспоминаю напряженный хмурый взгляд Чарли, быстрое моргание его глаз на ветру. Волнение все еще крутится внутри меня, холодное и темное. Я бросаю взгляд на дневник настроения на прикроватной тумбочке, пытаясь представить, что, черт возьми, я написала бы в нем прямо в эту минуту. «Я в порядке. Волноваться по этому поводу – естественно. Всё в порядке».

– Он называл себя Робертом Ридом, – сказал Чарли на пляже. – Когда жил здесь. Однажды вечером он сказал мне, – я уверен, что

только потому, что мы оба побывали на волосок от гибели и не были друзьями, – что десять лет назад он сменил имя. С Эндрю на Роберта.

– Эндрю – а дальше? – Я сидела и смотрела на Чарли, который старался не смотреть на меня, в то время как что-то холодное и темное снова и снова ворочалось в глубине моего желудка.

– Он никогда не говорил. Просто Эндрю.

– Когда он умер? Когда точно?

Чарли повернулся ко мне лицом.

– В середине весны. В апреле девяносто четвертого. Это было в субботу после Пасхи.

На мгновение облегчение стало почти таким же острым, как и разочарование.

– Ты сказал: «Мы солгали тебе». Кто мы? Кто знал его имя?

– Все. Сразу после его смерти я рассказал им о том, что он мне поведал.

– Так почему же никто из вас ничего не сказал? Мама говорила, что вы практически прогнали нас из города.

Чарли вздохнул и покачал головой.

– Это было тяжелое, *черное* время – когда все случилось. Никто не хотел… никто не хотел, чтобы об этом вспоминали. И мы знали, что благодаря его новому имени, благодаря имени «Роберт» этого не произойдет. – Он выдержал мой взгляд. – Даты все равно не совпадают. Ты родилась в феврале. Так, во всяком случае, нам сказал этот засранец режиссер. Верно?

Я кивнула.

– Итак, даты не совпадают. И что нам было с того, даже если б они совпали? Мы – не развлечение. Не то, на что можно указывать пальцем и смотреть свысока.

– Это не…

– Да, именно так это и было бы. Может, не для тебя или твоей мамы. Но для этого самодовольного ублюдка и всех остальных самодовольных ублюдков, которые приехали сюда со своими фургонами, камерами и вопросами, это было бы именно так.

Я оставила этот вопрос в покое. Упрек, разочарование, которое совсем не должно было ощущаться как облегчение.

– Сколько лет было Эндрю?

– Никогда не знал этого. Он был фермером, занимался разведением овец, ему было немногим больше двадцати лет – казался старше, выглядел старше, но я не думаю, что это соответствовало его подлинному возрасту. Его жена, Мэри, была милой девочкой, немного наивной, моложе его по уму. Она и их маленький сынишка, Кейлум, так смотрели на Роберта, словно солнце всходило и заходило вместе с ним.

– Откуда он был родом?

– Они приехали на остров весной девяносто третьего. Мэри с мальчиком были явными абердинцами, но акцент Роберта был чисто западным. В тот же вечер, когда он сказал, что его зовут Эндрю, он сообщил мне, что родом из Ардшиадара. – Я заметила, как кадык Чарли дважды дернулся вверх-вниз. – Это прибрежная рыбацкая деревня в Уике-на-Льюисе.

Я знаю, насколько распространено на островах имя Эндрю Макнил. И знаю, что существование человека, сменившего имя с «Эндрю» на «Роберт», вообще ничего не доказывает. Но это хотя бы какое-то начало, это уже кое-что. Я открываю браузер «Сафари», нахожу уже внесенный в закладки сайт «Люди Шотландии» и вызываю старое окно поиска свидетельства о рождении Эндрю Макнила. Заменяю первоначальный диапазон дат рождения с 1919 по 1976 годы на 1959–1974, предполагая, что возраст Эндрю мог быть где-то между двадцатью и тридцатью пятью годами. Когда я выбираю из предложенного перечня регионов Уик (Льюис), появляется только один результат.

Эндрю Макнил, родился в 1967 году, в Уике.

– Черт.

Я щелкаю по его имени, и всплывает информационное окно: «Если человек родился менее 100 лет назад, нужно заказать копию свидетельства. Обработка заявки может занять не менее 15 рабочих дней».

Тогда я начинаю искать копию свидетельства о смерти. Вводя «Роберт Рид» и «1994 год», осознаю, что ладони у меня липкие от пота. Волнение – это нормально. Хотя это более сложное чувство, нежели волнение. Несмотря на слова Чарли о том, что Роберт Рид умер в апреле, а не в феврале.

Выпадают три записи. Портри. Кинлохберви. Северный Харрис. Когда я выбираю последнюю запись, она скрывается за еще одним всплывающим окошком: «Если человек умер менее 50 лет назад, нужно заказать копию свидетельства. Обработка заявки может занять не менее 15 рабочих дней».

– Черт!

Когда я спросила Чарли, как и где утонул Эндрю, он покачал головой и встал поморщившись. Глядя на горизонт и вспоминая то черное платье в белый горошек и мой палец, указывающий в сторону моря, я увидела, что тучи сделались темными и зловещими, и усиливающийся ветер гонит их в нашу сторону. Чарли свистком подозвал Бонни, и мы быстро зашагали вдоль дюн к крутой тропе, ведущей обратно на утес.

– Чарли! – крикнула я. Мои волосы развевались вокруг лица, песок жалил кожу. – Где…

Маклауд прокричал что-то, чего я не расслышала за оглушительными завываниями ветра, и раздраженно махнул рукой в сторону потемневшего моря, бушующего позади нас. Больше он не сказал ни слова до тех пор, пока мы не достигли вершины утеса и не укрылись от ветра на тропе по другую его сторону.

– Он умер чуть больше года спустя после того, как приехал сюда, – произнес Чарли, склоняясь, чтобы погладить по голове скулящую Бонни. – Его здесь не любили. Он был… сложным человеком. У него было дурное прошлое. А некоторые люди никак не могут отделаться от дурного прошлого. Оно волочется за ними, словно тень, которой не требуется солнца. Роберт думал, что для счастья ему нужно это место, эти острова. Но они не дали ему ничего даже похожего на счастье.

Я не ответила. Не знала, что тут можно сказать.

– Послушай, – продолжил Чарли, – я поговорю с людьми, расскажу им то, что рассказал тебе. Послушаю, что они скажут. Вдруг кто-то захочет поговорить с тобой. Но есть немалый шанс, что не захотят. Я уже сказал о том, что это было тяжелое время – тогда, когда все это случилось… – Он умолк, глядя на дождь, который наконец пролился из туч – такой же резкий и сильный, как ранее, может быть, даже хуже. Когда Чарли снова повернулся ко мне, выражение его лица

было настороженным и неприязненным. – Роберт утонул во время шторма. В тот же шторм, в ту же ночь, когда погиб малыш Лорн.

– О боже…

– Я передам тебе, что они скажут, – заключил Чарли, сворачивая влево и направляясь обратно в Блармор.

– Подождите! Где он жил?

И Чарли снова отвернулся от меня и указал в сторону мыса Ардхрейк. Он молчал достаточно долго, чтобы я осознала: я жду его ответа, затаив дыхание.

– В Блэкхаузе.

И сейчас я обвожу взглядом ярко освещенную комнату, вдыхаю воздух – прохладный, спокойный, пахнущий сосной, кофе и дровяным дымом, – провожу пальцами по деревянной каминной полке, смотрю на свое отражение в широком серебристом зеркале над нею. Быть может, Роберт когда-то стоял на этом самом месте? Быть может, он когда-то смотрел в это самое зеркало? Ни одна вещь в Блэкхаузе не кажется мне знакомой, но все же мое сердце начинает биться чаще.

Я вспоминаю про люк в полу возле кухни – «земляной погреб», как сказала Келли, – и пересекаю комнату, чтобы взглянуть на него поближе. Люк, прорезанный в сосновом полу, достаточно широк, но только потянув за его стальную ручку, лежащую в углублении, я вижу маленькое отверстие для ключа рядом с нею. Заперто.

Выпрямляюсь и иду в маленькую кладовую, но она заполнена одними лишь коробками, сложенными в высокие штабеля и наглухо заклеенные скотчем. Я отдергиваю плотную клетчатую штору с единственного окна кладовой. Снаружи темно, хотя время еще раннее. Дождь льет с самого обеда, ветер бьется во входную дверь и свистит в стальном дымоходе. В сумраке виден единственный источник света – на ферме. Слабое оранжевое сияние, скорее прямоугольное, чем квадратное. Его обрамляет темный каменный силуэт здания, выделяющийся на фоне неба. Я смотрю в темноту и пытаюсь вообразить Эндрю. Как он выглядел. Как звучал его голос. *Сложный человек с дурным прошлым, которое волочилось за ним, словно тень, которой не требуется солнца*. А потом свет моргает.

Когда кто-то громко стучит во входную дверь позади меня, я отшатываюсь от окна, едва не сорвав занавеску. Несколько секунд выжидаю, чтобы восстановить дыхание и унять сердцебиение –

нелепо, да? Потом прокрадываюсь в прихожую и выглядываю в крошечное окошко, врезанное в дверь, – и только потом открываю. Меня приветствует ледяной порыв ветра и широкая улыбка Келли.

Та окидывает меня взглядом и улыбается еще шире.

– Послушай, Мэгги. Знаю, я говорила, что выбор здесь невелик, но не думаю, что фланелевая пижама подойдет даже для «Ам Блар Мор».

* * *

Квартира у Келли крошечная. В основном гостиная, она же столовая и кухня, спальня, санузел и коридор с ламинатом на полу – такой узкий, что два человека в ряд здесь вряд ли смогут пройти.

Когда я вслед за Келли вхожу в основную комнату, Джаз сидит, скрестив ноги, на коврике рядом с перевернутой коробкой «Лего», которым играет маленький мальчик с копной белокурых волос.

– Привет, Келли, – говорит Джаз, потом одаривает меня взглядом – не то чтобы недружелюбным, но на много миль отстоящим от вчерашней радостной улыбки. – Мэгги.

– Привет, – отвечаю я.

– А этого молодого человека зовут Фрейзер, – представляет Келли.

– Привет, Фрейзер, – говорю я, и он ослепительно улыбается мне. – Приятно с тобой познакомиться.

Джаз встает и направляется к двери.

– Скажи, когда я должен вернуться?

– Наверное, через пару часов, если тебе так нормально, – отвечает Келли, и Джаз кивает, а потом закрывает за собой дверь.

Мой вздох в тишине звучит очень громко.

– Пожалуй, мне не следовало приходить сегодня. Что, если все…

– А, не обращай внимания на Джаза. Через несколько дней все они переключатся на что-нибудь еще. Так оно всегда бывает. – Келли подходит к холодильнику и достает бутылку вина. – Давай выпьем, я приготовлю нам что-нибудь поесть, а потом мы можем спуститься в паб. И выпить еще всякого.

Фрейзер поднимается на ноги, застенчиво глядя на меня.

– Ты из Глазго? Ты приехала на корабле или на самолете? Ты живешь в доме, как Джаз, или…

– Дай Мэгги шанс ответить, – обрывает его Келли.

– Я приехала из Лондона в Англии, – начинаю объяснять я. – Ехала на трех поездах, на самолете, на автобусе, а потом на корабле.

Фрейзер широко раскрывает глаза.

– Не может быть.

– И я живу в «черном доме» твоей мамы.

– Не может быть!

– Может-может, – смеется Келли. – А теперь мне нужно, чтобы ты убрал свое «Лего» и пошел вымыть руки перед чаем, хорошо?

Фрейзер заметно поникает, но направляется обратно к коврику, бормоча:

– Хорошо.

– Он очень милый.

– Ага, – отзывается Келли, закатывая глаза и подвигая ко мне через стойку бокал вина. – Ты так говоришь, потому что не видела, как он орет, когда приходит время ложиться спать, или как будит меня в три часа ночи – у меня от этого уже ПТСР развилось. – Она начинает наливать воду в кастрюлю. – Паста карбонара – нормально?

– Конечно. Тебе помочь чем-нибудь?

– Да нет, не надо. Хотя макароны с готовым соусом – практически вершина моего кулинарного искусства. – Она оглядывается на меня через плечо. – Извини за грубость, но у тебя какой-то странный вид. Что-нибудь случилось?

И, поскольку мне нужно с кем-нибудь поделиться, я рассказываю о своем разговоре с Чарли и о том, что нашла на сайте «Люди Шотландии».

– Мэгги… с ума сойти, – произносит она, когда я завершаю рассказ. – Значит, Эндрю Макнил действительно был? Я имею в виду, это просто… безумие какое-то, Мэгги. – Но когда она поворачивается обратно к плите, на ее лице мелькает какое-то выражение, которое я не могу истолковать. Что-то скрытое.

– Ну да. По крайней мере, был человек из Ардшиадара, которого звали Эндрю и который сменил имя и переехал сюда.

– И что это значит? – Келли накрывает кастрюлю крышкой, наполняет наши бокалы и садится на табурет. – Я как раз сегодня

вечером собиралась спросить тебя: ты считаешь, что это правда? Ну понимаешь, то, что ты… – Она машет рукой, пожимает плечами. – Вроде как его новое воплощение?

– Это… сложно. – Я сажусь и вымученно улыбаюсь ей.

– Мой отец когда-то сказал, что люди верят в такие вещи, как призраки, рай и реинкарнация, просто из страха перед смертью, – замечает Келли.

– Твои родители – они еще жили здесь в девяносто девятом году? Ну, когда я приезжала сюда. Они когда-нибудь упоминали…

– Нет. Мы переехали на Норт-Уист примерно в девяносто пятом или в девяносто шестом.

– Значит, они должны были жить здесь, когда Роберт Рид еще был жив, верно? Просто… Чарли сказал, что Роберт жил в этом «черном доме».

– В Блэкхаузе?

Когда я киваю, на лице Келли отражается изумление, даже потрясение, но под ним таится что-то еще, по-прежнему закрытое и подавленное.

– Господи Иисусе, – говорит она. – Я имею в виду… я не знала этого. Это тоже какая-то сумасшедшая новость. – Качает головой. – Я знаю, что мы жили здесь, над пабом, весь первый год, когда управляли им, – ну, примерно год. Но я никогда не интересовалась, кто жил в «черном доме» до нас.

– Как ты думаешь, ты можешь спросить у них? Насколько хорошо они его знали?

Келли встает и снова отходит к плите.

– Наверное. То есть я могу спросить, но… – Она пожимает плечами – выразительно, почти как в театре. – Не знаю, много ли от этого будет толку. У папы память как решето. – Снова оборачивается, и скрытое выражение исчезает с ее лица. – А как насчет твоей мамы? Я имею в виду, ты говорила, что она была с тобой – так что она думает обо всем этом? Она в это верит?

– Она умерла, – отвечаю я, запивая эти слова остатками своего вина.

– О боже, прости…

Я качаю головой, глядя на свои ладони.

– Мама верила во множество вещей. Но самое главное – в то, что она медиум. – Рефлексивный стыд в моем голосе смешивается со злостью. – В то, что она может слышать голоса мертвых. В то, что она может предсказывать будущее. Это чаще сбывалось, чем нет, – для нее. Или для меня.

Келли прислоняется к кухонной стойке, не замечая, что бокал в ее руке опасно накренился и вино плещется у самого края.

– А во что верила ты?

– Когда я была маленькой? Я верила ей. А позже… – Я чувствую, как мои губы снова складываются в вымученную улыбку. – Как я уже сказала, это сложно.

Келли хмурится.

– Но ты верила в то, что умерла как Эндрю и обрела сознание как Мэгги?

– Это не такая уж редкость. Многие дети говорят – даже настаивают, – что они были кем-то в прошлой жизни. Это широко задокументировано во всех культурах и религиях мира. Они могут перечислить имена, места и воспоминания, которые не принадлежат им самим. А затем, примерно в восемь лет, забывают об этом. Иногда они забывают, что у них вообще были эти «воспоминания». Ничего нельзя доказать; информация, как правило, слишком расплывчата, слишком скудна. – Я пожимаю плечами. – Когда-то я считала, что это как видеть призраков. Если в них не верить, они покажутся просто тенями. А потом, позже, я начала считать, что если в них поверить, то, возможно, каждая тень может превратиться в призрак.

– Но если Роберт Рид *был* Эндрю Макнилом, значит, он существовал, – говорит Келли. – Он *реально* существовал. А если это правда, то какое еще может быть объяснение?

Я снова пожимаю плечами, изображая беззаботность, которой на самом деле не ощущаю. Потому что надежда, которую Чарли быстро погасил на пляже, рассказав мне о том, когда умер Эндрю, с тех пор вернулась ко мне. Келли права – Эндрю Макнил существовал. До сегодняшнего дня – для меня – его не было. И, возможно, именно этот человек приехал на этот остров и умер здесь двадцать лет назад под именем Роберта Рида. Человек, который жил в том самом «черном доме», который я снимаю. В *том же самом* доме. Это не может быть простым совпадением. Что бы ни говорил мне Чарли, все это должно

что-то значить. *Должно*. Я думаю о том, с какой уверенностью смотрела на это открытое море; о моей детской уверенности: «Там!» Я так хорошо запомнила это чувство, потому что с тех пор редко испытывала его. Абсолютная убежденность.

– Мама верила, что все мы воплощаемся заново. Но я запомнила это лишь потому, что была медиумом, как и она. – Я никогда не говорю об этом, даже с консультантами и психотерапевтами, потому что это всегда заставляет меня чувствовать себя нечистой, покрытой грязной коркой. Как будто я признаюсь в том, чего никогда не делала. – И потому что она полагала, будто он умер дурной смертью.

– Он умер плохой смертью, это верно, – соглашается Келли. – Атлантика у этих пляжей может выглядеть как благостное Карибское море, но меня она пугает до усрачки. А ты видела эти жуткие памятники? Я не могу даже представить, как Фрейзер будет там ходить на веслах. – Она вздрагивает, когда вода закипает и шипит на конфорке; смущенно смеется, когда встает, чтобы убавить огонь. А я думаю о том, как одиноко и тревожно я чувствовала себя сегодня, просто стоя на утесе, окутанном туманом, дождем и звуками моря… – В любом случае, – продолжает она, снова закрывая кастрюлю крышкой и поворачиваясь ко мне, – ты сказала, что даты не совпадают. Эндрю, Роберт, или как там его звали, умер в апреле, а ты родилась, кажется, в феврале, так?

– Чарли мог солгать.

Келли моргает.

– Насчет даты? С чего бы ему лгать?

– Не знаю. Почему он вообще солгал об Эндрю? А может, просто неправильно запомнил?

«Желание, чтобы что-то оказалось правдой, – шепчет мне на ухо доктор Абебе, – может оказаться очень опасной доро́гой».

Внезапно я вижу маму, сидящую у моей кровати, ночник, освещающий кудрявые пряди волос у ее висков и медленную полуулыбку, которую я так ненавидела. Годы и годы ночей, ее мягких и уверенных наставлений, похожих на сказки перед сном. «Такие, как мы, Мэгги, не могут отрицать свою сущность. Такие, как мы, Мэгги, всегда должны быть открытыми, мы никогда не должны замыкаться в себе. Такие, как мы, Мэгги, должны прислушиваться к своим дурным

предчувствиям». Я не хочу, чтобы это было правдой. Но в то же время, боже, я этого хочу. *Хочу, хочу*.

Я откашливаюсь и прикладываю усилия, чтобы улыбнуться.

– В любом случае на обработку свидетельств о рождении и смерти уйдет не меньше пятнадцати дней, но тогда я буду точно знать фактические даты. И, возможно, узна́ю еще что-нибудь, о чем можно будет написать рассказ.

– Ты кого-нибудь обвиняла? – спрашивает Келли после долгой паузы. – Когда была ребенком. Когда ты утверждала, будто ты Эндрю Макнил и будто тебя убили. Ты когда-нибудь говорила, кто это сделал?

– Что? – Я застигнута врасплох. – Нет. То есть… нет, никогда.

– Извини, – произносит Келли, ее щеки розовеют. – Это бестактный вопрос, такие задают журналисты «желтой прессы»…

– Всё в порядке. Если честно, я почти ничего не помню. В основном мне все рассказала мама.

Вот я рыдаю, задыхаясь, сквозь всхлипы выговаривая: «Я… хочу… домой», – а мама стоит на коленях и держит меня за руки. «Хорошо, милая моя, хорошо. Мы поедем домой». Даже в пять лет я понимала, что она это не всерьез. Знала, что она этого не хочет.

Келли наполняет наши бокалы.

– Вместо того чтобы ждать свидетельства, почему бы тебе не обратиться в ратушу в Сторноуэе? Там хранятся гражданские и приходские записи. Мы можем поспрашивать людей сегодня вечером; я уверена, что кто-то поедет туда в ближайшие дни и сможет тебя подвезти. Я бы сама тебя подбросила, но моя машина все еще в мастерской в Тарберте. Думаю, срок ее службы истек, а они боятся мне об этом сказать. – Она ослепительно улыбается. – Но ведь ты все равно расскажешь мне о том, что тебе удастся узнать, ладно?

У меня всегда было мало друзей. В основном потому, что я сама так хотела: я не желала обзаводиться привязанностями и отношениями, которым не смогу довериться. Однажды учитель начальной школы сказал маме, что я «колючая». В итоге она исцарапала ключом его машину. Я не часто раскрываюсь перед людьми, поскольку знаю, к чему это может привести. И это ощущение грязи и зуда всегда было легче пережить в одиночестве. Но Келли другая. Она мне нравится. Я ей доверяю. А после всех наших переписок по электронной почте до моего приезда сюда у меня

возникло ощущение, будто я ее знаю. Больше всего я хочу выговориться ей. Хочу хоть раз быть честной. Доктор Абебе мог бы гордиться собой.

Он пришел навестить меня после того, как я провела в Модсли почти неделю. К тому времени меня перевели из отделения интенсивной психиатрической терапии в обычную палату, и, хотя назначенная мне дозировка лекарства была снижена, я все еще ощущала себя кем-то другим. Я не могла ни думать, ни спать. Я просто дрожала, чесалась и смотрела в стену. Когда я увидела доктора Абебе, приближающегося ко мне, – на нем был один из его блестящих, плохо сидящих костюмов, очки в черной оправе, слишком большие для его лица, на котором играла торжественная полуулыбка, – я впервые за несколько дней почувствовала хоть что-то.

«Это халдол, – сказал он, когда я спросила про лекарство. – Они скоро снимут вас с него. Вы вполне здоровы».

«Когда я смогу выписаться?»

«Вы еще *не настолько* здоровы».

Я помню, как ощутила запах его одеколона, когда он наклонился ближе, – что-то резкое и прохладное; я подумала, не подарили ли ему этот одеколон на Рождество.

«Это был психический срыв, Мэгги. Это серьезная проблема, и от нее нельзя убегать».

«Знаю».

Хотя именно так я и собиралась поступить.

Когда много позже я сказала ему, что поеду сюда, доктор Абебе понял, что лучше не пытаться меня отговорить. Он связался с терапевтом в Сторноуэе, организовал удаленную поддержку, заставил меня дать обещания, которые, как он знал, я всегда старалась выполнять.

«Ты должна рассказать кому-то еще, Мэгги. Кто-то должен знать. И ты должна пообещать мне, что расскажешь об этом».

И когда я заколебалась, его торжественная полуулыбка исчезла.

«Обещай мне, Мэгги. После того, что случилось в крематории, ты должна рассказать кому-нибудь».

Я пообещала.

– Ты слышала о «жаме вю»? – спрашиваю я у Келли. Не жду ее ответа, опасаясь, что у меня сдадут нервы. – Это противоположность

дежа вю. Когда я росла, у меня постоянно такое случалось. Это когда что-то или кто-то, что должно быть тебе очень знакомо – например твой дом или твоя семья, – вдруг перестает быть таковым. Ты их не узнаёшь. Они кажутся совершенно чужими. Это ужасное чувство. Как будто мое собственное тело, моя собственная жизнь не принадлежат мне… – Я делаю паузу. – Иногда это заставляет тебя вспомнить то, чего с тобой никогда не происходило. Некоторые люди называют это постсознанием.

– Памятью о прошлой жизни, – подсказывает Келли.

Я киваю.

– На самом деле это довольно распространенная форма диссоциации. – Я делаю слабый короткий вдох и понимаю, что ужасно нервничаю. Потому что Келли мне нравится, и я хочу ей понравиться. Машинально тянусь к цепочке на шее, прохладный кулон касается моей кожи, прежде чем отпускаю его. – Когда мне было пятнадцать, я наконец набралась смелости и пошла к своему терапевту. Он направил меня к психиатру.

Я думаю о том первом психиатре, о его блестящей лысине, от которой отражался свет. Его сдержанные, вкрадчивые уговоры, которые он с каменным лицом обращал к маме: «Ваша дочь нездорова, миссис Андерсон. Она нездорова уже некоторое время». И мамина ярость, когда мы остались одни, горе и стыд за меня – ее испуганную, доверчивую дочь. «Психические заболевания – это инструмент подавления и невежества. Это способ для мужчин, для общества преследовать нас, называть истеричками. Чтобы держать нас, *ведьм*, – она выделила это слово, – в клетке».

– У меня биполярное расстройство. Это значит, что у меня бывают маниакальные эпизоды, а затем депрессивные. Мания обычно длится всего несколько недель, если вообще длится. Я слишком много пью, трачу слишком много денег, слишком много говорю, слишком мало сплю. Мои мысли несутся как сумасшедшие. Чувствую себя прекрасно. Как будто ничего плохого больше не случится. – Я устремляю взгляд в стол. – А потом ничего не помню. Люди рассказывают мне, что я сделала или сказала, и я извиняюсь, как будто это от чужого имени, понимаешь? Я не могу это описать. Это то же самое, что и «жаме вю». Как будто это не имеет ко мне никакого отношения. Депрессия длится дольше. Я просто прекращаю

заниматься чем-либо. – Моя улыбка кажется неуместной. Кроме сна – им я в эти периоды занимаюсь очень много.

А еще меня не волнует, проснусь ли я снова, хотя я не собираюсь рассказывать ей об этом так же, как и о том, что произошло в крематории.

Когда я замолкаю, тишина становится пугающей. Мое лицо пылает, руки покрываются липким по́том.

– Ох, Мэгги, – произносит Келли, крепко и коротко обнимая меня. От нее пахнет мармеладом. – Это так ужасно, сочувствую. А я тут болтаю о перевоплощениях и убийствах, как будто мы в «Днях нашей жизни».

– Нет, всё в порядке. – Хотя я благодарна, когда она отпускает меня. – Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя виноватой. Я имею в виду, со мной ничего страшного нет. Просто… кто-то должен знать. Я должна кому-то рассказать. Так… на всякий случай. Потому что психоз – ну, знаешь, бред или галлюцинации, – это тоже возможно. И потому… на всякий случай, понимаешь, вдруг что…

– О, – отвечает Келли. – Конечно.

– Все не настолько плохо. – Хотя я не знаю, кого пытаюсь убедить. – Я знаю, что делать. У меня есть лекарства, я регулярно сдаю анализы крови, чтобы проверить показатели. И в Сторноуэе есть врач, который согласился понаблюдать за мной, пока я здесь. – Я делаю паузу, борясь с желанием начать крутить в пальцах кулон. – Просто… Я не могу полностью расслабиться, понимаешь? Я не могу полностью довериться себе. – Больше не могу…

– Тогда спасибо, – говорит Келли. На мгновение на ее лице вновь возникает отстраненное выражение, но потом оно исчезает. – За то, что доверилась мне.

И когда она отворачивается, чтобы приготовить пасту, я снова оказываюсь в той маленькой, душной комнате в крематории. Мебельная полироль и вянущие лилии. Мамин гроб на застланном тканью возвышении – открытый, потому что она всегда страдала клаустрофобией; ей постоянно снились кошмары о том, что ее похоронили заживо. Негромкий гул разговоров, редкое откашливание или скрип половиц. А я поначалу ничего не делала, просто стояла и смотрела на возвышение. Смотрела на демона, сидящего на корточках рядом с маминым гробом, – костлявого, безволосого, со слишком

большим количеством зубов во рту, похожих на плохие протезы. Слушала, как его когти скребут по лакированному полу на протяжении всех речей и песнопений. А потом, в конце, наблюдала, как он повернулся и ухмыльнулся мне, прежде чем забраться в мамин гроб и попытаться задвинуть его крышку.

Хотя я редко помню то, что происходит со мной в маниакальном периоде, я помню все это. Бледное от пудры лицо мамы, ее тонкие руки, скрещенные на груди. *Его* запах, похожий на запах гниющих листьев. Тень, которую он отбрасывал на ее желтое шелковое платье, когда забирался в гроб. Я помню, сколько людей потребовалось, чтобы удержать меня, не дать мне вытащить из гроба тело матери. Я помню свои крики. И помню страх. Ничего подобного я никогда не испытывала. Как конец света. Или, что еще хуже, начало нового.

Глава 6

Когда мы с Келли входим в паб через служебную дверь, я замечаю всеобщие – почти осязаемые – усилия не смотреть в нашу сторону, и мне почти хочется рассмеяться. А потом убежать. Вместо этого я так же старательно смотрю на ковер с узором пейсли, пока Келли ведет меня к барной стойке. К тому времени, как мы добираемся до места, негромкий гул голосов возобновляется, хотя я ни секунды не сомневаюсь, что разговор идет в основном обо мне.

Джиллиан оборачивается от кассы и одаривает меня улыбкой – неожиданно для меня.

– Келли говорила, что вы придете к нам сегодня вечером; мы вам очень рады.

– Спасибо. – Я все еще чувствую на себе чужие взгляды, и моя ответная улыбка получается слишком напряженной, слишком долгой.

– Что вы будете?

– Немного белого вина, пожалуйста.

– То же самое для меня, будь добра, Джиллиан, – говорит Келли, протягивая десятку.

Я бросаю взгляд на глянцевую плитку за витриной с бутылками, отражающую движение в зале у меня за спиной.

– Они всё еще смотрят?

– Не обращай на них внимания. – Келли ухмыляется. – Представь, что ты на Центральной линии метро.

Когда Джиллиан возвращается с напитками, я взбираюсь на табурет рядом с Келли, и мы чокаемся бокалами.

– Твое здоровье. Значит, ты и Джаз. Вы…

– Господи, нет! Ему около сорока с чем-то лет. Он просто славный парень. И очень хорошо относится к Фрейзеру. Он помог мне, когда я только начала работать в пабе посменно, и я думаю… Я имею в виду, что сейчас я, наверное, использую его в своих интересах – я понимаю, что это обман… но я просто очень рада, что в жизни Фрейзера есть хоть одна достойная мужская фигура. – Она делает паузу. – Отец Фрейзера – козел. Из-за него нам пришлось уехать из Глазго.

– Извини. Это…

Кто-то сильно толкает меня в плечо, и я проливаю вино на барную стойку и подол платья. Обернувшись, обнаруживаю, что смотрю прямо в красное от гнева лицо Алека Макдональда.

– Тебе здесь не рады.

Прежде чем я или Келли успеваем что-то сказать, Брюс Маккензи отпускает рукоять пивного насоса и направляется к нам.

– Алек, теперь только я решаю, кому здесь рады, а кому нет.

– Она…

– Добро пожаловать. – Брюс кладет ладони на барную стойку и наваливается на нее. – Все ясно?

Я смотрю на свои колени, пока не ощущаю, как жар, исходящий от Алека – порожденный его яростью – отдаляется, и тогда я делаю вдох и поднимаю глаза на Брюса.

– Спасибо.

Он с минуту всматривается в меня своими темными глазами, а потом кивает:

– Не беспокойтесь.

– Не обращайте внимания на Алека, – замечает Юэн, торчащий у стойки чуть дальше. – В этом мире нет человека, который не раздражал бы его.

Он стоит рядом с женщиной, невероятно элегантной в шелковой блузке, льняных брюках и со сложной прической, которая каким-то образом умудрилась пережить гебридский ветер в полной сохранности. Она одаривает меня улыбкой, не столько любопытной, сколько вежливой.

Юэн хмурится.

– Полагаю, теперь вы знаете, почему?

– Ну я… – Я моргаю. Вспоминаю тот маленький камень над пляжем Лонг-Страйд. – Да.

Наступает неловкое молчание. Келли ерзает на табурете.

– Итак, Кора хотела познакомиться с новенькой, не так ли, любовь моя? – в конце концов говорит Юэн, мягко подталкивая женщину вперед. – Мэгги, это моя замечательная жена, Кора. Кора, это Мэгги.

Кора снова улыбается – на этот раз не так коротко – и протягивает руку для пожатия.

– Здравствуйте, Мэгги. Приятно познакомиться. – Голос у нее мягкий, чуть хрипловатый; акцент английский, возможно,

мидлендский. Она придвигается ближе, и от нее исходит аромат дорогих духов. Розовая помада просочилась в крошечные морщинки у уголков губ.

– Она приехала из Лондона, дорогая, – хмыкает Юэн. – Вы, сассенахи[11], должны держаться вместе, так?

Смех у него веселый и слишком громкий. Я вспоминаю фразу: «Ты Эндрю, мать твою, Макнил, *верно*?» – и задаюсь вопросом, то ли Юэн не верит Алеку относительно моей персоны, то ли не помнит, что я на самом деле родом из Инвернесса?

– Держи, Юэн, – говорит Брюс, ставя на стойку виски и вино.

– Спасибо, – отвечает тот, протягивая двадцатифунтовую купюру. – И все, что пожелают эти милые дамы.

– Очень любезно с вашей стороны, – отзываюсь я, но он только кивает, забирая свои напитки и протягивая руку жене. Та принимает ее с очередной улыбкой, после чего они проходят обратно в зал.

– Еще два «пино», девушки? – спрашивает Брюс. Келли кивает, и он исчезает в направлении холодильника в другом конце бара.

– Что ж, – говорит Келли, отпивая вина. – Это было странно. В следующий раз ты получишь приглашение в Биг-Хуз.

– Биг-Хаус? Большой дом?

– Биг-Хуз. Ты еще не видела его?.. Господи, да его невозможно не заметить. Это бывший особняк лэрда[12]. На следующем мысу к западу от твоего дома. Помнишь, я говорила, что весь остров в давние времена принадлежал семье Юэна Моррисона? Какой-то далекий, давно умерший Юэн – и почему богатые люди обязательно дают всем детям одинаковые имена, должно быть, на Рождество это становится кошмаром?.. – якобы получил Килмери от одного из первых повелителей островов. Моррисоны владели им несколько веков, сдавая землю в аренду скотоводам. Все до сих пор считают Юэна лэрдом, но на самом деле он продал бóльшую часть земель общине много лет назад. Его предки, наверное, просто вертятся в своих огромных гробницах.

Когда входная дверь распахивается, впуская ледяной порыв ветра, я узнаю́ в вошедшем – коренастом блондине с аккордеоном в одной руке и скрипкой в другой – Донни Маккензи, сына Джиллиан и Брюса. Он идет туда, где на небольшой сцене рядом с бильярдным столом

начинает собираться группа. Юэн Моррисон уже бормочет в микрофон на шаткой стойке: «Проверка, раз, два».

Я понимаю, что Келли – пусть она и молчит – очень хочет расспросить меня об Эндрю Макниле. Но знаю: после того как я поведала ей о своем биполярном расстройстве, она не будет лезть не в свое дело. Во всяком случае, пока. А сегодня я устала от мыслей об этом, *о нем*. Устала надеяться, сама того не желая, не зная, на что надеюсь.

– Сегодня у меня день рождения, – сообщаю я, не успев даже сообразить, что именно собираюсь сделать.

– Ты серьезно? – восклицает Келли. – Почему…

Я пожимаю плечами.

– Я их не праздную.

– Ясно. – Келли спрыгивает с табурета. – Пока не приехали еще люди из Урбоста и не началась настоящая суета, я принесу нам праздничную бутылку шипучки. – Она наставляет на меня палец. – Не возражай. Придержи пока наши места.

Когда Келли направляется в дальний конец стойки, я заставляю себя повернуться лицом к залу. Здесь гораздо оживленнее, чем я предполагала: мало свободных мест и еще меньше свободных столиков. Я узна́ю некоторых людей, бывших здесь вчера вечером. Невысокая женщина со стальным голосом по имени Айла – Келли назвала ее «классной чувихой, крепкой, как старые сапоги» – увлеченно беседует с женой Алека, Фионой, и женщиной помоложе, с которой я не знакома. Последняя выглядит хмурой, ее темные волосы стянуты в строгий узел, резко выделяющийся на фоне бледной кожи. Все три смотрят на меня. Самого Алека, к счастью, нигде не видно. У большого камина за двумя сдвинутыми столами сидят, как я полагаю, студенты-археологи, грязные, молодые и шумные.

Келли возвращается неожиданно быстро; под мышкой у нее зажата открытая бутылка просекко, в руках два полных бокала, глаза широко раскрыты.

– Очень Сексуальный Уилл прибыл к ужину, – шепчет она. Отставляет бутылку. – Подожди. Он идет сюда! Как раз… Сексуальный Уилл! Привет! – восклицает Келли слишком громко, поворачиваясь от барной стойки.

Сексуальный Уилл действительно сексуальный. Из тех, кто знает об этом. И, возможно, пользуется этим. Он высокий и широкоплечий, рукава зеленой клетчатой рубашки закатаны до локтей, обнажая загорелые крепкие предплечья. Ему пора побриться, темные волосы нужно подровнять, а глаза у него усталые и слегка покрасневшие. Небесно-голубые. Я успеваю удивиться, почему замечаю все эти вещи, каталогизирую их, словно какой-то чертов контрольный список, а потом он улыбается мне – медленно и щедро, – и мое сердце пару раз ударяет не в такт, словно я вот-вот рухну с пика на «американских горках».

– Не «Сексуальный Уилл». Уилл. Просто Уилл, – поправляет себя Келли. Слишком быстро и все еще слишком громко. – «Сексуальный Уилл» было бы странно. Разумеется. Привет, Уилл.

– Черт возьми, Келли… – Он смеется. – Сколько ты уже выпила?

Голос у него низкий, с мягким островным акцентом.

Келли становится пятнисто-розовой.

– Недостаточно, – бурчит она. И тут же заглатывает треть своего просекко.

– Вы, должно быть, Мэгги, – говорит Уилл, протягивая мне руку. – Просто хотел поздороваться. – Он снова улыбается. – И добро пожаловать.

Я беру его руку, наполовину ожидая, что меня ударит током. Когда этого не происходит, почти испытываю разочарование. И понимаю, что мы оба позволили рукопожатию продолжаться слишком долго – настолько, что это уже не совсем рукопожатие, – только когда Келли издает полувздох-полукашель. Я отпускаю руку Уилла и отступаю к барной стойке. Мне бы тоже хотелось выпить хотя бы треть своего просекко, но в итоге меня спасает внезапное появление Донни Маккензи.

– Держи, приятель, – говорит он Уиллу, протягивая ему пинту пива. Откашливается и смотрит на меня – но не совсем в глаза. – Донни Маккензи.

– Привет, – отвечаю я. – Приятно познакомиться. Я Мэгги.

Из динамиков паба раздается резкий писк, который заставляет всех вздрогнуть и посмотреть на сцену.

– Добрый вечер, дамы и господа, добро пожаловать в «Ам Блар Мор», – объявляет Юэн Моррисон, надувая щеки. На его лбу

проступают капельки пота, под мышками пиджака – влажные пятна. – Через несколько минут я объявлю первый танец сегодняшнего *кейли*[13]. – Он скалит белоснежные зубы. – «The Gay Gordons»[14]. Надеюсь, все вы надели танцевальные туфли. – Раздаются одобрительные возгласы, несколько аплодисментов.

– Я лучше пойду. – Донни выглядит безмерно довольным. Улыбка преображает его – она открытая и легкая, как у ребенка, и настолько заразительная, что я сама улыбаюсь в ответ. – Я волынщик.

– Такова шотландская традиция, – сообщает Уилл, как только Донни исчезает в толпе, – что каждый новоприбывший гость должен танцевать первый танец на любом *кейли* с местным жителем.

Я стараюсь сделать вид, будто такая перспектива не кажется мне одновременно лучшей и худшей затеей на свете, но мое сердце снова начинает бешено колотиться, и я чувствую, как краснеет мое лицо. Руки становятся липкими.

– Я не могу. Я здесь с Келли. Мы…

– Господи. – Келли смеется, а группа начинает очень громко исполнять «Отважную Шотландию». – Это твой день рождения. Иди и потанцуй с ним, пока мы все не сгорели от смущения.

Моему лицу становится еще жарче, когда Уилл ведет меня к выложенному плиткой квадрату танцпола и парам, уже образовавшим широкий круг по его периферии. Люди снова смотрят, и от этого я чувствую себя еще более неловко. Уилл берет меня за левую руку, а правую заводит за спину, я чувствую запах его кожи, ощущаю его дыхание на своей щеке, и меня охватывает жуткое подростковое возбуждение, как будто я вот-вот прыгну с обрыва. Это не только смешно, но и тревожно. Один из многих *Предупредительных Знаков доктора Абебе для Мэгги* – несоразмерное волнение. И плохой контроль над нервами. Хотя я не уверена, что последнее не нечто врожденное.

– Ты знаешь этот танец? – спрашивает Уилл, а я продолжаю стоять рядом с ним как статуя.

– Кажется, да.

Мама учила меня танцевать в саду на заднем дворе в солнечные выходные. Это были танцы из ее детства, как я понимаю: «Лихой белый сержант» и «Военный тустеп». «Обдери иву». Она всегда вела, и в итоге мы неизменно падали на траву в изнеможении и хихикали.

– Если тебе будет легче, – говорит Уилл, пока я украдкой оглядываю всех зрителей и пары, – представь, что здесь только мы.

И как только мы начинаем танцевать, представлять это становится легко. Я помню все па. Я помню, как это прекрасно – танцевать, и никто не может поспорить с тем, что мне это полезно. Движения и повороты кружат и размывают комнату так, что я вижу только Уилла. Я не думаю о тех, кто все еще обсуждает меня, и о том, как мне добиться, чтобы кто-нибудь из них заговорил со мной. Я не думаю ни о докторе Абебе, ни даже о маме. И я не думаю о Рави, который ни разу не заставил мое сердце так бешено стучать. Я расслабляюсь. Позволяю себе улыбаться, танцевать, наслаждаться возможностью держать кого-то за руку. Рука, крепко обхватывающая мою талию, поднимает меня с пола и вертит то в одну, то в другую сторону, доводя до головокружения. К тому времени как музыка заканчивается, мы задыхаемся и смеемся, и я не смотрю ни на кого, пока Уилл ведет меня к паре пластиковых стульев рядом с танцполом.

– Спасибо, – говорю я.

– За что?

Я не отвечаю, и он коротко касается моего колена своим.

– Здесь все – хорошие люди.

– Ладно.

– Боюсь, мне пора идти. Вставать придется на рассвете. – Уилл медленно улыбается мне. – Я уже был на пороге, когда увидел тебя.

От этих слов моя кожа покрывается мурашками, и мне становится еще тревожнее от того, как сильно я хочу, чтобы он остался. А потом понимаю, насколько явственно, должно быть, мое лицо выражает мои чувства, потому что Уилл касается моей руки тыльной стороной кисти – в промежутке между нашими стульями, где никто больше не видит. Я вздрагиваю. Чувствую себя так, словно во всем моем теле остался один-единственный длинный нерв.

– Приходи завтра на ферму, – говорит Уилл, удерживая мой взгляд.

– Хорошо. – Я должна была сказать нет. Или ответить, что он не стал бы просить об этом, если б знал обо мне хоть что-то. Но я не хочу быть такой бестактной. Заносчивой. Или, что более вероятно, просто не хочу говорить об этом вслух – об этом нелепом чувстве. Это предупреждающий знак, по любому определению. Кроме того, Уилл

наверняка знает обо мне хотя бы то, что знают все остальные. И все равно просит.

Я едва не выпрыгиваю из кожи, когда оркестр внезапно начинает играть не вальс и не рил, а нечто совсем иное. Музыка буквально барабанит по полу у меня под ногами, в считаные секунды очищая и мои мысли, и танцпол.

– Это «Адский поезд»?

Уилл смеется.

– Донни мнит себя не хуже «Ред хот чили пеппер»… – Он встает. – Доброй ночи, Мэгги. Спасибо за танец. – Еще одна улыбка. – Увидимся завтра.

Я смотрю ему вслед, пока не осознаю́ это, и тогда заставляю себя встать и быстрым шагом направиться к бару. Келли сидит на табурете, положив ногу на ногу, и ухмыляется, протягивая еще один полный бокал просекко.

– О, подруга, – произносит она с тягучим американским акцентом. – У тебя проблемы.

Я, не отвечая, беру бокал. Выпиваю половину, когда «Адский поезд» достигает грохочущего крещендо.

– Сыграй чертов «Хайлендский собор»[15], – кричит кто-то.

Келли продолжает ухмыляться и подталкивает меня, кивая в сторону молодой женщины, которая все еще сидит с Айлой Кэмпбелл и Фионой Макдональд. Руки незнакомки сложены на груди, а узкое лицо выражает ярость, когда она смотрит в нашу сторону.

– Шина Макдональд хотела заполучить Уилла Моррисона еще со времен Большого взрыва. Она заведует местным магазином – так что остерегайся слабительного в молоке и гвоздей в лапше. – Келли снова смеется. – О боже, я уже говорила, как рада, что ты здесь, Мэгги Андерсон?

* * *

– Мэгги?

От Чарли пахнет улицей: дымом и холодом. Он сутулит плечи, а на голове у него нахлобучена та самая широкая твидовая кепка.

Его взгляд скользит туда-сюда вдоль барной стойки, и, когда он потирает указательным пальцем верхнюю губу чуть ниже носа, я понимаю: это признак того, что он нервничает.

– Подойди на минутку, – бормочет Маклауд.

Келли поднимает брови, когда он отходит, и я пожимаю плечами, прежде чем встать со своего табурета и последовать за ним. Чарли идет к единственной красной стене, не заслоненной столами и стульями; к той, что украшена фотографиями пейзажей и людей. Дойдя до нее, он настороженно оглядывается, словно мы с ним соучастники преступления. Он не смотрит на меня и, похоже, не хочет, чтобы я смотрела на него, поэтому я смотрю на фотографии. На черно-белых в основном изображены жители острова за работой: рыбалкой, фермерством, ткачеством, торфоразработками, – а на более свежих вечеринки и праздники. Потрепанные рождественские колпаки, поднятые бокалы и ухмылки за столиками пабов; групповые снимки, сделанные на единственной улице под разноцветными гирляндами и широким транспарантом: «Фестиваль виски в Сторноуэе», натянутым между двумя фонарными столбами; пикники в ветреную погоду на пляже – Лонг-Страйд, теперь я это знаю. Лица меняются не так сильно, как прически и мода, и когда я узна́ю многих из них, включая Чарли, это вызывает у меня неожиданную печаль. Живя в Блэкхите, я даже не знала имена своих соседей.

– Я всем рассказал, – негромко произносит Чарли. – И еще я сказал им, что ты просто хочешь написать историю, одну историю, и всё. Никаких лишних фокусов.

– Большое спасибо, Чарли. Я…

– Моррисоны заняты подготовкой к званому вечеру в поместье на следующей неделе, но Айла, Джимми, Джаз и Маккензи согласились поговорить с тобой в понедельник.

– Это замечательно. То есть… значит, все они знали Эндрю?

Чарли наконец-то посмотрел на меня.

– Да. Как и все остальные.

– Спасибо, что сделал это, Чарли. Я очень тебе благодарна. Я хотела спросить, если это не слишком самоуверенно… как ты думаешь, есть ли возможность поговорить с Мэри? Что случилось с ней после смерти Эндрю?

Маклауд на мгновение замолкает, а затем издает тихий вздох.

– Они с Кейлумом вернулись в Абердин. Она поддерживала с нами связь в течение нескольких лет: отправляла рождественские открытки Айле и моей жене, редкие письма. Но вскоре все прекратилось, как это обычно бывает. – Он смотрит на фотографии. – Ты бы хотела сохранять связь с местом, которое забрало твоего мужа?

Я поднимаю взгляд на резной кусок коряги, закрепленный на стене. «Овца всю жизнь будет бояться волка, а потом ее съест пастух».

– Ты говорил, что он никогда не был счастлив. Что у него было тяжелое прошлое. Что…

– Он верил, что когда-то совершил нечто ужасное. Его чувство вины было словно якорь, который в итоге потащил его на дно.

Мое сердце замирает, пропуская удар.

– Что он такого сделал?

Тон Чарли становится раздраженным.

– Он никогда не говорил. А я никогда не спрашивал.

– Почему ты рассказываешь мне все это сейчас?

Маклауд расправляет плечи и поворачивается обратно к стойке.

– В три часа дня, в понедельник, у дома Айлы Кэмпбелл. Последним за Шелтерид-бэй, примерно в шестистах ярдах к востоку от Блармора. Не пропустишь.

Он останавливается, отойдя от меня не более чем на пару шагов, поворачивается и снова возвращается. Глаза у него темные, зрачки большие и черные.

– Потому что мне это никогда не нравилось. Все это. После того как он умер, а Мэри уехала, все сделалось так, как будто его никогда не существовало. И тогда, в девяносто девятом, я сказал тебе – и всем, кто приехал с тобой, – истинную правду. О том, что такого человека никогда не существовало.

– Чарли, я…

– Может, ты здесь вовсе не для того, чтобы писать *свою* историю? – Он внезапно протягивает руку, и я отступаю назад, пока не понимаю, что Чарли вынимает маленькую ламинированную фотографию, зажатую между двумя пейзажами. Он протягивает ее мне. – Может, *его* историю, а?

Это цветная зернистая фотография молодого человека, стоящего в одиночестве на травянистом лугу перед холмом, за которым виднеются синее небо и море. Высокий и широкоплечий, в джинсах и вощеной

куртке, руки сложены на груди. Смуглый, с густой бородой, глубоко посаженными глазами и стоически-хмурым взглядом.

– Это Эндрю?

– Это Роберт. Он никогда не говорил о себе как об Эндрю. Если хочешь написать его историю, называй его тем именем, которое он выбрал.

После ухода Чарли я долго смотрю на фотографию. Эти глаза. Этот хмурый взгляд.

– Привет, Роберт, – шепчу я. И бегло окидываю взглядом паб, прежде чем убрать фотографию в карман.

* * *

Только когда огни Блармора исчезают и я вижу лишь пляшущий по асфальту круг света от моего фонарика, я жалею, что не воспользовалась предложением Келли разместиться на ее диване. Ночь сухая, но ветер усилился. Я слышу, как он свистит в узких щелях, завывает вокруг скал и Бен-Уайвиса, и представляю, как этот крошечный остров медленно исчезает, становясь все меньше и меньше, размываемый и поглощаемый ветрами и волнами Атлантики.

Я часто сбиваюсь с однополосной дороги – виня в этом ветер, а не вино – и неизменно попадаю в густую вязкую грязь. Я уже забыла, где, по словам Келли, находятся торфяники, поэтому постоянно высматриваю белые султанчики пушицы при свете своего слабого фонарика, уверенная, что в любой момент могу погрузиться в грязь так глубоко, что меня уже никогда и никто не найдет.

Слышу что-то позади себя. Звук пропадает прежде, чем я успеваю его различить, но я почему-то знаю, что этот звук здесь не к месту. Я оборачиваюсь.

– Эй?

Свет моего фонарика едва пронзает ближайшие несколько метров ночи. В ушах шумит ветер, и я пытаюсь снова расслышать этот звук. Может быть, это чьи-то шаги. *Может быть*. Мурашки, не имеющие никакого отношения к холоду, бегут по моим рукам. Когда меня настигает внезапный порыв встречного ветра, луч моего фонарика уходит влево по широкой дуге, озаряя длинную траву, каменистую

гору и темную тень другой тропинки в тридцати ярдах от меня. Гробовая дорога.

Это всего лишь темнота. Полная темнота. Я не привыкла к ней, вот и всё. Я чувствую себя слепой, и это не просто нервирует, это пугает. Это заставляет меня чувствовать себя уязвимой совершенно по-новому, хотя я думала, что уже ощутила практически все виды уязвимости.

И все же… Что касается дней рождения, то я переживала и не такое. Я почти не помню тот, который провела в больнице с трещиной в черепе и сломанной рукой из-за серебристого «Лексуса», который с грохотом врезался в меня – я была слишком маленькой, – но в моей памяти проносится дюжина других дней рождения. Хаотичные, шумные вечеринки, которые всегда проходили на грани допустимого, неизменно заканчивались слезами или жалобами родителей. Друзья, которые любили мою маму в начальной школе, – веселую маму, которая пела нелепые детские стишки и иногда появлялась у школьных ворот в длинном вечернем платье или нагруженная пакетами со сладостями, – в старшей школе перестали любить ее. Или меня. Последний день рождения, который я решила провести с мамой, я также провела со своей единственной оставшейся подругой, Беккой. В свои шестнадцать лет она выглядела намного младше меня, тихая и милая, а ее мама умерла всего за два года до этого, после долгой, никем не обсуждаемой болезни. По моей просьбе мы устроили тихий пикник в саду, а не грандиозную вечеринку, которую предпочла бы мама; она еще до прихода Бекки начала пить большие порции джина с тоником, настаивая на том, что это просто газированная вода.

Через час появился жутковатый клоун, одетый в джинсы и холщовую шляпу от солнца, лицо размалевано краской, левый клык более чем на три четверти золотой. Я была уверена, что он пьян. И тут мама подняла на Бекку опасно блестящие глаза и широко улыбнулась, заглядывая ей за плечо. «Твоя мама одобряет твою новую стрижку, но считает, что тебе нужно сбросить несколько фунтов». Больше я Бекку не видела.

…Я долго добираюсь до «черного дома». Так долго, что начинаю паниковать, думая, будто каким-то образом прошла мимо мыса и теперь направляюсь бог знает куда. И тут я вижу его. Должно быть, я не выключила свет в прихожей; он льется из маленького окошка в

двери, озаряя тропинку. Я сворачиваю с дороги и бросаю взгляд на ферму, но она погружена в темноту. Я решила, что завтра буду думать только об этом – *о нем*.

Теперь я слышу шум моря, громкий и ритмичный. Настойчивый. Я останавливаюсь. Интересно, останавливался ли здесь когда-нибудь Эндрю – Роберт – просто послушать, как волны бьются о скалы внизу? Достаю из кармана фотографию и освещаю фонариком его лицо.

– Что это было? – шепчу я ветру. – Какой ужасный поступок ты совершил?

Потому что знаю, каково это – совершать ужасные поступки. Мне знакомо чувство вины. То, которое тянет тебя вниз, как якорь, на самое дно. И, как и в случае с «черным домом», это тоже не может быть совпадением. *Не может*.

«Почему вы перестали принимать лекарства, Мэгги? – спросил доктор Абебе в тот первый день, когда навестил меня в общей палате; его чересчур модный одеколон соперничал с запахом спиртового геля и цветочного освежителя воздуха. – Вы всегда были очень аккуратной в этом вопросе».

И я вспомнила мамино яростное, залитое слезами лицо в тот день, когда мы вернулись домой с моим первым рецептом на литий – много лет назад. «Это дар, Мэгги! И ты отказываешься от него – ты давишь его до смерти». Я представляла себе, как смотрю на себя в телескоп с другого конца – расплывчатая, крошечная я, сидящая за серым столом в серой комнате. И чувствовала худший вид «жаме вю». Как будто я – совершенно незнакомый человек. Кто-то, кого я никогда раньше не видела.

«Она сообщила вам хорошие новости? – Это доктор Леннон. Прохладные мясистые ладони касаются моих рук. Улыбка, спрятанная за огромными усами. – На последнем сканировании обнаружен значительный регресс метастазов. Новый курс паллиативной химиотерапии, несмотря на неприятие вашей мамы, сработал на славу. Возможно, теперь у нее впереди не месяцы, а годы».

И я вспоминаю мамино лицо: худое, белое, испещренное тенями. Только свет – этот неумолимый свет – все еще горит в ее глазах. «Оно приближается. Оно уже рядом. Они лгут. Не верь никому. Все они лгут. Ты должна верить мне». Мои руки покалывает от воспоминаний о ее

ногтях, впивающихся в мою кожу. «Боль сведет меня с ума, Мэгги. Рак возвращается, и это сведет меня с ума. Я знаю это. Я вижу это».

Но как сказать врачу в психиатрической больнице, что ты перестала принимать лекарства? Что у тебя случился первый психический срыв за всю твою аккуратную жизнь, потому что ты больше не могла смотреть на себя в зеркало? Как сказать ему, что ты хочешь отправиться на ветреный темный остров на краю света, дабы доказать, что человек, которого ты никогда не видела и не знала, был убит, потому что только так ты сможешь ужиться с собой? С тем, что ты сделала?

Потому что, когда я формулирую это вот так – даже мысленно, – я понимаю, что это звучит безумно. Но когда в Модсли меня начали снимать с наркотиков, когда я начала выходить из тумана и возвращаться к скорби, вине и стыду, я увидела именно это место. Воспоминание о том, как я стояла на краю утеса в платье в горошек и в резиновых сапожках, пальцем указывала на море, и голос мой был полон уверенности. Маяк в темноте.

Я не солгала Келли о том, во что верю или не верю. Это сложно. Я знаю, что у меня биполярное расстройство. Но, может быть, у меня есть и что-то еще. Возможно, я всю жизнь не верила в это, отрицала, называя это лишь диссоциацией и бредом, но теперь все иначе. Теперь я хочу в это верить. Я хочу, чтобы в прежней жизни я действительно была человеком по имени Эндрю Макнил. Мне нужно, чтобы это было правдой. И если мои детские слова о том, что его убили, были правдой, то, возможно, правдой было и все остальное. Может быть, все, что говорила мама, было правдой.

Чарли ошибается. Я здесь не для того, чтобы писать историю Роберта. Я хочу переписать *свою собственную* историю. Потому что если я когда-то была человеком по имени Эндрю Макнил, то смогу ужиться с собой. Я смогу снова смотреть в зеркало и не ненавидеть ту, кого вижу. Это эгоистично, безрассудно, даже смехотворно – и, вероятно, это самая опасная из опасных дорог, – но утопающая женщина ухватится за что угодно, лишь бы остаться на плаву.

Звук – тот самый звук, непонятный, но близкий – заставляет меня обернуться, вскрикнув. Свет моего фонаря освещает с полдюжины или более ярких серебристых глаз, и я едва не кричу в голос. Пока не

слышу очень злобное «бе-е-е», за которым следует приглушенный стук копыт.

Но когда овцы уходят, растворяясь в далекой ночи, я все равно чувствую *это*. Что-то. Кого-то. Я вздрагиваю, вспоминая слова Чарли о *тонких местах* и кораблях-призраках. Машу фонариком туда-сюда, не видя ничего, кроме дороги, травы и пушицы. Но на этот раз я не говорю: «Эй». Я вообще ничего не говорю. Потому что вдруг мне становится слишком страшно – и слишком сильна моя уверенность, что кто-то мне ответит. Что это «кто-то» стоит там, в непроглядной тьме, за гранью досягаемости моего фонарика.

Глава 7

Роберт

Жители островов жалуются на все. На что угодно. Это их постоянное занятие. Возможно, это единственное, что дает нам хоть какое-то чувство контроля в мире, где погода дикая, море жестокое, а почва сухая или торфянистая. И вот мы все сидим в своих домах, пабах и церквях, неделю за неделей, месяц за месяцем, и жалуемся. И абсолютно ничего не меняется.

– Итак… Значит, мы сошлись на том, что нам нужны еще как минимум два добровольца, которые будут работать в пабе и магазине до Рождества. Три было бы лучше; в прошлом году здесь было больше народу, чем на ярмарке в Глазго.

Кенни стоит перед нами, изображая мудрого лидера, каковым он себя и считает, хотя он моложе Чарли и менее чем на десять лет старше меня. Широкоплечий и чисто выбритый, всегда в клетчатой фланелевой рубашке и джинсах, он выглядит скорее фермером, чем рыбаком, но на рассвете обычно идет к «Единству», пришвартованному в Баг-Фасах, и напоминает при этом угрюмого, измученного капитана Ахава[16], так и не покончившего с морем. Или с собственной значимостью.

– Поспрашивайте у знакомых. Я вывешу список на доске объявлений. Если к следующему собранию не найдется желающих, я сам выберу людей, и они будут отвечать за поиск замены. – Он обводит взглядом помещение и ухмыляется. – Итак, какие-нибудь еще дела, прежде чем мы перейдем к более серьезной работе – тосту за сорокалетие Чарли? За стойкой вы найдете бутылку виски «Макаллан», записанную на наше имя.

– Только одно маленькое дельце, – отвечает Юэн Моррисон. – Университет Глазго подтвердил расширение своего раскопа. – Он встает, стягивая слишком узкий твидовый пиджак на слишком большом животе. В любом другом месте Юэн Моррисон председательствовал бы на этих встречах; в конце концов, именно ему принадлежит основная часть острова. Возможно, мне следует рассматривать Кенни Кэмпбелла как приемлемую альтернативу.

– Мы знали, что так и будет, – продолжает Юэн, заглушая общее полусонное бормотание. – Но в такое время года это должны быть ограниченные раскопки с небольшой бригадой. Они всё еще обещают закончить их к следующему лету.

Из-за шума раскопок Клух-Ду стал еще одним источником ленивых жалоб, как и погода. Иногда я выхожу на хребет и наблюдаю, как археологи – в дождь или солнце – стоят на четвереньках в длинных траншеях на вершине Торр-Дисирт. В этом месте царит спокойствие, напоминающее о стоячих камнях на скалах Ор-на-Чир. Неподвижность, которую не нарушают ни ветер, ни шторм, ни голоса. Суровая и хрупкая, она напоминает мне о доме.

Дверь паба с грохотом распахивается, впуская мощный порыв холодного воздуха. Входит усмехающийся Джимми, все еще в непромокаемой одежде. Он работает на рыбацком судне из А'Харнаха, но, несомненно, рассчитывает на место в команде «Единства» или даже на одном из глубоководных траулеров северных бухт. В девятнадцать лет рыбак всегда бесстрашен.

Его ухмылка угасает, когда он видит, кто занимает место за барной стойкой. Сегодня вечером Алек уже изложил все, что хотел, – и ничего конструктивного. Если жаловаться – это любимое занятие островитян, то его любимое занятие – ссориться. Мужчины предпочитают выпивать со мной. В Абердине я был знаком со многими вахтовиками, и у всех у них был такой же диковатый взгляд: как будто они оставляли позади изрядную часть себя каждый раз, когда возвращались с моря на стрекочущих вертолетах «Сикорски». Пару ночей назад Алек с Джимми чуть не подрались из-за чего-то, и единственное примечательное в этом то, что Алек сдал назад первым.

– Пинту, да? – спрашивает Алек, и проходят долгие, неловкие секунды, прежде чем Джимми кивает.

Получив пиво, он проходит в зал и снимает мокрую куртку, прежде чем сесть.

– Рад, что застал вас. Слушай, я знаю, что мы перечислили деньги в фонд похорон экипажа «Левербурга», но я подумал, что мы могли бы начать еще один сбор для семей. Может быть, здесь, в пабе?

– Мойра с удовольствием сделает ящик для сборов, Джимми, – отвечает Чарли. – Том, ты не против, если он будет стоять на барной стойке?

Том Стюарт поднимает глаза от пепельниц, которые протирает в другом конце паба. Он редко принимает участие в таких совещаниях, предпочитая слоняться по периферии под видом занятого хозяина, ничего не сообщая, пока его не спросят напрямую. У него есть жена Кейт, которая, по словам Мэри, не осмелится даже сказать «бу» гусю, и годовалая дочка Келли, которая, как я видел, ползает по полу паба, пока ее руки и колени не становятся черными. А Том продолжает стоять за стойкой, ухмыляясь и не обращая внимания ни на кого, кроме себя, вычищая пепельницы и полируя до блеска пинтовые кружки. Он поправляет слишком большие для него очки на длинной переносице, а затем складывает тощие руки на груди и кивает.

– Конечно, Чарли. Не нужно и спрашивать.

Это всегда иррационально. Гнев. А может, и не гнев – он ведь возникает от нежелания испытывать что-либо еще. Страх. Стыд. Чувство вины. Это то, что кажется абсурдным. Ненавидеть рыбаков, потому что ненавидишь море. Потому что ненавидишь то, что море делает с ними.

И их бесконечную, бессмысленную, упрямую стойкость.

– У меня вопрос к Юэну. – Все поворачиваются и смотрят на меня. – В прошлом месяце я спросил, не намерен ли ты продать часть своих угодий общине с правом выкупа для всех желающих. – Я изо всех сил стараюсь не реагировать на страдальческий вздох Юэна. – Земельный фонд снова начнет принимать заявки через несколько месяцев. Я просто хочу…

– Мы всегда заботились о наших арендаторах, – отвечает Юэн. – Мы всегда были справедливы. На прошлой неделе я заходил к вам, и Мэри сказала, что вы оба очень довольны своим жильем, никаких жалоб нет.

Я встаю.

– Ты был в Блэкхаузе?

– Ты был на Западном Мысу, – парирует Юэн. Он расправляет плечи, но не смотрит мне в глаза. – Если у тебя есть какие-то вопросы по поводу аренды или содержания земли или зданий, договорись со мной о встрече, чтобы обсудить это.

– Ты не мой лэрд, Юэн. И то, о чем я прошу, нельзя назвать неразумным. Жители Эйгга подали заявку на покупку всего острова, ради всего святого! Если ты забыл, почему по всему острову стоят

каменные кайрны, то вспомни, что у нас давняя история борьбы с жадными землевладельцами.

Я пообещал Мэри, что не буду этого делать, не позволю своему гневу разрушить наше начинание. Но желание владеть собственной землей коренится – в буквальном смысле – в моей потребности иметь твердую почву под ногами. Что-то, что принадлежит мне. То, на что я могу положиться. То, чему я могу доверять. Острова – это часть меня, и я вернулся, чтобы стать их частью. И чтобы дать Кейлуму то, чего у меня никогда не было. Дом. Землю невозможно разбить о скалы и разметать по морю.

– На этом острове никогда не было мятежей. Ты не пробыл здесь и пяти минут, а уже думаешь, что начинаешь войну с землевладельцами? Господи, это же не девятнадцатый век!

Кенни, словно акула, почуявшая кровь, подается вперед.

– Да, но ведь Том уже поднимал эту тему, не так ли? И не раз.

Я с удивлением оглядываюсь на Тома, все еще опирающегося на барную стойку и чистящего пепельницы. Он бросает на Кенни косой взгляд, а затем кивает Юэну.

– Роберт арендует дом и землю на Ардхрейке уже более восьми месяцев, так что он имеет право спрашивать. – Кенни бросает взгляд на Брюса. – Твоя семья всегда арендовала у Моррисонов больше земли, чем кто-либо другой. Что ты думаешь по этому поводу?

– Возможно, пришло время рассмотреть эту идею, Юэн, – говорит Брюс.

Он на несколько лет моложе меня; вскоре после моего приезда Брюс рассказал мне, что всего пять лет назад взял на себя управление фермой своего отца в дополнение к своей собственной, и я догадываюсь, как это тяжело. При росте в чуть выше ста семидесяти сантиметров и при изрядной худобе, наводящей на мысль, будто он постоянно чем-то болен, Брюс тем не менее добивается, чтобы его услышали, и для этого ему никогда не приходится кричать. Ему никогда не приходится злиться. Я восхищаюсь и этим его качеством. И тем, что он никак не прокомментировал цену, которую я заплатил за стадо гебридских овец, не зная, сколько они на самом деле стоят. Когда в конце октября он предложил мне помочь со случкой для своего стада, мне даже не пришлось поступиться гордостью, чтобы согласиться –

первый сезон разведения овец у фермера должен пройти удачно, если он собирается дожить до второго.

– Хорошо. – Юэн теряет некоторую часть наглости. Он шире расставляет ноги, протягивает вперед ладони. Дипломат. – Безусловно. Может быть, в новом году?

– Моя мамаша всегда говорила мне, что лучше ковать железо, пока оно горячо, – с улыбкой отвечает Кенни. На землю ему наплевать, как и на всех нас; его конек – делать ставки и натравливать людей друг на друга. – Может, включим это в повестку следующего собрания? Посмотрим, в какую сторону подует ветер. – Никто не возражает; он удовлетворенно кивает и направляется к стойке. – Ну вот, мы закончили. Давайте выпьем.

Когда я встаю, чтобы уйти, Юэн преграждает мне путь.

– Не знаю, какую игру ты затеял, Рид, но предупреждаю: никто не любит людей, которые создают проблемы.

Я смотрю на его толстые розовые пальцы, вцепившиеся в рукав моей рубашки. Когда он наконец разжимает их, я ловлю его взгляд и удерживаю его.

– Я не хочу создавать проблемы, Юэн. Я просто считаю, что мужчина должен владеть своим домом, землей, на которой он работает. Точно так же я считаю, что человек должен владеть только тем, что ему нужно, и не больше.

На круглых щеках Юэна блестят капельки пота. И его задорный смех – лишь показуха для окружающих, потому что глаза его злобно прищурены.

– Ты в буквальном смысле слова собираешься умереть на этом холме, Роберт?

Я отворачиваюсь от него и выхожу из паба, не отвечая и не глядя ни на кого. Воздух на улице холодный, и я вдыхаю его, наслаждаясь щекоткой в ноздрях и резью в легких.

– Эй, Роберт! Подожди, – говорит Чарли, открывая дверь за моей спиной. – Ты не останешься выпить?

Двое ребятишек Макдональдов, Лорн и Шина, играют возле магазина. Жена Алека, Фиона, должно быть, стоит за прилавком. Я подумываю о том, чтобы купить бутылку виски, но это не Абердин. Здесь я лучше буду пить в одиночку, чем бесплатно.

– Я согласен с тем, что ты там сказал, знаешь ли. Дело в том, что таких, как мы, всегда ущемляют такие, как он. – Чарли фыркает, и в воздухе между нами появляется белый туман. – Видимо, им не нравится, когда мы тесним их в ответ.

– Еще не встречал рыбака, который так хлопотал бы о земле.

– У меня есть земля. Собственный участок. Я не Кенни. Я не хочу навсегда оставаться рыбаком. – Что-то появляется в его глазах. Я узнаю́ это. Выражение жути, от которой мне становится стыдно.

– Я не хочу навсегда оставаться фермером, – отвечаю я. И это своего рода предложение мира.

– Может, мы могли бы работать вместе? – Он улыбается, и из его взгляда пропадает страх. Он снова просто Чарли Маклауд. Улыбчивый, обаятельный, всеобщий друг. Человек, который громче всех поет в пабе, помогает женщинам нести тяжелые сумки, помогает соседям копать торф. Который никогда не поймет, почему он может кому-то не нравиться. Как это вообще возможно. И чья жена выглядит такой же несчастной, как любая другая жена, которую я когда-либо видел.

– Том Стюарт добивался заявки в Земельный фонд? – говорю я, чтобы сменить тему.

– Видимо, хочет стать фермером, а не подавалой в пабе. – Чарли снова фыркает. – Не зря же они с Алеком похожи, как горошины в стручке: живут ради хорошей потасовки… – Он хлопает меня по плечу. – Слушай, я вчера утром встретил Мэри, и она сказала, что у тебя проблемы с квадроциклом. Я больше привык к дизельным двигателям, но двигатель есть двигатель, и я довольно хороший механик. Я бы мог…

– Я сам починю его.

– Хорошо. – Все еще улыбается и кивает. Непробиваемый. – Почему бы тебе не вернуться хотя бы за одной рюмашкой? – говорит он. – Кенни нечасто раскошеливается.

– С днем рождения, Чарли, – произношу я, одаривая его привычной улыбкой. И, направляясь к дороге, едва – только едва – удерживаюсь от того, чтобы не обернуться и не сказать ему, чтобы он держался подальше от моей жены.

* * *

К тому моменту, когда я вижу окна «черного дома», которые отбрасывают на траву золотые блики, на сердце у меня становится легче. Ветер дует мне в спину, осенний воздух густ от запаха торфяного дыма и морских водорослей. Я останавливаюсь и стою в полумраке, прислушиваясь к ярости океана.

Когда был маленьким мальчиком, я лежал на своей кровати и слушал этот же океан. А потом населял его призраками, келпи и богами. Племена и кланы, крепости и сторожевые башни. Неолитические костры, устроенные над подземными пещерами, и погребальные кайрны; побережные маяки, предупреждающие об опасности огненной эстафетой вдоль мысов и скал. Я окружал себя книгами, словно охраной. Я читал их при белом ярком свете, который заливал мою комнату длинными, медленными волнами. Сказания о враждующих кланах, которые в темноте переплывали заливы и выходили на берег, дабы расправиться со своими соседями. Я хотел быть Кетилем Плосконосым, первым норвежским королем Гебридских островов. Или Магнусом Третьим, победившим всех местных вождей, когда *над домами полыхало пламя, а меч короля покраснел от крови*. Все эти боги, духи и воины; эпические саги о битвах и магии, любви и предательстве, триумфе и гибели… Они были моим единственным утешением в мире, в который я не мог вписаться. А потом, когда я разрушил этот мир, они стали моей единственной защитой от того, что я натворил.

Яркая улыбка Мэри угасает, как только я открываю дверь. Она встает с кресла у камина и выключает звук телевизора.

– Собрание прошло настолько хорошо, верно?

Я смотрю, как она идет к буфету. Спокойная грация, прямая спина. Я помню тот день, когда впервые увидел ее: она вышла из здания городского совета Абердина, и направилась к платной автостраде, и шла так быстро, что я запыхался, пока смог догнать ее. Она двигалась так, словно ей никогда не приходилось уступать кому-то дорогу. Это зацепило меня больше, чем ее красота, она была живой, такой, каким я никогда не был.

– Старина Гром, как всегда, был на высоте, – отвечаю я, принимая из ее рук предложенный виски. – Вместе с Морячком Папаем, его помощничком.

– Не нужно их так называть, – просит Мэри. Чокается со мной стаканами.

– Тебя заботит, как я называю Чарли?

На этот раз ее улыбка не гаснет.

– Меня заботит, как ты называешь Кенни и Чарли. Как ты называешь их всех. Меня заботит, что они могут узнать об этом. Фиона рассказала мне, что некоторые мужчины говорили о том, какой ты… необщительный. – Она делает паузу. – Они наши соседи, Роберт. Я хочу, чтобы они были нашими друзьями.

И за этими словами стои́т невысказанное: «Ты хотел приехать сюда. Ты сказал, что здесь будет лучше, чем в Абердине».

Я выпиваю виски одним глотком. Готов поспорить, что «необщительный» – это не то слово, которое они использовали.

– Я говорил Юэну, что хочу еще раз обсудить аренду земли, и он сообщил, что был здесь на прошлой неделе. Почему ты мне не рассказала?

Мэри поджимает губы и, качая головой, смотрит на меня со стоическим терпением.

– Он просто зашел узнать, не нужно ли нам что-нибудь. Не о чем было рассказывать.

– Ты попросила Чарли починить квадроцикл.

– Нет. Я просто поддерживала разговор, Роб. Так принято у людей. – Мэри отставляет виски. Ее глаза становятся жесткими. – Прекрати. Не надо все перевирать. Не делай этого.

Мэри считает, что у меня комплекс притеснения по отношению к этому месту и живущим здесь мужчинам, и, возможно, она права. Потому что, чем ближе зима, тем мрачнее становятся мои сны и страхи. Мое недоверие порождено опытом, хотя вряд ли я могу сказать ей об этом. Но никто здесь не знает, кто я. Кем я был когда-то. Я нападаю, когда еще не от чего защищаться. Возможно, я прожил так бо́льшую часть своей жизни, но я поклялся больше этого не делать. Я резко вспоминаю о своей матери. Не о той *мами*, которая брала меня с собой собирать мидии и называла своим хорошим мальчиком, своим маленьким воином. А о матери, с которой я остался после смерти отца. Как будто весь его гнев, его горькое разочарование перешли к ней, точно *тарашгир*[17] или участок земли. Если я поступлю так с Мэри, то никогда себе этого не прощу.

Я глажу ладонью ее волосы, ее затылок.

– Прости меня. – Наклоняюсь ближе, чувствую жар ее дыхания на своей коже, барабанный бой ее пульса под моими пальцами. – Я ревнивый, брюзгливый козел.

– Тебя не заботят ничьи дела: ни Чарли, ни Кенни, ни Юэна Моррисона. И арендная плата вполне честная, ты же сам мне говорил. Но если тебе действительно важно владеть землей, то враждовать с человеком, которому принадлежит значительная ее часть, довольно опрометчиво даже для тебя.

– Довольно опрометчиво? – Я улыбаюсь, целуя уголок ее губ.

– Банка с монетками за брань уже полна. Я стараюсь следовать тому, что проповедую.

Я прижимаю ее к стене рядом с камином, и она приникает ко мне в ответ. Я издаю стон, когда она сильнее льнет ко мне, и приподнимаю ее настолько, что ей приходится обхватить меня ногами за бедра и руками за шею, и Мэри смеется.

– Кровать вон там, – шепчет она.

– Я хочу тебя именно здесь. – Целую ее, мои пальцы касаются ее нежной кожи под джемпером.

Она стонет под моими поцелуями, начинает дергать пряжку моего ремня, молнию джинсов, и звук, который вырывается у меня, выражает скорее облегчение, чем желание. Когда я снова прижимаю ее к стене, деревянная картина на каминной полке вздрагивает.

Мэри шепчет: «Ш-ш-ш», прижимая мою руку к своей груди. Но, глядя на закрытую дверь, она улыбается и краснеет.

– Кейлум услышит нас.

– Нет, не услышит, – возражаю я. И когда она целует меня снова, сильнее и дольше, я наконец-то могу полностью отдаться этому обжигающему жару. Этому ощущению утешения, подобному скандинавской саге или яркому белому лучу маяка. Медленному, ровному и неудержимому. Полному торжества и гибели.

И потом, когда Мэри гладит кончиками пальцев мои волосы, долго и неспешно, я прижимаюсь лицом к ее шее и произношу вслух слова, которые звучат у меня в голове ежедневно и ежечасно.

– Я просто… Я хочу, чтобы все получилось, Мэри.

Она упирается мне в плечи, и я вынужден отступить. Пальцы у нее прохладные, но от них моя кожа горит.

– Ты всегда такой серьезный, – произносит она, прижимая ладони к моему лицу и целуя меня в очередной раз. Но глаза у нее строгие, темные и немигающие. – Все получится, если ты этого захочешь. Чтобы обладать чем-то, не обязательно иметь это, Роб. Нужно просто верить, что это твое.

* * *

Позже, когда кошмары заставляют меня проснуться, я встаю с кровати и иду в прихожую. Дверь в крошечную спальню Кейлума открыта, и я, прислонившись плечом к косяку, долго наблюдаю за ним. Отсветы ночника – темные звезды на серебристо-синем небе – скользят по его круглому маленькому лицу в такт его тихому дыханию. Любовь, которую я испытывал к нему, когда он родился, была ужасающей, изматывающей. Любовь, которую я испытываю к нему сейчас, кажется настолько большой, что способна заполнить весь мир, всю вселенную, но все же я могу воспринимать ее только по частям и никогда в целом. *Никто из нас не получает того отца, которого заслуживает*.

Я возвращаюсь в главную комнату, бросаю взгляд на спящую Мэри и крадусь к кухонному уголку. Перемена ветра способна пробудить меня от самого глубокого сна, в то время как Мэри, скорее всего, проспит землетрясение. И все же я стараюсь как можно тише открыть люк, и деревянные ступеньки леденят мои ступни, когда я спускаюсь в подвал. Слышу, как ветер гудит в карнизах «черного дома», и этот звук подтачивает мою решимость. Он похож на крики, которые отражаются от высоких скал и обрывов.

«Бояться моря на острове – все равно что бояться гребаного воздуха, парень». В последующие дни и месяцы мне снились кошмары: я тону, задыхаюсь среди соленых волн и водорослей. Хмурые морщины, словно свирепые шрамы, глубоко врезались в его лицо. Потому что он видел только мой страх и ни разу – мой гнев. Ярость, которая росла во мне, как корм для скота.

Я вспоминаю, как лежал в постели и читал о норманнах Западных островов, пока яркий белый луч света медленно перемещался по стенам. Иногда я отслеживал его успокаивающее продвижение по

секундам – всегда одно и то же время, никогда не меняющееся. Мэри права. Я могу уничтожить все, что у нас есть, если не попытаюсь. Попытка возникает из знания. Из способности видеть. Нам нужен наш собственный белый яркий свет. Чтобы защитить нас от темноты и бурь. И от самих себя. Поэтому я подхожу к верстаку у самой дальней стены, беру пилу и один из длинных сосновых брусьев, которые купил в Валтосе. И приступаю к работе.

Глава 8

Похмелье жуткое. Оно скорее психологической, нежели физической природы, и это, конечно, одна из причин, по которой я вообще не должна пить. Просыпаюсь слишком рано с тревожным комком в животе, и первое, о чем я думаю, – это о том, что кто-то стоит в темноте и наблюдает за мной. Второе – о тех странных мертвых птицах, которые все еще лежат в мусорном баке.

Я встаю, принимаю обжигающе горячий душ и пью крепкий кофе. Кладу фотографию Роберта рядом с ноутбуком и начинаю искать в «Гугле» изображения ворон, пока не нахожу одну с черными хвостовыми перьями и серым телом, с острым, изогнутым клювом. *Похожие по внешнему виду и размерам на черных ворон, серые, или «капюшоновые», вороны обитают в Северной и Западной Шотландии и Северной Ирландии. Серые вороны часто упоминаются в кельтской и скандинавской мифологии и ритуалах.* Я вздрагиваю, натягиваю худи и выхожу на улицу. Сегодня на безоблачном небе ярко светит низко стоящее солнце. Я бросаю взгляд на ферму, прежде чем обойти «черный дом» сбоку. Открываю крышку мусорного бака. Две вороны лежат бок о бок: черно-серые тела, грязно-коричневые стержни перьев, глубокие темные глазницы. Нужно ли мне хранить их как некую улику? Для чего? Они – знак угрозы? «Возвращайся домой»? Некий сигнал? Я думаю о *тонком месте*, о котором говорил Чарли. *Там, где порядок встречается с хаосом*. И это меня злит. Если это угроза, – а такое вполне вероятно, учитывая, как меня приняли здесь, и тот факт, что я до сих пор уверена, будто кто-то следил за мной в темноте, – то я демонстрирую тому, кто это делает, именно то, чего он хочет. Реакцию. Но это я могу контролировать.

Захлопываю крышку и возвращаюсь в дом. И заставляю себя отправиться через мыс к ферме Уилла Моррисона, не поддаваясь искушению накраситься или переодеться во что-то получше худи. Вблизи видно, что коттедж недавно выкрашен в белый цвет и в него ведет большая красная дверь. Рядом с ней – резная деревянная табличка: «Tuathanas Àrd Chreag»[18]. Я колеблюсь, подняв сжатую

руку. «Это всего лишь обычное дружеское приветствие. Это знакомство с местными, вот и всё».

И тут большая красная дверь открывается, и в проеме возникает Уилл. Слишком большой, слишком яркий и слишком похожий на себя вчерашнего.

Он ухмыляется.

– Ты опоздала.

Я бросаю взгляд на часы. Сейчас едва ли половина девятого.

– Я проснулся в пять часов, – сообщает Уилл, складывая руки на груди и прислоняясь к дверному косяку. Я делаю вид, будто не замечаю его загорелых и сильных предплечий. Снова. И когда он смотрит на меня слишком долго, беспокойство в моем животе перерастает в нечто иное, и это ничуть не лучше. – Ждал тебя.

Я откашливаюсь, не обращая внимания на жар, который ползет от моей груди вверх по шее.

– Входи, – говорит Уилл, отступая назад, чтобы открыть дверь пошире.

Жилой дом на удивление маленький. Крошечная кухня рядом с еще более крошечной ванной. Выкрашенная в белый цвет гостиная с массивной мебелью и глубоким камином. Пахнет торфом и сосной.

– Здесь не так много всего. Юэн построил его около восьми лет назад, как раз перед тем, как я начал заниматься земледелием. Гостиная, ванная и кухня. Наверху только две спальни, – объясняет Уилл, кивая на узкую крутую лестницу. – Потолки там практически сплошная крыша, если не считать мансардных окон. Хочешь экскурсию?

– О, нет, – отвечаю я и с ужасом понимаю, что мысль о том, чтобы оказаться с ним в одной спальне, кажется мне более интимной перспективой, чем даже танцы на *кейли*. – Всё в порядке, спасибо.

Он направляется на кухню.

– Хочешь кофе?

Я не хочу. Мой желудок все еще восстанавливается после первой порции, но это предложение дает мне возможность увеличить расстояние между мной и ним.

– Кофе было бы здорово, спасибо.

Когда Уилл возвращается, причем слишком быстро, я успеваю отступить назад, когда он протягивает мне кружку. Наши пальцы

коротко соприкасаются, и на этот раз меня действительно словно током ударяет.

– Есть еще одна шотландская традиция, о которой ты, возможно, не знаешь, Мэгги. – Он снова смотрит на меня с медленной, добродушной ухмылкой и кивает в сторону окна гостиной. – Никогда не теряй ни минуты солнечного света.

* * *

Мы идем на запад, мимо «черного дома».

– Видишь все эти темные шрамы на болотинах? – говорит Уилл, указывая землю за дорогой. – Это разрытые торфяники. Скоро мы будем их пожинать.

– Кто – мы?

– Вся деревня, весь остров. В начале апреля начнем снимать дерн, а настоящая работа, нарезка торфа, пойдет в мае. – Он улыбается мне. – Тяжелая, черт возьми, работа, но это лучшее время года. Родственники приезжают отовсюду, чтобы помочь, а когда все готово, мы устраиваем роскошную вечеринку. Она длится несколько дней.

Я улыбаюсь в ответ.

– Сомневаюсь, что тогда я еще буду здесь, так что…

– Никогда не говори «никогда», Мэгги.

Я откашливаюсь.

– Это твои?

Уилл смотрит на полдюжины овец, разлегшихся на дороге впереди.

– Да. Оранжевый и фиолетовый цвет меток – мой.

Он хлопает в ладоши, когда мы подходим к ним, и они медленно встают, злобно блея, а затем уходят на травянистый луг.

– Разве они должны быть здесь?

– Мы не строим ограждений для овец. Они свободно разгуливают по всем островам. Это способствует сохранению природы.

– Чарли сказал, что землевладельцы избавились от жителей островов и заменили их овцами, потому что так получали больше прибыли.

Уилл смеется.

– Ты уже выслушала всю эту историю об эксплуатации, несправедливости и вековых преследованиях? Обычно он приберегает это для туристов, приезжающих летом.

Когда мы добираемся до конца дороги, снова становится слышен шум раскопок. Тот же скрежет и скрип механизмов, который я услышала вчера.

– Итак, как твой официальный гид, я обязан сообщить тебе, что у тебя есть два пути. – Уилл показывает налево. – Юго-западный, который приведет нас по очень грязной Гробовой дороге к не менее грязным Шич-а-Хойн-Вор и Лох-Ду.

– *Шич-а-Хойн-Вор*?

Он ухмыляется, обнажая зубы.

– Логово Большого Пса.

– Рядом с Горой Ужаса.

– О, да, и не говори, что мы тебя не предупреждали. Правдивее было бы назвать его Хренов Унылый Овраг. Он тянется на полмили между Бен-Уайвисом и Торр-Дисиртом, курганом, над которым работают археологи, если тебе вдруг захочется это увидеть. – Уилл указывает на более ярко освещенную местность справа. – Или мы можем пойти на северо-запад, что приведет нас к *Аче-Лурах*, что означает Прекрасное Место, и к *Трай-Вор* – Большому пляжу.

– Думаю, я выберу Прекрасное Место и Большой пляж.

– Мудрый выбор, мэм.

Свернув с дороги на мокрую траву, мы минуем высокое плато, огороженное каменной стеной.

– Кладбище Килмери, – поясняет Уилл. – Все кладбища здесь выходят на море. Вид на вечность гарантирован.

– Ты слышал о *тонких местах*? Чарли говорил…

– Господи, да ты уже успела отхлебнуть из всех бочек, да? – Он придвигается ближе, щурит глаза. – Я расскажу тебе кое-что, чего Чарли, вероятно, не говорил тебе об этом месте.

– Что?

– На этих кладбищах нельзя хоронить людей, которые здесь живут.

– Что? Почему?

Уилл касается плечом моего плеча.

– Потому что они еще живы.

Я выдыхаю – до этого момента я даже не подозревала, что сдерживаю дыхание.

– Смешно.

– Это просто место, Мэгги. Оно не таинственное. Это не магия. Оно не более одухотворено, чем чертов аэропорт Глазго.

– Полагаю, ты не веришь в то, что я – перевоплощение Роберта Рида? – выпаливаю я, не успев осознать, что собираюсь это сделать.

– Я слышал о Роберте в пабе вчера вечером, – отвечает Уилл. Он смотрит на кладбище, потом снова на меня. – Вся эта история с Эндрю-Робертом – и то, что он жил в Блэкхаузе… Я имею в виду, это довольно… безумно.

– Роберт как-то сказал Чарли, что он родом из Ардшиадара в Уике. А вчера я узнала, что некий Эндрю Макнил родился там в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году.

– Черт. – Уилл качает головой. – Это…

Я слабо улыбаюсь, мои щеки горят.

– Да.

– Эндрю Макнил действительно существовал? Это… – Он снова качает головой, выражая недоверие, но затем выражение его лица снова становится серьезным. – Весьма необычно. Но ведь все возможно, верно?

– Да, – повторяю я.

– Слушай, я знаю, что, с тех пор как ты приехала, тебе пришлось нелегко. Люди относятся к тебе… – Уилл останавливается. – Мы переехали на остров уже после того, как все случилось, но мама всегда говорила, что ситуация тогда была еще очень острой. Смерть Лорна и Роберта была свежа в памяти. Острову потребовалось много времени, чтобы оправиться от этого. Думаю, твой приезд сюда всколыхнул все заново. – В его улыбке сквозит сочувствие. – Вот это и есть причина враждебности. Это пройдет. Я говорил об этом вчера вечером, когда сказал, что они хорошие люди.

Я хочу рассказать ему о мертвых птицах. О человеке, наблюдающем за мной в темноте. Даже о том, почему я здесь, почему приехала на этот остров. Но мне уже не безразлично, что он подумает обо мне. Рави знал обо мне все – он всегда настаивал на том, чтобы узнать каждый темный и захламленный уголок, каждое побуждение, каждую мысль, желание и слабость. И если он и смотрел на меня

когда-либо так, как смотрит Уилл, я об этом забыла. Я слишком привыкла к жалости, раздражению и наставлениям. Я слишком привыкла к тому, что меня осуждают. И что почти всегда я оказываюсь неугодной.

Некоторое время мы идем в молчании. В поле зрения появляется следующий мыс, и прямо посреди него возвышается здание. Трехэтажное, с темными базальтовыми стенами, оконными проемами из розового песчаника, ступенчатыми фронтонами, а над крышей на шесте реет флаг с андреевским крестом.

– Ух ты! Это, наверное, Биг-Хуз, да?

– Да, это Особняк Лэрда.

– Боже. Он просто огромен! Неудивительно, что Чарли…

– О господи, избавь меня от того, что Чарли говорит об этом, – обрывает меня Уилл, и впервые в его голосе звучит раздражение. – Юэн Моррисон сделал много хорошего для этого острова, и Чарли это знает. Этот дом и этот мыс – почти все, что осталось от владений Юэна после того, как тот продал все остальное жителям острова.

– Прости. Я, конечно, все понимаю, но все-таки… Ты только взгляни на этот особняк. – Я пожимаю плечами, делая вид, будто не переживаю, что разозлила его. – А его твидовые костюмы? Гламурная жена. Это…

– Осторожно, – замечает Уилл. – Ты говоришь о моей маме.

– Черт! – На этот раз мое лицо вспыхивает так, что можно обжечься. – Черт! Прости меня. Это было так грубо… Я не знала, что они твои родители. Боже, я всегда… у всех здесь одинаковые фамилии и…

Он кладет теплую руку мне на плечо, и когда я решаюсь посмотреть на него, то снова вижу улыбку.

– Не паникуй, Мэгги. Ей, наверное, очень понравилось бы определение «гламурная».

Уилл смеется, когда я зажмуриваю глаза.

– Так ты там жил?

– Да. А, дьявол! – говорит он, когда из массивной парадной двери появляется чья-то фигура. – Нам лучше убраться отсюда, пока нас не засекли, иначе нам не спастись.

Мы поднимаемся на невысокий холм, который идет параллельно побережью и которому – каким бы пологим он ни был, – кажется,

никогда не суждено исчезнуть окончательно. Мое похмелье начинает вновь заявлять о себе горячим ознобом и пульсирующей головной болью. Пока мы не достигаем вершины.

– Вот, – говорит Уилл. – Это мое неизменное «ух ты!».

У подножия холма раскинулся огромный зеленый луг, простирающийся до самого горизонта. Он великолепен, украшен серебристыми озерцами, золотым зимним вереском и валунами, которые сплошь покрыты мхом и оранжевым лишайником.

От этого в моей груди раскрывается что-то зыбкое и хрупкое; чувство тоски, которое, как я полагаю, сродни благоговению или удивлению. Это необычайно красивое место, полное света и цвета, так противоречащее холодному запустению этих внутренних болот и теснин. Это какое-то детское чувство – трепет, непонятный, но безопасный, восторг перед Рождеством, Хэллоуином, перед историей о призраках, которую рассказывают шепотом, лежа в теплой постели. Я чувствую, как на глаза наворачиваются непрошеные слезы, и смаргиваю их.

– Это действительно чудесно, – с трудом выговариваю я.

Когда Уилл берет меня за руку, ощущение удара током усиливается.

– Это *махир*. Дюнные пастбища, их основа образована песком и ракушками, принесенными с пляжа. Через несколько недель они станут еще прекраснее. Вся местность превратится в ковер из полевых цветов.

Я отпускаю его руку и самозабвенно смеюсь.

– Это определенно куда волшебнее, чем чертов аэропорт Глазго.

Когда мы пересекаем луг и добираемся до ближайшего обрыва, я снова слышу море. Вся внутренняя сторона откоса испещрена норами – одни размером с кулак, другие с обеденную тарелку; одни мелкие, другие достаточно глубокие, чтобы выглядеть непроницаемо черными. И везде – абсолютно везде – прыгают маленькие бурые кролики.

– В дюнах удобно рыть норки. Хотя я считаю, что это место – кроличий эквивалент Мекки. – Уилл улыбается. – Или Магалуфа[19].

Откос крутой, и ближе к вершине ветер начинает завывать над моей головой, треплет волосы и заставляет глаза слезиться. Уилл помогает мне преодолеть последние несколько шагов вверх, и я продолжаю держать его за руку – хотя в этом больше нет

необходимости, – глядя вниз на еще один пустынный пляж с чистым белым песком и прозрачной бирюзовой водой, на Атлантику, простирающуюся до самого горизонта.

– Большой пляж. – Уилл проводит большим пальцем по тыльной стороне моей кисти достаточно мягко, чтобы заставить меня отпустить его руку. – Сюда никто не приходит, потому что это слишком далеко к западу. Плавать здесь гораздо опаснее из-за течений и приливов, но мне нравится. Сюда. Здесь удобный спуск.

Песчаные дюны такие же глубокие и сыпучие, как и на Лонг-Страйд, и к тому времени, когда мы достигаем полосы твердого песка у берега, я уже вымотана и вся покрыта по́том. Поодаль большие волны с грохотом разбиваются о берег и вкатываются на пляж, ветер вздымает над ними венцы брызг и белой пены.

– Две тысячи миль до Ньюфаундленда – абсолютно ничего, кроме океана, нет даже острова-спутника. – Уилл отворачивается от горизонта и протягивает руку, чтобы пригладить мои совершенно растрепанные волосы. – Становится немного ветрено.

Я отступаю назад, притворяясь, будто не вижу, как мерцают его глаза. Потому что я не могу этого сделать: не могу позволить себе чувствовать это вожделение и, что еще хуже, симпатию. Я выздоравливаю. На этот раз я не могу – не буду – полагаться на кого-то еще, пока не научусь полагаться на себя.

– Итак, – говорю я, направляясь вдоль длинной береговой линии. – Как получилось, что ты переехал сюда?

Уилл позволяет мне идти самой, легко шагая рядом со мной.

– Когда я был совсем маленьким, мы жили в Кенилуорте после того, как мой отец сбежал. Мама познакомилась с Юэном в Глазго во время отпуска и сразу определила, что он человек с достатком. А когда Юэн сказал ей, что он родовитый человек и вдовец, видимо, на этом все и порешилось. – Он смеется над моим выражением лица. – Что? Она очень предприимчива, моя мама. Через несколько лет после их свадьбы меня отправили в школу-интернат вместе со сводным братом Иэном – я ненавидел это место хуже, чем Николас Никльби[20]. Первая жена Юэна умерла, рожая Иэна. Он до чертиков ненавидел меня и мою сестру Хизер. И маму тоже. До сих пор ненавидит.

– Где они сейчас?

– Хизер в Эдинбурге. Она никогда не хотела здесь обосноваться – ей не хватало острых ощущений. Или мужчин. А Иэн в Лондоне. Финансовый воротила. Он никогда не хотел владеть поместьем или тем, что от него осталось, и свалил отсюда при первой же возможности.

– А ты этого не сделал?

Уилл сует руки в карманы и смотрит на море.

– Я пытался. Поступил в Стратклайдский университет, изучал инженерное дело. У меня была идея уехать в Лондон, жить вместе с родным отцом в Бэлеме. Но… – Он фыркает, смотрит вниз – на песок и свои ноги. – Мы продержались около месяца. И я вернулся.

Вопреки здравому смыслу, я протягиваю руку и сжимаю его ладонь.

– У меня тоже дерьмовый отец.

Уилл улыбается, но впервые это выглядит натянуто.

– Наверное, все равно ничего бы не вышло. Куда бы я ни поехал… Что-то такое есть в этом месте, оно просто запало мне в душу и осталось там, я так понимаю.

– Ты не хочешь когда-нибудь уехать отсюда?

Он бросает на меня косой взгляд, приподнимает бровь и ухмыляется.

– Это приглашение?

– Нет, – отвечаю я слишком быстро, как полная идиотка.

– А я бы согласился, – говорит Уилл в конце концов, медленно пожимая плечами. – Ради подходящего человека.

Когда я благоразумно умолкаю, он отводит взгляд и начинает снимать ботинки и расстегивать джинсы.

– Хочешь поплавать?

– Что? – Я изо всех сил стараюсь не смотреть на то, как Уилл в считаные секунды раздевается до нижнего белья, но не смотреть на это невозможно. Плечи у него широкие и веснушчатые; мышцы, созданные тяжелым трудом, а не в спортзале, упругие и крепкие. Волосы покрывают его грудь и темной линией спускаются к животу.

– Пойдем, Мэгги. – Он смеется и спиной вперед направляется к волнам. – Поживи немного.

И я сглатываю, потому что хочу этого. Боже, как я этого хочу! Снимаю обувь и после минутного колебания начинаю неловко

раздеваться, лицо мое горит. Уилл не особо старается не смотреть: его ухмылка становится шире, а глаза теплее.

Вода ледяная. Она настолько прозрачная, что я вижу песок под ногами и между пальцами. Зайдя дальше, я снова позволяю Уиллу взять меня за руку, потому что эти волны с белыми венцами ужасно высокие и невероятно бурные. Я вскрикиваю, когда они становятся еще больше, и Уилл ловит меня за талию. Он притягивает меня к себе, руки у него теплые, мокрые волосы вьются у висков.

– Не так уж плохо, правда? – спрашивает он.

Зубы у меня стучат, когда я усмехаюсь и хватаюсь за его плечи. И несмотря на то, что пять минут назад сказала себе: «Я не могу этого сделать», кровь бурлит в моих венах, а сердце стучит – колотится, как в нелепом выражении, – словно мне плевать на все на свете. А потом это действительно становится правдой. На мгновение – всего лишь на одно мимолетное прекрасное мгновение – меня перестает что-либо волновать.

* * *

Мы сидим на самой высокой дюне, защищенной от ветра обрывом. Я утомлена, и моя кожа зудит, а губы и щеки болят от улыбки. Когда Уилл лезет в рюкзак, я смотрю на его руки, на изгибы мышц, на темные канаты вен.

– Клин клином вышибают. – Он достает два пластиковых стаканчика и бутылку вина, с которой стекает конденсат.

– Ты принес вино?

Эта медленная, ленивая улыбка…

– Принес.

Я вдруг остро осознаю́, что если предметом моего исследования был Уилл Моррисон, то я очень хорошо поработала. Я уже знаю о нем больше, чем даже о Келли. Не говоря уже о Роберте Риде. Я исследую вены на его руках, черт возьми. Его теплую и внимательную улыбку, когда он протягивает мне стакан, наполовину наполненный вином.

– Ты был здесь в девяносто девятом? – спрашиваю я. – Когда я впервые приехала на остров?

Уилл качает головой.

– Мне было… около восьми лет? Я уже успел обосноваться в школе для мальчиков в Скотстоуне. – Он улыбается. – Но я слышал о тебе впоследствии. Ты была словно героиня сказки братьев Гримм. «Не будь плохим маленьким лжецом, как Мэгги Маккей, иначе мы изгоним тебя с острова», и все в таком духе.

– Правда?

– Не совсем. – Он смеется. – Но отчасти правда. Ты помнишь это?

– Мой приезд сюда? – Я киваю, вспоминая тот обрыв, мой указующий палец.

Уилл присвистывает.

– Ничего себе! А вот я едва помню, что делал на прошлой неделе, не говоря уже о тех временах, когда был маленьким.

– Я помню только обрывки, а толку от них мало, – признаю́сь я. Я не скажу ему, что эти воспоминания похожи на кошмары, которые я видела в этом месте, – смутные и неотчетливые, но всегда присутствующие, неизменные и неизгладимые. – А что насчет Роберта Рида? Что ты о нем знаешь?

Уилл опирается на руки, заведенные за спину.

– Только то, что он прожил на острове год или около того, пока не умер. Что он был фермером, родом с Льюиса, который уехал на материк много лет назад. И что, судя по всему, он был не очень хорошим парнем.

– А как он умер?

– Был шторм. Один из тех, что случаются раз в десятилетие. Большие волны, темное море. Он зашел в воду, и больше его не видели. – Он смотрит на меня. – Это было куда страшнее, чем сказки братьев Гримм.

– Кто-то видел его? Действительно видел, как он заходил в воду?

Уилл кивает.

– Думаю, да.

– Завтра я встречаюсь кое с кем. В доме Айлы Кэмпбелл.

– Что ж, это хороший знак. Обычно люди без голосования в кругу друзей не могут договориться даже о том, кто купит первую порцию пива после звона колоколов. И если они согласились встретиться с тобой, значит, не будут возражать, если ты спросишь. Я всегда считал это странным, понимаешь? Зачем кому-то заходить в море в разгар

шторма? И почему именно здесь, на этом пляже? Где и в хороший-то день сумасшедшие приливы и отливы?

– Подожди. – Я подаюсь вперед. – На этом пляже? Он утонул именно здесь?

Уилл моргает.

– Я полагал, что ты знаешь…

У меня по позвоночнику медленно распространяется холодок, когда я смотрю на волны и думаю о тех двух тысячах миль до Ньюфаундленда, где нет абсолютно ничего.

– Как ты думаешь, его могли убить?

Уилл долго смотрит на меня.

– Ты собираешься об этом написать?

И поскольку я не хочу ему врать, я ничего не отвечаю.

– Это место… это не муниципальный округ в Пекхэме и не задворки в Глазго, – в конце концов произносит Уилл. – Не пойми меня неверно, здесь много опасностей. Много того, что может тебя убить. Но только не люди. На всем острове Льюис-и-Харрис за пятьдесят с лишним лет произошло одно-единственное убийство. Здесь тебя может убить земля. Или твоя собственная глупость. А чаще всего – море. – Он снова опирается на руки и смотрит на волны, уже более буйные, чем тогда, когда мы были на берегу. – Их тела так и не выбросило на берег – ни его, ни Лорна; они просто затерялись там навсегда.

Я больше не хочу смотреть на море, поэтому ложусь на спину и смотрю в невероятно синее небо. Мы с мамой часто проводили часы на Саутэнд-бич, глядя на облака. Она говорила, что каждое из них похоже на меня. Я всегда злилась из-за этого, расстраивалась, что она не хочет играть в эту игру как полагается, пока однажды мама не повернулась и не посмотрела на меня с таким необычайно торжественным выражением лица, что оно показалось мне грустным.

«Я вижу тебя повсюду, милая. В хороший день я даже вижу тебя в зеркале. – Ее улыбка, помнится, слегка дрогнула, и я подумала, не собирается ли она заплакать. – Ты – все самое лучшее, моя дорогая, самое замечательное, что есть в моей жизни». В восемь или девять лет я спрятала это воспоминание подальше. Положила в коробку, которая, как мне казалось, должна была понадобиться позже.

Теперь мне хочется знать, сколько раз она пережила тот же изнуряющий ужас, который испытала я, наблюдая за тем, как демон заползает в ее гроб. Как часто она теряла контроль над собой. Потому что в тот день в крематории для меня все изменилось. Я больше не знала, кто я такая. А если начинаешь сомневаться в себе хоть в чем-то, то начинаешь сомневаться во всем. Я поняла, что приезд сюда – это не только побег, но и надежда на отпущение грехов. Заманчиво начать все с нуля. Стать кем-то другим. Тем, кто обладает убежденностью, уверенностью, которой обладала та маленькая девочка, кричавшая: «Я Эндрю Макнил!» Тем, у кого есть дар, а не проклятие. Тем, кому не за что стыдиться или винить себя. *Желание, чтобы что-то оказалось правдой, может быть очень опасной дорогой*, но это дорога. По ней нужно идти.

– Черт!

Я поворачиваюсь и вижу, как Уилл подхватывает падающую бутылку с вином, когда с моря налетает сильный порыв ветра. Приподнявшись, вижу нечто за его плечом. Кто-то стоит на утесе над западным концом пляжа, где мыс Роэнесс протягивает в море свой узкий «палец». Фигура высокая, прямая и совершенно неподвижная, как камень, поставленный по погибшим рыбакам на утесе над Лонг-Страйдом. Этот человек наблюдает за нами.

– Кто это, черт возьми?

Уилл поворачивается, смотрит вверх.

– О, это Сонни. – Он вытирает песок с горлышка бутылки. – Отшельник острова Килмери. Он живет там, на Западном Мысу, уже много лет – сколько я себя помню – в однокомнатной хижине. Люди иногда приносят ему еду, но он вполне самодостаточен и предпочитает, чтобы его не трогали.

Я наблюдаю за этим силуэтом, пока он продолжает наблюдать за нами, и думаю о том человеке в темноте. Выдыхаю, только когда он отворачивается от края обрыва и исчезает из виду.

– Эй, он ничего тебе не сделает. Он безобидный. – Уилл кладет руку мне на плечо. – Он просто Сонни.

Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить:

– Ты еще не спросил меня, верю ли я в это. Верю ли я в то, что когда-то была Эндрю Макнилом.

– Полагаю, ты мне расскажешь, – отзывается Уилл, поймав мой взгляд и не отпуская его. – Если захочешь поговорить об этом.

Я откашливаюсь. Неуклюже поднимаюсь на ноги.

– Нам, наверное, пора возвращаться.

Он кивает и встает, смахивая песок с джинсов.

– Келли говорила, что тебе нужно в Сторноуэй. Я отвезу тебя.

– Ты отвезешь меня?

– Конечно. Мне все равно нужно туда съездить. Во вторник, хорошо?

И когда он снова улыбается, а я киваю – без колебаний, без каких-либо сомнений, – то понимаю, что Келли была права. У меня проблемы.

Глава 9

В понедельник я просыпаюсь рано и успеваю побродить по «черному дому» пару часов, прежде чем беспокойство берет верх. Несмотря на то, что собирается дождь, я надеваю плащ и ботинки и, прежде чем выйти на дорожку, выглядываю через маленькое окошко в двери. Каждое утро я проверяю, не появились ли за ночь странные мертвые птицы; это может превратиться в нездоровую привычку. Дойдя до дороги, поворачиваю направо, прочь от Блармора. У меня возникает соблазн снова отправиться на северо-запад, в ту местность, где расстилается *махир*, водятся кролики и грохочет океан, но вместо этого я сворачиваю на юго-запад, на грязную Гробовую дорогу, ориентируясь на шум раскопок.

Я предполагаю, что достигла Логова Большого Пса, когда дорога становится все более мрачной и грязной; слева от меня высится Бен-Уайвис, а справа – медленно нарастающая гряда земли и травы. Я догадываюсь, что это Торр-Дисирт, – еще до того, как звуки техники и крики становятся громче, – но все равно испытываю облегчение, когда дорога расширяется настолько, что я могу увидеть экскаваторы и людей, которые эти звуки производят.

Гряда оказывается шире, чем я себе представляла, – наверное, не меньше сотни метров в поперечнике, а вместо одного кургана на ее вершине возвышаются два широких и низких наклонных вала, один значительно больше другого. Я поднимаюсь на травянистую террасу, которая идет по склону гряды все выше и выше, пока не достигает вершины.

На вершине царит оживление. Человек тридцать копошатся на площадке или горбятся в длинных неглубоких траншеях. Рядом с большим курганом и низкой стеной кладбища Килмери на востоке автопогрузчик вывозит грунт огромными ковшами, хотя, похоже, основная часть раскопок ведется на этом конце гряды.

– Вам что-то нужно? – спрашивает девушка-археолог. Она моложе меня, невысокая, светловолосая и хмурая, ее непромокаемые брюки и ботинки заляпаны старой и свежей грязью.

– Извините. Я Мэгги. Я живу дальше по дороге, и мне просто было интересно узнать, что вы здесь делаете.

– Ничего страшного, – говорит другая девушка, обходя ближайшую траншею. На ней джинсы и широкий анорак, темные волосы собраны на макушке в неопрятный пучок, от правого уха до подбородка размазана полоса серой грязи.

– Я не хотела мешать, – продолжаю я. – Я пойду, если что…

– Что вы, всё в порядке. – Она улыбается и протягивает руку. – Я доктор Кумико Окицу. Мико.

Когда я обмениваюсь с ней рукопожатием, первая девушка бросает на меня последний недружелюбный взгляд, а затем поворачивается на каблуках.

– Простите, – говорит Мико. – Люди проявляют слишком большой… интерес к тому, что мы здесь делаем. Это немного замедляет работу.

– Она имеет в виду – мешают нам, – поправляет кто-то со знакомым южнолондонским акцентом, и я поворачиваюсь и вижу улыбающегося молодого человека с бритой головой и козлиной бородкой.

– Я имею в виду – проявляют интерес, – хмурясь, парирует Мико. Я смотрю на траншею позади нее и замечаю Джаза, который сидит рядом с погрузчиком и увлеченно беседует с двумя археологами. – Нет ничего плохого в том, что местные жители…

– Инспектируют нас? – уточняет мужчина.

– Джаз был на самом первом раскопе, – сообщаю я.

– О, он не раз упоминал об этом, – говорит мужчина, закатывая глаза. – И какое оборудование мы должны использовать, и где копать, и как трактовать…

– Все правильно, – отзывается Мико. – Это все равно лучше, чем альтернатива.

Когда Джаз оглядывается, я машу ему рукой. Он не машет в ответ.

– Феми Тинубу, – сообщает мужчина и протягивает мне руку для рукопожатия. Он скалит зубы и окидывает меня с головы до ног коротким взглядом, который кажется достаточно бесцеремонным, чтобы это меня слегка оскорбило.

– Мэгги Андерсон. Я поселилась на Ардхрейке. – Я пожимаю плечами. – Наверное, мне просто любопытно.

– Хотите небольшую экскурсию? – спрашивает Мико.

– Вы уверены?

Она улыбается.

– Я бы не отказалась от перерыва. Пойдемте. Сюда.

Мы втроем идем по мокрой траве к более ровной и людной части гряды, наиболее удаленной от кладбища.

– Ан-Клух-Ду – одно из самых значимых захоронений бронзового века, когда-либо обнаруженных в Западной Европе. «Торр-Дисирт» буквально означает «заброшенный курган», но название, вероятно, произошло от древнескандинавского слова *Dysætr*, означающего «место захоронения», потому что по сути это два круглых кургана, возведенных над могилами. – Мико кивает трем археологам, сидящим на корточках внутри первой траншеи. – К обеду обещают непогоду, так что заранее приготовьте мешки и ярлыки, чтобы сразу все упаковать и прикрыть, хорошо?

Я следую за ней и Феми к концу траншеи, где земля становится более неровной и болотистой.

– Эта часть участка так и не была исследована во время последнего раскопа. После того как сделали крупное открытие в главном кургане.

– Открытие?

– Пожалуйста, позвольте мне рассказать ей, док, – просит Феми и улыбается, когда Мико кивает. – Итак, курган – это просто насыпь из земли и камней. В центре – вырубленные могилы или, если повезет, каменная камера, то есть циста, содержащая кости, останки после кремации; а еще украшения, ценности и тому подобное.

– И вот это все они нашли?

– И еще кое-что. Они нашли два кургана, а внутри – два прекрасно сохранившихся тела бронзового века, одно мужское и одно женское, похороненные в позе «скрюченного зародыша».

– Тела были мумифицированы, – говорит Мико.

– Вы слышали о «болотных людях»? – спрашивает Феми. – Тела, погребенные в торфяниках, сохраняют внутренние органы и кожу в течение десятков тысяч лет. Вы можете увидеть на их лицах морщины, гримасы… Что может быть довольно жутко, учитывая, что многие из них были принесены в жертву.

– Ничего себе! – Я смотрю на невзрачный травянистый курган. Вспоминаю эти черно-коричневые выемки на болоте между

Ардхрейком и Гробовой дорогой – «темные шрамы», по выражению Уилла – и борюсь с желанием содрогнуться. – Но ведь это не болото.

Феми усмехается шире.

– И это были не обычные «болотные тела». Кислый pH торфяника сохраняет кожу и мягкие ткани, но разрушает кости. Эти же скелеты были абсолютно целыми. Сразу после смерти их поместили в болото на время выдержки, – может быть, на год, – а затем снова выкопали. А потом – заметьте – их похоронили в этих курганах только через триста или даже пятьсот лет.

– Почему?

– Должно быть, их где-то держали до этого. Примерно в полумиле отсюда, в сторону Западного Мыса, есть остатки поселения бронзового века. А если вы продолжите двигаться на юго-запад к Ор-на-Чир, буквально к Краю Земли, то найдете стоячие камни старше Стоунхенджа. Этот остров, особенно эта его часть – очаг человеческих жертвоприношений, необычных погребальных обрядов, поклонения предкам. Кто знает, для чего использовались эти мумии… – Феми пожимает плечами. – Может, они были духовными наставниками, может, оберегами, отгоняющими зло… В любом случае, похоже, что они играли очень активную роль в обществе на протяжении веков, прежде чем их перезахоронили в этих курганах.

У меня в голове сразу же возникает ужасный образ: мумия, сидящая во главе обеденного стола.

– Вы думаете, их принесли в жертву?

Улыбка Феми становится еще более задорной.

– Мы знаем, что это так. Переломы черепа, колотые раны, да мало ли что… У них до сих пор сохранились путы на запястьях и лодыжках.

– Феми, – строго вмешивается Мико. – Тебе обязательно рассказывать так, чтобы это было похоже на сюжет романа Стивена Кинга?

– Это скорее напоминает «Франкенштейна», – отзывается он.

Я смотрю на трех археологов, все еще стоящих на коленях в ближайшей траншее, и наблюдаю, как они кропотливо складывают в большую емкость нечто похожее на высушенные комья грязи.

– «Франкенштейна»?

– Это были составные образцы, – поясняет Мико. – Тела. Это были не два человека. Их было *шесть*. Радиоуглеродный анализ в

начале девяносто четвертого года показал, что их скелеты – все, кроме черепа и туловища, – датируются примерно пятнадцатью сотнями лет до нашей эры. Туловище – четырнадцатью сотнями. А черепа – шестнадцатью сотнями – примерно временем Тутанхамона.

– Это…

Феми смеется.

– Охрененная штука.

– В то время это было крупным археологическим открытием. – Мико смотрит на Джаза, все еще сидящего между главным курганом и кладбищенской стеной. – Я уже много лет пытаюсь добиться финансирования, чтобы вернуться к этому. Пока мы тщательно исследуем всю эту гряду, но на самом деле я хочу заново исследовать место первого раскопа – главный курган. Иногда можно найти цисты, вставленные в существующий курган спустя сотни или даже тысячи лет после того, как он был впервые возведен. – Она хмурится. – Нам не нужно разрешение жителей острова, но всегда лучше получить их благословение. Любые находки на этом месте привлекут на остров новых туристов, а для нас – новые средства.

– Услуга за услугу?

– Именно. – Она улыбается, и за ее дружелюбным терпением и вежливостью я вижу твердую решимость. Впечатляющую целеустремленность.

Я думаю о встрече в доме Айлы сегодня днем, и моя нервозность ослабевает. *Услуга за услугу*. Что мешает мне попытаться сделать то же самое? Заставить их думать, будто они хотят того же, что и я. Разве это так сложно? В конце концов, именно так люди успешно поступали со мной всю мою жизнь.

Глава 10

Коттедж Айлы Кэмпбелл стоит в одиночестве посреди пастбища в десяти минутах ходьбы от Блармора. Мико была права насчет погоды: мне приходится преодолевать ливень и ветер, пока дорога не поворачивает на юго-восток. После полудня становится непроглядно пасмурно, и я только тогда понимаю, что добралась до коттеджа, когда вижу рядом с дорогой два его передних окна, озаренных золотым светом.

Когда я стучу в дверь, мне открывает не Айла, а Джаз. Мы смотрим друг на друга в течение долгих неловких секунд, пока я пытаюсь не думать о его вчерашнем холодном приветствии и сегодняшнем утреннем пренебрежении.

Он оглядывается, прежде чем снова повернуться ко мне.

– Это разовая сделка. Никто не хочет снова говорить об этом. – Его укоризненный взгляд так сильно напоминает мне о Рави, что приходится прикусить язык, чтобы унять желание оправдываться.

– Я не знала, что ты был здесь в то время. – Откашливаюсь. – Извини. Я бы сказала тебе, когда ты подобрал меня в Сторноуэе. Если б знала.

И хотя я уверена, что Джаз считает это чистой ложью, он кивает и отступает назад, открывая дверь пошире, чтобы впустить меня.

– Здравствуй, Мэгги, – приветствует меня Чарли из полумрака прихожей. Она маленькая и узкая, в конце ее – крутая лестница с ковровым покрытием. – Все в гостиной.

Моя нервозность возвращается с новой силой, когда я следую за ним и Джазом в гостиную, освещенную тусклым потолочным светом и настольными лампами с бахромчатыми тканевыми абажурами. Айла сидит в кресле с высокой спинкой у камина. Джимми, высокий и суровый рыбак, ссутулился на единственном стуле. Брюс Маккензи сидит на одном конце мягкого дивана, а Джиллиан – посередине.

Чарли берет мой мокрый плащ, и я неловко присаживаюсь на другой конец дивана.

– Никто бы не подумал, что вчера на небе сияло солнце, – говорю я слишком бодро. В камине потрескивает и дымится торф.

– Это Джимми Стратерс, – представляет Чарли. – И Айла Кэмпбелл.

Джимми одаривает меня еще одним пристальным взглядом из-под тяжелых черных бровей.

– Спасибо, что пригласили меня, – говорю я Айле.

Она отворачивается от огня.

– Я живу дальше всех от деревни. – Взгляд у нее прямой и немигающий. Сегодня ее серебристые волосы собраны в огромный пучок. – Мы не хотели, чтобы Макдональды расстраивались. Они не хотят с вами разговаривать. Они всегда считали, что Роберт как-то причастен к смерти Лорна.

– Правда? – спрашиваю я, прежде чем успеваю остановить себя. *Помни, что Мико говорила про «услуга за услугу».*

Гул огня становится неприятно громким, когда мне никто не отвечает. Вместо этого Брюс и Джиллиан обмениваются взглядом, который я не могу расшифровать, а выражение лица Джимми становится еще более мрачным.

– Мы поговорим с вами здесь и сегодня, потому что теперь, когда Чарли рассказал вам обо всей этой истории с Эндрю, мы вряд ли сможем вам отказать, – наконец заявляет Брюс, поворачиваясь и глядя на меня темными глазами. Выражение его лица нельзя назвать недружелюбным, но оно гораздо менее любезное, чем в пабе. – И мы ответим на ваши вопросы, поскольку Айла убеждена, что ваш приезд сюда сейчас и двадцать лет назад был вызван какой-то причиной – и, возможно, не нам судить об этой причине.

– Если говорить начистоту, – говорит Джиллиан с натянутой улыбкой, – мы не думаем, что вы – перевоплотившаяся душа Роберта Рида. Мы также не считаем, что он был убит. Но ради спокойствия и ради того, чтобы вы на этот раз уехали навсегда, мы расскажем вам то, что знаем о нем.

Я снова откашливаюсь.

– Я обнаружила некоего Эндрю Макнила, родившегося в Ардшиадаре в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Возможно, это и не тот Роберт Рид, который жил здесь, но возраст подходит, место подходит…

И, несмотря ни на что, я *верю*, что это один и тот же человек. Бросаю взгляд на Чарли, который не произносит ни слова. В комнате

снова становится тихо.

– Но это не имеет значения. – Я делаю глубокий вдох и выдаю единственное, что не является ложью: – Я не собираюсь писать историю об Эндрю Макниле.

– Разве не в этом был весь смысл? – бурчит Джимми.

– А как же твой начальник? – спрашивает Чарли с непередаваемым выражением лица.

– Я предложу ему что-нибудь другое. Я тоже не хочу снова становиться героем шоу. – И я абсолютно правдива. – Я здесь не для того, чтобы создавать проблемы. Я просто собираюсь написать историю о Роберте. О его жизни. Каково это – жить в таком месте, таком отдаленном, таком диком; о трудностях и наградах этой жизни. О тайне его смерти – о том, что ты, Чарли, рассказывал мне о море, обо всех, кого оно забрало за эти годы. Людям это будет интересно.

Все это звучит не слишком убедительно. Но говорить им, что я хочу написать историю о себе – Эндрю Макниле, – было ошибкой, теперь я понимаю: это слишком вызывающе. Я представляю, что мама сидит рядом со мной за туалетным столиком в красном шелковом кимоно и показывает мне, как нужно улыбаться мальчикам. «На мед можно поймать больше мух, запомни это».

Долгое время все молчат, а потом Айла поднимается со своего места.

– Я принесу чай.

* * *

– Роберт мог быть… трудным человеком, – говорит Джимми, смахивая крошки от булочек на ковер Айлы.

– Не он один, – возражает Джиллиан.

– У него были проблемы. – Чарли качает головой. – Как я уже сказал, он был…

– Он был занудой, – замечает Айла.

– Айла! – восклицает Джиллиан. – Нельзя говорить плохо о мертвых…

– Да, и канонизировать их тоже нельзя. – Айла складывает руки на груди. – Он жаловался абсолютно на все. На погоду, на море, на землю,

на овец, на аренду…

– На Юэна Моррисона, – фыркает Джаз.

– На цену на виски, – добавляет Брюс. – Он ни разу не проставился нам.

– Мы, рыбаки, занимали в его сердце особо «черное» место, – говорит Джимми. – Он нас ни капельки не любил.

– Вы знаете, почему? – спрашиваю я. – Почему Роберт ненавидел рыбаков?

Чарли делает долгий глоток, хотя чай, должно быть, уже остыл.

– Его отец был рыбаком. Они никогда не ладили.

– Вы сказали, что у него было тяжелое прошлое. Что…

– Да, – подтверждает Чарли, опуская чашку – Роберт был сам по себе. С ним невозможно было подружиться. Единственный раз, когда он вообще кому-то доверился, – это когда был сильно пьян. Такому человеку нельзя помочь, пока он сам этого не захочет. И нельзя задавать ему вопросы.

В наступившей тишине Брюс откидывается на спинку дивана, обхватив колени ладонями.

– У нас с ним не было трений. – Он опускает взгляд на свои руки. – Я много времени проводил в Ардхрейке, помогая ему по хозяйству.

– А когда наступала пора уборки торфа, – говорит Чарли, – Роберт, как и все остальные, протягивал руку помощи тем, кто не мог рубить сам.

– Его всегда интересовали раскопки, – отмечает Джаз. – Он много времени проводил у стоячих камней в Ор-на-Чире.

– Подождите. – Я вспоминаю заросший травой курган на хребте. – Это те раскопки – первые раскопки… которые велись в тот год, когда здесь жил Роберт?

– Да. – На лице Чарли появляется призрак улыбки. – Он был почти единственным, кто не возмущался по этому поводу. А это, если его знать, было очень странно. У Роберта почти на все была своя заноза в заднице.

– Он когда-нибудь разговаривал с тобой? – спрашиваю я у Джаза. – Рассказывал что-нибудь о себе?

– Он интересовался историей островов, норманнами и древними кланами, – отвечает тот. – Это было его хобби, мне кажется. Он был

полон вопросов, а я, восемнадцатилетний студент, думал, будто знаю все ответы. Он приходил в Клух-Ду почти каждый день.

Джимми вздыхает.

– Послушайте… Никто из нас не любил этого человека, но на таком острове и в такой деревне, как наша, это не имеет значения. Мы работаем и живем вместе, ладим друг с другом, потому что так мы выживаем. Для этого не обязательно любить человека, но нужно уважать его. Роберт любил свою семью. Он много работал, и не только для себя. А это значит гораздо больше, чем улыбка и хорошее чувство юмора.

– Почему вы не рассказали полиции? – спрашиваю я, переходя на более зыбкую почву. – После его смерти, когда Чарли сказал вам, что Роберта Рида на самом деле зовут Эндрю? Почему вы не сказали им?

Брюс пожимает плечами почти агрессивно.

– Роберт сменил имя не просто так, и мы должны были это уважать. Мы решили, что полиция сама разберется, если это будет иметь значение. После того как он рассказал все Чарли, он умолял впредь ничего не разглашать.

– «Умолял» – это мягко сказано, – дополняет Чарли.

– Роберт никому не доверял, – продолжает Джимми. – Мы решили: меньшее, что мы можем сделать, – это доказать, что он ошибается.

– И мы не хотели проблем. – Джиллиан хмурится. – Может, это тоже было неправильно, но у нас уже был Алек, который кричал на весь мир об убийстве, и… – Она бросает на меня недовольный взгляд. – Это было тяжелое, *черное* время. Весь остров был в трауре, и этого было достаточно. – Она закрывает глаза. – Этого было достаточно…

Когда Брюс обнимает жену и сжимает ее плечо, я чувствую укол вины. Я знаю, что скоро станет намного хуже.

– Вы расскажете мне, что произошло? В ту ночь, когда погибли Роберт и Лорн?

Долгое время тишину нарушает только треск горящего торфа. А потом Айла протяжно и обреченно вздыхает.

– Был шторм. Сильный. В ту зиму и до самой весны у нас было много сильных штормов, но ничто не могло сравниться с этим. В те времена у них не было имен, но этот они назвали *Òrd na Mara*, «Молот

моря». Потому что именно море причинило больше вреда, чем ветер, дождь и молнии, вместе взятые. Оно с ревом проносилось над пляжами и *махирами*, затапливало поля и дома на низменных берегах, сметая все на своем пути.

– Многие из нас были в Сторноуэе, – вспоминает Чарли. – В те выходные там проходил ежегодный фестиваль виски.

Я вспоминаю те фотографии в пабе: улыбающиеся лица – из года в год – под одним и тем же широким транспарантом фестиваля виски в Сторноуэе, натянутым между двумя фонарными столбами.

– Шторма здесь не ожидали до позднего вечера воскресенья, десятого апреля, – продолжает Айла. – Но вместо этого он обрушился в субботу, стремительно и сильно. Я была здесь с Мойрой, женой Чарли. Присматривала за Шиной и Лорном, пока Макдональды были на фестивале. – Она делает паузу, переводит дыхание. – Пыталась развлечь их и моего сына, Дэвида, игрой «Голодные бегемоты», если я правильно помню. А когда это не сработало, достала шоколад, оставшийся после Пасхи. – Она замолкает, и, когда сжимает указательным и большим пальцами переносицу, я понимаю, что руки у нее дрожат. – Лорн любил шторм… – Айла глядит в огонь. – Любил море. У него был маленький ялик с двумя веслами. Он знал, что ему нельзя выходить на воду одному, да и то только по пресноводным озерам и протокам, но… чувствовалось приближение шторма. Воздух был словно наэлектризован, и дети от этого просто с ума сходили. – Она сглатывает. – Мы уложили их вздремнуть, а он, должно быть, улизнул. Никто из нас не заметил. Я устала, у меня всегда сильно болит голова перед штормом. Это было за несколько часов до… до…

– Айла, – негромко говорит Чарли, подходит к огню и обхватывает ее лицо большими обветренными ладонями. – Никто не виноват, *ghràidh*[21].

– А Роберт? – спрашиваю я; голос мой звучит слабо.

– Я видел его на Большом пляже, – отвечает Джаз. – Некоторые из нас вызвались закончить подготовку к урагану на раскопках, пока остальные отправились на фестиваль. Когда шторм начался, примерно в шесть вечера, я вышел проверить брезент и покрышки, а когда услышал грохот волн – это было похоже на минометные выстрелы, – то не удержался и пошел на край утесов Западного Мыса, чтобы посмотреть. И он был там.

– Что делал?

– Просто стоял там. На пляже. Но… – Он отводит взгляд от меня и смотрит в окно, где дождь стучит по стеклу. – Ты была там? На Большом пляже?

Я киваю.

– Половина пляжа тогда исчезла. Просто исчезла. Небо было черным, и грозовые тучи неслись вглубь острова от горизонта, как дым от лесного пожара. И волны… – Он качает головой. – Даже с утесов они выглядели устрашающе. Позднее говорили, что высота волн составляла от сорока до пятидесяти футов при ветре в сто миль в час. – Он смотрит на меня. – Нужно было быть сумасшедшим, чтобы спуститься туда. А он просто стоял там.

– Что ты сделал?

– Я крикнул ему, но это было бессмысленно. И я никак не мог спуститься туда. Когда ветер и дождь усилились, я вернулся на раскоп. – Он снова глядит в окно. – А потом пошел обратно в свой домик.

– Большинство дорог, особенно на западе, были залиты водой, – говорит Чарли, все еще держась рядом с Айлой. – Всем нам пришлось остаться на ночь в Сторноуэе, пока самое страшное не миновало. Когда мы вернулись на следующее утро, – он сжимает ее пальцы, – их обоих уже не было.

Я делаю вдох, пытаясь успокоиться. Уилл сказал: «Я всегда считал это странным. Зачем кому-то заходить в море в разгар шторма?»

– Никто из вас не думал, что Роберт – или Лорн – могли быть убиты?

Атмосфера мгновенно меняется, и мне хочется забрать вопрос обратно. Но как еще я могу двигаться дальше? Как я вообще могу начать что-то доказывать, если не могу задать этот вопрос? Или получить ответ?

– Нет, мы так не думали, – говорит Джиллиан, ее щеки розовеют. – Ты уже знаешь, что нет. И не надо. Их забрало море.

Чарли выпрямляется, звучно хлопнув себя по коленям.

– Она спрашивает, потому что должна. Это то, за что уцепились газеты, когда она была ребенком, – за ее слова о том, что Эндрю был убит.

Я бросаю на него полный признательности взгляд, но он не замечает этого.

– Если кто-то хотел это сделать, – говорит Брюс; в отличие от жены, его лицо не краснеет, оно холодно и спокойно, – убить маленького беззащитного мальчика или озлобленного молодого человека – они выбрали для этого черную страшную ночь. С таким же успехом они могли бы утонуть сами.

– Но почему вы уверены, что Роберт и Лорн утонули? – спрашиваю я. – Или что они вообще заходили в море? Уилл сказал, что их тела так и не нашли.

– Если приливы и течения в норме, тело может выбросить на берег дальше к северу на Льюисе, – объясняет Джимми с бесстрастным выражением лица. – На Скалистом пляже в Валтосе за многие годы было несколько таких случаев. Но чаще всего во время штормов или сильного моря тела уносит на глубину, и больше их никто не видит. – Он пожимает плечами. – Разве что они попадают в рыбацкую сеть.

– Мы нашли лодочку Лорна через несколько дней после того, как это случилось, – говорит Чарли, прислонившись плечом к каминной полке. – На другом берегу. Ее выбросило на Холлоу-Бич.

– А Роберт? Кто-нибудь видел, как он входил в море?

– Мой муж, Кенни, – отвечает Айла, глядя на свои ладони. – Когда «Единство» не вело промысел, он работал на судах по добыче креветок возле Харнаха. В тот день Кенни вернулся позже обычного; мы с Мойрой только что обнаружили, что Лорн пропал, и пытались что-то сделать. Я пробовала дозвониться в полицию, но телефоны не работали, а Кенни даже не мог связаться с береговой охраной по рации на катере. Он вывел нашего колли и дал ему понюхать шапку Лорна. Но было слишком темно, слишком ветрено… – Она вздыхает. – Позже он сказал, что видел человека, заходящего в море на Большом пляже, но, когда ему удалось туда спуститься, там уже никого и ничего не было. Шторм к тому времени настолько разбушевался, что он уже не был уверен, что ему это не привиделось.

– Роберт сказал жене, что идет проверить овец, – дополняет Брюс. – Она подняла тревогу только после того, как он отсутствовал несколько часов.

– Но зачем он полез в море? – спрашиваю я. – Кенни видел кого-нибудь еще? Могу я его спросить?

– Тебе придется потрудиться, – говорит Брюс. – Он скончался.

– Геморрой у тебя скончался, – огрызается Айла; ее маленькие, широко расставленные глаза становятся почти черными. – Мой муж умер. Он *умер*.

Чарли бросает на меня укоризненный взгляд, который я стараюсь не замечать.

– А у тебя геморрой все еще есть, да? – ехидничает Джимми. – Тогда тебе нужно к какому-нибудь чертову врачу. – Когда он подмигивает Айле и одаривает ее удивительно обаятельной ухмылкой, ее плечи расслабляются, и она сдержанно выдыхает.

– Кенни сказал, что тот человек бежал бегом, – говорит она в конце концов. – Позже он подумал – мы все подумали, – что Роберт бросился спасать Лорна. Мы так и сообщили Мэри и полиции. Кенни больше никого не видел, так он мне сказал. И кем бы Роберт ни был, он не был человеком, способным покончить с собой. Только не таким способом. Если б вы видели море в тот день… – Она вздрагивает, и ее голос становится менее напряженным. – Никакое отчаяние не довело бы человека до такого.

Она ловит взгляд Чарли, и я замечаю, как тот почти незаметно качает головой.

– Что? – Мое сердцебиение учащается. – Чарли?

Он хмурится.

– Ничего. Некоторые люди говорили…

– Алек говорил, – хмыкает Джиллиан.

– Что у нас… на острове завелась какая-то беда. Проклятие, – говорит Чарли. – На раскопках… нашли несколько мумифицированных тел и выкопали их. Глупая суеверная чепуха, но…

– Что за беда?

Чарли снова качает головой.

– Погода в тот год была плохая. Кормовые культуры не уродились. Сезон бурь наступил поздно, но когда он наступил… – Он откашливается. – За несколько недель до смерти Роберта и Лорна мы потеряли нескольких овец.

– Они заблудились?

Атмосфера в гостиной Айлы снова меняется – она кажется мрачной и гнетущей. Я понимаю, что никто ни на кого не смотрит.

– Они были убиты, – говорит Чарли.

– Убиты?

– Такое случается. На овец могут напасть собаки или хорьки, даже дикие кошки. А гебридцы – гораздо более мелкая порода, чем шотландские черномордые. – Но в его голосе нет убежденности. Я думаю о коричневых стержнях перьев, о черных глазницах, глубоких, овальных и пустых…

– Это было *черное* время, как сказала Джиллиан, – произносит Брюс; плечи у него так же напряжены, как у Чарли. – Страсти накалились. Люди на взводе, отношения натянутые… А люди во всем мире склонны к суевериям, когда значительная часть их средств к существованию, их жизнь, их выживание зависит от случайности. – Его губы сжимаются в тонкую линию. – Всем нужно кого-то… что-то… обвинить. И Алек – не только Алек – винил в первую очередь Роберта, а во вторую – раскопки.

– Это было похоже на проклятие, – соглашаюсь я, думая о фразе Феми: «Этот остров – очаг человеческих жертвоприношений, необычных погребальных обрядов». Я не могу избавиться от образа составного мумифицированного тела, сидящего во главе обеденного стола.

Дождь усиливается. В наступившей тишине я слышу, как он барабанит по окнам гостиной и деревянной входной двери.

Наконец Джаз кивает, его лицо не выражает ничего.

– И оно вступило в действие, когда мы раскопали «болотные тела».

* * *

Мы с Чарли остаемся после того, как все уходят. Пока мы с Айлой собираем чашки и тарелки, я чуть не опрокидываю фотографию в маленькой деревянной рамке, стоящую на кофейном столике.

– Это мой Дэвид, – говорит Айла, взяв ее в руки. – На следующей неделе ему исполнится двадцать восемь лет. Я не знаю, куда уходит время. – Она протирает стекло локтем своего кардигана. – Мне

говорили, что я не смогу иметь детей, и он стал нашим маленьким чудом.

На фотографии ему не больше пяти или шести лет. Маленький, румяный, с копной светлых волос и зубастой улыбкой. Я думаю о том, что Дэвид, про которого говорила Келли, живет в Глазго – «холостой и чертовски горячий», – и едва не начинаю смеяться.

– Я так и не простила себе ту ночь, – говорит Айла. Глаза у нее сухие и пристальные, но рамка дрожит в ее руках. – За то, что позволила Лорну незаметно ускользнуть. Если б Фиона выпустила Дэвида из поля зрения, я просто убила бы ее.

– Мне очень жаль, – говорю я. И это звучит ужасно неуместно, особенно если учесть, что именно я подняла всю эту тему.

– Я верю в это, знаешь ли, – произносит Айла, и, когда она крепко сжимает мою руку, ее собственная рука становится такой ледяной, что я не могу сдержать дрожь. – В то, что твое возвращение сюда сейчас очень важно. Это неспроста.

Я оборачиваюсь, услышав, как Чарли откашливается; он стоит в дверном проеме и держит мой плащ.

– Пойдем, Мэгги. Давай оставим Айлу в покое, а?

Дождь на улице прекратился, и небо больше не пасмурное. Мы с Чарли идем по направлению к Блармору, пока молчание не делается невыносимым.

– Кто ездил с вами в Сторноуэй в ту субботу? На фестиваль виски?

Долгое время Чарли ничего не отвечает. А потом останавливается.

– Я солгал, Мэгги, – говорит он. – Когда говорил, будто ты спрашивала, не считаем ли мы смерть Роберта убийством, потому что должна была это сделать. Я думаю, это была ошибка. Я решил помочь тебе, ибо чувствовал, что в долгу перед тобой и перед ним. Но ты расстраиваешь людей, которых я люблю. Ты причиняешь им боль. А охота на ведьм – это хуже, чем просто развлекательное шоу.

– Чарли! Я не намекаю, что кто-то из присутствующих…

– Ну а кто же еще? – кричит он, и я понимаю, что он в ярости. Взгляд у него ожесточенный, а руки сжаты в кулаки. – Это остров, Мэгги! И в ту ночь это был остров, отрезанный от всех и вся. Какого черта ты спрашиваешь меня, кто из нас был в Сторноуэе, если не думаешь, что кто-то здесь убил его?

– Я…

– Нельзя впихнуть квадратный колышек в круглое отверстие, знаешь ли, Мэгги. Как бы ты ни старалась его туда засунуть.

– Это не…

– Нет, это так. Я не знаю, почему ты хочешь, чтобы это было правдой. Но ты хочешь.

И поскольку я не собираюсь говорить Чарли, почему – не собираюсь говорить о маминых словах: «Оно приближается, оно уже рядом», о демоне, и Модсли, и обо всех причинах, по которым я хочу начать все с чистого листа, стать кем-то другим, кем-то новым, – я не говорю ничего. Может быть, он поймет, почему мне необходимо оказаться правой относительно убийства Эндрю – чтобы доказать, что я права – и относительно того, что когда-то была самим Эндрю. Но вряд ли он поймет, почему я хочу, чтобы это было правдой, – я едва могу признаться в этом самой себе: надежда все еще слишком хрупка.

– Просто оставь это, – говорит Чарли, когда мы доходим до поворота в деревню. Он по-прежнему сурово смотрит на меня, но, возможно, я вижу за этим что-то еще, что-то скрытое. – У тебя есть вопросы, у тебя есть ответы. Просто напиши эту чертову историю и забудь об этом.

* * *

Прежде чем направиться к «черному дому», я останавливаюсь у телефонной будки и звоню в банк. С тех пор как Рави уехал, мои сбережения сократились почти до нуля, и я потратила почти последние из них на аренду Блэкхауза.

– Здравствуйте. Моя мама недавно умерла… – Я досадливо морщусь. – Несколько недель назад я отправила вам свидетельство о смерти и документ о праве на наследство, чтобы закрыть ее счет. Я просто хочу узнать, как обстоят дела? Ее звали Вивьен Андерсон.

Слушаю далекое щелканье клавиш компьютера и думаю о Лондоне, его шуме, огнях и людях.

– Я ничего не вижу в системе, – говорит мне ассистент банка. – Сейчас я проверю. Пожалуйста, подождите.

Я вспоминаю темную маленькую гостиную Айлы с торфяным камином и бахромчатыми абажурами; все сидят, пьют чай и едят булочки… Хотя мама нечасто устраивала вечеринки, они были легендарными – долгими и шумными. Вечера – неизменный медленно прибывающий поток людей, так много людей; ночи всегда многолюдные и хаотичные; ранние утра меланхоличные и спокойные. Музыка «Портисхед» означала, что скоро все разойдутся; я лежала в кровати, куда меня отправляли всего за несколько часов до этого, и слушала медленные ритмы «Sour Times», наблюдая, как утренний солнечный свет медленно ползет по потолку и полу.

Часто я развлекала гостей: устраивалась на круглом кожаном пуфе, а мама стояла на коленях у противоположного края журнального столика и тасовала карты. Она раскладывала их веером и предлагала людям выбрать одну, а затем поворачивалась ко мне с широкой праздничной улыбкой и спрашивала, что это за карта.

У нее наверняка были любовники, но если и были, то я о них не знала. Иногда задавалась вопросом, был ли кто-то из мужчин на этих вечеринках – громогласных, смеющихся и прихлебывающих пиво из банок, которые покупались в супермаркетах, – больше, чем просто ее другом. Это вызывало у меня жаркий прилив злости в животе: я не тосковала по Джеймсу, моему отчиму, и уж точно не хотела другого.

Помню, меня тревожил клоун с моего дня рождения. Какое-то время создавалось впечатление, что он приходит на все мамины вечеринки, и слишком часто я видела их вдвоем в углу, стоящих вплотную и смеющихся.

– Ты клоун, – сказала я ему однажды, когда мама усадила его выбирать карту. Но он лишь рассмеялся и подмигнул, сверкнув левым клыком, более чем на три четверти золотым.

– Только в свободные дни.

– Он актер, – сказала мама; ее щеки пылали, а глаза сияли счастьем. – В следующем месяце он будет играть Жавера в «Отверженных» в «Павильоне».

Я закатила глаза, когда мама одарила его улыбкой, которую она снова и снова отрабатывала перед зеркалом туалетного столика.

– Это восьмерка треф, – сообщила я, угрюмая и обиженная. И все зааплодировали, заахали и заохали, как всегда. Мама улыбалась и была счастлива, как обычно, сияя еще ярче от аплодисментов и восторгов.

– Видите, какая она умница, моя дочь? Какая *особенная*, а она даже не знает об этом…

– …Алло?

Я подскакиваю и чуть не роняю трубку.

– Извините, да, я все еще здесь.

– Ваша мама умерла в ноябре, верно?

– Да. Я была нездорова. Поэтому… произошла задержка с назначением меня наследницей. Но сейчас я открыла счет в банке, и мне интересно, сколько времени займет перевод остатка.

– В настоящее время он обрабатывается. Если повезет, перевод будет проведен в течение следующих десяти – пятнадцати дней.

– Хорошо. – Я улыбаюсь, стараясь подыграть ее жизнерадостному тону. – Спасибо.

Я вешаю трубку и оборачиваюсь. Несмотря на то, что сейчас только начало вечера, в телефонной будке горит внутренний свет, резкий, ярко-желтый, от которого улица и дорога за ней кажутся неожиданно темными.

Кожу на затылке начинает колоть, когда я понимаю, что кто-то стоит через дорогу от телефонной будки и смотрит на меня. Я нахожусь внутри этой будки, залитой грязно-желтым светом, словно на сцене под прожектором. Уже слишком темно, чтобы разобрать, кто это, поэтому я смещаюсь к двери, вытирая конденсат рукавом. Это Шина Макдональд, ее длинные темные волосы намокли и прилипли к щекам. Я выдыхаю с облегчением.

Когда кто-то начинает колотить кулаками по двери телефонной будки, я вскрикиваю. Громко и резко, так что это пугает меня еще больше – этот крик звучит чужеродно, как будто не может принадлежать мне. Дверь с силой распахивается, впуская холодный воздух и поток ругательств. Я узнаю́ голос Алека раньше, чем вижу его лицо – бледное и оскаленное, глаза пылают.

– Вон отсюда!

Он хватает меня за руку и выдергивает из телефонной будки. На мгновение мне кажется, что он собирается меня ударить, но тут рядом с нами оказывается Шина, которая оттаскивает отца назад, проявляя силу, какую от нее трудно было ожидать.

– Папа, остановись. Прекрати!

И я с ужасом понимаю, что Алек плачет. Уродливые, глубокие рыдания, от которых его тело содрогается, сгибаясь почти вдвое.

– Папа… – Шина наполовину обнимает его, наполовину удерживает. – Пойдем домой. Пойдем домой.

Он поникает головой, внезапно сдавшись. Делает шаг к деревне, потом останавливается и поворачивается ко мне, выпрямляет спину. Его глаза все еще горят яростью, пусть уже не так дико. Он наставляет на меня указательный палец и хрипло произносит:

– Убирайся вон. Убирайся.

Шина ждет, пока он уйдет, и смотрит на меня все с тем же прищуром, поджав губы.

– Потеря Лорна чуть не убила моих родителей.

– Мне жаль.

Она яростно трясет головой.

– Нет, тебе не жаль, потому что ты все еще здесь!

– Я здесь ни…

– Ты здесь при всем! Не смей врать, мать твою! Ты не думала, что возвращение сюда кого-то расстроит, заставить вспомнить о плохом?

– Шина, я… – Когда я делаю шаг к ней, она быстро отступает назад.

– Ты должна уехать.

И когда я понимаю, что ее взгляд выражает не гнев, а страх, глубокий и темный, по коже у меня пробегает дрожь.

Она сглатывает и отворачивается.

– Ты должна…

Я жду, пока она отойдет и скроется из виду за первым рядом белых домов Блармора. И тогда неохотно возвращаюсь к дороге и включаю фонарик на телефоне, с внезапным ужасом вглядываясь во влажный мрак на западе.

Что-то новое приходит мне в голову – то, что, вероятно, должно было стать очевидным еще до моего приезда сюда или хотя бы после рассказа Чарли об Эндрю из Ардшиадара. Я вспоминаю его слова: «Какого черта ты спрашиваешь меня, кто из нас был в Сторноуэе, если не думаешь, что кто-то здесь убил его?»

А вдруг это правда – что тогда? Что, если кто-то действительно убил Роберта? И что, если этот «кто-то» все еще здесь? Наблюдает за тем, как я брожу туда-сюда со своей ложью и неуклюжими вопросами.

Преследует меня по ночам и оставляет странных мертвых ворон на моем пороге. Это не фантазия. Это не проекция или чрезмерная реакция. Это даже не попытка впихнуть квадратный колышек в круглое отверстие.

Это вовсе не невозможно.

Я медленно вожу фонариком по темному, непроницаемому входу в Долину Призраков. И снова вздрагиваю. «Будьте осторожны в своих желаниях». Потому что это вовсе не невозможно.

Глава 11

Роберт

Я направляюсь в магазин, когда слышу, как Чарли выкрикивает мое имя. Кажется, он выкрикивает его уже давно; когда я оборачиваюсь, он стоит на дороге, сложив ладони рупором вокруг рта. Иногда мне кажется, что Роберт – это то имя, которое мне дали при крещении: я не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь был кем-то другим. А в другие дни я совершенно забываю, что я – это он.

Я устал до чертиков. Еще нет пяти часов, а уже сумерки. Через неделю наступит декабрь, и мне придется задуматься о том, как загнать овец в сарай или хотя бы на огражденную территорию. А поскольку ячменя и кормового овса почти нет, придется еще больше урезать порции зимнего корма.

Чарли улыбается мне так, словно мы с ним приятельствуем всю жизнь.

– Я увидел, как ты идешь мимо. У меня как раз собралась небольшая посиделка, и я подумал: может, теперь ты захочешь выпить по кружке?

Прошло несколько недель с той встречи в «Ам Блар Мор», когда я в последний раз отклонил его предложение выпить. И причиной этому была единственно его вечная улыбка, его чертово дружелюбие. Я не считаю Чарли плохим парнем, но не могу его понять; я совершенно на него не похож. И не хочу, чтобы Мэри это осознала. Осознала, какого мужчину она могла бы выбрать вместо меня – веселого, непробиваемого, *легкого*.

– Да, – отвечаю я. – Может, и захочу.

Чарли удивленно смотрит на меня, но быстро приходит в себя и с ухмылкой поворачивает обратно к воротам. Он устраивает посиделки не в доме, а в большом черном сарае на краю его участка. Много раз я проходил мимо, видя в окнах золотистый свет и слыша громкий смех. Сегодня здесь тихо – скорее всего, из-за того, что время еще раннее. Но по мере того как мы подходим ближе, я слышу голоса и жалею, что сказал «да».

– Смотрите, кого я нашел на дороге, – объявляет Чарли, открывая дверь. Над перемычкой висит вырезанная из дерева табличка: «По́хан

Чарли»[22].

– Закрой дверь, парень, – говорит Том Стюарт. – Эта чертова сырость.

Сарай на удивление просторный. В одном углу потрескивает и сияет огнем жаровня, испуская волны тепла. Плетеные мягкие кресла расставлены по кругу возле большого деревянного стола, уставленного пинтовыми кружками, между которыми разложены карты и фишки. Вокруг него сидят Том, Джимми, Алек и Брюс.

– Привет, Роберт, – произносит Джимми, поворачиваясь, чтобы пожать мне руку.

– Подтаскивай стул, – говорит Брюс. – Рад тебя видеть.

– Не спугни его, – смеется Чарли, а потом неубедительно делает вид, будто просто кашляет.

– Что за игра? – Я киваю в сторону стола.

– Техасский холдем, – отвечает Том; его рукава закатаны выше худых локтей, обнажая самопальные татуировки READY и RFC[23], сделанные уже выцветшей синей краской. – Но Джимми – прирожденный шулер.

– Это была ошибка сдающего! – кричит Джимми, но при этом ухмыляется. – Господи, да все это видели. Сдающий ошибся, а значит, положен штраф. – Он откидывается на спинку кресла. – Это твои правила, парень.

– Жулик.

– Вот. – Чарли протягивает мне пинту золотисто-красного пива. – Домашнее, но после первых пяти кружек вкус не так уж плох.

– Спасибо. – Я собираюсь сесть на пустой стул, но Джимми поднимает ладонь и встает.

– Доиграй мою партию, а я пошел. – Он протягивает мне свои карты. – Выигрыш поделим пополам.

– Мечтай-мечтай, – фыркает Алек.

– Еще только шестой час, – возражает Чарли. – Хватит нам и того, что Кенни не пришел из-за какой-то дурацкой простуды. А у тебя какое оправдание?

Джимми ухмыляется.

– У меня свидание с горячей цыпочкой из Бревига. – Он натягивает дождевик и хлопает меня по плечу, наклоняясь к моему уху: – Если поднимать ставки больше одного раза подряд,

большинство из них сдуются, как дешевые резиновые баллоны. – А затем исчезает за дверью, впустив порыв холодного ветра.

– Любовь – дело молодое, да? – Том качает головой, и его смех приобретает неприятные нотки. – Конечно, ты, Роберт, знаешь об этом все – с такой-то красивой женой, как у тебя, а?

Сейчас я знаю Тома Стюарта не больше, чем девять месяцев назад, когда я только приехал на остров, и в основном не знаю потому, что сам не хотел с ним знакомиться. Ему всего двадцать лет, но он напоминает мне стариков, которые мотались по всем островам в поисках работы: бывших шкиперов, чей корабль отняло либо море, либо банк – или «черных копателей», которых застукали за незаконными работами и отобрали лицензию. Они ждали на причале в Нэ-Бай, когда туда сходили экипажи судов из Ардшиадара и Эйниша, и всякий раз, когда мой отец их отчитывал за безделье, они смотрели на него голодными блестящими глазами и с точно такой же притворно-дружелюбной улыбкой. Может, я и не понимаю таких людей, как Чарли, но таких, как Том Стюарт, понимаю очень хорошо.

– Ладно, Роберт, – говорит Чарли. – Я сдаю. Том открыл игру с минимальной ставкой в два фунта. Сколько будем ставить?

На руках у Джимми дерьмо: туз треф и девятка червей против короля, тройки и пятерки пик на флопе.

– Я повышаю. Два фунта.

– Пропускаю. – Брюс хмурится, бросая монеты в кучу. – Как поживают овцематки?

– Хорошо, – отвечаю я. – Отлично.

Но я не знаю, правда ли это. Ветеринар приедет из Лангавата только через две недели, и лишь тогда я буду знать, сколько ягнят ожидать в марте. Матки выглядят усталыми и вялыми, но, возможно, так бывает, когда они беременны. С тех пор как Брюс почти месяц назад помог мне со спариванием, я оказался на новой грани, которая кажется слишком хрупкой. Все зависит от того, насколько хорошо пройдет сезон ягнения. Я не хочу говорить Мэри, как все плохо – как плохо все может стать, – хотя она точно так же, как и я, может проверить банковский баланс. И я сомневаюсь, что она сочтет разумным повышать ставки на дерьмовой карте в покере.

– Послушай, – говорю я. – Я хотел занести тебе бутылку…

Брюс поднимает мозолистую руку.

– Не волнуйся. Рад был помочь. – Но при этом он смотрит в сторону, словно не желая встречаться с моим взглядом.

– Островная жизнь, да, Роберт? – спрашивает Том, бросая на меня хитрый, испытующий взгляд, который, по его мнению, свидетельствует о житейской мудрости. – Неплохая перемена по сравнению с жизнью в городе, я уверен.

Как будто я не живу здесь уже почти год; как будто он не знает, что я по рождению такой же житель Западных островов, как и он.

– Том как раз говорил нам, что заявка в Земельный фонд вот-вот будет готова, – говорит Чарли. – Ты уже видел ее, Роберт?

– Нет, – отвечаю я, и мое настроение еще больше портится от того, что меня в очередной раз исключили из местных дел. Когда я бросаю взгляд на Тома, тот слишком напряженно смотрит на Чарли, чтобы заметить это. – Я был бы рад помочь.

– У семи нянек дитя без глазу, – в конце концов говорит Том с холодной улыбкой.

Алек фыркает.

– И, наверное, лучше подать ее, пока Юэн не передумал.

Брюс пожимает плечами.

– Он продал Клох-Ду «Исторической Шотландии» тридцать лет назад.

– Да, конечно. – Алек ухмыляется Тому. Они просто неразлучны. Всегда сидят у барной стойки в «Ам Блар Мор», сдвинув головы, и злобно смотрят на всех, кто приближается. – Готов поспорить, что они дали ему цену получше, чем он получит от нас или от правительства.

– Он получит больше, чем заслуживает, – хмуро говорит Том, допивая пиво. – Мы играем эту партию или как?

Я повышаю ставку на открытии четвертой карты, потом пятой, пока в игре не остаемся только мы с Томом. Он ухмыляется, показывая крепкие зубы, и сдвигает на переносицу огромные очки.

– Две пары, короли и тройки.

Я кладу свои карты.

– Три девятки и король, туз старший.

Проклятия Тома заглушают смех Брюса. А Чарли громко свистит и начинает разливать виски по кружкам.

– Знаешь… – говорит Алек, бросая на меня взгляд, который сразу же заставляет меня насторожиться. – Если тебе интересно, мы с Томом

раз в месяц устраиваем серьезную игру для нескольких парней в Урбосте. Можешь присоединиться к нам.

– Да. Может быть, – отвечаю я после паузы.

Потому что – вне зависимости от того, даст ли Земельный фонд скидку или нет, нравится ли мне игра в покер или нет, – Мэри наверняка убьет меня, если я хотя бы не притворюсь, будто мне это интересно. Хотя я не намерен ни с кем играть в карты всерьез. Тем более с Алеком и Томом. Я и так уже слишком многим рискнул.

* * *

Я не ухожу. У меня достаточно шансов уйти, пока остальные один за другим натягивают плащи и расходятся по домам. Но к десяти вечера я все еще здесь, сижу за столом Чарли, пью его виски и домашнее пиво. Чарли не делает никаких замечаний по этому поводу, даже когда мы остаемся последними. Только подбрасывает в печь побольше торфа и садится обратно.

– Мне пора домой, – говорю я, чувствуя себя неуютно во внезапно наступившей тишине и испытывая странную потребность остаться.

– Еще рано. Мэри не будет возражать, я уверен, – отзывается Чарли, наливая нам обоим еще виски. – Ты работаешь за двоих, Роберт.

В обычной ситуации я бы вздрогнул; я усмотрел бы в его словах какое-то оскорбление, заподозрил самодовольную издевку за его улыбкой. Но сегодня я вижу все как есть и, возможно, даже то, каков он есть. Нет ни оскорблений, ни насмешек. Возможно, их никогда и не было.

– Все равно этого никогда не бывает достаточно, – признаю́ я, и это признание дается мне на удивление легко. – Мне повезет, если я выживу в этом году, если только почти все овцы не забеременеют.

Если Чарли и удивлен моими словами, он этого не показывает.

– Они плодовитая порода, эти гебридцы. Думаю, большинство из них, те, которые не однолетки, родят близнецов, не беспокойся.

Я киваю и пью свой виски, хотя и не разделяю его уверенности.

– В марте ты будешь не так уж и рад этому, – усмехается Чарли. – Сезон ягнения может быть довольно тяжелым. Тебе понадобится

помощь.

– Я справлюсь. – Одно дело, когда возле Блэкхауза ошивается Брюс, и совсем другое – когда рядом вся деревня.

– В этом нет греха. И слабости тоже нет. – Чарли пожимает плечами. – Один человек не может позаботиться обо всем стаде, Роберт. Даже такой, как ты.

На это я, конечно, обижаюсь, но Маклауд быстро качает головой и наполняет наши стаканы.

– Ты житель Льюиса, поэтому знаешь, как всё делается. Все помогают. Вот и всё. – Он смотрит на меня как-то слишком долго. – Чего ты на самом деле боишься, Роберт?

– Бури. – Я говорю это без раздумий, без оглядки. Почему, не знаю. Возможно, просто чтобы сказать это. Хоть кому-то. Потому что бесконечные тяготы, неуверенность и беспокойство, кажущиеся обиды, истощающиеся сбережения – все это на самом деле лишь бури. Мы уже давно ждем их, и в Ардшиадаре это всегда означало, что первая буря в сезоне будет нешуточной. Слова моего отца, сказанные с презрением, и при этом он всегда закатывал глаза: «Пусть попробует, черт возьми». Вспышка гнева, которую я чувствую, – это тоже рефлекс, старый и порядком выцветший. – Рыбак должен лучше меня знать, что бури следует бояться.

– Да, может быть, – отвечает Чарли, но я вижу тень, которая мелькает в его взгляде. Страх, которого он якобы не испытывает.

Маклауд поднимает стакан с виски – и опускает его обратно, так и не выпив.

– Почему ты ненавидишь рыбаков, Роберт?

– Сначала рыбаки возненавидели меня, – говорю я, беспокоясь о том, что мой язык развязался. – Почему ты стал одним из них?

Чарли пожимает плечами.

– Маклауды из Килмери всегда были рыбаками. Мой отец всю жизнь работал на рыболовном промысле в Порт-Нише.

Я опускаю взгляд в свой стакан, гоняя коричневую жидкость по кругу.

– Мой отец управлял тремя судами. Семидесятифутовыми деревянными сейнерами для ловли сельди и сига. Почти все мужчины в округе работали на него.

Часть виски выплескивается через край стакана, забрызгивая мою руку. Я родился, когда мой отец был в море, а прилив усиливался. Хорошее предзнаменование для того, чтобы вырасти хорошим рыбаком. Если б шел отлив, я был бы обречен на гибель в кораблекрушении.

– Я был его единственным ребенком. И вместо штормов, лодок и рыбы любил сидеть дома, читать книги. Я хотел стать археологом, учителем, историком – кем угодно, только не чертовым рыбаком.

Я вспоминаю это жесткое худое лицо, обветренное солнцем, небом и морем. Презрение в его темно-серых глазах. Иногда – сожаление.

– Он думал, что это был мой выбор. Сознательный отказ. Но это было не так. Я бы все отдал, чтобы жить той жизнью, которую он хотел для меня. Чтобы любить море.

Его ремень был сделан из толстой выделанной коровьей шкуры, пряжка – из шеффилдской стали. Иногда он плакал, когда бил меня; я слышал слезы в его голосе. «В твоей крови нет соли. Ни капли. Ты, мать твою, в нее, весь в нее».

Мне было восемь лет, когда я в первый и последний раз побывал на одном из его судов. «Ахкер»[24]. Мы должны были пройти до континентального шельфа, примерно в шестидесяти милях к северо-западу. День был хороший, спокойный и солнечный. Но как только мы достигли края шельфа и вода стала черной и глубокой, меня охватил ужас, похожий на расплавленную смолу. Я смотрел, как сети, грузила и поплавки исчезают в этой черноте, как она поглощает — *сжирает* – их ярко-розовый цвет, и, когда двигатели снова заработали, я представил, как сети тянутся сквозь темноту над скалами и обломками. Там, внизу, все эти штуки, которых никто из нас не мог видеть, только и ждали, чтобы схватить и дернуть. И потопить.

– Я не могу этого объяснить, – говорю я сейчас. – Не знаю, откуда это взялось. Потому что я не просто боюсь. Это ненависть. Люди Севера верили в духов, живущих под водой – *Sjóvættir*[25], – которые могли по какой-то собственной прихоти выхватить тебя с поверхности океана и утащить вниз, на верную смерть. Мореплаватели приносили жертвы богу Эгиру, чтобы обезопасить себя, и украшали свои носы и штевни изображениями драконьих голов. – Я пожимаю плечами, мое

лицо пылает. – В тот день на корабле в меня насильно влили три меры рома, прежде чем я успокоился настолько, что смог хотя бы говорить.

В тот день в глазах моего отца не было сожаления. Только ярость. И стыд, такой глубокий, что обратил его в камень – сутулое и грузное изваяние. Я помню, как ветер свистел над нашими головами, как вой эхом разносился по каютам и рулевой рубке. Палуба вибрировала под ногами, когда механизм лебедки втягивал сеть, ее грузила и неоново-яркие буи. Трепетание рыбы в сети. Рев моря. Я помню, как мой отец бросил первую попавшуюся рыбу обратно в воду. Второй – он разрезал брюхо, и я усилием воли усмирил свой бурлящий желудок, когда отец держал умирающую рыбину в кулаке, разбрызгивая ее кровь по волнам. Жертвоприношение морским богам на удачу, на хороший улов.

Я осушаю свой стакан с виски. Глотку жжет.

– А потом, в один далеко не прекрасный день, случился шторм.

Когда они отплывали на рассвете, небо было розовым, ясным и безоблачным. Я наблюдал за ними из окна своей спальни, прослеживая их очертания сквозь слой холодного конденсата на стекле. Три судна, оснащенные для ловли неводом – катушки направляющего каната и сетки с буйками, сложенные на боковых палубах вместо длинных деревянных катков для буксировки траловых сетей.

– Ему не нравилось ловить донных рыб, таких как пикша или треска, но это было во время запрета на ловлю сельди, и выбора ни у кого не было. И очень скоро им пришлось уходить за пределы прибрежных вод, чтобы найти их.

Чарли только кивает. Проводит пальцем по ободку своего почти пустого стакана.

– За день до того, как они ушли, мне исполнилось десять лет.

Торф прогорел до дымящихся углей. По коже ползет холодок. Мама тогда испекла бисквит и завернула в коричневую пергаментную бумагу две увесистые энциклопедии: одну – археологическое исследование Скара-Брей, другую – «Мифология и легенды Древней Скандинавии, том II». Она опустилась на пол в кухне и прижала тыльные стороны холодных пальцев к моей щеке.

«Спрячь их от своего папы. Скажи ему, что я подарила тебе вот это».

Удочка со спиннинговой катушкой, прислоненная к задней двери.

В тот вечер, пришвартовав лодки в Нэ-Бай, отец вернулся в дом и поднялся в мою комнату. И когда он застал меня за чтением одной из тех энциклопедий, то не стал отбирать ее у меня, не стал вырывать страницы из корешка. Он даже не расстегнул пряжку и не вытащил ремень из поясных петель. Просто смотрел на меня жестким, тяжелым взглядом и наблюдал за мной так долго, что меня начало трясти. На следующее утро, проследив за отплытием лодок, с холодным комком в желудке я спустился вниз и обнаружил, что удочка по-прежнему прислонена к задней двери… разломанная на три части.

– Они ушли далеко. Может быть, до самого края континентального шельфа, хотя был уже конец сезона и надвигались штормы, – говорю я Чарли. – Его экипажи всегда доверяли ему в том, что он правильно настроит снасти и обеспечит высокую скорость буксировки невода. Он знал глубины моря и места лова, местные приливно-отливные течения. Никто не был лучшим рыбаком, чем он.

Я опускаю взгляд на стол. На свои пальцы.

– Но погода изменилась. Небо стало темным, как ночью. Солнце стояло по-зимнему низко. От его отражения в море слезились глаза.

Я хорошо помню обрушившиеся с неба струи дождя, подобные булавочным уколам, от которых песок становился черным. Ветер, сильный и дикий. Пятьдесят, а потом шестьдесят узлов. Море, белое от гребней тяжелых волн. И этот солнечный свет – линия яркого серебра под мрачным шевелящимся небом и над мрачным вздымающимся морем.

– Когда они вернулись, был уже вечер. Из-за отлива и бурных волн они не могли зайти в Нэ-Бай, поэтому обогнули мыс и направились в бухту под деревней…

Я умолкаю. Мои руки начинают дрожать. Я помню, что воздух пах дымом, сладко и резко. А потом с неба начали падать молнии, зубчатые пики далеко на горизонте. Тогда, стоя один на берегу, я не испытывал страха. И больше не злился. Не злился так, как злился в то утро, следя за уходящими силуэтами кораблей через окно, обводя их пальцем на запотевшем окне и видя сгорбленную фигуру отца в рулевой рубке «Ахкера». Но в моем сердце возникло нечто слишком огромное и странное даже для благоговения, когда я увидел первое судно, пытающееся обогнуть Ардс-Эйниш.

– Маяк на мысу не горел. Не предупредил их. Поэтому они подошли слишком близко. Переднее судно разбило о камни еще до того, как они смогли обогнуть мыс. Остальные два не бросило прямо на скалы, но они распороли кили о подводные камни и стали набирать воду. К тому времени, как достигли бухты, они уже тонули.

Я недолго пробыл там один. Ардшиадар и Эйниш всегда были наготове во время штормов, если корабли всё еще оставались в море. Как будто молния была сенсорной бумагой, а гром – сиреной. Над утесами нарастал шум и усиливалось золотистое сияние, а потом гребень заполнился людьми; лучи их фонариков устремились к горизонту, в море, подсветили потухший маяк – черную башню, похожую на тень, на силуэт, выжженный на стене. Я помню, как раздался крик, всего один и совсем не громкий – слабый, высокий и короткий, – когда люди заметили поблизости от берега два оставшихся судна. Одним из них был «Ахкер»: даже в темноте я распознал силуэт и цвет жестокой ярости моего отца, его решимости.

Потом мужчины спустились на пляж, чтобы помочь тонущим выбраться. Женщины остались на утесах, чтобы наблюдать и светить фонарями и лампами. Возможно, все сложилось бы по-другому, если б сейнеры не пробороздили уже по камням, распоровшим их корпуса. Может быть, рыбаки сумели бы невредимыми пробиться сквозь шторм и пенную полосу прибоя. Но оба корабля были погружены в воду почти до бортов, море захлестнуло их и поглотило всего в нескольких сотнях футов от берега, сметя всех людей за борт и швырнув их обратно в глубокую воду. Не был спущен ни один из спасательных плотов; они были крепко принайтованы к своим гнездам, чтобы во время качки не упали за борт – и в итоге утонули вместе с кораблями.

Море бушевало у причала, когда на воду спустили моторную лодку, но она разбилась о южные скалы бухты и перевернулась. Другая лодка, на борту которой раскачивалось несколько фонарей, под неистовые крики отправилась спасать тех, кто был в первой. Ее двигатель низко ревел и дымился, когда ей удалось вернуться на берег, где она опрокинулась на бок, точно черная жужелица.

Посыпался вялый дождь, постепенно переходящий в ливень. Я стоял на берегу, охваченный горьким благоговением, и смотрел, как в лучах фонарей, направленных на море, появляются и исчезают отчаянно машущие руки.

Крики рыбаков доносились издалека и казались чужеродными, их заглушали крики людей на берегу и буря, бушевавшая над их головами. Но я знал каждого человека в этих лодках. Знал, из какой они деревни, из какой семьи. Некоторые были мальчишками, всего на несколько лет старше меня. Хотя ни один из них не был моим другом; обе деревни желали угодить моему отцу, словно тот был богом. Я гадал, какие из этих рук принадлежат ему – сильные, загорелые, цвета дубленой шкуры; мне казалось невероятным, чтобы он вообще стал махать руками, взывая о помощи.

«Ахкер» взметнулся ввысь на юго-западе бухты; он безжалостно бился о скалы под Ардшиадаром, пока море не разбило его вдребезги и не унесло все это – все деревянные и металлические балки, лебедки и барабаны, сети и ящики, буи и канаты.

Все лодки, спущенные на воду после этого, ялики и шлюпки, даже старые деревянные *скоу*, на которых не было моторов – только люди, сидящие на веслах, – все они были вынуждены повернуть назад или же оказались перевернуты, но по большей части тех, кто был в них, спасли. Казалось, их усилия лишь отвлекали людей от мелькающих в волнах рук, от далеких криков, от лиц, которые мы хорошо знали, но не могли увидеть.

С наступлением ночи поднялся вой. Он доносился с утесов высоко над пляжем, где в свете фонарей виднелись силуэты женщин, маячащие на фоне звезд, как ангелы на рождественском вертепе. Сквозь этот вой, шум бури и отчаянные крики тех, кто все еще находился на берегу, я услышал, как колокол на скалах запел о приливе. Песок вибрировал под ногами с неприятным гулом, словно я снова оказался на палубе «Ахкера», на краю подводного обрыва в сплошную черноту. Воздух был полон морской пены; она орошала мой раскрытый рот солеными брызгами. А ветер все бушевал и бушевал над всем этим – над всеми нами, – пока не стало слишком поздно что-либо предпринимать.

Шторм унялся так же быстро, как и разразился. К тому времени приливной колокол на скалах замолчал, дождь прекратился, а ветер утих. Вой тоже затих, и фонари лихорадочно обшаривали горизонт и низкие волны. Но ничего не было. Ни щепок, ни выброшенных сетей, ни неоново-желтых буйков и плавучих снастей. Никаких признаков того, что здесь когда-то было восемнадцать человек и три сейнера,

возвращавшиеся домой с уловом. А потом чайки и олуши вылетели из укрытий на вершинах скал, чтобы полакомиться неожиданным пиршеством, и их жадные крики поглотили всю эту жуткую молчаливую надежду.

Я отвел взгляд от птиц и моря, от мужчин на пляже и женщин на утесах – и посмотрел в сторону высокой темной вершины Ардс-Эйниша, где должен был гореть яркий свет. Луна выглянула из-за туч и омыла мыс холодным серебром, и тогда я наконец опустился на колени в мокрый песок. Когда я окончательно утратил ощущение странного сладкого благоговения и вспомнил, каково это – бояться. Болеть страхом, настолько огромным, настолько полным печали и ужаса, что ничто другое не могло выжить рядом с ним.

– Береговая охрана так и не прибыла, – говорю я, радуясь, что мой голос не выдает никаких эмоций. – В ту ночь у западного побережья было слишком много судов, терпящих бедствие, и ни один вертолет не смог бы взлететь при таком ветре.

– «Ахкер». – Руки Чарли, лежащие на столе, сжимаются в кулаки. – «Марканшина» и «Дарах»[26].

Вот в чем проблема с рыбаками. Они никогда не забывают. Они знают каждое судно, каждую трагедию, каждого погибшего моряка.

Чарли смотрит на меня, моргая блестящими глазами.

– Ты из Ардшиадара, – говорит он все так же тихо, почти шепотом.

Это не вопрос, поэтому я не отвечаю. Ардшиадар. *Am baile gun fhir*[27], деревня без мужчин. И весь тот день – с самого утра, проведенного у окна, и до того момента, как я упал на колени на пляже – я желал этого. Я жаждал этого. Как валькирия, выбирающая, кому суждено выжить, а кому умереть в бою, я сделал так, чтобы это случилось.

– Твоим отцом был Дуглас, – говорит Чарли и сжимает зубы. – Дуги Макнил.

Это тоже не вопрос. И все же это не кажется мне ошибкой – то, что моя ужасная тайна почти полностью оказалась раскрыта перед человеком, который все еще незнаком мне. Перед человеком, которому я не доверяю. Хуже того, я хочу рассказать ему обо всем. Я напился, но я напивался и прежде. И никогда не испытывал этого чувства –

ужасной свободы, которая кажется слишком сладкой, чтобы я мог остановиться.

– Ты – Эндрю Макнил.

Потому что Эндрю – рыбацкое имя. Потому что я родился, когда мой отец был в море и прилив усиливался.

– Почему ты сменил имя на «Роберт»?

– Потому что я совершил нечто ужасное. Я не хотел больше быть Эндрю Макнилом.

Я больше не дрожу. Мои руки лежат на столе спокойно. Но сердце бьется о ребра и пульсирует в горле. Я никогда никому не говорил об этом. Я никогда и близко не подходил к тому, чтобы рассказать кому-то. Чарли молчит. Только смотрит на меня пристально, внимательно, от его легкой улыбки не осталось и следа. Я перевожу взгляд на темный дым, вьющийся над торфяными углями.

– Они преследовали меня. – Я сглатываю, и в горле у меня пересыхает. Но я не тянусь за виски. – Я слышал их. Они следили за мной, наблюдали. Бормотали. Твердили мое имя.

– Кто?

От нетерпения мой стыд становится острее.

– *Они. Бокан*. Иногда только мой отец. Но во время бури они приходили все. Все восемнадцать человек. Я видел их руки в волнах. Я слышал их крики в небе. Иногда я лежал в постели, наблюдая, как свет маяка на Ардс-Эйнише перемещается по стенам моей спальни, и чувствовал их. Они прятались в темных промежутках между белыми вспышками.

Чарли качает головой.

– Призраков не бывает.

– У каждого есть призраки, Чарли.

Потому что он не настолько бесстрастен, как хочет мне внушить. В его глазах я вижу неприятие, тень, которую он не желает признавать. Он молчит, и я встаю, подхожу ближе к теплой печи – мне кажется, что я промерз до костей.

– Это *тонкое место*, – говорю я. – Эти острова и особенно это побережье. Место, где встречаются Девять Миров. Место, где *иннангардс* встречается с *утангардс,* – то, что внутри ограды, и то, что за оградой. Порядок встречается с хаосом. – Я закрываю глаза. – Я

знаю, что ты чувствуешь это, Чарли. Эта земля, это место… ничего подобного нет больше нигде в мире.

– Тогда почему ты уехал?

– Я сбежал. Ибо не понимал, что они последуют за мной. Что это место последует за мной. Я женился, у меня родился сын, я сменил свое имя во всех документах – но это ничего не изменило. Я по-прежнему слышу их, по-прежнему вижу их. Я никогда бы не смог… – Я мотаю головой. – Я ненавидел Абердин. Я ненавидел эти скалы и холодный восточный ветер. Я променял свет и цвет на… серость. Атлантику – на Северное море. И это все равно ничего не дало. Я пожертвовал своей жизнью здесь впустую.

Я поворачиваюсь и вижу, что Чарли по-прежнему сидит за столом с непонятным выражением на лице. Я слышу, как ветер завывает в выгрызенных морем пустотах у нас под ногами.

– Я не могу жить больше нигде. И не буду, – выдыхаю я. – Но мне нужно сказать кому-то о том, что я сделал, Чарли. О своем ужасном поступке. – Потому что он никогда не спросит меня об этом, понимаю я. Я вижу это по тени в его взгляде. По страху, которого он якобы не испытывает.

– Ты не должен делать этого, Роберт.

– Должен, – возражаю я, и мой голос срывается. – Мне нужно рассказать кому-нибудь.

Чарли протяжно, прерывисто вздыхает.

– Ладно. – Но, говоря это, он не смотрит на меня. – Тогда расскажи мне.

Глава 12

Мой сон бессвязен и недолог. Я часто просыпаюсь: темнота – нежеланная защита от тяжелых снов о черных смоляных долинах, сердитых морях и скелетах птиц. Осыпающийся утес из камня и травы; ветер, пытающийся унести меня; море, дикое, темное и ревущее. Мой последний сон – не избавление, а повторение. Мама, строгая и неумолимая. Она лежит на больничной койке, почти превратившись в труп. Ее лицо – череп, зубы, слишком широкие и слишком белые в ее улыбке.

Мне кажется, что она захлебывается, как утопающий в шторм. Пальцы худые, кожа в синяках, и эта ужасная улыбка. «Ты просто должна сделать правильный выбор, Мэгги, вот и всё. И ты всегда его делаешь». Потому что она знает, что я так и поступлю. Даже если не считаю это правильным выбором.

Я просыпаюсь, все еще задыхаясь, рот открыт, в горле пересохло. На мгновение забываю, где нахожусь; мне кажется, что я все еще в той душной стерильной палате, жду, волнуюсь, пытаюсь уснуть на раскладной кровати.

Но еще до того, как я нащупываю выключатель прикроватной лампы, вспоминаю. Я нахожусь в «черном доме» – на краю света, на вершине утеса. И звук – звук, от которого у меня встают дыбом волосы на теле и на голове; который заставляет мое сердце колотиться так сильно, что я чувствую его биение в пальцах рук и ног, – это не шаги медсестер во время ночного обхода и не скрип пожарных дверей. Это здесь.

Я снова слышу это рядом с окном. Быстрые, легкие постукивания по стеклу. Затем глухой, более громкий перестук, который делается все ближе. Я слушаю, как он продвигается вдоль стены к камину, и подтягиваю колени к груди. Думаю об узкой мощеной дорожке, опоясывающей коттедж. Может быть, это овцы? Но эти звуки не похожи на стук копыт. Они похожи на шаги. Легкие и быстрые. Как будто кто-то ходит на цыпочках.

Я чуть не вскрикиваю, когда что-то скребется – слишком громко, слишком близко – у стены кухни. Звук прерывается, и я ворочаюсь на кровати, в ушах стоит белый шум, когда я напрягаюсь, чтобы

прислушаться. Когда оно начинается снова, – скрежет, словно что-то прижимают и волокут по камню снаружи, – я вскакиваю с кровати, прикрывая рот рукой. Дверь в прихожую открыта, и я едва не вскрикиваю, когда нечто добирается до двери и начинает стучать по маленькому вставному окошку. Еще один длинный скрежет по камню, затем по окну ванной. Я думаю о *бокан* и *тонких местах*. Я думаю о мертвых птицах с пустыми овальными глазницами. *Серые вороны часто упоминаются в кельтской и скандинавской мифологии и ритуалах.* Я думаю о том, что кто-то наблюдает из темноты. Хуже всего то, что я думаю о Роберте Риде.

Отступаю в центр комнаты, меня трясет, меня бьет дрожь, дыхание неровное и частое. Поворачиваюсь по часовой стрелке, следуя за возобновившимися быстрыми шагами и громким скрежетом. Звуки огибают северо-восточный угол и кладовую с коробками, длинный фасад черного дома, возвращаются к западной стене и камину. Кто-то бегает вокруг коттеджа на цыпочках и стучит в окна, прижимаясь телом к каменным стенам.

Я понятия не имею, что делать. Поэтому не делаю ничего, только продолжаю поворачиваться, прижимая пальцы ко рту и следя за развитием этих звуков. Быстрее, громче. Круг за кругом, до тех пор пока я не выдерживаю и не бегу к двери. Там я замираю – мои дрожащие пальцы находятся в дюйме от длинной занавески, скрывающей дверь и ее маленькое окошко. Скрежет и постукивание снова раздаются у западной стены, быстро направляясь к углу. Я рывком отдергиваю занавеску и приподнимаюсь на цыпочки, чтобы заглянуть в окно. Там нет ничего, кроме темноты. Звуки тоже стихают, и это пугает меня больше всего.

Пока что-то – кто-то – не стучит в дверь с такой силой, что она содрогается в своей деревянной раме.

Тогда я кричу, громко и протяжно. И отшатываюсь от двери слишком резко. В итоге спотыкаюсь о собственные ноги и больно ударяюсь о деревянный пол.

Когда поднимаюсь на ноги, вокруг тишина. Я не слышу ни ветра, ни моря. Сколько я провела так, не знаю. Но после этого не могу заставить себя вернуться в кровать. Вместо этого включаю все лампы в комнате и сворачиваюсь в клубок на диване, где дрожу, трясусь и смотрю на стены и шторы до самого рассвета.

* * *

Когда я просыпаюсь, тело затекло и ноет. На сосновые стены сквозь просветы между шторами падают блики дневного света. Я вспоминаю напористый голос Рави: «Ты уверена, что с тобой всё в порядке? Твой голос звучит как-то не так», – и эта напористость маскируется под заботу. «Ты принимаешь лекарства?»

– Я принимаю лекарства, засранец, – говорю я в потолок.

Он закатывает глаза, отчего я чувствую себя такой ничтожной, такой беззащитной… «Да, ты говоришь весьма разумно».

Но у меня нет галлюцинаций. Мне не мерещится. Это не мертвец, вернувшийся, чтобы преследовать меня. И это не демон из крематория; это не темный страх, который я теперь таскаю за собой. Это не внутри меня, а снаружи. И опасность заключается лишь в том, как я на это реагирую, как решаю с этим справиться.

То, что кралось и стучало в ночи, не было призраком. Это был человек. Возможно – *вероятно* – тот самый человек, который оставил мертвых птиц на пороге моего дома и следил за мной в темноте. Человек, который надеется, что я уеду. Может быть, даже тот, кто убил Роберта. И я справлюсь с этим, взяв себя в руки. Попытаюсь выяснить *кто*. И *почему*. В конце концов, именно за этим я здесь.

День прохладный и тихий. Ни мертвых птиц на тропинке, ни следов на стенах коттеджа. Никаких признаков того, что здесь кто-то был. Я открываю мусорный бак, смотрю на пакет с двумя мертвыми воро́нами и с опаской разворачиваю его. Они выглядят совершенно не изменившимися, даже не пахнут мертвечиной, и отчего-то мне хочется спрятать их, сохранить как доказательство того, что делает этот человек. Я вытаскиваю пакет и несу его обратно в дом, где засовываю в старый холщовый рюкзак за вешалкой в прихожей.

Когда я подхожу к ферме, Уилл открывает дверь с приветливой улыбкой, но то, что он видит на моем лице, заставляет его моргнуть и нахмуриться.

– Ты все еще хочешь поехать в Сторноуэй?

Я киваю.

– Просто сначала мне нужно кое-что сделать. Взять.

– Взять?

Я нервно перебираю пальцами и заставляю себя прекратить это.

– Я заметила в пабе несколько фотографий. С фестиваля виски в Сторноуэе. Чарли сказал, что в девяносто четвертом году люди, которые поехали на фестиваль, смогли вернуться только на следующий день после шторма. – Когда Уилл смотрит на меня с недоумением, я заставляю себя сказать это: – Значит, они не могли иметь никакого отношения к тому, что случилось той ночью.

– Господи, Мэгги…

– Просто… было бы полезно знать, вот и всё. Кто это был.

Уилл смотрит на меня, и я стараюсь не волноваться о том, что он думает, но это невозможно. Когда он наконец пожимает плечами, я чувствую ужасное облегчение.

– Полагаю, тебе понадобится приманка?

* * *

– Мы еще не открылись для обеда, – заявляет Джиллиан, распахивая высокую дверь «Ам Блар Мор».

– Мы сейчас уезжаем в Сторноуэй, – говорит Уилл. – Мэгги хочет в туалет.

Я стараюсь улыбнуться как можно убедительнее, и Джиллиан кивает, отступая от двери.

– Спасибо, – произносит Уилл, провожая ее взглядом до барной стойки. Он берет со стола рекламную листовку и подмигивает мне. – «Большое состязание гончаров»? Ты освободишься быстрее, чем Донни сыграет рок на волынке.

Я иду в туалет, сильно хлопаю дверью, а затем пробираюсь обратно в паб к длинной красной стене с фотографиями. Быстро нахожу то, что мне нужно: баннер «Фестиваль виски в Сторноуэе 1994», натянутый между двумя фонарными столбами. Под ним – улыбающиеся люди в непромокаемых плащах, размахивающие пластиковыми стаканчиками с виски. Когда я вынимаю фотографию, на ее месте остается очень заметная пустота, но я все равно засовываю ее под свой плащ; узкая рамка цепляется за «молнию».

– Готово! – говорю я, возможно, слишком энергично, направляясь обратно к барной стойке.

Когда мы садимся в машину, Уилл улыбается мне, прежде чем запустить двигатель.

– Мы хорошая команда.

Я достаю фотографию, чтобы не пришлось отвечать ему. Я узна́ю этот пейзаж: скопление рыбацких лодок, пришвартованных на противоположной стороне гавани от паромного терминала, замок Льюс и его окрестности, раскинувшиеся за узким каналом. Фотография нечеткая, по краям повреждена водой. Я прищуриваюсь, разглядывая лица.

– Это ведь может быть Чарли, верно?

Уилл наклоняется ближе, смотрит на ухмыляющееся лицо под неоново-желтым капюшоном, наполовину скрытое полным стаканом виски.

– Да, возможно. Похоже, он тут пьяный вдрызг… – Указывает на более низкого, темноволосого мужчину рядом с предполагаемым Чарли. – А это, наверное, Брюс? – Он придвигается ближе – настолько близко, что я чувствую запах его кожи, вижу медленное, ровное биение жилки на шее – и показывает на высокую фигуру вне фокуса у правого края фотографии. – Полагаю, это может быть Джимми, похож ведь? – Пожимает плечами.

Я смотрю на другого мужчину и, вероятно, на парочку, стоящую у левого края кадра, но здесь фотография пострадала, и их лица размыты, пожалуй, до неузнаваемости. Я долго смотрю на них, словно ожидая, что их черты прояснятся, как на картинке «волшебное око». Когда этого не происходит, заставляю себя больше не разглядывать их и убираю фотографию в сумку.

* * *

Ратуша в Сторноуэе – огромное здание. Красный кирпич и красное дерево, высокие арочные окна, башенки на черепичной крыше, увенчанные позолоченными флюгерами. Уилл ведет меня к дальнему входу с оживленной пешеходной дорожки и открывает дверь.

– Регистрационная служба вон там, слева, – говорит он. – Мне нужно заказать в городе корм для овец, но в отеле «Корона», в другом конце этой улицы, есть бар и ресторан. Я подожду тебя там, ладно?

– Хорошо, спасибо. – Мне требуется посетить терапевта, к которому меня направил доктор Абебе, и я чувствую облегчение от того, что мне не придется объяснять, зачем это нужно. Я также рада, что сделаю это без сопровождения. Я уже чувствую себя немного глупо. И не знаю, что именно хочу найти.

Прождав менее пяти минут, я попадаю в небольшой кабинет, где за столом сидит мужчина средних лет с улыбкой на тонких губах и негустым ореолом темных волос вокруг головы.

– Здравствуйте, – говорит он, поднимая на меня взгляд. – Меня зовут Мердо Блэк. Присаживайтесь поудобнее. Чем я могу вам помочь?

Я сажусь.

– Я ищу свидетельство о смерти.

Он что-то набирает на компьютере, а затем смотрит на меня поверх монитора.

– Это произошло в течение последних пятидесяти лет?

– В тысяча девятьсот девяносто четвертом.

– Тогда этих сведений нет в интернете. Боюсь, вам придется заказать копию свидетельства, что обойдется вам в двенадцать фунтов.

– Ничего страшного. Я просто хотела сверить дату и причину смерти.

– Хорошо. – Новый перестук клавиш. – Как его звали?

– Роберт Рид.

Наступает пауза, потом набор текста возобновляется.

– Вы можете уточнить место смерти? Район?

– Район? Нет. Это было у острова Килмери. Он… утонул.

Блэк откашливается, смотрит на экран.

– Точно. Вот оно. Хотите заказать справку?

– Как долго мне придется ждать?

Он опирается локтями на стол и сцепляет пальцы.

– Обычно это занимает пару недель, но… – Сверкает ровными зубами. – У нас сейчас затишье. Как насчет того, чтобы я распечатал вам копию прямо сейчас? Это будет моим добрым делом на сегодня.

– Спасибо, это было бы замечательно.

Блэк улыбается, встает и с легким щелчком закрывает за собой дверь. Пока его нет, я стараюсь не надеяться на то, что Чарли ошибся с датой. Стараюсь не думать о том, почему он вообще мог солгать об

этом. Вместо этого думаю о Блэкхаузе, а потом пытаюсь не думать о потенциальном убийце, который бегает вокруг дома и скребется в окна.

Мердо Блэк возвращается минут через десять, размахивая парой страниц формата А4, которые он кладет передо мной на стол. На первой написано: «Выдержка из записи в реестре смертей Шотландии». Я просматриваю страницу сверху вниз, минуя имя Роберта Рида, и узна́ю, когда он умер.

1994 год, 9 апреля

Предположительно в 19:00

Все-таки Чарли не ошибся с датой. Внутри меня что-то шевелится. Это немного похоже на панику, но размытую, нечеткую по краям. Может быть, для меня уже нет выхода, нет оправданий, нет возможности начать все с нуля. После всех отчаянных надежд это почти облегчение. Что я – это всего лишь я. Я, которая перестала принимать лекарства, потому что не заслуживаю права смотреть на себя в зеркало.

Причина смерти указана как *вероятное утопление или переохлаждение, а также вероятные гипоксия и ацидоз, приведшие к остановке сердца, или переохлаждение, приведшее к сердечной недостаточности*.

– Наверное, я не должен говорить, но я помню это, – произносит Мердо Блэк. – То есть я помню, когда это произошло, – помню шторм, когда он и тот маленький мальчик погибли у Килмери.

– Во время фестиваля виски в Сторноуэе?

Он кивает.

– Фестиваль был совершенно неудачным. *Òrd na Mara*. Худший из весенних штормов, обрушившихся на западное побережье Гебридских островов за последние двадцать лет. Здесь, на восточном побережье, за один день выпало около двухмесячной нормы осадков, и этого хватило, чтобы большинство людей разъехалось по домам.

Он придвигает ко мне другой лист бумаги.

– Жена Роберта Рида и родители Лорна Макдональда подали отдельные иски о признании их родных умершими после того, как те пропали без вести.

Я опускаю взгляд на бумагу.

Шерифский суд, Льюис-стрит, 9, Сторноуэй, 15 апреля 1994 года.

В Шерифский суд Сторноуэя поступил иск от Мэри Рид, истца, о признании Роберта Рида, ответчика, последним известным адресом которого был Блэкхауз, Ардхрейк, Килмери, умершим. Любое лицо, желающее участвовать в иске, должно подать соответствующее заявление до 6 мая 1994 года, обратившись к секретарю шерифа по вышеуказанному адресу с просьбой принять его в качестве стороны по иску.

– Ни одна из смертей не была оспорена, – уточняет Блэк. – Решения были приняты и свидетельства о смерти выданы.

– Спасибо, – благодарю я. – Это очень важные сведения.

– Могу я спросить, почему вы интересуетесь этим? – говорит он, пожимая плечами и улыбаясь. – Как я уже сказал, у нас затишье.

– Я пишу об этом рассказ. Просто хотела убедиться, что правильно изложила факты.

– Печальная история, конечно… Я знал его. Знал их. Не очень хорошо, но… в те времена на Килмери часто проводились общественные мероприятия и тому подобное. Я бывал там несколько раз в год. Хорошо познакомился с местными жителями, особенно в Бларморе. Они были хорошими людьми. И не заслуживали того, что случилось.

Я достаю из сумки фотографию и протягиваю ему, не обращая внимания на растущий ком в животе и новую тяжесть в груди.

– Не могли бы вы взглянуть на нее; может быть, кого-нибудь узна́ете?

Он берет ее у меня и бросает на меня взгляд, наполовину растерянный, наполовину любопытный. Я надеюсь, что любопытства все же больше.

– Вы хотите, чтобы я опознал людей на этой фотографии?

– Да.

Блэк опускает взгляд на фото, затем снова смотрит на меня.

– Может, лучше спросить в Бларморе?

Я пытаюсь изобразить смущенную улыбку.

– Думаю, всем на Килмери надоело, что я постоянно задаю вопросы. Не переживайте, если не сможете помочь, но я с радостью включу ваше имя в перечень благодарностей, если вы кого-то припомните.

– Благодарности? Вы хотите сделать из этого книгу?

– Ну, может быть… Надеюсь на это. – И на этот раз ложь дается так легко, что мне не приходится беспокоиться о том, убедительно ли я говорю.

– Что ж… Это действительно неординарно. Я буду более чем счастлив помочь. – Блэк снова смотрит на фотографию. – Не очень хороший снимок, правда? – Он смотрит на фото, наверное, целую минуту, затем кладет его на стол и поворачивает ко мне. – Справа, на переднем плане, точно Джимми Стратерс. Рядом с ним, я думаю, Чарли Маклауд. – Он ведет пальцем по фотографии. – Это родители бедняжки Лорна, Алек и Фиона Макдональд, а впереди них, возможно, Брюс Маккензи. Не могу поклясться, но я почти уверен. Такой же рост и цвет волос. – Он снова берет снимок в руки. – Бобби Рэнкин, наверное, справился бы лучше меня; он вырос в Урбосте, но сейчас уехал на ближайшие две недели в ежегодный отпуск.

Поднося фотографию ближе к лицу, Блэк щурится.

– Мужчину и женщину с краю я не могу узнать – похоже, вода или что-то еще повредило эмульсию на этой стороне. – Он возвращает фотографию и пожимает плечами. – И мужчину, стоящего за ними, боюсь, здесь тоже не опознать.

Значит, кто же оставался на Килмери? Жена Чарли, Мойра, и Айла, которая, как я уже знаю, присматривала за детьми. Джаз, оставшийся на раскопках, чтобы подготовиться к возможным последствиям шторма, и позже видевший Роберта на пляже. Муж Айлы, Кенни, вернувшийся с рыбалки, пошедший искать Лорна и сообщивший, что ему показалось, будто он видел человека, уходящего в море. Кто еще? Джиллиан? Юэн? Если только это не тот размытый человек в дальнем углу фотографии. И Мэри, жена Роберта, которая, по словам Джиллиан, подняла тревогу через пару часов после того, как Роберт отправился проверить овец…

Я встаю.

– Спасибо, – говорю. – Вы мне очень помогли.

Блэк кивает, потом склоняет голову набок и хмурится.

– Знаете, в библиотеке по соседству идет переработка бумажных носителей в микрофильмы. Почему бы вам не подождать здесь, а я просто загляну туда и посмотрю, нет ли у них оригиналов газетных статей о том, что произошло?

– Это было бы очень любезно с вашей стороны, – отвечаю я, хотя уже прочитала все местные статьи в своем онлайн-исследовании.

Он улыбается, открывая дверь.

– Может быть, я займу первое место в этом вашем перечне благодарностей…

Я сажусь и жду. Растираю грудь, в которой сидит тугая боль. Не понимаю, почему я все еще здесь, почему не ушла, как только увидела свидетельство о смерти. Почему я все еще задаю вопросы о смерти Роберта. Может быть, даже перед лицом неопровержимых доказательств того, что я родилась почти за два месяца до смерти Роберта, все эти отчаянные надежды не так легко оставить…

Мердо Блэк возвращается менее чем через десять минут, запыхавшийся и раскрасневшийся.

– Боюсь, что они уже обработаны и отправлены на хранение, – говорит он, снова усаживаясь за стол. – Хотя вы всегда можете распечатать с одного из сканеров за пару фунтов, если вам интересно.

– Спасибо. – Я снова встаю, чтобы уйти. – Я очень ценю…

– У меня есть вот это, – говорит он, протягивая мне газету. – «Сторноуэйская газета». Странная история, случившаяся несколько лет спустя: маленькая девочка с материка утверждала, будто она – новое воплощение человека, который утонул… по ее словам, был убит, если вы можете в это поверить, в тысяча девятьсот девяносто четвертом году. Это вызвало большой ажиотаж.

Мое лицо пылает.

– Правда? Это… Я что-то слышала об этом.

– Может, пригодится, как знать, – говорит Блэк, протягивая распечатку.

Я опускаю взгляд на ксерокопию и читаю ее заголовок. «Удивительное прошлое ребенка – обвинение в убийстве». Я слегка вздрагиваю, глядя на большую черно-белую фотографию – воспоминание, которое не совсем воспоминание. На этот раз я в скромном платье по колено, на мне нет резиновых сапожек, волосы развеваются вокруг головы; мама рядом со мной в туго подпоясанном

пальто, которое, как я теперь помню, было огненно-красным, на ее лице странная полуулыбка. Мы стоим перед темным узким проходом между отвесными скальными стенами, и я вздрагиваю, когда понимаю, что это Долина Призраков. Волосы у меня на затылке начинают шевелиться. А когда я смотрю на единственного человека на фотографии, – темноволосого мужчину в плохо сидящем костюме, который широко ухмыляется, – это ощущение усиливается.

Я смотрю на надпись под фотографией. *Мэгги Маккей, 5 лет, со своей матерью Вивьен и режиссером-документалистом из Глазго Гордоном Кэмероном*.

Я разглядываю Гордона Кэмерона. Его ухмылку, где левый клык более чем на три четверти золотой.

Помню мамины пылающие щеки и счастливые глаза. *Он актер. В следующем месяце он будет играть Жавера в «Отверженных» в «Павильоне»*.

Это тот самый клоун с моего дня рождения.

Глава 13

Уилл сидит в тихом уголке бара «Вид на гавань» на втором этаже отеля «Корона».

– Вижу, у тебя появился друг, – говорю я, кивая на большую, вырезанную из дерева голову оленя на стене позади него.

– Да. Правда, не такой милый и интересный, как ты.

Я с трудом сдерживаю смех, а затем желание дать себе пощечину, когда сажусь в роскошное кожаное кресло рядом с его местом.

– Джек, – обращается Уилл к бармену. – Можно мне пинту «Теннента» и… – Он смотрит на меня.

– Только «пино гриджио», пожалуйста.

– Итак… – Уилл подается вперед. – Ты нашла, что тебе нужно?

– Чарли был прав, – сообщаю я. – Насчет даты шторма, насчет того вечера, когда погибли Роберт и Лорн. Девятое апреля.

– Так…

Я чувствую укол стыда.

– Через семь с половиной недель после моего рождения.

– Ты разочарована? – Тон Уилла совершенно нейтрален, но я ощущаю, как уколы становятся все горячее.

От необходимости отвечать меня спасает бармен, который подходит к столику с нашими напитками. Я с благодарностью принимаю свой, чокаюсь бокалом с пинтовой кружкой Уилла, прежде чем сделать долгий охлаждающий глоток, и смотрю в сторону бара, потому что это проще, чем смотреть на него.

Заглянув в поликлинику по дороге в «Вид на гавань», я воспользовалась наличием 4G в Сторноуэе, чтобы погуглить «Гордон Кэмерон + актер + Глазго». Нашла запись на сайте «Мэнди», бесплатной платформе по поиску работы для актеров и съемочных групп. На фотографии в учетной записи был изображен темноволосый мужчина подходящего возраста; он не улыбался, зубы были спрятаны. В его фильмографии не было ни одной работы, о которой я бы слышала, но в качестве контактного лица он указал свое агентство – «Джей-Эн энтертейнмент». Я набрала номер, глядя на гавань и придерживая волосы от ветра. И когда раздался звонок, высокий и резкий, только и успела подумать: «Не забирай это у меня, мама. Не

надо». Когда раздался щелчок, свидетельствующий о начале записи сообщения, мое облегчение было слишком велико.

«Здравствуйте, меня зовут Мэгги Андерсон. Не могли бы вы дать мне контактный номер Гордона Кэмерона? Это личное дело. Он знает меня как Мэгги Маккей, дочь Вив. Я доступна по этому номеру. Спасибо».

– Я попала в аварию, – говорю я, не вспоминая ни о чем, кроме этого «не надо». Я смотрю на Уилла, прикасаясь к своему правому веку. – Анизокория – постоянно расширенный зрачок, результат тяжелой травмы головы. Когда мне было четыре года, я ударилась о лобовое стекло автомобиля.

Лицо за стеклом, рот раскрыт в форме идеальной круглой буквы О.

– Мама всегда говорила мне, что я просто отпустила ее руку и выбежала на дорогу. Она говорила мне это много раз. Но… – Я снова поднимаю вино. – Когда мне было лет четырнадцать, мама очень разозлилась и никак не могла успокоиться. Целыми днями. Иногда у нее такое случалось. И она сказала мне, что это была ее вина. Это *она* отпустила мою руку и выбежала на дорогу. У нее были навязчивые мысли, импульсы, и иногда она действовала в соответствии с ними. А я… Я пыталась остановить ее.

Уилл кладет ладонь мне на плечо. Я чувствую ее тепло через два слоя шерсти, прежде чем отстраняюсь.

– Она считала себя медиумом. Знала все о жизни и смерти. У нее были виде´ния. Она получала послания. Озарения. – Мои пальцы нервно и сердито постукивают по столу, и я сжимаю их в кулаки. – Она была одержима этими ужасными телешоу, где фальшивые медиумы бродили по кладбищам с искренними лицами. Обманывали убитых горем родственников, притворяясь, будто раскрывают убийства их близких. Мама хотела бы стать такой. Быть такой. Чтобы в это верили.

Я смотрю на Уилла; наконец-то я произнесла вслух то, о чем думала с тех пор, как увидела дату на свидетельстве о смерти и фотографию в «Сторноуэйской газете». Мамины светлые глаза, улыбка, которую она пыталась и не смогла скрыть.

– Что, если мама мне солгала? Что, если ничего из этого не было правдой? Что, если она заставила меня поверить в это?

– Ты думаешь, она выдумала всю эту историю с перерождением? – говорит Уилл.

Я использую его в качестве лакмусовой бумажки, возможно, даже исповедуюсь ему. И это неуместно, но в то же время кажется совершенно нормальным. Совершенно естественно. И я знаю, что не собираюсь останавливаться.

– Нет. Я не знаю. Мне было пять лет. То есть я не помню всего этого, но помню, что верила в это. Была уверена в этом абсолютно.

Но я также знаю, что для мамы лгать было все равно что дышать. Это тем более опасно, что она почти всегда верила в свою ложь. И в детстве, по крайней мере, я всегда была готова – слишком готова – выбежать на дорогу, чтобы спасти ее. Однако то, что произошло здесь двадцать лет назад, всегда казалось мне слишком сакральным, слишком незыблемым, слишком большой частью нас. Это определило нас, это была наша история – история, которую мы рассказывали снова и снова, как мантру, как клятву, как самый крепкий узел, который когда-либо связывал нас вместе. В груди снова щемит. Единственное время, когда мы были заодно. Воспоминания о стольких ссорах, стольких слезах… Все те моменты, когда я кричала, раненая и пристыженная, и всегда ужасно, невероятно одинокая: «Я ненавижу тебя! Я совсем не такая, как ты!»

– Но да. Что, если она это сделала? Она могла накрутить меня. Это не исключено.

Сжатые кулаки, горячие слезы. «Я Эндрю Макнил. Я Эндрю Макнил!» И мама, стоящая передо мной на коленях, держащая мои руки и смотрящая на меня с безмятежной улыбкой. «Да, это так».

– Может, она читала о нем, о его смерти. Знала, что он умер через несколько недель после моего рождения, и поняла, что это ей пригодится.

Потому что, хотя это единственное воспоминание всегда было ярким и острым и никогда не ослабевало, я не помню, чтобы повторяла: «Kill Merry» – снова и снова, пока она не прислушалась; я не помню, чтобы сходила с ума от шотландской передачи о путешествиях на остров Льюис-и-Харрис. Я не помню, *зачем* мы туда приехали.

Я смотрю в окно на здания портового управления и длинные причалы, уходящие в Минч. Несмотря на угасающий свет, вижу

зловещие черные тучи на далеком горизонте.

– Или это мог сделать кто-то другой.

– Кто?

Я думаю о Гордоне Кэмероне. Даже если это клоун с моего дня рождения, ухмыляющийся золотозубый актер, который приходил на мамины званые вечера, это не значит, что он не был еще и режиссером-документалистом. Вполне возможно.

Я пытаюсь поймать взгляд Уилла.

– Не знаю. Может, это режиссер, который привез нас сюда, может, он как-то использовал маму… Может быть, у него были свои планы…

Настороженно-сомневающееся выражение лица Уилла вызывает у меня желание защищаться. Я знаю, что хватаюсь за соломинку, но то, что я узнала сегодня в мэрии, – это слишком сильное разочарование… возможно, слишком сильная правда… все сразу. И я чувствую необходимость дать отпор.

– Но как она узнала, Уилл?

– Что узнала?

– Как она узнала, что настоящее имя Роберта Рида – Эндрю Макнил? Если это был один и тот же человек, – а я думаю, что это так, – как она узнала?

– Хм… – Он откидывается на спинку стула. – Ты права. Она должна была знать о нем.

– Или ей мог сказать кто-то, кто знал. Может быть, даже кто-то веривший, будто его убили, и желавший привлечь к этому внимание.

– Хорошо, так почему бы тебе не спросить ее? – предлагает Уилл. – Твою маму.

– Я не могу. – И на этот раз вместе с горем и чувством вины приходит гнев. Гораздо сильнее, чем когда-либо прежде. – Она умерла.

– Черт. Прости…

Я пожимаю плечами, качаю головой. Сжимаю губы, глядя в окно. Потому что в сотый раз хочу рассказать Уиллу – хочу рассказать кому-нибудь – всю уродливую правду о том, почему я здесь на самом деле. И не могу.

– Господи, Мэгги… Ты действительно думаешь, что его убили? То есть я пытаюсь представить, что кто-то из них на самом деле мог прикончить человека. Юэн, скорее всего, заплатил бы кому-то другому, чтобы тот запачкал руки, а Брюс, который всю жизнь прожил на

острове, сходит с ума во время весенних приливов… – Улыбка Уилла становится болезненной. – Алек может своими воплями довести кого-нибудь до смерти, я полагаю.

И именно его улыбка заставляет меня отречься от своего самолюбия. Это люди, с которыми Уилл живет, которых знает почти всю свою жизнь. Использовать его в качестве лакмусовой бумажки не просто несправедливо, это чудовищно бесцеремонно – даже для меня.

– Нет, – быстро говорю я. – Наверное, нет.

И это еще одна ложь. Судя по тому, что я узнала о Роберте, он не похож на самоубийцу, а тем более на героя. И несмотря на то, что я узнала сегодня, а может быть, и благодаря этому – пусть это уже не имеет ко мне никакого отношения, – мой ответ все равно «да». Я думаю, что он был убит.

– В любом случае с датами могла произойти ошибка, верно? – Я заставляю себя улыбнуться. – А может, перевоплощение работает не так, понимаешь? Может, есть какой-то период ожидания в семь с половиной недель или что-то в этом роде…

Уилл улыбается уже спокойнее.

– Немного отдыха на небесных курортах, прежде чем вернуться в угольную шахту?

Я улыбаюсь в ответ и чувствую медленное, тяжелое биение сердца о ребра – от странного чувства облегчения и поражения одновременно.

– Вы, ребята, будете ужинать у нас сегодня? – Джек выглядывает из-за барной стойки, и я быстро отстраняюсь от Уилла. – В ресторане много народу, но есть свободный столик на ближайшие пять минут.

– Я не против, если ты согласна, – говорит Уилл.

Вопреки всем своим инстинктам я киваю.

– Но потом нам, наверное, стоит возвращаться. На сегодня прогнозируется плохая погода. – Уилл улыбается, продолжая смотреть на меня. – Лучше перестраховаться, верно?

* * *

– Итак, – говорю я, как только официантка приносит нам еду и одаривает Уилла долгим, томительным взглядом, от которого я

внутренне ощетиниваюсь, – расскажи мне, каково было расти на Килмери. Должно быть, это было классное место для детства.

– Дэвид, Донни и я практически все лето проводили на свежем воздухе. Плавали в озерах и море около Шелтерид-бэй или Лонг-Страйд. Гонялись друг за другом по острову или играли в войнушку в Долине Призраков. Подножие Бен-Уайвиса было хорошим местом для пулеметных гнезд. – Уилл усмехается. – Чарли называл нас «Три чучела».

– Должно быть, иногда бывало очень одиноко…

Уилл пожимает плечами.

– Не так уж и одиноко, когда не знаешь ничего другого. К тому же были еще Хизер и Шина. – Он корчит гримасу. – Пусть даже они были девчонками.

– Келли сказала, что Шина всегда была неравнодушна к тебе.

– Ну да. Можешь себе представить, каково это – расти на маленьком острове? Сплошные гормоны, и девать их некуда. – Он ерзает в своем кресле, и меня очаровывает его неловкость. – В общем, все больше семей стало переезжать в Урбост. А потом мы все разъехались по школам: я и Иэн – в Глазго, все остальные – на Льюис. В итоге Шина и Дэвид встречались почти всю среднюю школу.

– В гостиной у Айлы висят его фотографии, – замечаю я.

– Да, она считает, будто он пердит солнечным светом… ну да ладно. – Уилл смеется. – Последний раз я видел его, когда он приезжал на Рождество. Он хороший парень.

– А что случилось с Кенни?

Уилл наливает мне еще вина.

– Я слышал историю о том, что он отправился один на «Единстве», до самого шельфа, хотя в основном работал на берегу, – и в открытом море выпал за борт. Судно было найдено, но, как и в случае с Робертом и Лорном за несколько недель до этого, его тело так и не обнаружили.

– Подожди. – Я замираю, не донеся бокал с вином до губ. – Ты хочешь сказать, что Кенни Кэмпбелл погиб сразу после Роберта и Лорна?

Уилл кивает.

– По-моему, это случилось через несколько недель. Не знаю точно, когда именно.

– Это странно. – Более чем странно… Даже если принять во внимание слова Уилла о том, что «здесь много опасностей. Много того, что может тебя убить. Но только не люди».

Уилл пожимает плечами.

– Айла просто смирилась с этим, как сказал Юэн. Излила всю свою любовь на Дэвида. Горе меняет людей, как мне кажется. Иногда в лучшую сторону, а чаще всего нет. Взгляни на Алека. Не думаю, что он когда-либо пытался смириться со смертью Лорна. – Уилл морщится. – Конечно, что я могу знать о том, каково это – потерять кого-либо? От Чарли ушла жена, и он за одну ночь словно стал другим человеком.

– Жена Чарли ушла от него?

– Да, около пятнадцати лет назад. Но, я думаю, это было давно предрешено. Ходят слухи, что у Чарли был роман с кем-то на острове еще в девяностые годы.

– У Чарли?

Уилл смеется, но без тени юмора.

– Понимаю, может, это даже неправда, а просто островные сплетни. Но когда Мойра уехала, Чарли как бы… замерз. – Он вздыхает. – Как будто того веселого, беззаботного парня, который часами гонял нас по Лонг-Страйду, когда мы были детьми, или учил плавать в Лох-Ду, никогда не существовало.

Мы замолкаем, когда приходит официантка и забирает наши тарелки.

– Ладно, Мэгги, – говорит Уилл, когда она уходит. – Все это чертовски уныло. Расскажи мне что-нибудь о себе. Ты постоянно задаешь мне вопросы.

– Думаю, сегодня мы уже достаточно поговорили обо мне, – возражаю я, и мое лицо начинает пылать.

Уилл смотрит на меня слишком долго. Как будто он уже знает обо мне все, о чем я не расскажу ему даже под страхом смерти. Когда молчание между нами затягивается, я с трудом подавляю желание скрестить руки на груди.

– Я просто не настолько интересна, Уилл.

– А по-моему – очень даже настолько, Мэгги Маккей.

– Андерсон. – Я чувствую, как к лицу приливает кровь. – Я родилась в Крое, но мы переехали в Англию в…

– Ты шотландка? – Когда я киваю, он смеется и качает головой. – Ты шотландка, а я англичанин. Полагаю, ты сразу раскусила, что стоит за этим «традиция шотландцев – танцевать первый танец с местным жителем»?

Я улыбаюсь.

– Мама вышла замуж за моего отчима, Джеймса, когда мне было десять, и мы переехали в Эссекс, а затем в Хизер-Грин. После школы я поступила в Университетский колледж Лондона на факультет английской литературы и устроилась стажером, а затем и автором в женский журнал, о котором ты никогда не слышал.

– Ты все еще живешь в Хизер-Грин?

– Нет. У меня есть – была – квартира в Блэкхите. По безумно завышенной цене. – И в основном за нее платил Рави, который настаивал, что если ему придется жить к югу от реки, то либо там, либо нигде…

– Там ты жила с человеком, который подарил тебе кольцо? – Уилл слегка касается большим пальцем выцветшей белой полоски кожи на моем пальце, и я инстинктивно снова сжимаю руки в кулаки.

– Его зовут Рави. – Мой голос срывается. – Мы познакомились в университете. Дружили много лет. Мне казалось, что между нами возникло нечто большее. В прошлом году он попросил меня выйти за него замуж. – Я откашливаюсь. – И я не смогла придумать причину, чтобы отказать ему.

– Мэгги, – произносит Уилл, и, когда я смотрю на него, меня удивляет теплота в его взгляде. – Ты не должна мне ничего объяснять.

– У нас были ужасные отношения, – говорю я. Потом смеюсь, и почему-то это звучит нормально – чисто и ясно. – Я имею в виду, что они были действительно ужасными. – Осушаю бокал. – Даже по моим меркам.

Я не буду рассказывать Уиллу, как долго репетировала разговоры с Рави. Репетировала их перед зеркалом, чтобы он не смог заметить какую-то слабость или недостаток, о котором я не подозревала. Я ставила смайлики в телефонных сообщениях, зная, что он заметит, если я не сделаю этого. Я старалась не говорить слишком громко или слишком тихо, слишком жизнерадостно или слишком сдержанно. Я делала все, чтобы избежать его нетерпеливой заботы, его непринужденной снисходительности, его бесконечного разочарования.

И уж точно не скажу Уиллу, что иногда я все еще веду эти воображаемые и глубоко нездравые разговоры. Потому что – хотя я ненавидела быть с Рави, ненавидела то, какой маленькой и слабой он заставлял меня чувствовать себя, – не могла избавиться от ощущения, что, возможно, он прав. Может, мне действительно нужен кто-то, кто будет меня сдерживать. Может, он действительно был единственным, кто уберег меня от того, чтобы меня сорвало с места и унесло прочь.

Я думаю о докторе Абебе. «Может быть, вам стоит немного побыть одной, Мэгги… Проверьте это на практике».

– Эй. – Уилл протягивает руку через стол и берет обе мои холодные ладони в свои, осторожно разжимая мои пальцы. – Я не должен был спрашивать.

– Прости.

– Всё в порядке.

Он продолжает смотреть на меня все так же пристально, и тепло от его взгляда распространяется по моей коже.

– Послушай, я давно хотел сказать… – Он качает головой. – Знаешь, ты можешь приходить на ферму. В любое время. Я имею в виду, я буду рад тебе всегда. Ну, если у тебя закончится сахар или еще что-нибудь, или просто, не знаю, чтобы увидеть меня… В любое время. По любой причине. – Он сжимает мои ладони, внезапно ставшие липкими, и я не могу сдержать дрожь, которая пробегает по моему телу, и мурашки, которые появляются на моих предплечьях.

– Хорошо. – Я не говорю больше ничего. Не могу. Потому что, когда я убираю руки, мне уже не хватает не только его тепла. Мне не хватает *его*. И я не знаю, что с этим делать.

– Мы когда-нибудь поговорим об этом, Мэгги? – спрашивает Уилл, указывая сначала на себя, а потом на меня, на мои руки, покрытые мурашками. – Или просто будем все ближе и ближе подходить к тому, что собираемся сделать, никогда не говоря об этом вслух?

– Извини, – говорю я, вставая. – Мне нужно в туалет.

В туалете останавливаюсь у раковины и омываю запястья прохладной водой. Я смотрю на себя в зеркало. Я похожа на ту Мэгги, которую помню лишь смутно. У той Мэгги спутанные волосы, румяные щеки и ясные глаза. Всю свою жизнь я хотела быть кем-то – кем угодно – кроме себя, и вдруг мне это надоело. И я устала

отказывать себе во всем, чего хочу, потому что мне стыдно, или страшно, или я думаю, что не заслуживаю этого. Я помню мамин смех, когда мы бежали по пляжу под дождем и раскатами грома, и натянутый нейлон нашего воздушного змея трещал на ветру. Я помню, что из всех вещей, которые мама ненавидела, она больше всего ненавидела трусость.

Когда я возвращаюсь к столу, Уилл смотрит на меня с обеспокоенным выражением лица.

– Прости меня, Мэгги. Я не должен был этого говорить. Забудь, что я…

– Дождь не прекращается, – говорю я, не садясь на свое место.

– Мэгги…

Я вспоминаю, как забилось мое сердце лишь оттого, что он коснулся моей руки тыльной стороной ладони в пространстве между нашими креслами, где никто не мог видеть.

– Портье только что сказал мне, что погода на западе сильно ухудшилась. Лучше перестраховаться, как ты и говорил.

Уилл ненадолго прикрывает глаза.

– Верно. – Он встает, снимает плащ со спинки стула.

Я беру свой плащ и смотрю на Уилла, пока он наконец не оглядывается на меня.

– Поэтому я забронировала для нас номер, – продолжаю я.

* * *

– Боже, Мэгги, ты дрожишь, – замечает Уилл.

– И ты тоже.

Он смеется – возможно, от нервов.

– Наверное, да.

Мы стоим лицом друг к другу посреди крошечного гостиничного номера, оформленного в разных оттенках коричневого, и крепко держимся за руки. Я вижу крошечные красные прожилки в белках его глаз, большие черные зрачки. Уилл наклоняется еще ближе, касается своими губами моих, отстраняется.

– Ты уверена?

И я без колебаний киваю. Потому что – хотя кажется невероятным, что я могу быть хоть в чем-то уверена, хотя есть тысяча причин, по которым эта идея просто ужасна, – я не собираюсь отступать. Я давно не доверяла себе, не была уверена ни в чем, но здесь и сейчас эта уверенность вдруг пришла ко мне.

Я касаюсь его лица, и меня пробирает дрожь, когда он закрывает глаза… когда я слышу его учащенное дыхание. И я целую его без всякой нежности, неуклюже и так настоятельно, что он теряет последние остатки нерешительности и крепко прижимает меня к себе. И так же крепко целует в ответ.

Спотыкаясь, мы делаем шаг к кровати, и Уилл отпускает меня, чтобы присесть на ее край. Он стягивает с меня джемпер и футболку, прижимается лицом и губами к горячей коже моего живота, пока я сражаюсь с лифчиком. Когда он накрывает ладонями мои груди, я скидываю свои джинсы, одновременно расстегивая молнию на его штанах. Уилл выводит слова на моей коже, шепчет их, но я тянусь вперед и толкаю его обратно на матрас. Мне не нужна прелюдия. Мне не нужна нежность. Они мне не нужны. Мне нужен только он.

Я сажусь на него верхом, и он выдыхает что-то неприличное, подается навстречу мне, хватает меня за бедра. Его лицо раскраснелось, я вижу, как бьется пульс на его шее. Я дергаю и тяну за одежду, пока не обнажаю его в достаточной степени, вырываю презерватив из его рук, раскатываю нетерпеливыми пальцами. А потом снова опускаюсь на Уилла с такой силой, что мне становится больно. Он стонет, притягивает меня ближе, чтобы поцеловать, и мы двигаемся навстречу друг другу без усилий; слишком быстро, слишком резко. Такое ощущение, что я занимаюсь сексом впервые в жизни, и я почти в панике от желания прикоснуться к Уиллу, трахнуть его, быть к нему так близко, как только могу. Он кричит, толкается в меня в последний раз, и, когда я достигаю оргазма, я почти рыдаю от облегчения, от освобождения. От абсолютной правильности случившегося.

Я прижимаюсь к нему, прерывисто дыша, сердце все еще неистово колотится. А он смотрит на меня, дыша так же тяжело. На его губах застыла ошеломленная улыбка.

– Боже, Мэгги…

Глава 14

Я должна чувствовать себя виноватой. За то, что настолько явно нарушила самое простое из правил доктора Абебе: никаких новых отношений и никакого секса. Но я чувствую себя виноватой только за то, что не чувствую себя виноватой. Хотя, когда мы возвращаемся через пролив на Килмери, я начинаю ощущать беспокойство. И оно лишь усугубляется, когда Уилл останавливает машину на травяной обочине дороги, ведущей в Блармор.

– Не хочешь пообедать?

– Что? – Я представляю, как мы вместе заходим в «Ам Блар Мор». – Нет.

– Мэгги, послушай. – Уилл выключает двигатель, смотрит, как я нервно сплетаю и расплетаю пальцы, лежащие на коленях. Дождь стучит по лобовому стеклу. – Я ничего не скажу. И я хочу, чтобы ты знала, что я ничего не жду. Если хочешь, я отвезу тебя обратно в Ардхрейк прямо сейчас. Но я бы предпочел пойти в паб и пообедать. – Он улыбается, тепло и осторожно. – Они все равно будут говорить о нас.

Я смотрю на мутное от дождя лобовое стекло.

– Я не всегда могу сообразить, что для меня хорошо, а что нет.

Уилл протягивает руку к моим дрожащим пальцам, поглаживает тыльную сторону моей кисти раз, другой, третий. А я лишь наблюдаю за ним. И не отстраняюсь.

– Я постараюсь быть хорошим для тебя. – Я невольно улыбаюсь. Он смеется. – Или я слишком пошлый?

Наконец я убираю руку – якобы для того, чтобы проверить телефон. Как обычно, сигнала нет, но по дороге из Сторноуэя пришло сообщение.

«Гордон Кэмерон просил переслать вам его номер».

Это номер мобильного телефона. Я сохраняю его в своих контактах.

– Ладно, – говорю Уиллу.

– Ты согласна?

Я киваю.

– Я пообедаю с тобой.

Потому что понимаю – я намерена продолжать. Несмотря на все, что узнала вчера, – о датах, о клоуне, о маме, которая, возможно, выдумала всю эту историю, – я собираюсь продолжать расследование того, что случилось с Робертом. Я не готова уехать. Сдаться. Может быть, я до сих пор не могу заставить себя поверить в то, что это неправда… что это действительно всего лишь совпадение: тот факт, что Роберта прежде звали Эндрю и что я живу в том же доме, где жил он. А может быть, я просто не хочу возвращаться в Лондон, к своей прежней жизни, к себе. И, может быть – скорее всего, – ни одну из этих причин нельзя назвать правильной. Но я все равно остаюсь. Снова смотрю на Уилла. Я буду осторожна. Я *могу* быть осторожной. У меня были годы практики.

* * *

Когда мы входим в барный зал, я в смятении осознаю́, что паб полон. И весьма заинтригован нашим прибытием. За двумя столами сгрудились не знакомые мне люди, которые встречают Уилла громогласным «Привет!». За двумя другими столами расселись шумные и грязные археологи. Юэн и Кора сидят за маленьким столиком в одной из темных ниш, и, когда Уилл машет им рукой, они машут в ответ.

– Привет. – Донни хлопает Уилла по плечу, а затем забирает с барной стойки поднос, полный напитков. – Вы, ребята, пришли пообедать? На этой неделе у нас гостят дети. Почему бы вам не присоединиться к нам?

Он кивает в сторону соседнего столика, за которым сидят Джиллиан и Брюс, а рядом с ними – маленькая девочка с тугими черными кудряшками и мальчик помладше, лет пяти, болтающий ногами на низком табурете.

Уилл поворачивается ко мне, извиняясь взглядом.

– Ты не против?

– Конечно, – отвечаю. – Я закажу напитки.

– Я пойду принесу стулья, – говорит Уилл, вид у него при этом по-прежнему такой извиняющийся, что я заставляю себя улыбнуться.

Когда он уходит, а я делаю заказ у незнакомого бармена, я понимаю, что Донни все еще стоит рядом со мной и держит поднос с напитками.

– Итак, – говорит он, и я не вижу на его лице прежней озорной улыбки. – Ты уже решила, как долго будешь здесь торчать?

Донни недовольно хмурится, и я понятия не имею, потому ли это, что мы с Уиллом провели ночь в Сторноуэе, или потому, что его родители рассказали ему о разговоре в коттедже Айлы в понедельник. Я не вижу причин, по которым что-то из этого могло бы его рассердить, но начинаю подозревать: есть много вещей, которые я не знаю или не понимаю, много вещей, которые люди не говорят, возможно, даже скрывают. Я не знаю, может, я просто хватаюсь за соломинку, но сама возможность – *само подозрение* – выводит меня из себя настолько, что я начинаю огрызаться в ответ.

– А почему ты спрашиваешь?

Он пожимает плечами, быстро меняя выражение лица на более дружелюбное, и перегибается через стойку, чтобы поставить на поднос наши напитки.

– Просто поддерживаю разговор.

Я смотрю через его плечо на стену с фотографиями и вижу, что Мико и Феми сидят одни за ближайшим к ней столиком.

– Пойду поздороваюсь с ними, – извещаю я и так же неискренне улыбаюсь ему в ответ, после чего отхожу от стойки.

Прохожу вдоль красной стены, изображая непринужденное любопытство. Быстро оглядываюсь через плечо на зал, затем достаю из сумки фотографию и вешаю ее на место, загораживая своим телом. Когда я оборачиваюсь и иду к столику Мико, она приветствует меня вежливой улыбкой.

– Как дела, Мэгги?

– Всё в порядке, спасибо. Как продвигаются раскопки?

– Мы находим очень интересные артефакты, – отвечает она, слегка пожимая плечами. – Пока не нашли ни одной могилы-спутника, как я надеялась, но главный курган по-прежнему приносит тонны керамики бронзового века. Вчера мы нашли золотой торк, что-то вроде браслета высокого статуса, который может относиться даже к неолиту, так что…

Феми фыркает.

– Я скажу тебе, что на самом деле интересно. – Он смотрит не на меня, а на Мико. – С тех пор как мы начали расчищать место первого раскопа, а также юго-западный хребет, стали происходить странные вещи…

– Феми… – произносит Мико, и я различаю предупреждение в ее голосе, хотя Феми этого не слышит.

– Иногда по утрам, – продолжает он, не останавливаясь и подаваясь ближе, – когда приходит первая смена, все выглядит так, будто кто-то шарил на раскопе ночью. Грязные следы или сдвинутые брезенты. Два дня назад земля выглядела так, словно ее потревожили вокруг самой недавно раскопанной части основного кургана. – Смотрит на меня. – Так вот, о чем я подумал…

Мико пихает его локтем так сильно, что он вздрагивает.

– Мы же вроде договорились, что твои мысли не следует обсуждать?

Я с запозданием понимаю, что Джаз сидит за переполненным столом археологов позади нас. Он замечает мой взгляд и неловко кивает.

Феми пожимает плечами.

– Я просто объясняю – потому что, знаете ли, дома Лонг-Страйда находятся слишком далеко, чтобы из них можно было увидеть, что происходит на раскопках ночью, верно? – Он поворачивается ко мне. – Но ты говорила, что живешь на Ардхрейке, верно? Я просто подумал, может, ты проследишь, не появится ли кто…

– О боже, не обращай на него внимания, – говорит Мико. Она снова хлопает его по руке и закатывает глаза.

– Я тебе говорю… – Феми громко сморкается и качает головой. – Это какая-то странная хрень, подруга.

– Ну, я, наверное, живу не настолько близко, чтобы что-то увидеть. – Я думаю о непроглядной тьме, которая опускается на остров каждую ночь, как занавес. А потом о том, как кто-то на цыпочках бегает вокруг «черного дома», стуча в окна. – Но, конечно, если я увижу, то дам вам знать.

Когда я неохотно направляюсь к столику Маккензи, Уилл, сидящий рядом с Донни, поднимает глаза и одаривает меня еще одной страдальческой улыбкой. Джиллиан и Брюс сидят на единственной скамейке; он вытаскивает табуретку из-под стола.

– Спасибо.

– Не за что, – отвечает Брюс с улыбкой, куда более искренней, чем два дня назад в доме Айлы. – Хорошая погода для рыб, да?

– Но не для фермеров, я полагаю.

– Почему, по-твоему, мы сидим в пабе?

Джиллиан смотрит на меня; выражение лица у нее бесстрастное, но плечи немного слишком напряжены.

– Итак, как продвигается работа над историей? Мы слышали, что вчера ты была занята исследованиями в Сторноуэе?

Донни фыркает, поднимая свою кружку.

– Это теперь так называется?

Уилл бросает на него такой яростный взгляд, что даже я вздрагиваю, а Донни ставит кружку, не отпив ни глотка, и старательно откашливается.

– Хватит об этом, – говорит Джиллиан, хотя в ее голосе тоже слышится неодобрение – отчетливо, как звон колокола.

– Мэгги, может, ты сделаешь перерыв в своих… – Брюс на мгновение запинается, – исследованиях, чтобы прийти на нашу пятничную викторину в пабе?

– Я не очень хорошо играю в викторины.

– Ну, мы будем рады, если ты присоединишься к нам, – говорит Джиллиан. – У нас сегодня выходной, а все эти люди разбираются только в овцах и футболе.

Джимми подходит к столу, через плечо у него перекинуто полотенце. Он бросает на меня мимолетный взгляд и сообщает:

– «Гиннесс» закончился, Джиллиан. А у нас полон бар народу.

– Вот тебе и обеденный перерыв, – говорит она и протяжно вздыхает, прежде чем встать.

– Мы хотим наггетсы! – восклицает маленький мальчик, пытаясь столкнуть девочку с табурета, а затем бежит к бильярдному столу. Девочка возмущенно вскрикивает и мчится за ним.

– Рози! Питер! – кричит Донни. – Немедленно вернитесь сюда!

Он неохотно отставляет свою кружку и идет за ними.

– Знаете, – говорю я, хватая плащ и глядя то на Брюса, то на Уилла, – прошу прощения, но я только что вспомнила, что мне нужно купить кое-что в магазине. Может быть, мы могли бы посидеть здесь в другой раз…

Потому что внезапно я чувствую себя не очень готовой к тому, чтобы высидеть весь этот до странности скромный обед, терпя хмурые взгляды и неудобные вопросы, цепляясь за свои необоснованные подозрения. Наверное, мне следовало бы воспользоваться случаем и самой задавать вопросы, но я слишком устала. А вчерашнего дня – вчерашней ночи – пока достаточно. Мне нужно побыть одной. Мне нужно подумать. Прийти в себя. Мне нужно позвонить Гордону Кэмерону.

Я чувствую короткое прикосновение Уилла – оно обжигает мою руку, – но продолжаю идти к выходу, и, когда холодный воздух ударяет мне в лицо, когда я открываю дверь паба, облегчение становится почти непреодолимым. Главная улица пуста, и я делаю несколько глубоких, медленных вдохов. Уилл не выходит вслед за мной, и я одновременно рада и разочарована. А потом начинаю злиться на себя.

«Нужно просто пойти в этот чертов магазин».

Но едва я удаляюсь от паба на несколько шагов, как чувствую внезапный холодок на коже – как в тот момент, когда нашла мертвых птиц на тропинке или почувствовала, что кто-то прячется в темноте. Однако на этот раз никто не крадется, а бросается на меня сзади. И так резко, что я едва успеваю обернуться, прежде чем кто-то с силой врезается в меня.

Я не кричу, но отступаю назад, поднося руки к лицу и чувствуя на пальцах теплую влагу от чьей-то слюны.

– Мама, стой! Прекрати!

И только когда Уиллу удается оттащить ее от меня, я понимаю, что нападавшая – Кора. Лицо у нее безумное, залитое слезами пополам с черной тушью, а волосы – обычно такие идеальные – разметались в беспорядочные космы, которые она дергает и крутит, даже когда Уилл пытается ее удержать. Ее глаза – они все еще смотрят на меня – темны от ярости.

Юэн выбегает из дверей паба и быстро приближается к нам, лицо у него красное.

– Мне так жаль, Мэгги, Уилл… Я не заметил, как она ушла.

– Всё в порядке, – говорит Уилл, тяжело дыша. – Всё в порядке, мама. Всё хорошо. Юэн, ты можешь…

– Конечно, конечно, – заверяет тот, обнимая Кору за дрожащие плечи и поглаживая ее растрепанные волосы. – Пойдем со мной,

любовь моя. Давай согреемся и вернемся домой.

Гнев исчезает из ее глаз, словно растворяясь в прикосновениях и словах Юэна, и она моргает раз, другой, глядя на меня в полнейшем замешательстве, а затем Юэн уводит ее прочь, и она позволяет ему это сделать.

Уилл ждет, пока они не скроются на небольшой парковке у паба, и только потом поворачивается ко мне.

– Боже, прости, пожалуйста. Ты в порядке? – Он протягивает руку, чтобы коснуться моего лица, но отдергивает ее, когда я отстраняюсь от него.

– Я в порядке.

– У мамы ранняя стадия болезни Альцгеймера. – Уилл вздыхает и качает головой. – Я должен был сказать тебе раньше. Но в последнее время она казалась более уравновешенной…

– Мне жаль, Уилл. – Я замечаю, что снова стискиваю пальцы, жестоко прищипывая кожу. Яркий, дикий свет в глазах Коры – чем-то напомнивший мне о маме – вновь пробудил во мне уродливый страх, подобный ядовитому цветку. «Ты не сможешь от этого спрятаться, Мэгги, – говорит доктор Абебе. – Это всегда будет частью тебя».

– Давай я отвезу тебя домой.

Я вижу тревогу в глазах Уилла, и это невыносимо. Я испытываю почти непреодолимое желание протянуть руку и прикоснуться к нему.

– Я в порядке. Тебе лучше пойти с твоей мамой.

Огромный черный «Сегун» Юэна выезжает задним ходом с парковки и исчезает на главной дороге.

– Я пойду с тобой в магазин, – заявляет Уилл. – Слушай, я хочу извиниться еще и за то, что так вышло с Маккензи. Это…

– Уилл, я в порядке. – Я понимаю, что отступаю от него на шаг. – Правда. Я просто хотела бы побыть одна.

Я знаю, что веду себя невежливо. И я знаю, что это причиняет ему боль. Но моя потребность сбежать гораздо сильнее. Возможно, он видит это, потому что наконец перестает пытаться следовать за мной.

– Хорошо. Если ты этого хочешь.

– Да.

Уилл ловит мой взгляд и задерживает его дольше, чем это уместно.

– Приходи ко мне, – просит он. – Если ты хочешь и этого тоже.

* * *

Когда я вхожу в магазин, в нем царит тишина – такая, какая наступает только после резко оборванной оживленной болтовни, и я понимаю: вероятно, все заметили, что произошло на улице.

Фиона Макдональд, стоящая за прилавком, бросает на меня неловкий взгляд, а затем кивает в сторону витрины.

– Это было… Кора не в себе.

Я слегка кашляю.

– Знаю.

– Это ужасно. – Фиона вздыхает, качает головой, а затем поворачивается обратно к кассе и покупательнице. Я запоздало понимаю, что это Айла; она быстро кивает мне, прежде чем наклониться и поднять две полные холщовые сумки. Все остальные возвращаются к своим покупкам, и тишина сменяется тихим и приятным гулом голосов.

– Тебе помочь? – спрашивает Фиона, трогая Айлу за локоть.

– Ах, нет, всё в порядке, Фиона. *Чири*[28]. Увидимся завтра. – Уходя, Айла бросает на меня еще один быстрый взгляд, и я понимаю, что выглядит она ужасно. Ее глаза налиты кровью, а кожа под ними опухшая, с темно-фиолетовыми кругами. Улыбка, которую она мне дарит, едва различима. – Пока, Мэгги.

Я беру корзину и бросаю в нее все съедобное так быстро, как только могу. Когда огибаю последний ряд, то с досадой вижу, как Шина расставляет на полке банки с супом. Останавливается, как будто испуганная моим появлением, и я подозреваю, что она, вероятно, единственный человек в магазине, который не был свидетелем случившегося снаружи. Шина хмурится и расправляет плечи, после чего ставит банки на пол и поворачивается ко мне лицом.

А потом не говорит ни слова. Я откашливаюсь, неловко переминаюсь с ноги на ногу, ручки корзины впиваются мне в ладонь, а она все еще молчит. Просто продолжает смотреть на меня. Я чувствую смутное раздражение, но после Донни и Коры у меня нет ни малейшего желания ввязываться в очередную конфронтацию с кем-либо еще. Вместо этого я не глядя беру что-то с ближайшей полки и поворачиваюсь, чтобы уйти.

Шина делает такое быстрое движение, что я едва не вскрикиваю, когда ее пальцы смыкаются на моем запястье, заставив меня обернуться.

– Когда я сказала, что ты должна уехать, это было не только ради моих мамы и папы. – Она говорит тихо, едва ли не шепчет. В ее глазах все еще читается враждебность… может быть, даже какая-то доля того страха, сияющего и темного, который я видела в тот вечер, когда Алек напал на меня у телефонной будки. Она опускает взгляд на мое запястье, моя кожа вокруг ее пальцев побелела. – Здесь ты не в безопасности.

– О чем ты говоришь? – Я стряхиваю ее руку, чтобы она не заметила, как участился мой пульс.

– Я не знаю. Просто чувствую это.

И это так похоже на мамины слова: «Такие люди, как мы, Мэгги, должны прислушиваться к своим плохим предчувствиям», что я вздрагиваю и отступаю назад.

– Что это значит?

Но Шина только пожимает плечами, ее глаза блестят.

– Это значит, что ты должна уехать.

Злость наконец-то приходит мне на помощь.

– Это все из-за Уилла? – говорю я и чувствую прилив мелкого удовлетворения, когда ее щеки краснеют, а руки сжимаются в кулаки.

Келли подходит к концу ряда, и ее лицо застывает, когда она переводит взгляд с Шины на меня.

– Всё в порядке?

– Всё хорошо, – говорю я, хотя улыбка, которую я ей дарю, больше похожа на гримасу. – Все отлично.

Глава 15

Роберт

Еще не наступил полдень, но я уже вымотался. Овцы буйные и шумные, а дождь холодный и неумолимый. Под такой же дождь я проснулся в утро похорон. Сегодня этот день кажется мне совсем недавним. Он кажется совсем недавним с той ночи в «Похане Чарли». Похмелье не покидает меня до сих пор. Оно стучит в висках, не дает мне покоя.

Я помню, как стоял у окна своей спальни, когда по главной улице несли гробы. Я рисовал их очертания на запотевшем окне – их было гораздо легче вычертить, чем силуэты трех сейнеров, снаряженных для рыбной ловли.

– Почему ты еще не одет? Мы должны спуститься вниз!

Лицо мамы было бледным, хотя от гнева на скулах проступили два красных пятна. Ее черное церковное платье обнажало костлявые ключицы и собиралось пустыми складками на талии. Всего за две недели она сильно похудела. Я уже не мог вспомнить, как выглядела ее улыбка.

Я снова уставился на медленную, мокрую процессию. Я не слышал голосов скорбящих, но видел их лица: осунувшиеся, как подтаявшая восковая свеча, обращенные к мрачному небу, искаженные потоками дождя на стекле. И я слышал, как волынщик, уже пройдя мимо и скрывшись из виду, заиграл «Возвращение домой».

Если мой отец или кто-то из его рыбаков встречал священника по пути к судам, они разворачивались и возвращались домой. И, боясь разгневать кельтских морских богов, священника можно было называть только «человеком в черном плаще», а его церковь – «колокольней». На борту рыбацкого судна нельзя было читать молитвы. Вместо этого с носа плескали в воду виски, а палубу посыпали солью. И каждую весну отец освящал лодки, поджигая ведро, полное старых тряпок, смоченных в дизельном топливе, и нося его по всем палубам, наверху и внизу, окуривая каждый уголок судна. Это было то же самое, что вырезать на киле северные руны или принести жертву Ньёрду, богу рыбной ловли и моря. Такая же вера,

такая же надежда на что-то незримое. Между нами было нечто общее, чего он предпочел не замечать.

– Это я виноват.

Поскольку мама знала, почему я не одет. Почему не могу спуститься вниз. Почему не могу пойти в церковь и сидеть рядом со всеми этими гробами, со всеми этими людьми. Я *не мог*. Они бы увидели, что я сделал. Они бы узнали.

– Я же просила тебя перестать об этом говорить. – Она оттащила меня от окна, стиснув мое плечо. И в ее глазах, когда она посмотрела на меня, была не только ярость, но и страх. Это был тот самый страх, который не давал мне уснуть – который размахивал белыми руками в лучах маяка на Ардс-Эйнише, когда эти лучи проползали по стенам моей спальни; тот самый страх, который бормотал в темноте между серой полумглой и серебристо-белым светом.

Она притянула меня к себе так близко, что я видел только этот страх, темный и дикий, как океан.

– Не говори так больше. Никому не рассказывай о том, что ты сделал. Если они узнают, то возненавидят тебя. Они возненавидят нас. Навсегда. Ты даже не представляешь, каково это, когда все в подобном поселении обращаются против тебя. – Палец, наставленный мне в лицо, дрожал. – И у меня больше не будет сына. Ты понимаешь?

И я поверил ей. Я подчинился ей. Потому что у меня больше не было мамы.

* * *

Пока дождь не переходит в безжалостный ливень, от которого приходится загонять овец обратно в сарай, я заставляю себя продолжать работать. Еще так много нужно сделать, прежде чем зима вступит в свои права… Уже холодно; я чувствую, как натянувшаяся от холода кожа прилегает к ноющим костям, когда открываю дверь в дом. Я слышу голоса на кухне: Мэри и еще кто-то. Еще до того, как я понимаю, что это Чарли, в висках снова начинает стучать.

Чарли…

Они стоят слишком близко, склонив головы друг к другу. Мэри отстраняется от него так резко, что ударяется бедром о духовку и

вздрагивает.

– Рад тебя видеть, Роберт, – говорит Чарли, но на этот раз его слишком беззаботная улыбка не может скрыть того, что таится под ней. Чувство вины. Я всегда могу узнать это чувство, как старого друга.

Поворачиваюсь к Мэри.

– Где Кейлум?

– Играет в своей комнате, – отвечает она и вздергивает подбородок, словно хочет сказать что-то еще.

– Что привело тебя сюда, Чарли?

– Ничего особенного. – Его улыбка становится еще ярче. – Просто хотел узнать, как вы поживаете. – Он моргает, бросает короткий взгляд на меня и Мэри. – Вы оба.

Что-то в нем изменилось. Он смотрит на меня по-другому, но я не могу понять, как именно. И от этого холодный гнев в моем животе начинает накаляться.

– Мэри, – говорю я. – Оставь нас на пару секунд, ладно?

Я улавливаю тот момент, когда она думает о том, чтобы сказать нет. Но она этого не делает. Вместо этого одаривает Чарли своей лучезарной улыбкой и говорит:

– Было приятно увидеть тебя снова, – после чего поворачивается на пятках и выходит из комнаты, даже не взглянув на меня.

– Что тебе нужно, Чарли?

И все же улыбка не сходит с его лица.

– Я просто… хотел заметить насчет всей этой истории с Земельным фондом – тебе не стоит принимать близко к сердцу то, что сказал Том. Он завидует и будет завидовать, вот и всё. Ты фермер – ты уже делаешь то, что ему едва-едва взбрело в голову. Видит бог, зависть может сделать сволочью самых лучших из нас – а Том, конечно, не из лучших.

Я киваю, раздраженный тем, что продемонстрировал свою обиду на свое неучастие в заявке.

– И я… я просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь после вечера субботы. Ну, знаешь, после…

Почему-то мне казалось, что это поможет – рассказать кому-то. Я думал, что это снимет то ужасное давление, которое постоянно росло внутри меня; обнулит манометр, давно уже перешедший границы

безопасности, давно уже перешедший за красную черту. Но вместо этого разговор с Чарли оставил глубокую рану, которая болит сильнее, кровоточит сильнее, чем все мои секреты.

И стыд тоже. Стыд за все, что я ему рассказал – не только за то, *почему*. Когда я трезв и день солнечный, я не чувствую теней за спиной. Это не *бокан*, которые ждут во тьме и на дне кружки с алкоголем. Это слабость. Во всем виноват испуганный, обиженный мальчишка, разрушивший мою жизнь. Я ненавижу Эндрю. Каждый день я мечтаю, чтобы он умер до этого. Чтобы я смог убить его. Задушить его страх, ненависть и слабость.

Я закрываю дверь на кухню.

– То, что я тебе сказал, останется между нами.

Чарли складывает руки на груди.

– Роберт, я не…

Я набрасываюсь на него, возможно, прежде чем кто-то из нас понимает, что я собираюсь это сделать. Но это приносит облегчение: я даю волю гневу, который превратился в кипяток, чувствуя почти непроизвольную потребность что-то сделать с этим. Я хватаю Чарли за рубашку, сгребаю ее в кулак и притягиваю его к себе.

– Если ты когда-нибудь откроешь кому-нибудь мое настоящее имя или перескажешь то, что я тебе рассказал…

– Дело мужчины – это его дело, и ничье больше, – хрипит Чарли, его лицо и шея становятся отвратительно синюшными. Он пытается разжать мои пальцы, но я лишь крепче сжимаю их, наклоняясь так близко, что вижу брызги своей слюны на его щеке.

– Если ты кому-нибудь расскажешь, я убью тебя, Чарли.

И затем, понимая, что говорю это всерьез, понимая, что во мне кипит яд – стыд, бурлящая ярость, – я отпускаю его.

Он, пошатываясь, отходит от меня, хватает плащ, идет в прихожую и открывает входную дверь. Оборачивается только тогда, когда уже стоит на середине дорожки, ветер развевает его волосы. И ярость в его глазах вполне может сравниться с моей.

– Ты мудак. Ты чертов мудак, Роберт.

* * *

Я иду к Аче-Лурах. Несмотря на то, что дождь все еще не прекращается, а небо над Атлантикой остается по-штормовому мрачным. Несмотря на то, что в декабре в этом месте мало *прекрасного*. Луг болотистый и бесцветный, озера подернуты рябью. Но все же это успокаивает меня, разгоняет туман в моей голове. Здесь царит покой. Тишина, которую даже буря не может потревожить или разрушить. Как эти плоские, бесстрастные камни, стоящие на страже на скалах в Ор-на-Чир. Такие высокие, что способны заслонить солнце.

Я карабкаюсь по утесу почти до самой его ветреной вершины. Останавливаюсь у большого плоского камня недалеко от берега и устраиваюсь в этом относительном укрытии. Вокруг меня тишина. Тонкие, дрожащие корни свисают вниз над каждой темной норой, большой или маленькой, как занавески из бусин над дверным проемом.

Мне не следовало делать того, что я сделал с Чарли. Не стоило говорить того, что я сказал. Смотрю на мокрое серое небо, на быстро движущиеся облака. Я все испортил. Я думаю о словах Мэри: «Чтобы иметь что-то, не обязательно владеть этим, Роб. Нужно просто верить, что это твое». Я все это испортил.

Лицо мамы изменилось так же быстро, как и она сама. Она так и не перестала носить черное, и иногда это лицо – уже не худое и бледное, а опухшее и испещренное красными жилками – было единственным, что я мог видеть в ней. Ожоги, оставленные на ее коже пламенем очага. Стакан с низкопробным пойлом, который неизменно дрожал в ее руке.

По ночам, когда шторм обрушивался на берег и заунывный звон приливного колокола эхом отдавался в нашем домике, она переставала пить. Часами смотрела на меня, а я ждал ее гнева, отчасти надеясь, что этот немигающий взгляд исчезнет.

Но я сдержал свое обещание. Я никогда никому не рассказывал.

И вот теперь рассказал.

Призраки – это просто незаконченное дело. Невысказанные истины. Чувство вины, прячущееся под камнями, в кроличьих норах. Им не нужно следовать за тобой, потому что они и есть ты.

Раздается шум. Громкий, как рев. Не со стороны пляжа или моря, а из глубины острова, с юга, за кладбищем. Когда несколько

мгновений спустя со стороны Шич-а-Хойн-Вор выбегает группа людей, я встаю и прищуриваюсь, чтобы понять, от чего они бегут. Но дождь затянул туманом юго-запад острова, и сквозь него ничего не разглядеть.

Раскопки. Должно быть, это там. Я тоже пускаюсь бежать, хотя трава скользкая от дождя, а болотистая земля ненадежна. Меня охватывает радостное возбуждение, которое заставляет забыть обо всем остальном, и это достаточный стимул, чтобы продолжать бежать.

Требуется слишком много времени, чтобы добежать до узкой прогалины. Я бреду по ней, а крики становятся все громче. Позади меня появляются люди – они возвращаются туда, откуда выбежали, навьюченные рюкзаками и рулонами брезента.

Торр-Дисирт переполнен людьми, мечущимися туда-сюда, как мыши. Я медленно поднимаюсь на гребень – ничто не способно задержать тебя так, как мокрый торф, если он того пожелает – и, добравшись до вершины, вижу в нескольких футах от себя Джаза, который раздает резиновые покрышки целой очереди промокших археологов.

– Что это? – окликаю я, наблюдая, как они бегут с этими покрышками к длинной траншее, расположенной ближе всего к кладбищу, на краю основного раскопанного кургана.

Джаз нетерпеливо оборачивается, а затем широко улыбается, узнав меня. В первый день моего посещения раскопок несколько месяцев назад я рассказал ему все, что знал об истории острова, и в ответ он несколько часов показывал мне разрытые траншеи и планы раскопок. Может, он и житель материка и ему всего восемнадцать лет, но я знаю, что он чувствует то же, что и я: тягу к этой земле, равной которой нет.

– Мы что-то нашли! – кричит Джаз, перекрывая шум ветра, дождя и голоса тех, кто спешит накрыть траншеи брезентом. Он машет рукой в сторону края траншеи, где руководитель раскопок – профессор Как-Его-Там, который ни разу не уделил мне времени, – сидит на корточках и бурно жестикулирует.

– Подожди меня, – говорит Джаз, когда кто-то выкрикивает его имя, и направляется к траншее с последними шинами в руках. Его глаза сияют. – Это потрясающе.

Я жду, стоя на дальнем южном краю хребта. И вот траншея уже надежно прикрыта, дождь усиливается, а археологи начинают собирать вещи и неохотно уходят. Джаз остается, ждет, пока все разойдутся, и только потом возвращается ко мне. И хотя мы одни, чувство волнения, чувство открытия все еще достаточно остро, чтобы волоски на моей коже встали дыбом.

– Я покажу тебе, – предлагает Джаз. – Но никому не говори, что я это сделал, хорошо?

Я следую за ним вдоль хребта и огибаю курган. Приседаю рядом с ним, когда мы достигаем пространства между кладбищенской стеной и закрытой траншеей.

– Нам придется поторопиться, – говорит он, сталкивая пару шин с брезента и пытаясь удержать его, пока вокруг нас воет ветер. – Он и так слишком долго находился под открытым небом.

Я ожидаю увидеть кости. Ведь это, в конце концов, курган. Но когда Джаз открывает траншею, я вижу труп, тело человека. Я едва не отшатываюсь, но не от страха или отвращения, а от чего-то другого – чего-то, чему я не могу дать названия. Тело лежит на правом боку, свернувшись в позу эмбриона, и закрывает лицо руками. Конечности и туловище грязно-коричневого цвета. У него есть волосы, темные и свалявшиеся, прилипшие к черепу. Пальцы сжаты в кулаки, как у меня. Когда Джаз снова опускает брезент над траншеей, я чуть не выхватываю край полотнища у него из рук.

– Потрясающе, правда? – Его глаза все еще сияют. – Просто потрясающе.

– Как…

– Тело мумифицировано. Профессор Хиггинс считает, что оно было закопано в торфе, прежде чем его похоронили здесь. – Он ухмыляется. – Я имею в виду, это чертовски удивительно. Он выглядит так, будто его могли похоронить год назад, верно? Но всё – все артефакты, которые мы нашли на данный момент, – относится к позднему бронзовому веку. Ему должно быть три тысячи лет. – Его глаза расширяются. – По меньшей мере.

Я смотрю вниз на дождь, барабанящий по брезенту и уже образующий лужи. Мое сердцебиение замедляется, но кожа все еще стянута, мышцы напряжены.

– Как он умер?

– Мы не знаем точно. У него на черепе след от удара тупым предметом. На туловище, возможно, ножевые ранения. Нужно провести углеродный анализ костей, и тогда мы сможем установить достоверную причину смерти. Выясним точно, был ли он убит. Узна́ем, почему.

Но я знаю почему. Я думаю об этих коричневых кулаках, закрывающих его лицо. О кожаных ремнях вокруг его запястий. Вспоминаю все книги, которые читал в детстве. Так поступают люди. Они всегда так поступали. Чтобы защитить себя и тех, кого они любят. Гнев, насыщенный и глубокий, как печаль, обжигает мою кожу и замедляет биение сердца. Я вспоминаю, как мой отец разреза́л брюхо рыбы и разбрызгивал ее кровь над волнами. *Мы жертвуем, чтобы нас не принесли в жертву*. Мы отдаем все, что можем, чтобы быть в безопасности. Вот что действительно позволяет ослепительно-белому лучу продолжать гореть.

Глава 16

– Что сказала тебе Шина? – спрашивает Келли. – Ты выглядишь расстроенной.

– Ничего особенного. – Я пытаюсь пожать плечами, но не могу забыть, как смотрела Шина, говоря: «Здесь тебе небезопасно». – Просто еще раз сказала, что я должна уехать.

– Не обращай на нее внимания. Боже, она ужасная зануда!

Солнце уже выглянуло, но все еще прохладно, и все столики для пикников за пабом пустуют. Мы выбираем один поближе к огороженному краю скалы, с видом на узкий пролив и остров Льюис.

Фрейзер бежит к нам.

– Смотрите! Смотрите! Я нашел еще одну витую ракушку. – Он разжимает руку и протягивает ее Келли. – И в ней что-то есть.

– Это очередная улитка, – говорит Келли. – Просто положи ее обратно и будь очень аккуратен, хорошо?

Когда он исполняет ее указания, она корчит мне недовольную рожицу, и я смеюсь. Я вижу беленые коттеджи Лонгвика на другой стороне дамбы и узкий каменный мост, по которому мы с Джазом проезжали, когда я только прибыла. Тени облаков медленно перемещаются по серым скалам и коричнево-фиолетовым болотам.

– Давай, Фрейзер, садись и обедай, – приказывает Келли, открывая контейнер «Тапперуэр», и протягивает мне сэндвич. – Бекон, яйцо и коричневый соус. Полная гадость.

– А там что? – Я указываю на очередной пляж с белым песком чуть дальше по противоположному берегу. Он гораздо меньше, чем Лонг-Страйд или Большой пляж, больше похож на бухточку или небольшой залив.

– Холлоу-Бич, Пустой пляж, – говорит Келли. – К нему не ведет ни одна дорога, так что спускаться туда тяжело.

Это название крутится у меня в голове, пока я не вспоминаю слова Чарли, сказанные в доме Айлы.

– Это тот самый пляж, где после шторма нашли ялик малыша Лорна.

– Правда? – Келли смотрит в сторону пролива. Она вздрагивает. – Жутковато, как мне кажется… Как те монументы у Лонг-Страйда.

– Я хотела спросить – ты разговаривала со своими родителями с прошлых выходных? Спрашивала их о Роберте?

Келли перестает есть, ее сэндвич застывает на полпути ко рту.

– Нет. Извини.

– Они, должно быть, переехали в Блэкхауз вскоре после смерти Роберта, – говорю я, чувствуя, что начинаю проявлять назойливость или действовать на грани дозволенного, как в тот день в коттедже Айлы.

– Да. То есть я, конечно, не помню этого – мне было около двух лет. Но да, они купили дом у Юэна Моррисона где-то в девяносто четвертом, по-моему. Как я уже говорила, отец хотел стать фермером; бог весть почему это взбрело ему в голову.

– Но разве ты не говорила, что твои родители покинули Килмери в девяносто пятом? Ты знаешь, почему они это сделали?

– Вообще-то, мне кажется, это было в девяносто шестом, – быстро отвечает Келли, пожимая плечами. – Не знаю. Они никогда не говорили об этом. Тот шторм был самым сильным за последние десятилетия, даже если не брать во внимание число погибших. Он нанес большой ущерб. – Она качает головой. – Может, они поняли, что совершили ошибку, и предпочли отделаться малыми потерями, убравшись отсюда…

Я снова бросаю взгляд на Холлоу-Бич и белые вершины волн. «Это было тяжелоее, *черное* время».

– Наверное, это было ужасно.

Келли кивает, отворачиваясь, и начинает рыться в своей сумке. А когда поворачивается, чтобы передать Фрейзеру баночку с йогуртом, она снова улыбается.

– А может, папа просто был очень хреновым фермером… – Ее улыбка превращается в ухмылку. – Итак, перейдем к более интересным вещам: расскажи мне, что ты узнала в Сторноуэе.

Я позволяю ей сменить тему, потому что взгляд ее снова становится замкнутым, как это бывает каждый раз, когда я спрашиваю ее о родителях, и сегодня я не чувствую в себе сил размышлять: может, она тоже что-то скрывает от меня?

– Ну, Чарли был прав насчет дат.

– А-а. Значит, ты не будешь участвовать в шоу «За гранью веры: факт или вымысел для тебя?»

– Что?

– Это просто какое-то ужасное телешоу, которое любит Фрейзер. – Келли делает паузу. – Подожди. Ты когда-нибудь видела свое свидетельство о рождении?

– Конечно. – Но мой смех звучит слишком натужно, пока я пытаюсь вспомнить, видел ли я его на самом деле.

– Можно мне покататься с горки, мамочка? – просит Фрейзер.

– Ты доел свой йогурт?

В ответ он переворачивает баночку вверх дном, а затем спрыгивает со скамейки и бежит к мини-площадке на другой стороне сада.

– Итак, какие у тебя теперь планы? – спрашивает Келли. – Ты все еще собираешься писать свою историю? Все еще собираешься выяснять, был ли Эндрю убит?

Я откидываюсь на спинку стула и качаю головой.

– Не знаю. Вряд ли. То есть насчет истории – да, возможно, а вот насчет убийства – нет. – Мне совсем не хочется врать Келли, ведь я столько уже успела ей поведать – о себе, о маме… Но меня заставляет сдерживаться не только ее замкнутый взгляд или подозрение, что она или ее родители могут знать о Роберте больше, чем она говорит, – а то, что, по сути, мне всегда было проще доверять как можно меньшему числу людей. Безопаснее.

– Значит, перейдем к более интересным вещам, – произносит Келли, когда я умолкаю. – Вы с Уиллом провели вместе ночь в Сторноуэе. – Она поднимает брови. – Пожалуйста, скажи мне, что у вас был жаркий двенадцатичасовой секс-марафон.

Когда я не отвечаю, а вместо этого смотрю назад на пролив, Келли облокачивается на стол.

– Ну?

Я качаю головой, но осекаюсь и вместо этого слегка киваю.

– Что-о? – Ее возглас достаточно резок, чтобы на мгновение отвлечь Фрейзера от карабканья по лестнице. – О боже! То есть я, конечно, вела себя так, словно это и предполагала, – но я не думала, что ты на самом деле пойдешь на это. – Она хватает меня за руку и сжимает. – Боже мой, Мэгги! Ты теперь официально моя героиня. Ну и как он себя показал? Я имею в виду, мне определенно интересно.

Я чувствую, как пылают мои щеки, и выдавливаю из себя смех.

– Он был хорош.

– Хорош? Держу пари, что он был гораздо круче, чем просто «хорош»… Но ладно, я понимаю, что ты с уважением относишься к его чести. А я просто буду довольствоваться своими фантазиями.

Должно быть, что-то вспыхивает в моих глазах, потому что Келли отпускает мою руку и с восторгом хлопает в ладоши.

– Он тебе нравится!

Я качаю головой, прижимая к векам основания ладоней.

– Я просто… Я не знаю, что делаю, Келли. Я имею в виду, я едва с ним знакома.

– Только ты сама определяешь, что тебе делать, но если тебе нужны заверения, то я скажу, что Уилл – хороший парень. Действительно хороший.

– Я просто… не знаю. Я не должна так поступать. Действовать на основе иррациональных или импульсивных чувств – это именно то, чего я должна избегать. Должна брать на заметку такие вещи.

– Мэгги, послушай. Я многого не знаю. Большую часть советов по жизни я получаю от Кардашьян и Доктора «Прыщик»[29], но… похоже, ты лучше разбираешься в себе, чем большинство людей. – Несмотря на то, что она улыбается, взгляд у нее жесткий. – К тому же у тебя был секс с Уиллом Моррисоном. И я должна сказать тебе, что нет ничего более разумного, чем это.

Вопреки собственному желанию, я смеюсь, и, когда Келли смеется в ответ, я чувствую прилив симпатии, чистой благодарности, которая заставляет меня устыдиться своей паранойи, своих беспочвенных подозрений.

– С тобой всё в порядке, – продолжает Келли. – И если мне вдруг покажется, будто с тобой что-то не так, я скажу тебе, ладно? Обещаю. – Она подмигивает. – В обмен на это тебе нужно всего лишь вернуться со мной в магазин прямо сейчас, чтобы мы могли сказать Шине Макдональд, что ты видела член Уилла. Она умрет на месте.

* * *

Я тяжело приваливаюсь к стене телефонной будки, наблюдая за тем, как две чайки гоняются за пакетом из-под чипсов по направлению к разрушенной церкви, а в трубке раздаются длинные гудки. Перед моим мысленным взором все время возникает та газетная фотография; я постоянно думаю: «Что, если мама мне солгала? Что, если ничего из этого не было правдой? Что, если она заставила меня поверить в это?» Вспоминаю мамино лицо, залитое слезами, и все те моменты, когда я слышала: «Прости, Мэгги, прости…» Как мало мне было до этого дела, как редко я ей верила!

Гудки, гудки. Мое сердце бьется слишком быстро, а в горле пересохло; мне все время приходится сглатывать.

«Не отнимай это у меня, мама. Не отнимай». Потому что – даже несмотря на «9 апреля» в свидетельстве о смерти – мне нужно, чтобы ее слова не были ложью. Если даже в прошлой жизни я не была Эндрю Макнилом, то мне необходимо, чтобы мама этого не знала. Иначе я никогда не смогу простить ни ее, ни себя.

Когда звонок переключается на автоответчик, как и возле «Вида на гавань», я испытываю непомерное облегчение. Но в любом случае мне нужна отсрочка. Я не оставляю сообщения. Гордон Кэмерон вряд ли сможет мне перезвонить, а я не хочу вести этот разговор по электронной почте. Я хочу услышать его голос. И хочу слышать его интонации, когда он будет отвечать на мои вопросы.

Я вешаю трубку и позволяю себе выдохнуть. Порыв ветра сотрясает дверь телефонной будки, заставляя меня вздрогнуть. На улице снова мрачно и ненастно, но я еще раз вздрагиваю, когда вижу, что кто-то стоит в саду одного из коттеджей и смотрит на телефонную будку. На меня. Я открываю дверь и выхожу на улицу. И с замиранием сердца понимаю, что это Алек. Коттедж находится дальше всех от перекрестка, но я все равно вижу напряженные плечи и сцепленные руки мужчины. Я все равно вижу его сузившиеся глаза, неприкрытую злобу на лице. Мне приходит в голову, что я не знаю, как он выглядит без этого выражения вечной злости на всех и на всё. Я думаю о том, чтобы подойти и поговорить с ним всего несколько секунд, но знаю – это ни к чему не приведет. Я могу не любить Шину, но не могу отрицать то, что она сказала в тот вечер, когда Алек напал на меня возле этой самой телефонной будки. В любом случае я напоминаю ему

о том, что случилось с его сыном, и этого более чем достаточно, чтобы ненавидеть меня.

Я застегиваю свой желтый плащ, поворачиваю прочь от деревни и трусцой возвращаюсь к главной дороге, больше не глядя на Алека. Примерно на полпути к Ардхрейку небеса разверзаются, и я натягиваю капюшон и пригибаюсь против усиливающегося ветра. Вдруг что-то слышу – совершенно новый, неуместный звук – и оборачиваюсь, осматривая мрачную дорогу, каменистые предгорья Бен-Уайвиса. Ничего и никого. Я продолжаю идти, ускорив шаг, и тут звук раздается снова. Шаги, может быть, стук копыт… Что-то движется, а потом замирает. Это «что-то» определенно не относится ни к ветру, ни к дождю.

Я снова поворачиваюсь, откидываю капюшон. Морской туман возвращается, стелется белой дымкой по асфальту, полностью скрывая Гробовую дорогу и гору за ней.

– Алек? – Мой голос звучит глухо и слабо. Я вновь оборачиваюсь, когда мне кажется, что я опять слышу звук, на этот раз в западном направлении, от Ардхрейка. Сглатываю, внезапно ощущая себя настолько же глупой, насколько уязвимой или испуганной. – Сонни?

Где-то над головой громко кричит коршун или канюк, и я подскакиваю, сердце гулко бьется. Смотрю в серо-белое небо, дождь холодит кожу.

– К черту все это.

А потом я перехожу с трусцы на бег – бегу, опустив голову и глядя только на дорогу, ведущую к «черному дому».

*** * ***

Может быть, кто-то ходит за мной. И, возможно, этот «кто-то» оставил на моей дорожке странных мертвых ворон. И бегал вокруг «черного дома» в ночной темноте, стуча в окна. Может быть, Алек. Может быть, кто-то еще. Может быть – *может быть* – тот, кто убил Роберта Рида. *Если* Роберт Рид был убит.

Но что мне проку от этого? Что проку от беспокойства? К тому времени когда я собираюсь лечь спать, мне удается убедить себя, что даже если в тумане кто-то есть, даже если он шпионит за мной или

пытается запугать, это не имеет значения, пока он не делает ничего другого. Я стараюсь принимать каждый день таким, каков он есть, не впадая в привычное беспокойство. Я стараюсь быть осмотрительной. Кроме того, единственная альтернатива – уехать. Сдаться. Я думаю о пальцах Уилла, выписывающих круги на моей коже; о широкой улыбке Келли. О фотографии, на которой я стою перед Долиной Призраков, а волосы развеваются вокруг моей головы.

В ванной я не без колебаний открываю бутылочку с таблетками, запиваю литий водой и только потом чищу зубы. Беру с обеденного стола ксерокопии документов из мэрии, но не хочу перечитывать их снова: я и так знаю их почти наизусть. Вместо этого складываю их вдвое и подхожу к прикроватной тумбочке, чтобы открыть ее единственный ящик.

И тут я испускаю крик, срывая голос; отшатываюсь назад и чуть не падаю. Потому что в этом ящике, рядом с парой ржавых ключей и кучей старых монет, лежит еще одна мертвая птица. Такая же, как и предыдущие. Ворона, черно-серая и грязно-коричневая, голова свернута набок, а лапы скрючены в когти. Грудь испещрена маленькими черными точками.

Я дрожу, сердце неистово колотится. Я никогда раньше не открывала этот ящик, поэтому не знаю, как долго ворона здесь лежит, но знаю, что, несмотря на слова Келли о том, что *никто здесь не запирает двери*, я-то свою запираю. Значит, либо это было здесь до меня, либо кто-то каким-то образом проник в дом. Меня трясет. Я опускаю взгляд на свои руки, когда голос Рави в моей памяти произносит: «Ты дрожишь? У тебя приступ тревожности?»

Я заставляю себя успокоиться достаточно, чтобы положить птицу в рюкзак вместе с остальными. Но когда захлопываю ящик, ложусь в постель и выключаю свет, то вопреки своей воле, вопреки обещанию, которое я только что дала себе, начинаю думать о ком-то – о чем-то, – преследующем меня в тумане и в темноте. О чем-то лысом и ухмыляющемся, с большими, тесно посаженными зубами. И с когтями, способными оставить черные царапины на асфальте.

* * *

Только проснувшись, я осознаю́, что засыпала. Несколько секунд не могу понять, почему проснулась, а потом чувствую этот запах. Вижу *это*. Как раз в тот момент, когда занавеска рядом с каминной полкой озаряет комнату всполохом оранжевого пламени. Я вскакиваю с кровати и мчусь в сторону кухонного уголка, сшибая посуду и банки в темноте и панике – слишком встревоженная, слишком напуганная этим гулом и жаром позади меня, чтобы вспомнить, где находится выключатель или огнетушитель. Когда моя рука нащупывает последний, я срываю его со стены и бегу к занавеске, теперь уже полностью охваченной огнем – пламя лижет ее деревянную перекладину и металлические кольца. Нажимаю на рычаг, и пена в считаные мгновения покрывает занавеску, а еще через несколько секунд подавляет огонь. Я наклоняюсь, чтобы откашляться. Я дышу слишком тяжело и быстро; дым забивает горло и проникает в легкие. Когда я понимаю, что коврик перед камином тоже горит, то бросаю пустой огнетушитель, бегу обратно к кухне, чтобы включить свет, и хватаю пожарное одеяло. Бросаю его, топчусь по ковру и полу – наверное, гораздо дольше, чем нужно, останавливаясь только тогда, когда адреналин выветривается до такой степени, что ноги перестают меня держать.

Я так и стою на коленях, пока потребность вдохнуть свежий воздух не пересиливает боязнь выйти наружу. Почти не утруждаю себя одеванием – просто натягиваю худи поверх пижамы и надеваю плащ и сапоги у двери. Хватаю ключи и фонарик Келли и выбегаю из домика, останавливаясь только для того, чтобы запереть за собой дверь, а затем бегу через пастбище к огням фермы Ардхрейк, шарахаясь от парных бликов, возникающих поблизости, – я надеюсь, что это глаза овец.

* * *

– Ну, это был… э-э-э… похоже, всего лишь маленький пожар.

При холодном свете дня и еще более холодном атлантическом бризе, дующем в кухонное окно, это действительно совсем не похоже на то ужасающее зрелище, которое предстало моему взору прошлой ночью. Немного обгоревшая оконная рама и, возможно, полтора метра

половиц перед камином. Коврик, клетчатая занавеска и перекладина уже лежат в мусорном баке у входа в дом.

– Похоже, что угли от камина сначала подожгли ковер, а потом пламя перекинулось на занавеску, – говорит детектив-констебль Лахлан Скотт – «Зовите меня Локки», – помахивая квадратным кожаным блокнотом, который он ни разу так и не открыл. – Тяжелые шторы могут вспыхнуть, как факелы, если вы не будете осторожны.

Примерно так же он отреагировал на мертвых птиц в рюкзаке, когда я показала их ему, пока Уилл забирал Келли из Блармора – одарив и птиц, и меня одинаково пренебрежительным взглядом.

– Мертвые воро́ны, – заявил констебль, словно ожидая, что я буду спорить. – Вы никогда не видели их раньше?

– Не на своем пороге. И не в прикроватном ящике.

– Они выглядят чучелами, – сказал Скотт, понюхав одну, но я заметила, что он не прикоснулся к ней.

– Я думаю, может, кто-то издевается надо мной…

Звук хлопнувшей дверцы машины заставил меня закрыть рюкзак и засунуть его под обеденный стол.

– Не говорите о них ничего, – попросила я, когда Келли открыла дверь. – Пожалуйста.

И детектив Скотт одарил меня еще одним долгим хмурым взглядом, который он, наверное, приберегал только для туристов из Лондона, которые скорее выдумают сумасшедшего местного жителя, чем признаются, что сами чуть не подожгли свой коттедж.

– Конечно, ни того, ни другого не случилось бы, если б каминная решетка была на своем месте, – замечает он, глядя на камин.

Это раздражает не меньше, а даже больше, чем «если вы не будете осторожны», потому что я всегда была осторожна. Вся эта деревянная отделка заставляет меня нервничать настолько, что чаще всего я вообще обхожусь без огня.

– Я ставлю решетку на место. Я всегда ставлю решетку на место.

– Ладно, Локки, – говорит Келли, закатывая глаза, и по ее тону понятно, что он для нее не только детектив из полицейского участка Сторноуэя.

В доказательство этого на его щеках проступает румянец, детектив убирает блокнот в карман и, сложив руки на груди, смотрит на меня, приподняв брови.

Мне не следовало звонить в полицию сегодня утром. Я знала об этом еще до его приезда. И все в деревне теперь, несомненно, тоже знают. Но я сделала это, не подумав. Я проснулась раньше Уилла, дошла до телефонной будки в Бларморе и позвонила в полицейский участок Сторноуэя, даже не подумав о том, что этого делать не следовало. Я сделала это не потому, что мне было страшно. И не потому, что переживала, будто все это мне померещилось: вдруг я просто забыла, что не погасила огонь в камине и не поставила на место решетку. Я сделала это, потому что надеялась. Надеялась, что за мной д*ействительно* кто-то охотится. Что кто-то пытается заставить меня уехать. И этот «кто-то» – как бы нелепа ни была эта идея и надежда – побывал в «черном доме» не один, а два раза. Потому что эта надежда отдаляла мысль: «А вдруг мама мне солгала?» Она возрождала теорию о том, что кто-то способный сделать такое – больше не довольствуясь тем, что крадется за мной в тени или оставляет мертвых птиц, – вполне мог убить и Роберта Рида.

Однако сейчас, перед лицом покровительственно хмурящегося детектива Скотта и закатывающей глаза Келли, не говоря уже об Уилле, молча стоящем в дверном проеме, я чувствую себя омерзительно.

– Ну что ж, – говорит детектив Скотт. – Полагаю, мне пора. Я пришлю вам номер дела. Если он вам понадобится. – Он останавливается, проходя мимо Келли, и неубедительно кашляет. – До свидания, Келли.

– Он учился со мной в одном классе, – сообщает Келли, когда мы слышим, как заводится двигатель его машины. Она театрально содрогается, доставая из сумки еще одну клетчатую занавеску. – Подцепила его на рождественской вечеринке в шестом классе.

– У кого-нибудь еще есть ключи от Блэкхауза? – спрашиваю я.

– Нет, я так не думаю, – отвечает Келли, удивленно моргая. – В смысле, у меня есть запасной комплект, и… Наверное, у мамы с папой или у кого-то, кто жил здесь раньше. Но… ты же не думаешь…

– Нет, нет. Конечно, нет. Я… я просто чувствую себя немного… – Делаю жест в сторону камина. – Мне не следовало звонить в полицию, извини. Я запаниковала. Подумала, может, тебе понадобится отчет… для страховки или что-то в этом роде.

Это звучит достаточно неубедительно, так что Келли качает головой и смотрит на меня долгим, задумчивым взглядом.

– Ты уверена, что с тобой всё в порядке?

Я киваю. Хватаюсь за край занавески. И вдруг вспоминаю, что Келли сказала мне, когда впервые открыла дверь в дом: «Замок немного не в порядке, я все собираюсь починить его». Возможно, тому, кто это сделал, не нужны были даже ключи.

– Да. – Я откашливаюсь. – Со мной всё в порядке.

Она наконец-то улыбается.

– Ничего страшного не произошло, Мэгги. Я просто рада, что ты жива-здорова.

– Мэгги… – окликает Уилл с порога. – Мне лучше вернуться на ферму.

Я отпускаю занавеску и, не обращая внимания на подмигивание Келли, иду к двери. Уилл выходит на дорожку и потирает ладонью затылок. Прошлой ночью я лежала без сна рядом с ним в его постели, совершенно не представляя, положено ли по этикету прибегать к мужчине в панике после одной ночи бурного секса. Я проснулась на рассвете от тепла его тела у меня за спиной, его рука крепко обхватывала мою талию.

– Спасибо. Знаешь, за… за все.

– Не за что, оставайся сегодня снова, – отзывается он после паузы, устремив взгляд куда-то за мое плечо.

Я думаю о его руке, обнимающей меня за талию. О его медленном дыхании, шевелящем мои волосы.

– Если у меня закончится сахар?

– Да. – Уилл расслабленно улыбается, и я притворяюсь, будто не чувствую этого знакомого удара тока. – Если у тебя закончится сахар.

Когда я закрываю дверь и возвращаюсь к камину, Келли делает вид, будто поглощена продеванием пластиковых крючков в петли занавески, но, когда она поднимает на меня глаза, ее ухмылка становится настолько широкой, что я вижу все ее зубы.

– Боже мой, – смеется она, обмахиваясь рукой. – Держу пари, он может поджечь шторы в любой момент, когда захочет.

И, несмотря на свои негативные чувства – усталость, досаду, ноющий страх и *надежду*, – я смеюсь. Этого достаточно, чтобы хотя бы на мгновение забыть обо всем остальном.

Глава 17

Я стою в этом холодном свете, подобном серебряной нити, которая тянется между краем маминой кровати и ярко освещенным сестринским постом через маленькое окошко с проволочной решеткой. Я знаю, что мама не спит, потому что не слышу, как во сне у нее клокочет в груди и в горле.

«Всё в порядке, Мэгги», – говорит она. Ее улыбка безмятежна.

Но это не так.

И все равно я чувствую всех этих людей позади себя. Наблюдающих. Ждущих. Затаивших дыхание в ожидании.

Мамина улыбка становится свирепой, зубы как будто заостряются.

«Оно приближается. Оно уже рядом».

Воздух холодными вихрями кружится вокруг моих ступней и лодыжек, заставляя меня дрожать и трепетать. А позади меня все отчетливее слышится постукивание когтей по линолеуму, по камню. Звон бьющегося стекла. Голоса, сигнал тревоги. Так много шума, что мне приходится прижать ладони к ушам – до боли. Пока свет не превращается в темноту, а тишина – в долгий крик.

«Ты должна мне поверить, Мэгги!»

– Эй, все хорошо. Все хорошо.

Уилл обнимает меня сильной рукой; его свободная рука убирает влажные волосы с моего лица, пока я моргаю от слишком яркого солнечного света. Тяжело дышу – сначала слишком тяжело, чтобы заговорить, чтобы сказать ему, что со мной действительно все хорошо. В ночных кошмарах нет ничего нового. Вместо этого я позволяю ему обнять меня, успокоить, пока не вспоминаю, что именно так позволяла поступать Рави в самом начале, до того как мы оба смирились с тем, что моя потребность в утешении – это такая же рутина, как вынос мусорных контейнеров во вторник.

Я вспоминаю, как просыпалась от страшных снов, где были тени, камни, трава и вой ветра, с саднящим от крика горлом. И мама вбегала в спальню, привлекала меня к себе на колени, растирала мою липкую горячую кожу и прижимала к себе так крепко, что я едва могла дышать. «Все хорошо, милая. Ты дома. Все хорошо. Все хорошо».

Я отстраняюсь.

– Я в порядке. – Я пытаюсь улыбнуться. – Прости.

В улыбке Уилла чувствуется сомнение. Его взгляд обеспокоен и насторожен. То, что я ненавижу. Я не хочу, чтобы он так смотрел на меня.

Я приподнимаюсь на колени и опускаюсь на его бедра, сильно прижимаясь к нему. Он несколько секунд позволяет мне так сидеть, прежде чем перевернуть меня на спину, теплым телом навалившись сверху – это что-то новое для нас.

– На этот раз сделаем по-моему.

Уилл двигается медленно, его взгляд не отрывается от моего лица, его руки словно клетка, и на мгновение клаустрофобия для меня берет верх над удовольствием. Он целует меня в течение долгих мучительных минут, лаская меня до тех пор, пока моя кожа не становится горячей. Когда я чувствую, как он входит в меня, почти болезненно, но не совсем, почти избыточно и недостаточно, я наконец тянусь к нему, привлекая его ближе, пока расстояние между нами не исчезает совсем. Закрываю глаза, слыша свое имя в его дыхании, горячем и неровном. Отдаюсь его потребности, которая внезапно становится безумной и предназначена только для меня. Ему не нужен никакой контроль.

Когда я кончаю, наслаждение уносит меня так далеко от боли, как никогда прежде, и я целую его снова и снова, провожу пальцами по его спине, пока он кричит и содрогается. Валится на меня, губы беззвучно скользят по моей шее, и я крепче обнимаю его, его тело теперь тяжелое и горячее. Наше дыхание сбивается. Он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, и я не хочу смотреть в ответ, но смотрю. Потому что это не просто секс. Я знала это три дня назад; сегодня я знаю это наверняка. Это нечто гораздо большее, чем просто секс, чем способ отвлечься, чем утешение, – и Уилл тоже это знает.

Когда он наконец перекатывается в сторону, я закрываю глаза.

– Нужно, чтобы у тебя почаще заканчивался сахар, – говорит Уилл в конце концов. Он смотрит в потолок, и голос у него легкий, в нем звучит улыбка. Это дает нам обоим возможность прийти в себя.

Я думаю о мертвой вороне. О возможном преследователе. О пожаре. И знаю, что скажет Уилл. Он попытается рационализировать, смягчить ситуацию; он попытается успокоить меня. Это не сработает.

Наоборот, это заронит в его разум семя, маленькое, но упрямое, которое прорастет, когда я в следующий раз скажу ему, что что-то случилось. И он начнет сомневаться, так ли это на самом деле.

Я улыбаюсь в ответ.

– Я совершенно не умею покупать сахар. Это проблема.

Уилл переворачивается на бок и снова придвигается ко мне, подперев голову рукой. В комнате тепло, мы укрыты простынями до пояса. Я смотрю на его тело, такое сильное и стройное, уже знакомое мне; веснушки на плечах, темные волоски на фоне бледного живота.

Он усмехается моему пристальному взгляду, проводит пальцем по моей челюсти, ключице.

– С моей точки зрения – не проблема. С того места, где я сейчас лежу.

– Это твой отец?

Он улыбается мне еще несколько секунд, а затем поворачивается и смотрит на маленькую фотографию в деревянной рамке, прислоненную к прикроватной лампе. На фотографии – загорелая и намного более молодая Кора в джинсах и клетчатой рубашке, стоящая рядом с высоким темноволосым мужчиной с потрясающими голубыми глазами Уилла.

– Да.

– Он похож на тебя.

Уилл поджимает губы.

– Это все, что я от него получил. Это и телефонный звонок раз в несколько лет, когда он вспоминал о моем существовании.

– Расскажи мне о школе для мальчиков в Скотстоуне.

– Там были горгульи и башенки. Мы вставали в пять часов утра, по субботам играли в регби, по воскресеньям ходили в церковь. Обалденнее всего было то, что мой сводный брат, Иэн, жил в той же дрянной общежитской комнате, что и я, и прекратил причинять мне неприятности, только когда я стал достаточно большим, чтобы сделать его жизнь еще хуже.

Я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к его щеке, провести по контуру уха – я хотела сделать это еще тогда, когда он рассказывал о своем отце. Об отце, который ему якобы безразличен – но при этом его фотография стоит рядом с кроватью Уилла.

– Тебе там было плохо…

Уилл прижимается губами к моей ладони, и я чувствую его улыбку, когда он кивает.

– Никто никогда этого не понимал. – Отстраняется и берет меня за руку. – Мы снова говорим обо мне.

Я пожимаю плечами.

– И что?

– Мэгги!

Я вздыхаю.

– Уилл.

– Приходи в Особняк на обед. Я хочу, чтобы мама и Юэн познакомились с тобой как следует.

Паника стягивает мою грудь, как ремень. Уилл садится и бросает взгляд на задернутую штору, все еще ярко подсвеченную утренним солнцем. Возможно, он воспринимает мое молчание как поощрение, потому что его улыбка становится только шире.

– Приходи ради меня. В среду мама была не в себе, но так бывает не всегда.

Это оно и есть. Самая главная причина, почему я не могу прийти.

Я качаю головой. Смотрю вниз на наши сцепленные пальцы, его большой палец проводит по моим костяшкам.

– Эй. – Резкий тон его голоса заставляет меня поднять глаза. Он смотрит на меня не мигая. – Ты можешь рассказать мне все что угодно.

– У меня биполярное расстройство.

И когда выражение его лица не меняется, когда он просто продолжает прикасаться ко мне, я продолжаю. Я пытаюсь сделать еще хуже. Рассказываю ему все, что рассказала Келли, и даже больше. О маме, обо мне, о том, что случилось в крематории, о Модсли.

– Мне очень жаль, – говорит Уилл. И когда я набираюсь смелости и снова смотрю на него, в его глазах нет жалости. Это внезапно приводит меня в ярость, мне хочется выбить из него понимание. Он ни о чем не догадывается.

– В тот день я была невменяема, Уилл. Я была сумасшедшей. И это может случиться снова. В твоей жизни этому не место. Особенно с учетом того, что твоя мама больна. Поверь мне. Тебе это не нужно.

Потому что на девяносто девять процентов я знаю, когда я не в себе, знаю даже, когда это наступает. Но тот один процент, на который я этого не знаю, никуда не делся. Он делает ситуацию ненадежной.

Этот один процент есть. И после того дня в крематории Хизер-Грин я не могу доверять своим расчетам. Я не могу доверять себе. Я не могу доверять даже тому, во что хочу верить, на что надеюсь – тому, что хотела бы считать правдой.

– Уверен, это тяжело, – произносит Уилл, качая головой. – Плохо. Но это не одно и то же. Маме будет становиться только хуже. – Яростная вспышка омрачает его взгляд. – Вот и всё. Это так. Ей будет только хуже.

– Прости. – Мне легче не смотреть на него, поэтому я смотрю на яркий квадрат света за занавеской. Вижу мамино лицо – худое, белое, изъеденное тенями. «Оно так близко – я знаю это. Боль сведет меня с ума, Мэгги. Она вернется и сведет меня с ума. Я знаю это. Я вижу это». – Я убила ее, – говорю я. – Мою маму. Я помогла ей умереть.

Я не знаю, что со мной. Почему я говорю это – выплескиваю на него это ужасное признание, хотя никогда раньше не говорила об этом. Я чувствую себя разобранной на части. Может быть, это и есть та новая *я*, которой я пытаюсь стать. А может, мне просто наконец-то нужно кому-то признаться – ведь я не могла рассказать даже доктору Абебе. А может, мне нужно рассказать кому-то, почему я здесь. Почему мне нужно, чтобы Роберт Рид был убит. Почему вещи, на которые я надеюсь, настолько же ужасны, насколько и эгоистичны.

– Врачи сказали, что она идет на поправку. Химиотерапия помогает. Мама все еще была неизлечимо больна, но ее прогноз составлял уже не месяцы, а годы. Однако она им не верила. Она считала, что ей остались считаные недели. Она говорила, что видела свое будущее, а врачи либо лгут, либо ошибаются. Что она умрет ужасной, медленной, мучительной смертью, если я не помогу ей справиться с этим.

И сразу же я снова оказываюсь в той комнате: темнота, серебристая нить света, мамина кровать, маленькое окно с проволочной решеткой. Я чувствую ее затхлое, кислое дыхание. Слышу эти длинные качающиеся трубки; бесконечное «кап-кап-кап» жидкости в темноте. По телу разливается жар, мерзкий и обжигающий. Флакончик дребезжит, когда я его открываю. Все таблетки, которые она запасла дома после стольких операций. Потому что она знала. Она видела. И когда я колеблюсь, когда снова начинаю говорить нет, она сжимает мои пальцы в своих, холодных и твердых.

Вьющиеся прядки волос на висках и эта безмятежная полуулыбка… «Пожалуйста, Мэгги. Ты должна мне помочь. Ты должна поверить мне. Заставь это уйти».

И я чувствую влажный жар от слез, которые стекают с моего подбородка и впитываются в рубашку, когда я вытряхиваю все эти таблетки в ладонь.

– Я сделала это, – с трудом говорю я Уиллу, моргая от яркого дневного света за занавеской. – Я помогла ей. Просто потому, что она попросила меня об этом. В больнице думали, что она сделала это сама. То есть она могла, понимаешь? Могла. Она просто… она хотела, чтобы мы сделали это вместе. Она хотела, чтобы я была рядом.

Я наконец-то нахожу в себе мужество снова посмотреть на Уилла, но его лицо остается невозмутимым. Делаю вдох, как будто задерживала дыхание под водой, и это заставляет нас обоих вздрогнуть.

– Мне нужно, чтобы она оказалась права насчет того, что мы медиумы, насчет всего, что она мне сказала. Мне нужно, чтобы она не лгала. Не накручивала меня. Не придумывала ничего из этого. Я должна оказаться Эндрю Макнилом. Мне нужно, чтобы это было правдой. Потому что иначе… иначе я помогла собственной матери умереть из-за ее заблуждений. Может быть, *наших с ней* заблуждений. – Я замечаю, что снова нервно сжимаю и разжимаю пальцы. – И поскольку… она заставила меня сделать это, заставила меня помочь ей, заставила меня испытать это… мне нужно, чтобы это не оказалось еще одной из ее ужасных проверок.

Я качаю головой, закрываю глаза.

– Много лет назад, когда я побывала здесь… я была уверена в том, что все это правда, Уилл. Я действительно была уверена. И мама – всю свою жизнь, всегда – была абсолютно уверена в этом. Думаю, в глубине души я считала, что, возможно… возможно, хотя бы часть из этого была реальностью. Что, возможно, мы знаем то, что другие люди забывают или не видят. Что мы возвращаемся *оттуда*. – Я почти шепчу; горло сдавило настолько, что мне трудно сглотнуть. – Потому что если мама была права, если она была медиумом и все, что она говорила, было правдой, то мой поступок был милосердием, добрым делом. Это было правильно.

Уилл ловит мои нервные пальцы и осторожно прижимает их к простыне.

– И единственный способ узнать, так ли это, – доказать, что Роберт Рид был убит?

Я издаю короткий, рваный смешок.

– То есть я понимаю, как нелепо это звучит, правда. И знаю, что доказать это – не значит окончательно подтвердить, что я когда-то была им или что мама не лгала. – Несмотря на то, что слабый, отчаянный голосок в моей душе твердит: «Но ты живешь в его доме, в его доме…» Я смотрю вниз, на наши руки. – Но это было бы хоть что-то. Я не боюсь биполярного расстройства. Но боюсь того, что случилось после смерти мамы, – психического срыва из-за того, что я впервые за десять лет перестала принимать лекарства. Я не могу снова потерять контроль над собой. Я не могу позволить себе вновь испытать подобное. – Голос у меня сдавленный, я с трудом могу говорить. – Я не могу возненавидеть себя – или ее – снова. Я не думаю, что переживу это.

Потому что ощущение, которое я испытала в той страшной комнате – и которое испытываю до сих пор – достаточно скверно. Затрудненное мамино дыхание тепло касается моей кожи, когда я помогаю ей откинуться на подушки. Ее пальцы теряют твердость, ее улыбка перестает быть безмятежной – перестает быть улыбкой – по мере того, как минуты тикают в этой жаркой гнетущей темноте. Я чувствую ее страх, острый, ломкий и нарастающий. Я вижу его блеск в ее глазах. Я произношу ее имя, шепчу его. А когда она произносит мое имя, я слышу в ее голосе сожаление, может быть, даже ужас.

«Мама, может, мне позвать кого-нибудь?»

Мое сердце сжимается в груди, когда она отвечает лишь хрипом, тем сухим сдавленным звуком, который я иногда слышу в своих снах. «Может, мне позвать кого-нибудь?»

И потому, что я это сделала – и сделала слишком поздно, – она умерла в темноте, в той комнате. Испуганная и совершенно одинокая.

– Мэгги…

Я закрываю глаза.

– Прости меня.

– Неважно, лгала твоя мама или нет, – говорит Уилл. – Послушай, Мэгги. Посмотри на меня.

Когда я это делаю, его лицо уже не выглядит бесстрастным. Он крепко сжимает мои пальцы.

– Ты поступила правильно.

– Уилл…

– Я бы тоже так поступил. – Его зрачки расширены настолько, что глаза кажутся почти черными. – Если б мама попросила. На следующей неделе, в следующем году. Завтра. Я бы сделал это.

Мой нос и глаза щиплет от слез, которые я отказываюсь выплакать.

– И это все? – уточняет Уилл. – Все то, что, по твоему мнению, делает тебя ужасным человеком? Все то, что, как ты надеешься, оттолкнет меня от тебя?

– Ты был бы просто безумцем, если б поступил иначе.

Его улыбка полна горечи.

– Ты не должна больше использовать это слово.

«Безумец – это слово для ленивых, глупых людей, Мэгги». Глаза неизменно яркие, улыбка неизменно широкая, как будто она знает что-то, о чем все остальные только мечтают. «Не забывай об этом. Безумие – это для ленивых».

Уилл откидывает простыни и придвигается ко мне настолько близко, что мое тело согревается и мгновенно оживает, а дыхание учащается в груди.

– Ты мне нравишься, Мэгги. С того момента, как я тебя увидел, ты мне нравишься – и даже более этого. И ты не имеешь права сомневаться в себе, пойми. Не имеешь права не знать, что для тебя хорошо. – Он одаривает меня улыбкой, медленной и щедрой. – Но я буду хорошим для тебя, Мэгги Маккей. В любом случае, если ты этого захочешь. Я думаю, что если ты мне *более чем нравишься*, то у меня нет выбора.

Комок в горле возвращается, но вместе с ним приходит чувство волнения, неизвестности и новизны. И это хорошее чувство. Первое настоящее хорошее чувство за столь долгое время, что я вдруг перестаю думать об осторожности. Или о том, что мне придется немного побыть в одиночестве. И даже, по крайней мере в настоящий момент, о той последней ночи в больнице.

Возможно, Уилл принимает мое молчание за нерешительность, потому что он немного отступает, уронив руки.

– Мы можем продвигаться вперед медленно. Так медленно, как тебе нравится.

Я смотрю на простыни, а затем на его обнаженное тело.

– Мне не кажется, что это медленно.

Он ухмыляется.

– Мы можем продолжить медленнее.

Поскольку мне ужасно хочется прикоснуться к нему, я протягиваю руку, чтобы прижать ладонь к его груди, к бледным мышцам живота.

– Пойдем со мной гулять под солнцем, Мэгги, – говорит Уилл. – И давай пообедаем с мамой и Юэном. Пожалуйста.

Я наблюдаю, как по его коже бегут мурашки.

– Это тоже не кажется медленным.

– Нет. – Впервые его улыбка делается неуверенной. – Наверное, нет.

– Я уверена, что Донни думает, будто я разобью твое сердце, – произношу я слишком тихо.

– Теперь мы говорим о Донни?

– Я не хочу разбивать твое сердце.

Он смотрит на меня.

– Тогда не надо.

Я наконец-то уступаю своей улыбке, этому чувству неизвестности и новизны.

– Я пойду с тобой в Особняк.

Уилл смеется и притягивает меня к себе, сжимая так сильно, что на мгновение мне становится трудно дышать. Он ослабляет хватку, утыкается головой мне в шею и держит меня так долго, что я не могу не почувствовать облегчение. И его, и свое. И когда в моей груди вспыхивает что-то похожее на счастье, как в тот день на пляже, я тоже позволяю себе почувствовать это. Я позволяю себе хотеть этого.

И я почти верю в это.

* * *

Биг-Хуз изнутри впечатляет не меньше, чем снаружи. Вестибюль просто огромен. Темные дубовые панели на каждой высокой стене, широкая грандиозная лестница с резными балюстрадами и зеленым

бархатным ковром. Большие арки ведут в длинные мрачные коридоры. Стены увешаны живописными портретами, большинство из которых выглядят впечатляюще старыми: мужчины в полном облачении горцев, женщины в платьях с корсетами и замысловатых париках. На самой большой стене над двумя шкафами из вишневого дерева, в которых за толстым стеклом выставлено несколько дробовиков, висят устрашающего вида мечи и щиты.

В нише, освещенной электрическими свечами, – огромная картина в раме, на которой изображены Кора и Юэн, стоящие на парадной алебастровой лестнице: Кора в шелках цвета слоновой кости, Юэн в тартане Моррисонов – темные оттенки зеленого внутри квадратов из красных полос. На переднем плане, рядом с гранитной колонной, увенчанной мрамором, стоит высокий угрюмый мальчик в таком же килте и жакете и мальчик гораздо меньше, в серебристом костюме и с розовым галстуком-бантиком; он широко улыбается.

– Боже мой, это ты?

Уилл смеется.

– И Иэн. Мама и Юэн поженились в городской ратуше Глазго. Моя сестра, Хизер, вынуждена была остаться здесь, бедолага. Ветрянка. – Он усмехается. – Надо было видеть, какой чудовищный костюм они для нее приготовили…

– Вы слишком рано. – Юэн выходит к нам сквозь одну из больших деревянных арок. На нем еще один слишком строгий твидовый костюм, синий шелковый галстук. Я понимаю, что мы с Уиллом держимся за руки, и опускаю свою вдоль бока.

– Уже время обеда, – возражает Уилл.

– Дорогой мой мальчик, едва перевалило за полдень. Практически еще утро. – Он вскидывает бровь. – Она начнет хлопотать больше обычного.

– Ах, – говорит Уилл. – Ничего страшного. Мама любит кормить людей.

Когда они обнимаются, Юэн смеется так же искренне, как и всегда.

– А как ты, Мэгги? – спрашивает он, целуя меня в обе щеки. – Осваиваешься на новом месте?

– Почти, – отвечаю я, когда Уилл подмигивает мне. Я чувствую, что безумно нервничаю. – Может, я смогу помочь Коре?

– Это было бы очень любезно с твоей стороны. – Юэн указывает на самый широкий коридор. – Кухня – четвертая справа. Мы скоро придем.

Уходя, я слышу, как Юэн неловко откашливается.

– Хороший день сегодня, сынок.

Кухня такая же огромная, как и все остальное. Красивый кафельный пол, деревянные шкафы от стены до стены, гранитные рабочие поверхности, бордовая газовая плита с шестью дверцами. В помещении господствует огромный деревянный обеденный стол, накрытый на четыре персоны. Кора сидит за ним и нарезает салат-латук в миску.

Когда я вхожу, она поднимает глаза и, вытирая руки о чайное полотенце, одаривает меня смущенной и вежливой улыбкой.

Я напоминаю:

– Я Мэгги. Подруга Уилла.

Ее улыбка не исчезает, но в ней нет узнавания, что, возможно, и хорошо.

– Уилл здесь?

– Да. Он только что разговаривал с Юэном.

Я не могу встретить ее взгляд и в наступившей тишине вдруг понимаю, что веду себя по отношению к ней так же, как люди вели себя по отношению ко мне. Это своего рода откровение – то, насколько непроизвольно это случается: настороженность, неловкость, незнание, что сказать или как отделить человека от того, что он сказал или сделал.

Я бросаю взгляд на стойку, где лежит разделочная доска, полная нарезанных перцев и помидоров, и догадываюсь, что именно этим Юэн занимался до нашего прихода.

– Я могу закончить нарезáть эти овощи? – спрашиваю я.

– Спасибо, дорогая, – отзывается Кора, возвращаясь к миске и нарезая салат. Она мимолетно улыбается. – Было бы неплохо.

Я импульсивно протягиваю руку, чтобы сжать ее плечо, но потом передумываю и отступаю к стойке. Потому что испытываю я отнюдь не сочувствие. И не понимание. Это гнев. Глубоко запрятанный и слишком горячий. Как чертовски несправедлива жизнь… Как неумолимо беспощадна… А мы все равно должны продолжать жить.

* * *

– Как продвигается сюжет, Мэгги? – спрашивает Юэн, откинувшись на спинку кресла. – Уилл сказал, что во вторник ты побывала в ратуше. Нашла то, что искала?

Мы ненадолго остались одни. После обеда Кора отправилась вздремнуть, а через полчаса Юэн отправил Уилла наверх проверить, как она там. Теперь я думаю: а не потому ли это, что Юэн хотел задать мне вопрос? Хотя я рада возможности тоже расспросить его, когда рядом больше никого нет.

– Да. – Я смотрю на него. – Я просто хотела проверить свидетельства о рождении и смерти Роберта.

– А-а… – Юэн кивает. – После того, как Чарли проболтался об Эндрю, да?

Я вспоминаю ту фотографию. Высокий размытый силуэт у поврежденного водой края – мне показалось, это мог быть Юэн.

– Я думаю… То есть я уверена, что Чарли просто хотел…

Юэн улыбается, похлопывает меня по руке.

– Все к лучшему. Такие вещи всегда в конце концов выясняются. Лучше всего, если это скажут те, кто знает.

Я делаю обжигающий глоток кофе.

– Вам нравился Роберт?

После небольшой паузы Юэн вздыхает. Он пристально смотрит на фарфоровое блюдо с дорогим на вид печеньем, стоящее между нами.

– Лучше спросить, нравился ли я Роберту? И ответ на него: ни в малейшей степени. Повезло ли мне родиться в семье Моррисонов? Конечно, повезло. Но от рождения люди не равны в правах и привилегиях; все, что каждый из нас может сделать, – это добиться лучшего, чем было. Как сказал бы Роберт, удачливому человеку очень легко говорить об этом. Он любил острова и землю, а мы, гебридцы, давно и прочно привязаны и к тому, и к другому, независимо от того, кому они принадлежат. – Он мрачно улыбается. – «У человека есть свой дом и своя ферма, и земля роднее его сердцу, чем плоть его тела». Роберт хотел владеть «черным домом» и фермерскими угодьями Ардхрейка. По крайней мере, он так заявлял. Снова и снова. На каждом собрании общины. У него не было средств, чтобы купить их.

Вообще никаких. Однако для Роберта эта проблема была так же важна, как кровь или дыхание. Я не виню его за это. Но он-то, несомненно, винил меня. – Юэн пожимает плечами, и его глаза темнеют, а улыбка увядает от каких-то эмоций, которые он изо всех сил пытается скрыть или, возможно, не почувствовать. – Я сожалею о том, что с ним случилось. Он был еще молод. У него была маленькая семья. Но некоторые люди просто не живут. Они почему-то не могут жить. Таким был и Роберт. Больше о нем нечего знать.

Я смотрю на него и откашливаюсь.

– Вы помните что-нибудь о режиссере-документалисте, который приезжал сюда со мной и мамой?

На мгновение Юэн, похоже, удивлен этим вопросом.

– Кажется, его звали Гордон Как-То-Там. Или Как-То-Там Гордон. Из Глазго. Проныра. Разбрасывал вопросы, как обвинения, словно считал, будто находится на волосок от того, чтобы уличить человека во лжи. – Он качает головой. – За день успел достать почти всех.

Я вздрагиваю, когда вдруг слышу звук, похожий на выстрел. А потом еще один. Юэн перегибается через стол и снова похлопывает меня по руке, как раз когда в комнату возвращается Уилл, ведущий под руку Кору.

– Мама не спала, – поясняет Уилл и кивает в сторону большого окна. – Сомневаюсь, что она уснула бы под все это.

– Не волнуйся, дорогая, – обращается ко мне Юэн, когда раздается еще один громкий хлопок, на этот раз ближе. – Это просто компания охотников, гостящая в поместье. Ужасная компания из Эдинбурга, не отличит свою задницу от фазаньей, но в это время года у нас не так много заказов. – Он хмурится. – Дни, когда мы могли быть разборчивыми, давно прошли.

Кора поворачивается к радио, которое играет чуть слышно, и вдруг хлопает в ладоши.

– О, это наша свадебная песня, Юэн.

– Я уже давно не в форме, чтобы танцевать, – отвечает он, но улыбается, вставая и приглашая ее на вальс по кухонному кафельному полу.

Песня старая, смутно знакомая. Уилл закатывает глаза и улыбается мне.

– «Кланнад». Старая кельтская народная музыка.

Юэн смеется.

– Пригласи Мэгги на танец.

Уилл встает, протягивает руку.

– Не окажешь ли ты мне честь, Мэгги, станцевать со мной под эту ужасную песню?

И вот я уже танцую на огромной кухне с человеком, которого едва знаю, и его семьей, и в мире нет другого места, где бы я сейчас предпочла быть.

– «Я найду тебя, даже если на это уйдет тысяча лет»[30]. – Уилл ухмыляется, его ладонь прижимается к моей спине, а глаза становятся еще теплее. – Прямо заявление упорного преследователя, верно? Разве это лучше, чем «Don’t Worry, Be Happy»[31]?

Глаза Юэна блестят, когда он смотрит на нас, а потом на Кору, его рука перемещается с ее талии на щеку.

– Это о любви.

И взгляд, которым он смотрит на Уилла, полон боли, горько-сладкий, с тем же темным гневом в сердцевине. Как трудно любить тех, кого мы собираемся потерять! Как тяжело, как до странного неожиданно осознавать, что мы всегда были готовы их потерять. Я думаю о той жаркой, темной комнате. Как невозможно смириться с тем, что мы всегда должны оставаться в одиночестве…

Глава 18

За три недели больше не было ни одной мертвой птицы. И, насколько я знаю, никаких ночных посетителей.

Но я не стала больше разжигать камин. И я опасаюсь оставаться ночью в «черном доме», с его ненадежным замком на входной двери и коллекцией мертвых ворон, которые теперь сложены за вешалкой в прихожей. И неважно, что призрак Роберта ведет за собой мою надежду. Я до сих пор не люблю ходить одна по ночам, слышать звуки за шумом ветра и волн, видеть силуэты в абсолютной темноте между Гробовой дорогой и горами, в Долине Призраков. Зная и сомневаясь, что там всегда кто-то есть. Наблюдая.

Я начала медитировать каждый день, тщательно фиксируя свои ощущения в дневнике доктора Абебе. Совершаю долгие прогулки на Роэнесс и к Прекрасному Месту или спускаюсь к Лонг-Страйду, чтобы устроить пикник с Келли и Фрейзером. И за эти три недели меня не посещают ни сны, ни ночные страхи. Даже просыпаясь, я чувствую себя спокойно.

Сегодня утром я слышу с запада звук квадроцикла Уилла. В полдень я пойду на ферму, и мы будем есть лепешки или сладкую кашу и пить крепкий черный кофе. Он попытается убедить меня остаться, а я притворюсь, будто меня нужно в этом убеждать. Солнце низко стоит в безоблачном небе; оно греет мою кожу через кухонное окно. На короткой траве сверкает иней. Я очень стараюсь жить этими моментами. Не поддаваться желанию смотреть только вперед, видеть только бедствия.

Я знаю, что делаю на самом деле. Я тяну время, потому что, несмотря ни на что, я счастлива. Я приехала сюда с целью – но эта цель предполагала только один ответ. И поскольку мне не понравился тот ответ, который я получила, – та истина, которая с каждым днем становилась все ближе, – я остановилась. Все сводилось к одному и тому же: счастье всегда делало меня трусихой.

Деньги с маминых банковских счетов теперь лежат на моих; их достаточно, чтобы я могла не думать о работе – или о жизни – по крайней мере какое-то время. Я смотрю на фотографию Роберта, все еще висящую на стене рядом с моим ноутбуком. Думаю о фразе Чарли:

«У тебя есть вопросы, у тебя есть ответы». С тех пор я с ним не разговаривала, не желая, чтобы он злился на меня. Потому что каждое утро я сажусь за этот стол и притворяюсь, будто исследую жизнь Роберта, его смерть. Я притворяюсь, будто завтра поеду в деревню, чтобы снова попытаться дозвониться до Гордона Кэмерона. Притворяюсь, будто не рада, что никто больше не пытается меня напугать – если вообще пытался. Притворяюсь, будто все еще верю в возможность как-то подтвердить, что Роберт был убит и что мама была права насчет нас, насчет меня. Притворяюсь, будто все еще хочу знать. Потому что, если я не буду этого делать, чувство вины нахлынет снова, как цунами.

Когда спустя несколько часов Чарли и его собака Бонни проходят мимо «черного дома», это кажется неким знамением. Я снова смотрю на фотографию Роберта, стоящего на лугу; сложенные на груди руки, стоический хмурый взгляд.

– Знаю, – говорю я, вставая из-за стола. – Мне нужно попросить прощения.

Бросаю взгляд на вешалку в прихожей. И мне нужно задать ему последний вопрос.

Снаружи царит спокойная погода, на острове тихо; я даже не слышу знакомых звуков раскопок. На короткой прогулке от Ардхрейка до Большого пляжа я никого не вижу. Даже Особняк Лэрда выглядит безлюдным. Поднявшись на холм над Прекрасным Местом, я останавливаюсь. За ночь трава на лугу окуталась покрывалом из коротких, густых цветов. Насколько хватает глаз, они розовые, пурпурные и желтые. *Махир* Уилла. На солнце цветы становятся ярче, озерца – ослепительнее. Кролики скачут и резвятся по склонам. Теплый западный ветерок пахнет морем, он щекочет мою кожу. После дождя, холода и темноты это просто волшебно. Я вспоминаю, как лежала в постели, пока мама читала мне книгу про хоббитов и Шир. Еще один момент, которым можно жить…

Я пересекаю луг и поднимаюсь на обрыв. Дюны такие же белые и глубокие, как и раньше; к тому времени, когда я пробираюсь вдоль берега достаточно далеко, чтобы привлечь внимание Чарли, я уже настолько выдыхаюсь, что с трудом могу вымолвить хоть слово.

Увидев меня, он несколько секунд стоит неподвижно, а потом коротко взмахивает рукой. Чем ближе я подхожу к берегу, тем легче

становится путь. Один раз я бросаю взгляд вверх, на длинный мыс Роэнесс, и, хотя знаю, что высматриваю одинокий силуэт, который наблюдал за нами с Уиллом, все равно поражаюсь, когда снова вижу его на краю высокого утеса. Он наблюдает. Я вздрагиваю от внезапной вспышки, затем еще от одной. Он не просто наблюдает. Он смотрит в бинокль.

Дрожь, пробегающая между лопаток, мимолетна, но ее достаточно, чтобы испортить мне настроение и напомнить о тех прогулках после наступления темноты.

– Это опять Сонни, – сообщает Чарли, пожимая плечами и улыбаясь, но улыбка не достигает его глаз. В одной руке он держит длинную удочку, а в другой – коробку с наживкой. – Он любит знать, что к чему.

– Может, мне стоит попробовать поговорить с ним? – спрашиваю я, прежде чем вспомнить, что я здесь, чтобы загладить свою вину.

– Это как биться головой о стену. – Чарли фыркает. – Сонни не любит гостей. И разговоров.

Мокрая и запыхавшаяся Бонни подбегает ко мне, прижимается головой к моей ноге и облизывает мне пальцы.

– Она будет ластиться к тебе только до тех пор, пока не поймет, что ты не можешь предложить ей ничего вкусного, – хмыкает Чарли. – Мы собирались на Лох-Ду, но весна наступила слишком резко. Бонни была на седьмом небе от счастья, когда увидела столько кроликов.

– Как ты, Чарли?

Он щурится от солнечного света.

– Нормально. А ты?

– Прости за тот день в коттедже Айлы, – говорю я, понимая, что неловкость между нами не исчезнет. – Когда я спросила тебя о том, кто поехал на фестиваль виски. Ты имел полное право разозлиться.

Маклауд качает головой и смотрит на горизонт.

– Я злился в основном на себя. Это я все заварил. – Он смотрит на меня. – Но это ты настропалила меня. Я не должен был устраивать встречу у Айлы. Я забочусь о ней, она через многое прошла. Я просто вел себя как глупый старик, у которого слишком много свободного времени. Я должен научиться не обращать внимания на все это. Просто расслабиться и наслаждаться жизнью.

– Не думаю, что когда-нибудь научусь этому, – говорю я. Бриз охлаждает мои потные виски, пока я смотрю на волны. – Не думаю, что когда-либо я была счастлива. Даже когда была ребенком, я смотрела, как другие дети играют, смеются, и думала: «Почему ты радуешься? Когда-нибудь твои родители умрут. Когда-нибудь умрешь и ты». Я всегда боялась пораниться, заболеть или остаться в одиночестве, поскольку знала, что это случится. Что это всегда происходит. Все знают, что это всегда происходит, но каким-то образом могут заставить себя забыть об этом. Они могут выбрать жизнь в моменте, а не на протяжении всей жизни. А я не знаю, смогу ли так.

Я умолкаю, потрясенная. Захлопываю рот с такой силой, что прикусываю язык.

– «Но удовольствие – мгновенно: сорви цветок – и непременно он упадает, увядает…»[32] – цитирует Чарли.

– Что это?

– «Тэм О’Шентер». Робби Бернс. – Чарли проводит пальцем под носом. – Вот был человек, который умел наслаждаться жизнью… Немного чересчур. – Он лезет в карман, достает свою потертую фляжку и протягивает ее мне. – Слышал, ты ужинала в Биг-Хузе?

– Обедала, – поправляю я, испытывая облегчение не только от того, что Маклауд снова предложил свой ужасный ром, но и от того, что он сменил тему разговора.

Старик смотрит на меня.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть счастливой, Мэгги.

Я думаю о его бывшей жене. О его снах про Гробовую дорогу. О легкомысленном парне, который любил смеяться и научил Уилла плавать в Лох-Ду.

– И нет ничего плохого в том, чтобы бояться. Иногда счастье может сделать тебя глупым. Или слепым. – Он протягивает руку, чтобы похлопать меня по тыльной стороне кисти, причем достаточно неловко, чтобы я поняла, что он не привык это делать. Его глаза темнеют. – Будь счастливой. Только не позволяй этому увлечь тебя.

Чарли смотрит на горизонт, и мне интересно, о чем – о ком – он думает. Потом старик вздыхает и резко свистит Бонни.

Прежде чем он успевает уйти, я снимаю со спины рюкзак, расстегиваю молнию и достаю наспех завернутое кухонное полотенце.

Кладу его на песок и разворачиваю, собираясь с духом, зная, что увижу пустые глазницы и длинные, тонкие кости крыльев.

– Господи, – произносит Чарли, но, когда я поднимаю глаза, солнце висит над его плечом, скрывая выражение его лица.

– Что это? – спрашиваю я, прищурившись. – Я держала их в прихожей «черного дома» четыре недели. Они не пахнут, не гниют. Я думала, что они могут быть чучелами, но…

– Где ты их нашла? – Его голос по-прежнему спокоен и бесстрастен, но что-то меняется. Возможно, этот голос *слишком* спокоен.

– Ты знаешь, что это такое.

Чарли кивает, все еще глядя на птиц. Потом смещается, заслоняя солнце. Лицо у него бледное.

– *Вандр-варти*.

– Это по-гэльски?

Он качает головой.

– Это древнескандинавский язык. Это талисманы. *Varði* означает «защищать от чего-то», а *vándr*… – Он делает паузу. – Означает «зло».

– Зло? Как, например, злые ду´хи? – Я подыскиваю слово. – *Бокан*?

Чарли бросает на меня острый взгляд.

– Да, как *бокан*.

– Но почему они так выглядят? – спрашиваю я, понимая, что он больше ничего не скажет.

Чарли снова неохотно переводит взгляд на птиц.

– Они были мумифицированы. В торфе. Так их и делают.

– Делают? – Я вспоминаю, как Мико описывала те «болотные тела», обнаруженные во время первых раскопок, как Феми ликовал, рассказывая о человеческих жертвоприношениях и «Франкенштейне». – Кто-то их сделал?

Смотрю на их кожу, на коричневые стержни их перьев. И думаю об их расправленных крыльях и склоненных головах, похожих на стрелу, направленную прямо на «черный дом». Думаю о том, что кто-то бегает вокруг Блэкхауза посреди ночи, стучит в его дверь и, возможно, даже заходит внутрь. Неужели я и есть то *зло*, от которого нужно защищаться? Мысль о том, что кто-то может так считать, вызывает дрожь между лопаток.

– Ты когда-нибудь их делал?

– Что?.. Нет. – Чарли закатывает глаза. – Господи, я знаю, что жизнь здесь немного другая, Мэгги, но мы не сидим в своих коттеджах и не создаем скандинавские талисманы тринадцатого века. Я даже не знал, что это такое, пока… – Он делает паузу и качает головой. – Это просто суеверие, все равно что прибивать подковы к мачте или всегда поворачивать направо при выходе из гавани. – Наконец ему удается взглянуть на меня. – Как тот кусочек кварца на шее, который ты всегда теребишь, когда тебя что-то беспокоит.

Я опускаю взгляд, только сейчас осознав, что именно это и делаю: кулон под подушечкой моего большого пальца гладкий и холодный.

– Ты нашла его здесь, знаешь ли, – добавляет Чарли.

– Здесь?

Он кивает.

– На этом пляже. Ты убежала, и твоя мама чуть с ума не сошла. А потом мы нашли тебя у восточных обрывов; ты держала этот кусочек кварца, как будто это был золотой самородок.

Я думаю о розовой коробке и белом банте. Цепочка, такая длинная, что ее серебряные звенья играли на свету, когда я тянула и тянула ее. Это настолько же тревожно, насколько и успокаивающе – осознавать, что часть этого места всегда была со мной. «Осторожно», – говорит трусиха в моем сердце и голове.

– Наверное, нам всем нужны талисманы, – говорит Чарли спустя мгновение, и его голос теряет прежнюю уверенность.

И, возможно, именно из-за его паузы, из-за этой неуверенности я и задаю вопрос, не будучи уверенной, что хочу знать на него ответ:

– Мама… она когда-нибудь говорила тебе, что знала Роберта? Или знала о том, что с ним случилось?

Чарли бросает на меня острый взгляд, который я не могу прочесть.

– Нет. Почему ты спрашиваешь об этом?

– Не знаю. Наверное, я все еще пытаюсь осмыслить все это. – Смотрю вниз на мертвых ворон. И тут у меня перехватывает дыхание, когда я понимаю, что он только что сказал. – Ты даже не знал, что это такое, пока… пока что, Чарли?

На этот раз он молчит около полуминуты. Затем тяжело вздыхает и выпрямляет спину.

– Я знал только одного человека, который делал *вандр-варти*. Кто вообще знал, что это такое. – Когда он наконец обращает на меня взгляд, я не могу прочесть, что выражают его глаза. – И это был Роберт Рид.

Глава 19

Роберт

Будучи мальчишкой, я убежал прочь, когда пришел первый шторм – первый после того, *последнего*. Я бежал вглубь острова, подальше от волн у края мыса, от их оглушительного грохота и стремительных теней. Я бежал по торфяному болоту, мои ноги тонули и увязали, дыхание было холодным и резким. Буря стремительно настигала меня: черные тучи неслись над головой, ливень скрывал дорогу на Уик и Исливик. И в мокром грохоте волн позади себя я чуял рыбаков, которые дышали соленой влагой на мою кожу.

А потом передо мной возникло Лох-на-Эах, его широкая поверхность, покрытая рябью; залив – узкий вход для разъяренного моря, преграждающий мне путь. Его травянистые берега были такими мягкими и топкими, что я не смог остановиться, скользя все ниже и ниже. Я закричал, когда темная вода захлестнула мои ступни и икры, и схватился за траву, но в итоге в руках у меня остались только горсти грязи. Рыбаки хохотали в морском заливе под раскаты грома и стук дождя. Они выплывали из пучины, холодные пальцы сжимали мои лодыжки, пытаясь утащить меня на глубину, утянуть вниз. Ведь теперь они были богами. Ран, морская богиня смерти, собрала их в свою сеть, и теперь они жили под водой, как *сёвэттир*. Их имена были высечены в камне и в памяти, и, будучи мертвыми, они стали более сильными, чем тогда, когда были живыми, – и праведными в своей мести. А я был мальчишкой, который чертил силуэты их кораблей на стекле и шел к маяку на Ардс-Эйнише с яростью в сердце и камнями в карманах.

Но кто поможет мне? Кто спасет меня? Ненависть моего отца была тяжелой и бурной. Как и ненависть моей матери. Мои дрожащие руки тянулись и тянулись к земле – промахивались, задевали, соскальзывали, теряли, – и вот мне под руку попалось что-то, не трава, не грязь, а что-то холодное, острое и твердое. Я увидел ее глаз. Дыру, где должен быть глаз. Длинный черный клюв, коричневая гладкая кожа. Ворона.

Внезапно у меня хватило сил выволочь себя из озерца на берег, где я лежал на боку задыхаясь, как выброшенная на берег рыба, пока дождь не прекратился и гром не отдалился. Я поднялся, осторожно,

как мог, вытащил птицу из торфяного берега и отнес ее домой, надежно спрятав под плащом. И положил ее под подушку, прямо под голову.

Я знал, что нашел *вандр-варти*. О´дин, Бог Воронов, спас меня от мертвых рыбаков. От моего отца. Земля спасла меня от моря. Я открыл ящик прикроватной тумбочки. Посмотрел на рогатку из серого металла, плоская лента которой была завязана узлом. Я не пользовался ею – даже не смотрел на нее – с того ужасного дня, с той ужасной ночи. Но теперь я мог использовать ее во благо. Мог использовать ее, чтобы спасти себя.

Я полез под кровать за тяжелой книгой «Мифология и легенды Древней Скандинавии, том II» и перешел к главе 3 – «Процесс мумификации». Потому что мне нужно будет больше защиты. Намного больше.

* * *

Когда наконец приходит первый из сильных штормов, я его не жду. И все еще не готов к нему. До этого небо над мысом мрачнело уже несколько часов, и я наблюдал за ним, пока собирал стадо. Ожидал, что облака повернут на север или на юг, уйдут в море или в сторону Льюиса, как они делали каждый раз до этого. Но вместо этого облака становились все темнее и ближе, и, когда начался дождь, гром не заставил себя ждать.

Овцы напуганы и непослушны. Уже больше месяца кажется, что они не столько измучены и недокормлены, сколько чем-то больны, даже если ветеринар не может найти причину. Когда Брюс предложил мне использовать другого поставщика корма, а не того, которого он всегда рекомендовал, его улыбка была скорее извиняющейся, чем обеспокоенной. «Нет смысла пытаться сэкономить, Роберт, если в итоге это обойдется вам дороже». Во время наших регулярных посиделок в «черном доме» вместе с Мэри на выходных он примерно это же советовал мне по поводу карточной игры Тома и Алека в Урбосте. Я ценю эти советы больше, чем выпивку, хотя никогда в этом не признался бы.

Я притворяюсь, будто не испытываю облегчения, когда загоняю овец в сарай; притворяюсь, будто не огорчаюсь, когда замечаю, что одной не хватает. Ярость шторма становится громче и неистовее, когда я веду квадроцикл обратно к пастбищу; сцепление шин с дорогой ухудшается. Когда добираюсь до места, мне приходится включить фонарик – сейчас едва ли три часа дня, но мир черен как ночь. И кажется, что в нем нет никого, кроме меня.

И тут я вижу ее. В тени кладбищенского холма. Бледный округлый силуэт со светящимися белыми глазами. Я заглушаю двигатель и медленно, преодолевая дождь, преодолевая жестокий и все еще усиливающийся ветер, направляюсь к ней. Должно быть, она заблудилась и искала укрытие, хотя это нехарактерно для овец, отбившихся от стада. Я убавляю свет по мере приближения, но она не делает ни малейших попыток убежать, когда я оказываюсь в зоне ее видимости. Она вообще не обращает на меня внимания.

Страх во мне настолько стар, что мог бы и ослабеть. Он настолько заброшен, что должен был заржаветь и забыться. Но он просыпается во мне, как будто будильником для него служат бурлящая Атлантика и полыхающее молниями небо. Темнота вызывает головокружение и дезориентацию, как будто я нахожусь в другом месте. Где-то далеко за оградой. В *утангардс*.

Холм дает лишь слабое укрытие, ветер и дождь почти не ослабевают. Я приседаю, оказавшись в паре футов от беременной овцы. Она лежит, расставив передние ноги. Щеки втянутые и впалые, уши направлены вниз и назад – ей больно. Ее глаза мерцают в свете фонаря, когда она смотрит на меня, и ее веки опускаются.

Я откладываю фонарик в сторону, прикасаюсь к ее голове, а затем ощупываю каждую ногу на предмет переломов или отеков. Когда прижимаю ладони к мокрой шерсти на ее боках и вздувшемся животе, она вздрагивает и кривит губы.

– Спокойно, девочка.

Дождь усиливается. Я свечу фонарем в сторону квадроцикла. Ярдов пятьдесят. Но когда я прижимаю ее крестец к своим поджатым коленям, чтобы поднять ее, овца напрягается и издает «бе-е-е», резкое, высокое и страдальческое. Я отпускаю ее и падаю в грязь на колени. Она едва шевелится, едва улавливает мою близость, не издает ни звука, пока небо грохочет и озаряет остров белым и ярким светом, как

сигнальная ракета. А потом я вижу только красное. В наступившей черноте поднимаю фонарик и направляю его на нас. Кровь. Густая и мокрая, она повсюду, покрывая шерсть овцы от плеч до боков. Она на моих руках, рукавах, бедрах.

Мне не нужно мучить ни себя, ни овцу, пытаясь выяснить, откуда взялась эта кровь, потому что ее и так слишком много, чтобы это имело значение. Когда овца снова начинает блеять, слабо и жалобно, я сжимаю бьющийся, панический страх внутри себя, загоняю его в коробку и закрываю крышку. Кладу голову овцы к себе на колени, и она открывает глаза, чтобы посмотреть на меня.

– Всё в порядке, девочка, – говорю я, поглаживая ее по голове, по этим прижатым ушам. – Всё в порядке.

Она снова закрывает глаза, дыхание у нее неглубокое и частое. Я остаюсь с ней, а вокруг нас бушует буря; дождь стекает с кончика моего носа и подбородка, молнии превращают землю в адское месиво из темных теней и серебристо-белых пятен. Море ревет, заглушая даже гром: его грозный рев жаждет превратить нас в прах и пыль. Я остаюсь с овцой, пока ее дыхание не стихает, и вижу только дымку от собственных выдохов. Я тянусь вниз, чтобы пощупать пульс на ее задней ноге, но его нет. Я стою на коленях и еще несколько минут глажу ее по голове и ушам. Просто чтобы убедиться. Умереть в одиночестве – мой самый большой страх, даже больший, чем быть уличенным в том, кто я есть.

Убедившись, я кладу ее голову обратно на землю и медленно встаю, мои конечности сковывает холод. Очередной раскат грома заставляет меня вздрогнуть; молния, следующая за ним по пятам, резко высвечивает на фоне белого неба громаду Бен-Уайвиса.

Страх жжет меня изнутри, как яд. Он пробуждает во мне желание бежать прочь, через пастбища, болота и дороги, пока я не окажусь где угодно, только не здесь. Вместо этого возвращаюсь к квадроциклу и заставляю себя ехать обратно к дороге так медленно, как только могу. Доехав до «черного дома», заставляю себя продолжать двигаться на восток и в конце концов останавливаюсь рядом с Лох-Тана. Стоя в огромной тени Бен-Уайвиса, я никак не могу унять дрожь, которая бежит от шеи вниз по позвоночнику. Но продолжаю движение – через Гробовую дорогу, а затем в темный провал между горами. *Гленн-нам-Бокан*, Долина Призраков.

Мои ботинки тонут в сыром торфе; фонарь создает мрака не меньше, чем света, пока я углубляюсь в эту узкую долину. Я вижу это место как раз в тот момент, когда начинаю верить, будто никогда его не увижу: глубокая старая расселина у основания восточного склона горы, заросшая густым зеленым мхом. Снова опускаюсь на колени и начинаю копаться в грязи руками.

Первую я нахожу быстрее, чем ожидал, и, когда вытаскиваю ее, облегчение становится почти тошнотворным. Ворона вся в грязи, но я могу сказать, что кожа у нее слишком мягкая, слишком податливая. Прошло еще мало времени, скорее несколько недель, чем месяцев, но это необходимо. Я выкапываю три – по одной для каждого из нас – и оставляю остальных. Последняя – в самом плохом состоянии. Одно крыло очень непрочное, сломано по меньшей мере в трех местах. Я уже не так хорошо целюсь, как раньше.

Я бегу обратно к квадроциклу и бросаю птиц в пластиковый пакет, который обматываю вокруг руля. Когда нажимаю на кнопку запуска, двигатель чихает раз, другой, а потом глохнет. Со второй попытки вообще ничего не происходит. Еще одна молния окрашивает кровь на моей куртке и коже в черный цвет, и в наступившей темноте страх снова карабкается мне на плечи, опутывая грудь. Свет моего фонаря дрожит над грязью, камнями и болотом. Я вижу далекие золотые огни Блармора и еще более далекие огни «черного дома». В темноте я чувствую *бокан*. Я чувствую их запах: мокрые канаты и сети, резкий запах рассола от их дыхания.

Нет. Призраки – это просто незаконченные дела. Невысказанные истины. Им не нужно следовать за тобой, потому что они и есть ты. Я выключаю фонарь и смотрю в темноту на западе. Этим утром, когда гроза была лишь черными тучами на горизонте, на хребте за кладбищем кто-то был. Я видел их на Торр-Дисирт. Я видел их, но заставил себя не замечать в них угрозы, как и в тех тучах. Они наблюдают за мной. Наблюдают за моим стадом. Теперь они всегда рядом. Наблюдают. Ждут. Но никогда не приближаются настолько, чтобы их можно было узнать. Иногда даже не подходят настолько близко, чтобы их можно было увидеть; их присутствие выдает только дрожь, бегущая по позвоночнику, или мурашки по коже. Угроза кроется во всем. Во всех. Неважно, во что верит Мэри. Неважно, что я ей обещал.

Я не тот человек, который нравится людям. Я никогда и не пытался им стать. Я думаю о самодовольной заносчивости Юэна, о ехидных замечаниях Тома. Думаю о глубокой и болезненной ране, которую оставило у меня внутри мое признание. О выражении лица Чарли, когда тот назвал меня мудаком.

Я крепче вцепляюсь в раскачивающийся пакет, наклоняюсь вперед, поворачиваю ключ в нейтральное положение и снова нажимаю на кнопку запуска. Наконец четырехцилиндровый двигатель оживает, и я быстро набираю скорость, удаляясь от тени между гор. На повороте слишком круто сворачиваю на дорогу, и квадроцикл на мгновение встает на два колеса. Но я продолжаю ехать, пробиваясь на запад через грязь и ледяную воду, и сбрасываю скорость только тогда, когда дом оказывается в поле зрения, и его свет и тепло разливаются по моей коже.

Я буду защищать себя и свою семью. И не буду доверять ничему и никому, что не принадлежит мне. Так поступают люди. Так они всегда поступали. Никто не прогонит меня. *Никто*.

Глава 20

Разрушенная церковь в окрестностях Блармора при дневном свете всегда выглядит не так благостно, как ночью; суровая и внушительная, даже без крыши и окон. Я вздрагиваю, когда две ссорящиеся вороны срываются с каменного карниза и перелетают мне дорогу, и с неохотой вспоминаю о *вандр-варти*, как их назвал Чарли, – трех мумифицированных птицах в моем рюкзаке в прихожей.

Я не разговаривала с Чарли с того дня на Большом пляже почти три недели, а с Келли – почти столько же. Мы с Уиллом живем в замкнутом пространстве секса, сна и немногого другого, и я чувствую себя виноватой. Это единственная причина, по которой я направляюсь в Блармор. Бросаю взгляд на болото перед Бен-Донном. У дороги сложены аккуратные кучи вересково-мохового дерна. В моем воображении начинает вырисовываться сбор торфа. Я не должна была оказаться здесь в апреле, не говоря уже о мае. Но ужас, который овладевает мной каждый раз, когда я думаю об отъезде, о возвращении в Лондон, становится все сильнее.

Когда я приезжаю в деревню, в коттедже Чарли никого нет, и я направляюсь к пабу. Фиона Макдональд стоит на коленях в своем маленьком палисаднике. Увидев меня, она поднимается.

– Мэгги. – Улыбка у нее теплая, и сегодня нет тревожных морщин на лбу и вокруг глаз. – Идешь к Келли?

– Да, я подумала, что…

– Кажется, она сегодня работает в пабе. Пополняет запасы в погребе.

– О…

– Могу я предложить тебе кофе? Чай?

Я понимаю, что она нервничает. Не встревожена, но определенно нервничает. Снимает свои садовые перчатки и неспокойно перебирает пальцами.

– Э-э-э… Я действительно должна…

– Алека здесь нет. – Ее щеки краснеют. – Он вернулся на буровую несколько недель назад. А Шина в магазине до шести. – Она дважды моргает. – Ты все еще пишешь свою историю?

Я автоматически киваю, хотя бы потому, что это проще, чем сказать нет.

– Я бы… хотела извиниться перед тобой за то, как мы себя вели, – продолжает Фиона. – И я хотела бы объяснить. Помочь.

Какое-то мгновение я колеблюсь. Но одно из правил доктора Абебе гласит, что я никогда не должна уклоняться от того, с чем необходимо столкнуться. Противостоять. Потому что я всегда позволяла себе самый простой выход из ситуации и называла это осторожностью. Или в данном случае, возможно, счастьем.

Фиона идет к открытой входной двери.

– Входи. Пожалуйста.

Из окна соседнего коттеджа кто-то наблюдает за происходящим. Пока я иду за Фионой по тропинке, этот «кто-то» скрывается из виду.

– Кофе или чай? – спрашивает Фиона, ведя меня в удивительно просторную гостиную открытой планировки, которая переходит в небольшую кухню с французской дверью.

– Кофе, пожалуйста. Только черный, без сахара.

Я сажусь на диван. На пустом сосновом серванте стоит пара фотографий в рамке: одна – пейзажный студийный снимок Фионы, Алека и юной Шины (лучшие воскресные наряды и неловкие гримасы), другая – гораздо более мелкая, более старая фотография мальчика в школьной форме (темный чубчик и улыбка со щелью между зубами).

– Это было сделано примерно за год до того, – замечает Фиона, возвращаясь из кухни с подносом. Поставив его на стол, она ненадолго прикрывает глаза. – Я до сих пор не смогла перестать так говорить. Как будто в ту ночь, когда умер Лорн, время обнулилось. И все стало «до» или «после». – Она протягивает мне исходящую паром кружку. – То, как Алек вел себя с тобой… непростительно. Я могла бы сказать, что его таким сделало горе, но это было бы правдой лишь отчасти. – Она снова смотрит на фотографии. – У него всегда был вспыльчивый характер. Он всегда был слишком поспешен в суждениях. И Шина тоже. Она – дочь своего отца, вот и всё.

– Тебе не нужно извиняться.

Я вспоминаю горящие глаза Алека, распахнувшего тогда дверь телефонной будки. Ярость в них, когда я подумала, будто он собирается ударить меня. Рваные рыдания, сотрясавшие его тело,

заставляя сгибаться почти вдвое. А потом слова Шины: «Ты здесь не в безопасности».

– Ты, должно быть, считаешь меня жалкой. – Глаза Фионы наполняются слезами, и она прижимает тыльные стороны ладоней к бледным веснушчатым щекам. – Но это… это всегда очень плохое время года для меня. Для нас.

Потому что сейчас апрель. Я вдруг понимаю, что годовщина смерти Роберта и Лорна наступит всего через три дня.

– Прости. Я не…

– Лорн был гиперактивным. Не мог усидеть на месте ни минуты. – Она ненадолго стискивает пальцы, потом разжимает их. – Терапевт на материке поставил диагноз СДВГ[33], пытался выписать таблетки, но я так и не разрешила сыну их принимать. – Она слабо улыбается. – Знаешь, я помню тебя в девяносто девятом году. Ты была такой же, как он, – этакий неугомонный смерч. Это было ужасно – присматривать за ним. Особенно когда Алек купил ему эту чертову лодку. Каждый день Лорн приходил домой с новыми дикими историями и боевыми отметинами, подтверждающими их. В какой-то момент у меня так подскочило давление, что терапевт попытался использовать это как веский аргумент за то, чтобы давать Лорну лекарства.

Она закрывает глаза.

– Но он был хорошим мальчиком. Моим любимым мальчиком. Иногда к вечеру так выматывался за день, что заползал ко мне на колени, как кот, и тут же отключался. И никогда не переставал говорить: «Я люблю тебя, мамочка». – Ее голос чуть заметно срывается. – Когда-нибудь он перестал бы это твердить, я уверена. Если б у него была возможность…

– Мне так жаль…

Фиона прочищает горло.

– И мне жаль, что я это говорю. Просто сейчас так мало возможностей поговорить о нем… Алек не хочет. А Шина почти не помнит его. – Когда она снова смотрит на меня, ее бледно-голубые глаза ясны, а взгляд тверд. – Лорн – не просто маленький мертвый мальчик. Он был человеком, который заслуживал того, чтобы вырасти. Он заслуживал того, чтобы у него была своя история.

Я киваю. Она садится ровнее.

– Итак, спрашивай меня о Роберте, что хочешь, и я постараюсь ответить.

Я вспоминаю тот день в доме Айлы и ее настойчивое утверждение, будто Макдональды всегда считали Роберта причастным к смерти Лорна. Но после всего, что Фиона сейчас сказала, я не могу заставить себя спросить об этом.

– Он тебе нравился?

– Думаю, в основном нравился. В нем было что-то внушающее доверие. Возможно, благородство. Он любил свою семью. Он был добр к ним. – Она снова смотрит на сервант, и выражение ее лица становится напряженным. – Но ведь никогда не знаешь, что происходит в жизни людей, правда? За закрытыми дверями…

– Что, по-вашему, было…

– Чарли когда-нибудь рассказывал тебе о том, что Роберт, по его собственным словам, сделал? Когда рос в Ардшиадаре?

Я качаю головой.

– Он сказал мне, что Роберт говорил, будто сделал что-то ужасное. – «Его чувство вины было как якорь, который однажды потянул его на дно…» Мое сердце слегка замирает. – Но он так и не поведал Чарли, что это было.

Фиона щурит глаза.

– Что ж, тебе придется поговорить об этом с Чарли. Потому что Роберт на самом деле *рассказал* ему об этом. А когда он умер, Чарли рассказал нам.

Я пытаюсь скрыть замешательство. Стараюсь игнорировать боль в животе. И, что еще хуже, любопытство. Дурную надежду, которая внезапно заставляет мое сердце снова забиться чаще. Почему Чарли добровольно сказал правду, но скрыл ее за ложью?

– Что сделал Роберт?

С лица Фионы исчезает часть напряженности.

– Ардшиадар – это рыбацкая деревня. Отец Роберта владел большинством рыболовных судов на этом участке западного побережья. Чарли знал его. Он работал на сейнере «Ахкер» несколько сезонов до запрета на ловлю сельди.

– Подожди. – Мое сердце начинает биться так сильно, что мне приходится сжимать руки в кулаки. – Чарли знал отца Роберта?

Я вспоминаю, как он стоял на пляже Лонг-Страйд столько недель назад, стараясь не смотреть на меня, когда я спросила: «Эндрю – а дальше?» И его категоричный ответ: «Он никогда не говорил. Просто Эндрю».

– Все рыбаки знают друг друга, – произносит Фиона, пожимая плечами. – Весной семьдесят седьмого, когда Роберту было десять лет, налетел один из тех жутких атлантических штормов, которые случаются раз в поколение. Затонуло более полудюжины островных суденышек, в том числе три из Ардшиадара. Все погибли. На Ардс-Эйниш постоянно горел маяк, который предостерегал суда, входящие в гавань залива, о скалах возле мысов. Но в ту ночь, в тот шторм, света не было. Суда разбивались о скалы и тонули в прибое в считаных ярдах от берега, а вся деревня могла лишь наблюдать за происходящим. Каждый потерял кого-то. – Она смотрит на меня. – Роберт сказал Чарли, что это он разбил фонарь маяка. Он был зол на отца и поэтому пошел на Ардс-Эйниш, когда утром перед штормом суда отчалили на ловлю, и разбил фонарь камнями из рогатки.

– Что? – Я вспоминаю Роберта, стоящего на травянистом лугу, со сложенными на груди руками, в полном одиночестве. Этот печальный, упрямый хмурый взгляд.

– И это так тяготило его совесть, что разрушило его жизнь.

– Боже… – Только когда мои ногти впиваются в кожу, я понимаю, что все еще сжимаю руки в кулаки.

– Ты не знаешь всей истории, Мэгги. Пока нет. – Губы Фионы кривятся в резкой и невеселой улыбке, от которой мне хочется дрожать. – Если действительно хочешь написать историю Роберта, поезжай в Ардшиадар и узнай, каким он был человеком. – Она встает так внезапно, что я чуть не роняю кофе. – На самом деле, у меня есть свободное время. Почему бы мне не свозить тебя туда?

* * *

– Привет, Фиона, Мэгги, – окликает нас Джаз, когда мы идем обратно по дорожке. Он тащит холщовый мешок, наполненный ветками и листьями, к воротам соседнего коттеджа, и я понимаю, что он, должно быть, и был тем силуэтом в окне. – Куда направляетесь?

– В Ардшиадар, – отвечает Фиона после паузы.

Джаз выдерживает почти такую же паузу, а затем опускает мешок.

– Я могу взять вас с собой, если хотите.

– Не беспокойся, – отзывается Фиона. – Мы можем просто сесть на автобус из Лонгвика.

– Да это для меня не проблема. – Джаз коротко улыбается. Я собирался все это сжечь, но вместо этого могу сдать в пункт приема вторсырья в Тимсгарри. – Он перекидывает мешок через плечо и открывает ворота, не оглядываясь на нас. – Пойдемте.

Я колеблюсь, всякое желание куда-либо ехать пропало. Я не хочу ехать в Ардшиадар. Я не хочу знать всю историю. Больше не хочу. Но поскольку я не могу придумать, как объяснить причину, – то, что я счастлива и боюсь всего, что может лишить меня этого счастья, – все равно иду за ними.

Глава 21

Солнце ослепительно бьет в глаза, когда мы взбираемся на крутой холм и Джаз останавливает машину.

– Видишь те дома? – спрашивает он меня, указывая на плоский и травянистый мыс к юго-западу от огромной чашеобразной бухты с широкой белой песчаной каймой. – Это Ардшиадар.

Фиона выходит из машины. Всю дорогу сюда между ней и Джазом сохранялась очень странная атмосфера. Ничего определенного, но тем не менее чувствовалось некое напряжение, как от статического электричества. Хотя отчасти это может быть и моей виной. Поскольку я не могу отрицать, что, вопреки моему нежеланию, часть былого волнения вернулась ко мне. Уже несколько месяцев я не сомневаюсь, что Роберт Рид и Эндрю Макнил, родившийся в Ардшиадаре в 1967 году, – один и тот же человек. Тот самый Роберт Рид, который делал скандинавские талисманы, чтобы защитить себя от чего-то или от кого-то. Талисманы, которые кто-то оставил для меня. И Чарли солгал мне о нем.

– Я заберу тебя на обратном пути, – сообщает Джаз, перегнувшись через пассажирское сиденье, когда я тоже выхожу.

– Меня не надо, – отзывается Фиона. – Мне нужно в Ардрол. Я вернусь на автобусе.

– Не нужно беспокоиться, – говорю я, когда он переводит взгляд на меня. – Я хотела бы пройтись пешком. Должно быть, есть более короткий пеший путь?

Ардшиадар находится менее чем в десяти милях к северу от Килмери, но извилистые внутренние дороги, пересекающие холмы и горы, озера и пруды, удваивают это расстояние.

Джаз долго смотрит на меня, лицо его непроницаемо. Возможно, я еще не отошла от лжи Чарли, но что-то в глазах Джаза, в его поведении во время странной, почти безмолвной поездки на машине от Килмери заставляет меня чувствовать себя не столько неуютно, сколько тревожно. Я наблюдаю за Фионой, удаляющейся по дороге, и думаю о ее недоброй улыбке: «Ты не знаешь всей истории, Мэгги. Пока нет».

– Прямого пути назад вдоль побережья нет, но есть Старая дорога Глен, – наконец отвечает Джаз, указывая на предгорья в пятидесяти ярдах к северо-востоку. – Это узкий проход между двумя горныи хребтами. Но это шесть миль, не меньше. А потом тебе еще нужно будет вернуться к побережью и Лонгвику. Там не будет ловить телефон, да и погода может измениться… – Он качает головой. – Будет безопаснее, если я просто заберу тебя.

– Честное слово, со мной все будет в порядке. Мне не помешают физические упражнения. – Я отхожу от машины. – Спасибо, что подвез.

– Местные жители называют Старую дорогу Глен Беул-на-Биджет, – говорит он.

– Беул-на-Биджет?

– Пасть Дьявола. Это из старой пословицы: «Tilg mìr am beul na bèist…» и что-то там еще. В общем, «Брось кость в пасть дьявола, и это тебя спасет». – Он пожимает плечами. – Может быть, следует быть настороже… Лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Затем он захлопывает дверцу и уезжает, разбрасывая гравий.

Я иду по главной дороге вокруг бухты, туда, где Фиона стоит рядом с коричневым указателем: «Ардс-Эйниш, 1 км».

– Он может быть невыносимым занудой, когда этого захочет, – говорит она с жаром, которого я никак не ожидала от женщины, всегда казавшейся такой робкой.

Я смотрю вниз на длинные песчаные дюны, а затем на широкий изгиб залива за ними. Прилив уже начался, но пляж все равно невообразимо огромен, гораздо больше, чем любой другой на Килмери. Море мелкое; оно завораживает чередой низких волн, отороченных белой пеной. Я пытаюсь представить себе шторм; каково это – стоять здесь или внизу и смотреть, как тонет твой муж, брат или отец. Смотрел ли Роберт? Или ему было слишком стыдно, слишком страшно за то, что он сделал?

– Мемориал находится здесь, – сообщает Фиона, перебираясь через деревянную перекладину на заросший травой луг. Она протягивает мне руку, пока я перелезаю следом – куда более неуклюже.

Мемориал – из полированного серого гранита, высотой чуть больше четырех футов – стоит на границе между лугом и скалистым утесом, спускающимся к заливу. Волны, плещущиеся в нескольких

футах внизу, звучат неожиданно громко. Под надписью: «21 октября 1977 года» и названиями судов – «Ахкер», «Маркан-шина» и «Дарах» – в камне высечены восемнадцать имен, причем многие фамилии одинаковы. Самый старший и первый – отец Роберта: Дуглас Макнил, 48 лет; самый младший – Малькольм Маккензи, 18 лет. Но причина, по которой у меня начинает щипать глаза, а шум волн кажется просто оглушительным, – это адреса, указанные рядом. Здесь всего две улицы, просто Ардшиадар и Эйниш: «Ардшиадар, дом 2», «Ардшиадар, дом 4», 5, 6, 7, вплоть до «Эйниш, дом 10», – и эти цифры, высеченные в граните, вдруг делают все очень реальным. Это страшное несчастье, которое произошло на самом деле. И которое не пощадило никого.

– Сюда, – говорит Фиона; ее голос звучит слишком громко в ветреной тишине.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, когда она направляется прочь через луг.

Фиона замедляет шаг, только для того чтобы оглянуться через плечо.

– К маяку Ардс-Эйниш. Мы ведь здесь ради этого, не так ли?

Мыс на противоположной стороне залива гораздо длиннее и круче. Дорога быстро превращается из плоской и болотистой в крутую и каменистую. К тому моменту, когда мне удается догнать Фиону на вершине, я уже обливаюсь по́том и задыхаюсь. Атлантический ветер пронизывает холодом, когда я останавливаюсь и смотрю на открытый край скалы. На «маяк Ардс-Эйниш», как сказала Фиона.

– Черт! – Я качаю головой и закрываю рот.

Я ожидала увидеть деревянную или каркасную башню-маяк, что-то легкодоступное и легко уязвимое. Вместо этого я вижу маяк во всех смыслах этого слова. Белая цилиндрическая каменная башня с охристой полосой понизу, высотой не менее ста футов, с балконом и огромной металлической клеткой вокруг черной ламповой камеры на вершине. Рядом с ней стоит длинное одноэтажное здание, которое окружает высокая каменная стена.

– Это маяк Стивенсона, – рассказывает Фиона, не глядя на меня. – Один из лучших образцов. Построен в тысяча восемьсот девяносто девятом году дядей Роберта Льюиса Стивенсона – не жук чихнул. Сто семьдесят одна ступенька до ламповой камеры.

– Черт, – повторяю я, не в силах отвести взгляд от этой огромной башни, тень которой почти достигает края мыса, где мы стоим.

Ответный смех Фионы больше похож на лай, короткий и невеселый.

– Когда-нибудь удалось выяснить причину? – наконец говорю я. – Почему он вышел из строя в ночь шторма?

Потому что никто не мог повредить эту лампу, этот маяк. Тем более десятилетний мальчишка с рогаткой и камнями.

– Техническая неисправность. Мой отец был из Исливика, это поблизости. Он сказал, что система была автоматизирована всего несколько лет назад, поэтому прислали инженеров из Глазго. Заменили лампу и линзу. – Она оглядывается на залив. – Большинство людей в округе думали, что это для показухи. Чтобы было видно, что все сделано. Никому никогда не говорили, что именно пошло не так. – В ее голосе появляются новые нотки, и я узна́ю интонации Шины. Вижу в этой женщине ее дочь. Вдали от Алека Фиона Макдональд кажется совершенно другим человеком. Интересно, оживает ли *эта* Фиона Макдональд всякий раз, когда он возвращается на буровую?

– В любом случае… – Она резко оборачивается. – Я заеду к подруге в Ардрол; может, присоединишься?

– Нет, я… – Заставляю себя смотреть на нее, а не на маяк. – Думаю, раз уж я здесь, схожу в Ардшиадар, осмотрюсь.

Фиона пожимает плечами и смотрит через залив на дома на плоском и травянистом юго-западном мысе.

– Тот шторм погубил Ардшиадар. И Эйниш тоже. Даже гавань закрыли. Поэтому отец и уехал. После шторма здесь никому ничего не было нужно. Большинство людей отправились к родственникам на материк. Некоторые уехали в Канаду. – Она снова поворачивается ко мне, с трудом выдерживая мой взгляд дольше нескольких секунд, прежде чем сглотнуть и снова отвернуться. – Это просто место призраков.

Когда она направляется прочь, я с такой остротой ощущаю башню и ее тень у себя за спиной, что мое «подожди!» переходит в крик.

Фиона останавливается, оборачивается.

– Почему он это сделал? – спрашиваю я. – Почему Роберт солгал, что испортил маяк?

– Почему любой из нас делает то или это? – отвечает она после долгого молчания. – Возможно, он поверил в это. – В ее натянутой улыбке проглядывает что-то вроде мрачной решимости. – А может, он просто хотел, чтобы кто-то написал о нем историю…

И этот взгляд наконец придает мне смелости спросить у нее то, что я не могла спросить в коттедже:

– Как ты думаешь, Роберт действительно пытался спасти Лорна – в ту ночь, когда они погибли?

Фиона расправляет плечи. Наконец-то она смотрит мне прямо в глаза.

– Нет. Я так не думаю.

* * *

Деревня Ардшиадар – это действительно просто дорога. Вдоль нее выстроились около дюжины домов, в конце стоит небольшая каменная церковь. Все это скромные белые дома, изредка встречаются развалины «черного дома». Многие из белых домов заброшены. В небольшом саду стоит ржавый «Лендровер» без шин и номерных знаков; позади него в двух верхних комнатах развеваются на ветру легкие занавески, стекла в окнах выбиты. Входная дверь соседнего дома заколочена досками.

Я никогда не задумывалась о том, почему или даже когда Роберт уехал из Ардшиадара в Абердин. Но сейчас мне интересно, почему он вернулся. И хотя солнце пронзает лучами-копьями низкие облака, делая пляж бело-золотым, море – бирюзово-прозрачным, а каждую травинку или полянку – густо-зеленой, я все равно продолжаю размышлять над этим. Потому что Фиона права. Здесь витает какое-то нехорошее ощущение; что-то такое, от чего скручивает живот и сжимается сердце. Может быть, причиной тому Ардшиадар в его уродливом запустении, его *бокан*. Конечно, здесь не Килмери, здесь нет такого ощущения пустоты и гнета. Но это очень похоже. Вероятно, этот мыс можно увидеть из Ардхрейка. И почти наверняка – более высокий и длинный мыс Ардс-Эйниш. И сам маяк. Может, я и не знаю, почему Роберт поведал Чарли о маяке и даже почему Фиона привела меня сюда, чтобы я его увидела, но внезапно я испытываю острую

жалость к Роберту, который, видимо, навсегда застрял в ловушке долга, клятвы и чувства вины. Мы с ним похожи. От этого в груди что-то вспыхивает – опасное чувство, близкое к надежде. Как будто смотришь в чьи-то глаза и узнаёшь себя.

* * *

Через час после того, как отправляюсь в путь по Старой дороге Глен, я уже жалею, что отказалась от предложения Джаза подвезти меня до Килмери. Это не дорога, а каменистая – и по большей части покрытая грязью – колея. Вдали от побережья воздух более тяжелый и холодный. Горы по обе стороны от дороги полностью закрывают солнце. Через каждые несколько ярдов на моем пути зловеще возвышаются большие валуны, и я стараюсь не думать о том, откуда они взялись. Здесь нет покрова густой и теплой зелени. Единственная растительность – оранжево-серый лишайник или влажные темные пласты мха между камнями.

Я несу на себе тяжесть Ардшиадара. Она давит мне на плечи, отчего дорога кажется еще более мрачной, еще более гнетущей. Достаю телефон и вижу, что сигнала нет. Уже четыре часа дня. Эти шесть миль теперь кажутся просто немыслимой задачей, и я понятия не имею, сколько мне еще предстоит пройти. Пытаюсь ускорить шаг; мои ботинки скребут по сыпучим камням и гравию, создавая слишком много шума в пустом ущелье. Мне не нравится, что я испытываю тревогу – страх – по причинам, которые не могу объяснить, не могу рационализировать. И мне не нравится, что я вдруг снова начала думать о маме – о диких огоньках в ее глазах. Мне не нравится, что я практически ощущаю ее полное паники дыхание на своей липкой от пота коже. «У тебя бывают плохие предчувствия, Мэгги?»

Не раз я останавливаюсь, чтобы оглянуться. Притворяюсь, будто меня смущает лишь то, что я не вижу ни начала, ни конца дороги. Но шевеление волосков на затылке заставляет меня вздрагивать. И эхо моих собственных шагов начинает звучать так, будто кто-то крадется за мной.

День становится все темнее, и я испуганно вскрикиваю, когда в нескольких сантиметрах от меня с горы внезапно срывается струйка

гальки. Смотрю на серое небо над головой, на высоченные темные вершины скал. Сердце колотится в ушах так сильно, что я с трудом слышу что-либо помимо него. Здесь нет ни одной кости – ни звериной, ни птичьей, ни какой-либо другой, но это не мешает мне думать о пословице «Брось кость в пасть дьяволу, и это тебя спасет». Я не перестаю воображать темные силуэты, стоящие на вершинах этих гор и бросающие кости вниз, как *вандр-варти*, чтобы защититься от зла, от *бокан*, живущих в этих тенях.

Но, как ни странно, хуже всего не темнота, вызывающая клаустрофобию, и не ощущение, что я никогда не дойду до ее конца. Хуже всего почти полная тишина. Я слишком привыкла к ветру, к волнам, к бешеному шуму. Этот темный, тесный проход, где не слышно ничего, кроме шороха осыпи – даже пения птиц, – не просто нервирует. Он заставляет меня вздрагивать каждый раз, когда до моего слуха доносится какой-либо звук.

А потом я слышу нечто худшее, чем тишина. Торопливое шарканье, словно тяжелые подошвы ступают по горке сыпучих камней. За этим следует проклятие. Достаточно громкое, чтобы эхо разнеслось между серыми влажными стенами.

На этот раз я не останавливаюсь и не оглядываюсь назад. Я бегу. Так быстро и так резко, что сразу же начинаю скользить по земле. Мои лодыжки разъезжаются на камнях. Мое дыхание звучит слишком громко. Я опускаю голову, заставляя себя смотреть на темную дорожку, чтобы не видеть ничего, кроме препятствий на своем пути.

Не знаю, сколько времени уходит на то, чтобы добраться до конца Старой дороги Глен. Когда я наконец вижу впереди серый свет, мое дыхание уже напоминает неровные всхлипы, а бег превращается в шаткую торопливую ходьбу. Я чувствую, что позади меня кто-то есть, и кажется невероятным, что он еще не настиг меня, не протянул руку, чтобы коснуться меня. Я выбираюсь из ущелья по полосе редкой травы и, спотыкаясь, иду навстречу внезапному шуму волн, в любой момент ожидая, что меня затянет обратно в темноту. Только увидев впереди широкое озеро, замедляю шаг и сворачиваю на овечью тропу между ним и покатым краем западного горного хребта.

Дождь начинается внезапно, сильный и ледяной. Я продолжаю бежать, оскальзываясь на грязи, полностью потеряв способность ориентироваться. Бегу на шум волн – и, когда вижу небольшой залив

менее чем в пятидесяти ярдах от тропы, набираю скорость, скатываюсь к песчаному пляжу, скорее на спине, чем на ногах. Ладони у меня мокрые и исколоты камнями.

Во мраке я почти не вижу моря. Но неожиданно вижу огни. Высоко на темном мысу, слишком далеко, чтобы находиться здесь, на большом острове. И вдруг вспоминаю, как сидела в пивной «Ам Блар Мор» с Келли и указывала на это место. Я на Холлоу-Бич. Там, где затонул ялик Лорна.

Я испытываю почти нестерпимое желание добраться до этих огней, до Килмери – до паба, до людей, до того места, – настолько сильное, что бегу навстречу бурному прибою. Он обдает ледяным холодом мои ботинки и джинсы, гораздо выше и быстрее, чем я ожидала. А потом я вижу более близкие и яркие огни. Слышу шум дизельного двигателя.

Я хватаюсь за телефон и включаю фонарик. Начинаю размахивать обеими руками высоко над головой, крича сквозь шум ветра. Катер находится достаточно далеко, и я уверена, что меня не увидят, но через несколько секунд он замедляет ход и начинает разворачиваться. Я оглядываюсь на сгущающуюся темноту, горы позади меня теперь выглядят не более чем темными тенями. Я ничего не вижу. Никого. Я понимаю, что мой фонарь, вероятно, единственный огонек на много миль вокруг.

Через несколько минут катер достигает края бухты. Два больших мачтовых фонаря включаются, на мгновение ослепляя меня, а затем я вижу, как в воду за чертой прибоя спускают шлюпку. Я смотрю, как она несется ко мне – ее подвесной мотор работает резко и громко, как бензопила. Я ошеломлена таким количеством шума после зловещей глухой тишины Старой дороги Глен. Теперь, когда страх ослабел, я успеваю почувствовать легкое смущение из-за своего поведения, но тут шлюпка вьезжает на песок, и я узнаю рослого темноволосого человека, который вылезает из нее.

– Джимми!

Он щурится, протирает глаза.

– Мэгги? – Качает головой. – Быстрее залезай, пока волны не стали выше.

Я неловко пробираюсь сквозь ледяной прибой, и Джимми натягивает на меня через голову спасательный жилет оранжевого

цвета, а затем помогает забраться в шлюпку. Он быстро разворачивает ее, и мы с ревом несемся по волнам, достигая рыбацкого катера за считаные секунды. Забираться на борт еще труднее из-за пронизывающего до костей холода от воды, и к тому времени как Джимми затаскивает шлюпку следом за нами, мне кажется, что все силы покинули мое тело через ноги.

– Вот, проходи в рулевую рубку, – говорит он, прежде чем полуобернуться ко мне.

В маленьком тесном помещении к нам от скопления компьютерных экранов и электронных пультов управления оборачивается вместе с креслом другой рыбак – моложе Джимми, одетый в такой же грязно-желтый непромокаемый комбинезон. Он выглядит столь же изумленным, как и Джимми.

– Добыли маленькую крыску-утопленницу. – Джимми ухмыляется. Но при этом он выглядит страшно рассерженным. Полагаю, вполне обоснованно. Теперь, когда мне больше ничего не угрожает – да и угрожало ли вообще? – я могу позволить себе немного смутиться. Когда он непременно спросит, почему я старалась остановить проплывающий мимо рыболовный катер, я точно не скажу ему, что мне показалось, будто меня на Старой дороге Глен преследовал человек или *бокан*.

У меня стучат зубы. Джимми стягивает с меня спасательный жилет и заменяет его чуть более теплым и непромокаемым.

– Какого черта ты размахивала фонарем на Холлоу-Бич? – спрашивает он.

Я не упускаю из виду чуть заметную ухмылку в уголках рта другого рыбака, когда он поворачивается обратно к иллюминатору рулевой рубки, одной рукой держась за нечто похожее на гигантский джойстик, а другой – поворачивая маленький корабельный штурвал между коленями.

– Извини, – говорю я. – Я отправилась в пешую прогулку и заблудилась, а потом погода… стало темно, и… – Я смотрю на него сквозь падающие на лицо мокрые волосы. – Я запаниковала.

– Пешая прогулка. – Джимми только сурово смотрит на меня, а потом все его лицо расплывается в широкой восторженной ухмылке. – Пешая прогулка!

Его громкий смех заставляет меня вздрогнуть, но, когда к нему присоединяется другой рыбак, я испытываю негодование.

– Боже мой, женщина! Если ты хочешь отправиться в пешую прогулку, то тебе как минимум нужен прогноз погоды, карта и, – Джимми оглядывает мое растрепанное состояние с ног до головы, – какое-нибудь приличное снаряжение для походов.

– Ну, теперь я это знаю. – Я хотела бы сказать, что не планировала сегодня никуда идти, но тогда мне пришлось бы объяснять про Джаза, Фиону и Ардшиадар, а это кажется гораздо худшей перспективой. К счастью, Джимми, похоже, начинает испытывать ко мне сострадание: он вручает мне дымящийся черный кофе, после чего уходит на палубу и оставляет меня в покое. Другой мужчина вообще ничего мне не говорит, хотя время от времени я замечаю, как он смотрит на меня в отражении в темном окне, а потом быстро отводит взгляд.

Джимми возвращается за мной, когда огни Килмери становятся ближе. Я стою на палубе, дрожа от холода, пока мы медленно поворачиваем к небольшой каменистой бухте с бетонным причалом вдоль берега – должно быть, это Шелтерид-бэй. И смотрю на огни Блармора на Лонгнессе, на уютные золотые квадраты окон паба, на более тусклый свет от домов за его пределами.

– Так сойдет, Билли! – кричит Джимми, когда мы оказываемся примерно в пятидесяти ярдах от берега.

Только когда мы с ним садимся в шлюпку и возвращаемся на сушу, он снова поворачивается, чтобы посмотреть на меня. На этот раз улыбка у него удивительно теплая. Я замечаю, что на левой щеке у Билли глубокая ямочка.

– У тебя такое выражение лица… – говорит он, глядя в сторону берега. – Я тоже так чувствую себя всякий раз, когда возвращаюсь сюда.

Я не знаю, что за выражение у меня на лице, но помню, что чувствовала, стоя на Холлоу-Бич и глядя на эти огни. Как сильно я тосковала по их безопасности и привычности – настолько сильно, что чуть не полезла прямо в море.

– Я рада, что вернулась, – отзываюсь я, улыбаясь сквозь все еще стучащие зубы. И мне с трудом удается удержать последнее слово, которое все еще вертится на языке. *Домой*.

Глава 22

Роберт

К тому времени, когда я спотыкаясь уже бреду по тропинке к «черному дому», буря ничуть не ослабевает. Я вздрагиваю от внезапного появления силуэта, удаляющегося от двери сарая. Бросаю пластиковый пакет и бегу к нему, проклиная бурю и страх.

Но это просто Джимми. Я останавливаюсь, растерявшись настолько, что порыв ярости сходит на нет. Когда я освещаю его лицо фонариком, он моргает и отворачивается, но я успеваю заметить, как в его глазах мелькает чувство вины. Он в своем рыбацком непромокаемом комбинезоне, неоново-желтом во мраке, так что вряд ли он пытался спрятаться, но все же… Я думаю о том, что кто-то всегда следит за мной, за моим стадом. Думаю о медленно остывающем теле овцы, которая умерла у меня на руках.

– Я был у Западного Мыса, попал в шторм, – почти кричит Джимми, пытаясь пробиться сквозь ветер. – Хотел узнать, как у вас дела с овцами, всё ли в порядке или нужна помощь…

Я слышу овец в сарае, даже сквозь рев волн и грома, – их разноголосое и испуганное блеяние.

– Всё в порядке, Джимми.

– Да. – Он переминается с ноги на ногу. Смотрит на меня, потом снова в сторону. – Слушай, я просто хотел сказать… Я знаю, каково это – быть чужаком. Такие места, как это, они… – Качает головой. – Я просто хотел заверить, что я тебе друг. Если это тебе когда-нибудь понадобится.

И на этот раз, когда я направляю на него свой фонарь, он внезапно выглядит всего лишь девятнадцатилетним парнишкой, смущенным и серьезным; губы напряжены, словно он готов взять свои слова обратно, если я засмеюсь. Но я не смеюсь.

– Спасибо.

Я ненадолго задумываюсь, не схожу ли с ума. Действительно ли я такой параноик, как говорит Мэри? Когда очередной раскат грома сотрясает почву под нашими ногами, Джимми пригибается и поворачивает обратно к дороге, подняв руку в знак прощания.

Я стою еще несколько секунд, пока свет его фонаря не исчезает. Дождь начинает барабанить сильнее, а от очередного раската грома мое сердце снова замирает в испуге. Я проверяю дверь сарая, а затем поворачиваюсь и бегу к дому, подхватывая пакет, прежде чем толкнуть плечом входную дверь. Кейлум, одетый в пижаму с Человеком-пауком и держащий в руках чашку с молоком, замирает на пороге кухни; его рот округляется, напоминая букву О.

– Привет, малыш. – Я стараюсь замедлить дыхание, но знаю, что улыбка у меня не очень веселая. Неубедительная. – Не хочешь спуститься в погреб? Давай спустимся.

– Я хочу выпить молока.

– Я знаю. Ты можешь выпить молока в погребе. – Над головой сверкает молния, сотрясая раму входной двери. Я вздрагиваю. – Пойдем, Кейлум.

Ладошка у него теплая и липкая, и я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не подхватить его на руки и не пуститься бегом. Внутри у меня все замирает, и это пугает меня. Я знаю, что должен сопротивляться этому. Страх – это хорошо, страх – это то, что помогает нам оставаться в безопасности. Но слепая паника – это совсем другое. Именно она все портит.

Я открываю люк и, включив свет в погребе, держу Кейлума за руку, пока он мучительно медленно спускается по узкой лестнице, а его теплое молоко плещется в чашке то влево, то вправо. Внизу останавливаюсь, чтобы достать из полиэтиленового пакета три *вандр-варти* и разложить их на верстаке.

– Ворона.

– Точно.

Кейлум хмурит брови, наморщив нос.

– Гадкая.

– Это просто грязь. Помнишь, мы ходили к стоячим камням и шел такой дождь, что твои ботинки вязли в грязи? – Я поворачиваюсь к лестнице, прежде чем он успевает ответить. – Мне нужно сходить за мамой. Я приведу маму вниз, и все мы останемся здесь, пока буря не утихнет, хорошо?

Он снова хмурится. И на этот раз, когда над головой раздается очередной раскат грома, тоже вздрагивает.

– Это всего лишь гроза, Кейлум, – говорит Мэри. – Это просто шум. Нечего бояться, помнишь?

Она стоит на полпути вниз по лестнице, одна рука на перилах, другая на бедре. Взгляд у нее яростный.

– Мама права, малыш, – говорю я, приседая на корточки. Я не хочу, чтобы Кейлум боялся грозы. Только не из-за меня. – Просто прикольно спускаться сюда и играть, правда?

Он бросает на меня недоверчивый взгляд, словно копируя Мэри, а затем его пухлые щеки растягиваются в восхищенной ухмылке, когда он показывает на мои джинсы и куртку.

– Кет’сюп!

Я вспоминаю о крови только в тот момент, когда Мэри спускается до нижней ступеньки и останавливается рядом со мной.

– Роб… господи! – Она вскидывает руку, прикрывая рот.

– Это была овца, – бормочу я, оттаскивая ее от Кейлума за локоть. – Я просто нашел ее на пастбище.

– Какого черта ты не переоделся перед тем, как… – Она указывает на Кейлума, но тот все еще смотрит на кровь с едва скрываемым ужасом. – Господи, переоденься, Роберт!

– Ладно, ладно.

Я снова бегу к верстаку, возле которого на табуретке лежат футболка и комбинезон. Стягиваю с себя куртку, рубашку и джинсы, пока Мэри не решила отнести Кейлума наверх, и паника, как птица, бьется у меня в груди. Быстрее. Быстрее. Неужели Джимми тоже увидел кровь? Конечно, мрак и дождь не могли скрыть ее, но он ничего не сказал. Горечь подозрений возвращается, а вместе с ней и страх, что я схожу с ума. Разве это мог быть Джимми? Зачем ему убивать моих овец?

Кейлум хихикает.

– Папины тлусики!

Я застегиваю молнию на комбинезоне и пинком отправляю окровавленную одежду под верстак, прежде чем снова обернуться. Мэри молчит; она оглядывает подвал с таким напряженным, обеспокоенным лицом, какого я не видел уже несколько недель. Я знаю, что она уже приходила сюда. Просто не говорила со мной об этом. Пока.

– Кейлум, – наконец произносит Мэри. – Присядь вон туда, на папин табурет, и выпей молоко, пока оно не остыло, хорошо? Попроси папу помочь тебе забраться туда.

Я подсаживаю его на табурет и взъерошиваю ему волосы, после чего возвращаюсь к Мэри.

– Что мы здесь делаем, Роберт? – Она очень осторожна в обращении со мной. Я вижу, что она хочет закричать, но не делает этого.

– Так безопаснее. – Я не смею встретиться с ней взглядом.

– Это просто буря. Внутри дома с нами ничего не случится, ты же знаешь.

Не могу сказать ей, как я боюсь. Это не просто страх, это ужасная уверенность в том, что мы не можем оставаться наверху, пока гром гремит за окнами, а молния пытается проложить себе путь сквозь нас в болотистую землю. Пока шторм и море хлещут по стенам, пытаясь проникнуть внутрь, а овцы плачут от страха. Мэри не знает ни об Эндрю Макниле, ни об Ардшиадаре. Она не знает о той буре. Однажды я рассказал ей о своих родителях – достаточно, чтобы она поняла, что я хотел для Кейлума совершенно иного. Такого детства, которого у меня никогда не было. Но больше я ей ничего не рассказывал.

– Я же говорил тебе, – бормочу я. – Бури здесь совсем другие.

Вспоминаю, как несколько месяцев назад она обвинила меня в том, что у меня комплекс преследования относительно этого места. Может, мне стоит рассказать ей о том, что кто-то зарезал овцу? Может, стоит рассказать ей о том, что сегодня утром на гряде за кладбищем кто-то был? Наблюдал за мной и за овцами. Или о Джимми, который бродил в темноте возле нашего сарая?

Она щурит глаза и берет меня за руки, хотя они все еще в пятнах засохшей крови. Мэри никогда не была брезгливой, никогда не боялась столкнуться с чем-либо неприятным. Может быть, именно поэтому меня и потянуло к ней изначально…

– Роб. Пожалуйста. Здесь холодно. Мальчику нужно лечь спать.

Когда я не отвечаю, она до боли сжимает пальцы. Отступает назад, впивается в меня взглядом, в котором читается неодобрение. И все еще невысказанное, всегда невысказанное: «Ты говорил, что здесь будет лучше».

В Абердине тьма не просто сгустилась – она обрушилась на меня, точно цунами. И пока я пытался вынырнуть на поверхность, она унесла меня так далеко и так быстро, что, когда наконец смог остановиться, я уже почти не понимал, кто я – не говоря уже о том, где нахожусь. Мэри – вот кто спас меня. Она вытащила меня обратно на сушу. И я так и не смог объяснить ей, откуда это взялось, какое стихийное бедствие было этому причиной. Потому что не существовало ничего. Только глубокая, бездонная дыра внутри меня, которая хотела – требовала – вернуться домой.

– Фиона сказала, что между тобой и Чарли произошло что-то плохое, но он не говорил ни ей, ни Алеку, что именно. Чарли был очень добр к нам, Роб, и ты обещал мне. Ты обещал, что постараешься.

– Знаю.

И поэтому я никогда не смогу рассказать ей ничего из этого. Она не поймет, что для меня значит земля. Что такое *сёвэттир* и *ландвэттир*. Она не поймет, почему, увидев в розовом рассвете, как уходят отцовские суда, я отправился в Ардс-Эйниш. Злость – ярость – внутри меня росла, становилась все сильнее и сильнее, по мере того как каждый выстрел, каждый камень наталкивался на металлическое «нет» стальной клетки вокруг ламповой камеры. Она не поймет, что истина обитает в *тонких местах*. И что некоторые вещи, которым не должно быть места в этом мире, невозможно исправить. Что сила воли, желания – ненависти – может быть сильнее камня, пущенного из рогатки, сильнее стекла, металла или электричества. Или нет.

Я думаю о всех тех *вандр-варти*, которых закопал в той темной расселине в горах. О глазах моей матери, черных и диких, как море. «Никогда никому не рассказывай о том, что ты сделал».

Поэтому я могу мириться с гневом, беспокойством и даже недоверием.

Потому что под ними Мэри все еще любит меня, она все еще уважает меня. Она смотрит на меня этими спокойными, точно озеро, глазами и видит в основном того, кого хочет видеть.

– Папа, мне нужно пи-пи, – говорит Кейлум. Но это неправда. Я могу узнать, что ему нужно, чего он хочет, что он чувствует, зачастую раньше, чем он сам. Мэри говорит, что это сверхъестественная способность, но это не так. Я научил себя – заставил себя – всесторонне узнать своего сына, чтобы ни разу не ошибиться в

понимании его желаний, не обделить его заботой, не дать ему почувствовать, что он не самый важный человек в моем мире. Сейчас он просто хочет внимания, которого его лишило появление Мэри.

– Давайте я выключу эту яркую лампу, – говорю я, возвращаясь к верстаку. – У меня есть особый свет. Он тебе понравится, Кейлум. Он очень крутой. – Я перетаскиваю старый надувной матрас в центр маленького помещения и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Мэри, когда возвращаюсь за насосом. – У меня есть закуски, старый переносной телевизор. Электрическое одеяло на случай, если нам станет холодно.

– Включи свет, папочка! – восклицает Кейлум, ерзая на табуретке. – Включи крутой свет!

Я подхожу к Мэри, беру ее за руки.

– Пойдем, мамочка, – говорю я и удерживаюсь от поцелуя только потому, что она все еще злится, все еще не до конца оттаяла. – Будет весело.

Мэри вздыхает. И хотя в уголках ее рта мелькает улыбка, напряженные морщинки еще не исчезли до конца. Когда над головой раздается еще более громкий и близкий раскат грома, я заставляю себя не вздрогнуть, не замечать его.

– Только на этот раз, – соглашается она.

– Да! – кричит Кейлум.

Мэри поднимает его с табурета, и я испытываю слишком сильное облегчение, чтобы сразу же присоединиться к ним. Вместо этого смотрю на свои руки и наблюдаю за пальцами, пока они не перестают дрожать.

– Роберт. – Голос у Мэри одновременно усталый и резкий. Это снова напоминает мне о моей матери. – Какого черта на верстаке лежат три мертвые вороны?

Глава 23

– Алло-у?

– Алло, здравствуйте, алло… это… это Мэгги. Мэгги… Маккей.

– А. – Долгая пауза. – Да. В агентстве вам дали мой номер.

Через грязное окно телефонной будки я наблюдаю за парой, которая выходит из «Ам Блар Мор», держась за руки и смеясь.

– Вы меня помните?

Снова пауза, на этот раз более долгая.

– Помню.

Но это неважно, потому что я уже вспоминаю его. Я вижу его подмигивание, его ухмылку, его левый клык, больше чем на три четверти золотой, – как только слышу это «алло-у».

– Мне очень жаль, – говорит Гордон Кэмерон, когда я ничего не отвечаю. – Я слышал о вашей маме.

Понятия не имею, откуда он это знает; в крематории его не было, это точно, иначе он, возможно, вообще со мной не разговаривал бы.

– Вы ездили с нами на Килмери. Еще в девяносто девятом году. Вы были режиссером-документалистом?

– Верно. – Он слегка удивлен тем, что я спрашиваю.

– Итак… – Я сглатываю и надеюсь, что он этого не услышит. – Вы были режиссером… а также актером. – Я намеренно не хочу, чтобы это звучало как вопрос, и молюсь, чтобы он не ответил.

На этот раз пауза затягивается настолько, что я думаю – почти надеюсь, – что связь прервалась.

– Нет. Не был.

Мой желудок сжимается, и тяжесть внутри него перекатывается из стороны в сторону. Единственное, что мне удается произнести, – это «мама», сдавленное и жаркое.

– Она долгое время пыталась вызвать интерес, понимаете, – сообщает Кэмерон, не обращая внимания на мой тон. – Но ничего не вышло. Ваша мама всегда была так уверена в вас – в вас обеих; вы были совсем маленькой, но вы должны помнить. Все эти вечеринки, и вы ни разу не ошиблись в выбранной карте… Это было невероятно. Она просто хотела, чтобы мир тоже это увидел. К тому же вы ведь знаете, как она относилась ко всем этим телешоу про экстрасенсов.

Думаю, она надеялась, что если мы снимем это, то кто-нибудь захочет купить.

– Вы хотите сказать, что это она все организовала? Что вы не финансировали это? Что вы не имеете к этому никакого отношения?

– Ну, я, конечно, согласился. Но она заплатила мне. Она заплатила всем нам. Не знаю, откуда у нее взялись деньги, – возможно, она их откладывала… Просто это так много для нее значило, понимаете? Всегда значило.

И я знаю, что он говорит правду. Помню, как я сказала Келли, что режиссер, должно быть, был в отчаянии. Как много он поставил на недостоверность приходских записей и на зрелищность происходящего. На меня. Только в итоге он вовсе не был в отчаянии. И я вспомнила тот вечер с Уиллом в баре «Вид на гавань»; я рассказала ему, почему была так уверена, что мама не лгала: «Откуда она знала, что настоящее имя Роберта Рида – Эндрю Макнил?»

– Откуда мама знала, что кто-то по имени Эндрю Макнил жил на Килмери?

На этот раз пауза затягивается настолько, что я начинаю почти паниковать от необходимости заполнить ее.

– Потому что вы ей рассказали.

Эта старая память, такая острая… Сжатые кулаки, пересохшее горло, горячие слезы. Мама держит меня за руки и смотрит на меня с *той самой* светлой улыбкой.

– Вив была *особенной*, Мэгги, – продолжает Гордон. – И вы тоже. Она просто хотела, чтобы весь мир это увидел.

– Спасибо. – И я вешаю трубку, прежде чем он успевает попрощаться.

Я прислоняюсь к телефонной будке. Вспоминаю все те моменты, когда я сидела в постели, пока рассвет проникал сквозь шторы. Мама наклонялась ко мне в свете прикроватной лампы настолько близко, что я чувствовала запах розового крема для рук на ее коже.

«Не шевелись. Почти готово. Вот так! Все готово».

Какой сияющей она всегда выглядела в эти минуты! Какой живой, когда улыбалась и гладила меня по волосам… «Я так горжусь тобой, милая. Ты видела, как они все были впечатлены! Молодец!»

А я смотрела на инфракрасные контактные линзы, лежавшие в футляре на прикроватной тумбочке. Я думала о тех карточках с

невидимыми пометками в ящике журнального столика. «Но, мамочка, это была неправда».

«Нет, это была правда, милая. Конечно, была. – Тот же свет. Та же улыбка. – Но иногда даже самым *особенным* из нас нужна небольшая помощь».

* * *

Когда я возвращаюсь на Ардхрейк, пастбище пустует. Возможно, Уилл отогнал овец на запад, к берегу. Солнце стоит высоко, ветер в кои-то веки стих. Я слышу, как кто-то забивает деревянной колотушкой столб забора: эхо этих ударов – единственный звук, не считая птиц и волн. Весна действительно пришла. Бен-Уайвис сменил свой выгоревший оранжевый цвет на ярко-зеленый, и, насколько хватает глаз, *махир* охвачен буйством цветов: пурпурных, белых, розовых и желтых. Остров прекрасен, ярок и полон жизни в своем преображении, которое я и представить себе не могла в те первые темные и гнетущие недели февраля. Эта метаморфоза не прошла для меня даром: когда на прошлой неделе Уилл отвез меня на первый анализ крови в Сторноуэй, врач-терапевт сказал, что я «положительно расцвела», как будто мы были знакомы прежде, как будто он мог видеть, какой груз свалился с моих плеч.

Я могла бы подождать Уилла на ферме, но вместо этого отправляюсь в Блэкхауз. Стою в главной комнате, где солнечный свет окрашивает стены в бледно-золотистый цвет, и думаю о маме. Думаю о себе. Думаю о Роберте. И в тот момент, когда я смотрю на люк возле кухни, вспоминаю о двух ржавых ключах в ящике прикроватной тумбочки.

Я открываю ящик с некоторой тревогой, но новых мертвых птиц там нет. Ключи холодят ладонь, когда я прохожу через комнату и опускаюсь на корточки рядом с люком. Первый ключ подходит идеально, и требуется всего несколько сильных нажатий, чтобы провернуть его и открыть цилиндрический замок.

Я колеблюсь всего мгновение, прежде чем потянуть за утопленную стальную ручку. Может быть, в любой другой день я не стала бы туда заглядывать. Я не осмелилась бы. Но сегодняшний день

не такой, как все остальные. Сегодня 9 апреля, день, когда погибли Лорн и Роберт. А еще сегодня день, когда я окончательно смирилась с тем, что мама лгала. Ее фокусы, ее меченые карты, все эти годы обмана и все эти люди, такие же, как Гордон Кэмерон, всегда готовые поверить в ее фантазию, в любую фантазию. Конечно, он поверил маме. Я ей верила. Не помню, как говорила: «Kill Merry», потому что я никогда этого не говорила. Не помню, зачем мы сюда приехали, потому что этого хотела *не я*. Всю свою жизнь я так или иначе плясала под ее дудку, даже когда знала, что это ложь, – когда видела это собственными глазами. Я никогда не забывала, что знала это; просто притворялась.

Люк выходит на крутую и узкую деревянную лестницу, быстро исчезающую в темноте. Я уже достаю телефон, но потом вижу выключатель, вмонтированный в кирпичную стену. Вспыхивает свет – не просто неожиданный; он яркий, как дневной, настолько, что заставляет меня вздрогнуть. Паутина щекочет мне кожу и путается в волосах, пока я медленно спускаюсь по ступенькам, стараясь не ослабить хватку на шатких старых перилах.

Погреб больше, чем обычный подвал, но не намного. Пол в нем земляной, а стены из белого кирпича, потрескавшегося и грязного. Здесь прохладно и пахнет торфом. Почувствовав легкое дуновение ветерка, я поднимаю взгляд вверх, туда, где вертикальная стальная труба исчезает в отверстии в стене под самым потолком. Странно, но именно это отверстие, темное и рваное, а не тесное помещение без окон вызывает у меня чувство клаустрофобии.

Я медленно брожу по комнате, прикасаясь к стенам; на ощупь они сухие и шершавые. Вдоль одной стены тянутся длинные деревянные полки, а у противоположной стоит верстак, заваленный инструментами и емкостями с гвоздями и шурупами. Я провожу пальцами по густой пыли на верстаке, трогаю давно заржавевшие инструменты: молоток, пилу по дереву, желтую и черную отвертки.

Несмотря на яркий свет в комнате, я дохожу почти до последнего угла, прежде чем вижу перед собой большую массивную фигуру. Отступаю назад не столько от испуга, сколько от удивления – хотя нельзя отрицать, что под слоями синего брезента фигура напоминает по высоте и ширине рослого человека. Мое сердце бьется слишком сильно, когда я протягиваю руку и снимаю брезент. От пыли начинаю кашлять.

Это маяк. Сделанный из фанеры и паяного металла, на его вершине – большой светильник, похожий на лампу прожектора. Когда я снова отступаю назад и смотрю на него чуть дольше, мой желудок сжимается. Башня выкрашена в белый цвет. С охристой каймой. Ламповая камера черная. Вокруг – большая металлическая клетка. Это маяк Ардс-Эйниш.

Задняя часть клетки открыта. Я нащупываю за ней выключатель фонаря. Когда двигаю его влево и вправо, ничего не происходит; батарея, несомненно, давно села. Что-то на белом потолке над клеткой привлекает мое внимание: бледно-желтый силуэт, пробуждающий воспоминания из моего детства. О том, как мама читала мне сказки, пока я лежала в теплой постели.

У подножия лестницы расположен второй выключатель. Я колеблюсь совсем недолго, прежде чем нажать его и снова погрузить помещение в темноту.

Дыхание громко клокочет в груди, в горле. Весь потолок усыпан светящимися в темноте звездами. Их сотни. Достаточно многие из них складываются в знакомые мне созвездия, чтобы я догадалась: именно таким было ночное небо над Килмери двадцать пять лет назад. Глаза щиплет и жжет; ком в горле мешает сглотнуть. *Роберт*.

Я сажусь на ступеньку погреба и смотрю на звезды; их сияние медленно тускнеет и угасает. Это место должно было стать своего рода мемориалом? Или местом исповеди? Может быть, даже покаяния? Или это было что-то вроде его *вандр-варти* – средство против призраков? Потому что эта забытая, темная комната без окон – место, где находится Роберт, место, которое он населяет.

Я думаю о том, как он смотрел на мир со своего луга, неулыбчивый и непроницаемый. Я думаю о мемориале в Ардшиадаре и об этих скорбных тюлевых занавесках, развевающихся на ветру, словно призраки. Фиона была права. Понять жизнь Роберта и его смерть – значит понять, кем он был. Мальчик – впоследствии мужчина, – который верил, что по его вине затонули те суда, погибли те люди. Мальчик, который был зол, который ненавидел своего отца и поэтому обстреливал камнями маяк высотой в сто футов. Может, Роберт и вправду верил, что разбил тот фонарь на Ардс-Эйниш, а может, ему было важно лишь то, что он хотел этого. Не в этом ли, в конце концов, заключается вина? Не столько в том, что мы делаем,

сколько в том, что хотим сделать? В тех поступках, которые мы хотели бы совершить – и знаем это?

Возможно, я никогда не выясню, откуда мама узнала об этом месте, об Эндрю Макниле. Я не могу спросить ее. Я никогда не смогу спросить ее. Но мне больше не придется плясать под ее дудку, и в этом заключается освобождение. Потому что это больше не имеет значения. Я была права тогда, много недель назад: эта история не про Роберта. Она про меня. Не про ту меня, что приехала на этот остров двадцать лет назад, обученная очередной лжи, очередному трюку, подобному тем меченым игральным картам. И даже не про ту меня, которая видела демона, пытавшегося забраться в гроб матери. Но про ту меня, которая рыдала, вытряхивая таблетки на ладонь. Про ту меня, которая верила, будто тот факт, что я поселилась в том же доме, где некогда жил Роберт, – это знак того, что я перевоплотилась, а не просто совпадение, ничуть не удивительное в такой крошечной деревушке. Про ту меня, чья потребность в отпущении грехов заставляла отчаянно верить. Потому что меня учили лгать. И научили верить в то, что это правда. И это то, что не может исправить измученный и давно умерший человек. Потому что это убого. И пора остановиться.

Я позвонила Гордону Кэмерону лишь потому, что сумела убедить себя, будто узнать правду – о маме, о Роберте, обо мне – не значит потерять то счастье, которое я обрела здесь. Но невозможно отрицать облегчение, которое я ощутила на фоне разочарования и стыда. Я не особенная. Я не избавлена от ошибок. Я не сделала правильный выбор.

И я не реинкарнация Эндрю Макнила. Мы не похожи. Или, по крайней мере, не должны быть похожи. Чувство вины искалечило Роберта. Возможно, оно даже убило его. И, возможно, именно поэтому я приехала сюда. Чтобы понять, что я могу жить со *своим* чувством вины.

Я встаю, поднимаюсь по лестнице прочь из погреба. Останавливаюсь у порога и смотрю вниз на звезды, на темную громаду маяка. И думаю о ярком весеннем сиянии над головой: зеленом и белом, розовом и желтом.

«Прощай, Роберт».

И я оставляю его покоиться с миром.

* * *

Уилл едва успевает войти в дверь фермерского дома, прежде чем я бросаюсь к нему. Он крепко обхватывает меня обеими руками, одновременно протестуя против моих поцелуев, а мои нетерпеливые пальцы хватаются за пуговицы его куртки.

– Эй, я грязный… Боже!

Он произносит последнее слово, когда я стягиваю с него куртку через голову, прихватив заодно и джемпер. Когда перехожу к пряжке его ремня, он громко смеется и притягивает меня к себе крепче, чем раньше. Так крепко, что на какое-то мгновение я теряю способность дышать.

– Господи, Мэгги, – говорит он мне в губы. – Если тебя возбуждает *eau de ewe*[34], то с этого момента я буду гораздо больше наслаждаться днями, проведенными в поле.

Я откидываюсь назад и смеюсь – возможно, впервые за долгое время смеюсь по-настоящему. Обхватываю ладонями его красивое, теплое лицо. Мне жарко, я чувствую себя бодрой и живой. И инстинктивно понимаю, что все это не плохо. Все это не страшно. Все это – не предвестник приступа мании, бреда или психоза. Все это – не дурная надежда.

– Я собираюсь помочь Чарли с заготовкой торфа.

Глаза Уилла расширяются.

– Ты уверена? Это тяжелая работа.

Я прижимаюсь к нему, чувствуя, как в моем животе отдается его смех.

– Думаешь, такая городская девушка, как я, не справится?

Он улыбается, прижимается своим лбом к моему.

– Я думаю, что ты можешь все.

Я целую его еще раз, яростно и быстро.

– Я не хочу возвращаться.

Улыбка Уилла исчезает, и он замирает.

Мое сердце начинает биться еще сильнее.

– Я могу работать по найму. Когда закончатся мамины деньги. Я хочу остаться. Здесь. С тобой.

Потому что, какой бы ни была правда, стоящая за уродливой судьбой Роберта, она не будет моей.

– Если ты захочешь, конечно. Потому что я все еще слишком боюсь быть счастливой.

– Если я захочу? – Уилл качает головой, выражение его лица вдруг становится таким суровым, что я с тревогой думаю, не поняла ли я все это совершенно неправильно. – Мэгги… Каждый день я трачу все свои силы на то, чтобы не просить тебя остаться.

Я прижимаю ладонь к его груди, где колотится его сердце – сильнее, чем мое.

– Я тоже буду для тебя хорошей. – Мои глаза щиплет от слез. – Обещаю.

Вся суровость растворяется в одной из его медленных, непринужденных улыбок.

– Я люблю тебя, Мэгги Маккей.

И хотя он говорит это не в первый раз, я впервые позволяю себе в это поверить.

– Я люблю тебя, Уилл Моррисон. – И впервые отвечаю ему тем же.

Глава 24

Месяц спустя, в первый день заготовки торфа, рассвет ясный и солнечный. Я иду по направлению к Бларморе без Уилла; торфяники Моррисонов тянутся в сторону Особняка и Большого пляжа. Болота по обе стороны от Гробовой дороги уже заполнены десятками смутно различимых в отдалении фигур, которые наклоняются и выпрямляются, перекрикиваясь в утренней тишине. Весь Килмери полон народа и движения, и, хотя это кажется странным и новым, это также хорошо, волнительно.

Я замечаю Чарли по другую сторону дороги от церкви, Келли рядом с ним, и они оба машут мне руками. Даже церковь сегодня кажется светлее; ее пустые окна и покрытые лишайником пристройки смотрятся не столько угрожающими, сколько усталыми. Во многом это связано с двумя фигурами из папье-маше в человеческий рост, прислоненными к главной двери: обе розоволицые и краснощекие, в килтах, непромокаемых плащах и беретах с помпоном. Одна держит пару волынок, другая – аккордеон.

Болото под моими ботинками на удивление твердое. Я добираюсь до Келли и Чарли меньше чем за минуту и понимаю, что Мико тоже здесь – сидит на корточках в узкой канаве и уже вся в грязи.

– Мы собирались отправить за тобой поисковую группу, правда, Келли? – говорит Чарли.

– Ага. – Та ухмыляется, вытирая лоб рукавом рубашки.

За последний месяц я виделась с Чарли множество раз, но ни разу не спросила его, почему он солгал мне насчет Роберта, – ведь тот назвал ему свое полное имя и поведал о том, что, по его мнению, он сделал в Ардшиадаре. Люди лгут по разным причинам, и не все из них плохие. И большинство из них не имеют никакого отношения к тому, *кому* они лгут. Чарли так многое мне подарил… Несколько месяцев назад этого было недостаточно. А теперь – да.

– Извините, но это самое раннее время, когда я проснулась за последние несколько недель, – отвечаю я. – Привет, Мико. Как дела?

– Хорошо, – отзывается она, хотя ее улыбка немного тускнеет. – Сезон на раскопках почти закончился, и большинство студентов вернулись в Глазго. Феми и еще несколько человек остались, чтобы

прикрыть траншеи и подготовить оборудование к отправке, – вот я и подумала, что смогу быть полезной здесь.

Это значит, что ни на южном хребте, ни в первоначальном кургане не было найдено ничего из того, на что она надеялась.

– Мне жаль.

Мико пожимает плечами и улыбается мне.

– Это археология. Летом мы отправимся на Северный Рональдсей; может, там нам повезет больше…

– Привет, Мэгги! – кричит Донни с соседнего торфяника, который уже изрядно раскопан. С тех пор как Уилл сказал ему, что я остаюсь, отношение Донни ко мне настолько потеплело, что мы даже выпивали вместе в «Ам Блар Мор», когда Уилла не было рядом.

Брюс – один из тех, кто копает торф. Он оглядывается и машет рукой, прежде чем отрезать квадратную плиту размером в фут, которую Джиллиан подбирает и бросает сыну, а тот складывает ее на уже заваленную такими же плитами насыпь над траншеей.

– Делай то же, что и Донни, – говорит мне Чарли, помогая спуститься. – Я буду резать, Келли – бросать, а ты поможешь доктору Окицу укладывать.

– Да, сэр.

– Когда ты дашь мне поработать лопатой, Чарли? – говорит Келли.

– Лопатой? – рычит Чарли. – Это *тарашгир*, как тебе хорошо известно. Он принадлежал моему отцу, и его отцу, и его отцу до него, как и этот торфяник. – Наклоняется вперед и погружает стальное лезвие глубоко в темный слой торфа. – И если ты думаешь, будто у тебя что-то получится, то тебя ждет еще одно неприятное открытие.

– Для чего они? – спрашиваю я, указывая на две фигурки из папье-маше перед церковью.

– Это Шуг и Хэмиш, – говорит Келли, протягивая руки вниз, чтобы поднять толстый кусок торфа, по цвету и консистенции напоминающий шоколадную помадку. – Их ставят здесь каждый раз, когда собирают торф.

Чарли смотрит на семейство Маккензи.

– Мэгги хочет знать, для чего они нужны! – кричит он, показывая большим пальцем в сторону церкви. Смех соседей громким эхом разносится по болоту, зажатому среди крутых и каменистых предгорий Бен-Уайвиса.

– Хорошо, – говорю я, забирая у Келли торфяную плиту. Она на удивление тяжелая и пахнет старыми мокрыми листьями. К тому времени как я бросаю ее на край насыпи, мои руки и кисти покрываются слоем густой коричневой грязи. – Но для чего они все-таки нужны?

Чарли с суровым выражением лица направляется ко мне через траншею.

– Ты пришла помогать или просто задавать глупые вопросы? – интересуется он и протягивает мне пару резиновых перчаток длиной до локтя.

– Эй, – кричит Келли. – Как так получилось, что у нее есть перчатки?

Маклауд вкладывает их мне в руки, на краткое мгновение сжимая мои пальцы. Его улыбка столь же коротка.

– Спасибо, что ты здесь, Мэгги, – бормочет он так тихо, что я едва его слышу.

* * *

Более пяти часов мы копаем, режем, бросаем и складываем. Мы с Мико копируем приемы Донни, заполняя верх канавы одним слоем срезанного торфа, а затем укладывая следующий по диагонали к краю насыпи, так что получается зубчатая кайма – как хребет дракона. Как только Маккензи заканчивают, они приходят нам помочь, и в итоге Чарли и Брюс нарезают столько, что нам приходится выбрасывать последние плиты за край насыпи.

Наконец Маклауд вытирает испачканное торфом лезвие своего *тарашгира* о вереск.

– Хороший денек выдался!

– В паб! – восклицает Келли, когда Донни помогает ей выбраться из траншеи.

У меня все болит. Я чувствую себя невероятно грязной. Послеполуденный ветерок остужает пот на моей коже, вызывая зуд. Я снимаю перчатки, которые дал мне Чарли, а потом Донни протягивает руку, чтобы помочь вылезти и мне.

– Спасибо, – говорю я. – Пойду приму душ, увидимся там.

– Душ запрещен, – возражает Келли, взяв меня под руку и пожимая плечами. – Прямо из канавы на вечеринку, таковы правила.

– А почему вечеринка именно сегодня? – Я оглядываюсь на штабеля торфа. – Мы ведь еще не закончили?

– Нет, – говорит Джиллиан. На ее лице от линии волос до подбородка красуется густой коричневый мазок грязи. – Но нужно несколько недель, чтобы торф достаточно высох и его можно было собирать и укладывать обратно. А для некоторых людей, прибывших помочь, это первый приезд сюда за год.

– Окончательный сбор торфа – это совсем другой праздник, – говорит Донни, прежде чем одарить меня еще одной своей ухмылкой, озорной и круглощекой. – Таким образом, у нас их получается два.

– К тому же завтра тебе будет чертовски больно передвигаться, – добавляет Брюс, подмигивая мне. – И единственное, что может тебе помочь, – это уйма виски.

* * *

В пабе остались свободны только стоячие места. Я никогда не видела его таким многолюдным. Я узнаю́ гораздо меньше лиц, чем обычно, и предполагаю, что бо́льшая часть жителей Урбоста и их обширные семейства тоже здесь. Все выглядят так же, как и я, – потные, усталые и грязные, – а в зале пахнет торфяным болотом.

– Большой бокал белого вина, да? – спрашивает меня Чарли, неодобрительно скривив губы.

– Спасибо, Чарли.

– Ага. – Он кивает в сторону бильярдного стола. – Твой мужчина там.

Когда Уилл замечает меня, он машет мне рукой и сексуально ухмыляется, а я улыбаюсь в ответ, даже не заботясь о том, что выгляжу, вероятно, еще хуже, чем себя чувствую.

– Я помогу Чарли, – с улыбкой говорит Мико.

– Черт! – выдыхает Келли, хватая меня за локоть. – Там Дэвид Кэмпбелл! Теперь, когда ты поймала единственного подходящего холостяка на всем острове, он – мой последний вариант. Пойдем. – Она уже тянет меня за собой. – Он такой горячий мужчина! Впервые за

бог знает сколько времени он вернулся, и ты только посмотри, в каком я ужасном виде!

Я смеюсь:

– Ты отлично выглядишь, Келли.

Дэвид стоит с Корой, Юэном, Уиллом и женщиной, которую я не знаю. Когда мы подходим к ним, Уилл делает шаг вперед и обнимает меня за плечи.

– Ребята, познакомьтесь с Мэгги. Моя девушка. – Он подмигивает мне. – Мэгги, это моя сестра, Хизер, и мой хороший друг, Дэвид.

Я чувствую, как горят мои щеки, когда Хизер заключает меня в крепкие объятия и сжимает мои руки.

– О, я наслышана о тебе, Мэгги. Уилл не умолкает, рассказывая про тебя. Это похоже на чудо: вечного холостяка наконец-то выманили из его отшельничества! Я какое-то время беспокоилась, что он в конце концов сойдется с одной из своих овец… – Смех у нее такой же звонкий и красивый, как и голос, а улыбка щедрая. Она похожа на женскую версию Уилла: бледная кожа, темные волосы и ярко-голубые глаза.

– Мэгги, можем мы предложить тебе выпить? – спрашивает Юэн.

Уилл уже рассказал мне, что Моррисоны всегда нанимают для сбора торфа рабочих из Льюиса, однако безупречно выглядящие Юэн и Кора слишком резко выделяются на фоне грязного, ликующего паба. Отсутствие сына Юэна, Иэна, тоже бросается в глаза, и когда я смотрю на Юэна, всегда такого приветливого, по-собачьи доброжелательного, обнимающего улыбающуюся жену, то с трудом сдерживаюсь, чтобы не заключить его в неуместно крепкие объятия.

– Всё хорошо, спасибо. Чарли принесет мне вино.

– Славно, что вы с Келли так поступили, – замечает Юэн. – Помогли Чарли сегодня… Никто никогда не хочет просить об этом.

– Особенно если этот «никто» – Чарли Маклауд, – уточняет Дэвид. Он смеется и протягивает мне руку, после чего целует меня в обе щеки. – Очень приятно познакомиться с тобой, Мэгги.

Келли не преувеличивала. «Золотой мальчик» Айлы именно таков, как она расписывала: высокий и широкоплечий, с густыми светлыми волосами и такой рельефной челюстью, что мне сразу же хочется по-подростковому захихикать.

– Я рад, что ты делаешь моего лучшего друга счастливым, – говорит Дэвид.

– О, как красиво сказано, Кэмпбелл, – насмехается Келли. – Неужели в наши дни это считается хорошим тоном в Чаринг-Кросс?

– Вообще-то, я сейчас в Вест-Энде.

– Жаль, – отмечает Келли. – Я надеялась переехать обратно в Кельвинбридж в ближайшую пару месяцев. Теперь мне придется все переосмыслить.

– Рад тебя видеть, Келли. – Он смеется и придвигается ближе, чтобы обнять ее. – Ты выглядишь потрясающе.

Келли стойко пытается сохранить спокойствие, но, когда он отпускает ее, щеки у нее становятся ярко-розовыми. Она откашливается.

– Ты тоже приедешь на сбор торфа?

– Джимми и Джаз предложили помочь маме. – Он кивает в сторону места, где Айла – в грязном полукомбинезоне и самой огромной, самой потрепанной шляпе, которую я когда-либо видела – сидит с полудюжиной других женщин вокруг длинного овального стола. – Но да… – Дэвид одаривает Келли широкой улыбкой с ямочками на щеках. – Я еще вернусь.

– Ты сегодня просто напичкан плохими новостями, – констатирует Келли. Она смотрит на Чарли и Мико, возвращающихся от барной стойки. – А еще мне не очень хочется, чтобы Антониус Проксимо командовал мной еще целый день.

– Что ты несешь, девочка? – хмуро спрашивает Чарли, передавая нам вино.

– Это из фильма «Гладиатор», Чарли. – Келли закатывает глаза, заставляя меня рассмеяться. – Даже такой древний динозавр, как ты, должен был видеть «Гладиатора».

* * *

Когда вечер клонится к ночи, в зале накрывают шведский стол с горячими закусками. Несмотря на то, что сейчас уже девять вечера, солнце светит в окна паба, и кажется, что лишь недавно миновал полдень. Несколько часов за крепкой выпивкой вдохнули в

большинство людей новые силы, и, когда Донни и остальные участники *кейли* располагаются в углу бара, все приветствуют их с энтузиазмом.

Я, однако, выдохлась – этакая приятная усталость до самых костей, которая заставляет меня тосковать по постели. Когда люди начинают вставать, чтобы потанцевать, я смотрю в сторону барной стойки, где на табурете сгорбившись сидит Чарли.

– Пойду посмотрю, как там Чарли, – говорю я Уиллу, а затем с удовольствием покидаю танцпол.

Джимми стоит, облокотившись на стойку, в руке у него пустой стакан из-под виски. Увидев меня, он выпрямляется и кивает на Чарли.

– Может, ты сможешь развеселить этого угрюмого старого хрыча, – говорит он.

Это звучит крайне грубо, но я все равно благодарна ему за спасение с Холлоу-Бич и за то, что он ни разу не ткнул меня носом в то, что мне понадобилось это спасение. К тому же, возможно, он прав. Плечи Чарли ссутулены и опущены, как будто на них лежит вся тяжесть мира. И в то время как мои щеки болят от многочасовых улыбок, его губы плотно стиснуты, сведены в недобрую гримасу.

– Это же Мэгги! – декламирует он скорее с оскалом, чем с улыбкой. Берет мои руки в свои холодные мозолистые пальцы, и я понимаю, что он пьян – очень пьян. Глаза у него красные и расфокусированные. – Я сказал спасибо за сегодняшний сбор торфа? Потому что Мойра утверждает, будто я никогда не говорю спасибо. – Он качает головой. – И я… я…

– Всё в порядке, Чарли. Ты сказал.

– Я благодарен тебе, Мэгги. Правда. – Маклауд стучит костяшками пальцев по барной стойке. – Джимми, еще один «Талискер» сюда.

– Эй, – восклицаю я, успевая схватить его за плечи, пока он не потерял равновесие и не свалился с табурета. – Почему бы нам не посидеть немного за тем столиком?

– Да. Хорошо.

К тому времени как мне удается снять его с табурета и усадить за стол, группа начинает очень громкую и очень быструю мелодию «Baba O’Riley». Я оглядываюсь и вижу невероятное зрелище: Айла, теперь

уже без шляпы, играет на пианино с такой же энергией, как Донни на своей волынке.

– Я был дерьмовым мужем, – заявляет Чарли, как будто в нашем разговоре не было никакого перерыва. Он сжимает руки в кулаки. – Я обращался с Мойрой как с дерьмом.

– Чарли…

– Это была моя вина. – Его взгляд ненадолго останавливается на мне, а затем снова ускользает, и он делает судорожный вдох. – У меня был роман, ты знаешь. Прямо здесь. Прямо у нее под носом.

– Не думаю, что тебе сто́ит мне это рассказывать.

Потому что его волнение становится осязаемым, и даже до того как он повышает голос, слишком многие люди смотрят на нас.

– Мне жаль. Прости меня, девочка. – Маклауд делает видимое усилие, чтобы сесть, расправить плечи. – Я старый пошлый ублюдок. – Он вздыхает, проводит указательным пальцем под носом. – Сбор торфа, все приезжают… возвращаются… – Он задремывает на несколько секунд, а потом моргает. – Это место становится другим, понимаешь? Наше прошлое, все те, кто ушел, становятся немного ближе к нам.

Я вспоминаю наш первый разговор на Лонг-Страйд под теми печальными каменными мемориалами.

– *Тонкое место*.

Перемена в Чарли происходит мгновенно. Его тревога настолько ощутима, что сразу же заражает меня – холодное, звенящее беспокойство, от которого у меня на затылке встают дыбом волосы. Слезы в его глазах заставляют меня почувствовать себя еще хуже.

– Черт. Прости меня. Что я…

– Я не сказал тебе всю правду, Мэгги. Я не сказал тебе всю правду.

– Знаю. – Я беру его руки в свои и сжимаю. – Но послушай, это неважно. – Я вспоминаю мамину улыбку. «Не верь никому. Они все лгут». А потом она исчезает. Как шепот, который я не расслышала. – Правда – это еще не всё, Чарли. Это даже не самое важное. Прошлое остается прошлым, как бы близко оно ни было. Ты помог мне понять это. – Я пытаюсь улыбнуться. – И Роберт, наверное, тоже.

– Я знал правду, – повторяет Чарли, как будто я не произнесла ни слова. – Я хотел, чтобы ты написала эту историю… я хотел помочь тебе написать эту историю… потому что я знал правду.

– Чарли, – отвечаю я и сильно стискиваю его руки, но ничего не могу с собой поделать. Мне нужно, чтобы он остановился. Мне нужно, чтобы он не говорил мне ничего способного поставить под угрозу все обретенное мною здесь. Все выбранное мною в последние недели. Позади нас «Baba O'Riley» достигает оглушительного крещендо. – Пожалуйста, не надо…

Чарли без предупреждения резко привлекает меня к себе. Дыхание у него теплое и резко пахнет виски.

– Я знаю, кто это сделал, Мэгги, – говорит он. Его глаза вдруг становятся очень ясными. – Я знаю, кто убил Роберта.

Когда дверь паба распахивается с громким и резким звуком, похожим на выстрел, Чарли вздрагивает и отпускает меня. Мой стул откидывается назад на двух ножках. Музыка затихает, завывание волынки Донни обрывается возмущенным визгом, и в наступившей тишине Феми смотрит на всех нас из продуваемого ветром, залитого солнечным светом дверного проема. Я нутром понимаю, что что-то случилось. Он потерял всю свою лондонскую развязность. Лицо у него напряженное, почти комически встревоженное; он осматривает комнату с каким-то отчаянием.

– Феми? – окликает Мико, становясь между ним и барной стойкой.

Он смотрит на нее с некоторым облегчением.

– Мико…

– Что случилось? Ты в порядке?

– Нет. Я… мы… – Он качает головой.

– Что стряслось?

Феми делает долгий, судорожный вдох. Потом еще один.

– Мы нашли тело, – сообщает он тихо, почти шепотом, но я все равно умудряюсь расслышать. Чарли замирает рядом со мной, костяшки его пальцев внезапно становятся белыми от напряжения. – На раскопках. Мы… мы нашли тело, Мико.

И я понимаю, что он имеет в виду не «болотного человека», которому три с лишним тысячи лет.

Роберт. Я вижу, как он, не улыбаясь, стоит на фоне зеленого склона холма.

– Это выглядит, как… – Феми, кажется, только сейчас замечает, что все смотрят на него. Он словно съеживается, пригибается, как бы

готовясь к тому, что его ждет – как он сам считает. Его взгляд скользит по Чарли и мне, а затем он переключает внимание исключительно на Мико. – Это ребенок.

Глава 25

Мы с Уиллом возвращаемся в паб два дня спустя. Дождь холодный и сильный, небо и море грязно-серого цвета. Мы держимся за руки, но молчим. На дороге, не считая нас, никого. Открытые торфяные насыпи с зубцами, похожими на драконий хребет, выглядят как укрепленные земляные сооружения, словно остров находится в осаде. Последние два дня мы, разумеется, провели на ферме так, словно действительно заперлись от кого-то. Много занимались сексом. В основном, как я подозреваю, потому, что это отвлекает от необходимости говорить. И если б я чувствовала себя менее несчастной, это был бы наш способ сказать друг другу: «Я люблю тебя» или «Я здесь» без необходимости объяснять важность этих фраз. Без необходимости упоминать вслух о мертвом ребенке.

Но я чувствую себя несчастной. Из моего счастья выпустили весь воздух, и, как бы эгоистично это ни звучало, я чувствую себя обманутой. Я разочарована хрупкостью этого счастья, в то время как мне казалось, будто оно наконец-то пришло, чтобы остаться. Я привыкла видеть знаки во всем; по иронии судьбы, это был один из *предупреждающих знаков* доктора Абебе. Наверное, потому, что я редко замечала их, когда была спокойна, когда контролировала ситуацию. Сегодня, когда мы идем под низкими мокрыми облаками и в промозглом холоде, я вижу эти знаки повсюду, и не только на торфяниках. Я вижу их в отвратительной погоде и в нашем молчании. В темных тенях Горы Ужаса и Долины Призраков, в неистово трепещущей сине-белой полицейской ленте, натянутой поперек дороги к кладбищу и Клух-Ду, и в пронзительных криках ворон, вернувшихся к разрушенной церкви. Такое ощущение, будто закончилось все, что только-только начиналось.

В пабе не так много народу, как я ожидала, и это радует. Юэн кивает нам из-за длинного стола, установленного напротив барной стойки. Именно его призыв заставил нас выйти из изоляции – и, судя по негромкому и тревожному ворчанию, не только нас. Рядом с ним сидит женщина-полицейский в черных брюках и просторном черном кителе с белой надписью «Полиция Шотландии» под лацканом, а двое мужчин в серых костюмах стоят у стены позади них. Один из них –

детектив-констебль «Зовите меня Локки» Скотт, который пришел в «черный дом» на следующее утро после пожара.

Я отмечаю, что здесь нет никого из Урбоста или других мест. И никого из родственников, помогавших местным в уборке торфа. Уилл сказал, что Хизер и Дэвид уехали в аэропорт Сторноуэя в воскресенье, как только полиция дала добро. Археологов тоже нет. Интересно, их попросили держаться подальше? «Потому что мы единственные, кто может что-то знать», – думаю я, обводя взглядом наполненный ропотом зал. И только потом понимаю, что «мы» ко мне не относится. Разочарование вместо облегчения, которое я испытываю по этому поводу, говорит о том, насколько это место стало для меня домом.

Уилл машет Коре, которая сидит рядом с Юэном за длинным столом, крепко сцепив руки на коленях. Мы направляемся к семье Маккензи, сидящей за своим обычным столом. Келли я не вижу; возможно, она наверху с Фрейзером. Брюс кивает, когда мы садимся; Джиллиан коротко улыбается нам. Макдональдов здесь нет. Это само по себе кажется зловещим. Словно прочитав мои мысли, Донни наклоняется к нам, глубоко нахмурив брови:

– Алек возвращается с буровой.

Невысказанные слова. Убежденность в том, что мертвый ребенок должен быть Лорном. Очевидное предположение. Он – единственный ребенок, который когда-либо пропадал без вести. Я думаю о том маленьком памятнике над Лонг-Страйдом.

Я смотрю в другой конец зала, где Чарли сидит с Айлой, Джазом и Джимми. Должно быть, он заметил, как вошли мы с Уиллом, но сейчас Маклауд упорно смотрит на длинный стол, на черно-белое клетчатое кепи женщины-полицейского и связку бумаг рядом с ней.

Юэн откашливается.

– Ладно, давайте приступим. – Он поворачивается к женщине-полицейскому. – Это инспектор Линн Аркарт. Я…

Юэн выглядит бледным и усталым. Он тяжело садится, не закончив фразу.

Инспектору Линн Аркарт около сорока лет, у нее аккуратно и коротко подстриженные темные волосы и круглое дружелюбное лицо.

– С большинством из вас я, конечно, уже встречалась. Мне очень жаль, что мы оказались здесь при столь тяжелых обстоятельствах, но, я уверена, вы понимаете, что мы должны задать вам несколько вопросов.

Джимми встает.

– Это Лорн Макдональд? – Она поджимает губы, кладет руки на стол и подается вперед.

– Да. Анализ ДНК показал, что тело, которое мы извлекли из раскопа на Клух-Ду, принадлежит Лорну Макдональду.

Зал не разражается криком, но испускает общий вздох. Айла прижимает руку ко рту, подавляя всхлип.

– Я знаю, что это тяжело, – продолжает инспектор Аркарт. – Но, очевидно, нам нужно установить, как умер Лорн и почему он был похоронен на этом острове, хотя предполагалось, что он утонул в море.

Она выходит из-за стола и идет к центру зала.

– Начальные результаты вскрытия не позволили установить причину смерти, и, хотя мы ждем результатов лабораторных исследований, есть вероятность, что судебно-медицинская экспертиза не установит причину смерти. Это значит, что мы должны поговорить со всеми, кто жил здесь в апреле тысяча девятьсот девяносто четвертого года. Через несколько минут мои коллеги, детектив-сержант Манро и детектив-констебль Скотт, начнут заслушивать показания свидетелей. Это займет некоторое время, поэтому мы будем благодарны вам за терпение. И пожалуйста, пока вы ждете, не обсуждайте друг с другом никаких подробностей – за это мы тоже будем вам признательны.

Она обводит взглядом зал.

– Любой, кто хочет поговорить со мной конфиденциально, может это сделать. Позвоните в полицейский участок Сторноуэя и назовите меня по имени. Все, что вы скажете, будет рассматриваться как абсолютно конфиденциальная информация. – Инспектор долго молчит, затем складывает руки на животе и возвращается к столу. – Все, кто не жил здесь в девяносто четвертом, могут покинуть помещение.

Уилл вздыхает.

– Я останусь с мамой, – говорит он. – Она сегодня неважно выглядит.

– Хочешь, чтобы я тоже осталась? – спрашиваю я, молясь, чтобы он сказал нет. Хотя дождь уже вовсю бьет по окнам, мне вдруг хочется оказаться где угодно, только не здесь.

Уилл коротко улыбается и качает головой.

– Тебе лучше вернуться на ферму. Я вернусь, как только смогу.

Чарли проходит мимо нашего столика, направляясь к туалетам, и я вскакиваю.

– Чарли!

Он поворачивается и отстраняет меня ладонью, продолжая шагать неуверенной шаткой походкой. Я чувствую, как от него исходит тревога.

– Чарли! – Но я позволяю ему уйти, потому что мне невыносимо видеть его страдания. Я не могу усугубить их. Спросить его о том, что он знает, о том, что он скрывал все это время. Потому что я так и не смогла забыть, какими прозрачными были его глаза в ту ночь в пабе: «Я знаю, кто убил Роберта».

* * *

Когда я возвращаюсь на ферму, едва наступает пятый час дня, но небо уже окрашено в сумеречный цвет, и повсюду лежат тени. Дождь ослабевает, превращаясь в тонкий влажный туман, который колышется и шевелится, как те тюлевые занавески. Я на мгновение останавливаюсь на дороге, глядя на запад. Полицейская лента оторвалась от одного из старых столбов ворот перед кладбищем; она развевается и бешено хлопает на ветру, как привязанная птица.

Феми сказал, что в ходе заполнения траншеи северный край обвалился, обнажив тело. Я помню, как он говорил мне в феврале, что все выглядело так, будто кто-то копался в раскопе ночью. Грязные следы и сдвинутый брезент. Земля вокруг недавно раскопанной части основного кургана была потревожена. В этом есть смысл, если кто-то боялся, что при раскопках обнаружится нечто зарытое здесь двадцать лет назад. Если кто-то пытался найти *это* первым.

Я вздрагиваю и ступаю на мокрую траву. Если Чарли говорил правду в ночь сбора торфа и кто-то действительно убил Роберта, то, может быть, этот «кто-то» убил и Лорна? Может, Лорн видел, как убили Роберта, а может, Роберт видел, как убили Лорна. И если Чарли знает, то разве не логично предположить, что он тоже что-то видел? Может, он защищает виновного и поэтому так переживает? А может, он… Я думаю о его обветренном лице, о буйных пучках волос, торчащих из-под твидовой кепки, о пальце, которым он проводит под

носом, когда чувствует себя неуютно, неуверенно. Как он неловко, но решительно похлопывал меня по руке, когда говорил, что быть счастливой – это нормально. Чарли не стал бы никого убивать.

Я открываю дверь фермы и делаю шаг через порог, быстро закрывая за собой дверь, чтобы ветер не ворвался в дом. Включаю свет, сажусь на диван, натягиваю на ноги твидовый плед. Мне холодно и неспокойно. Поскольку если все это правда, то виновный – не просто некий преступник, относительно которого я несколько недель назад решила, что его, скорее всего, не существует. Это даже не какой-то безликий, безымянный незнакомец. Это кто-то, кого Чарли намерен защитить. Это кто-то здешний. Кто-то, кого я знаю.

* * *

Я внезапно просыпаюсь от кошмара, забытого, но все еще стесняющего дыхание в груди. Понимаю, что вокруг темно. Холодно. Уилл еще не вернулся. Я смотрю на свой телефон. Восемь вечера. Закат будет только через два часа, но на улице уже как будто наступила ночь. Я думаю о солнце, которое светило в окна паба всего сорок восемь часов назад. Встаю. Надо бы поесть. Но вместо этого я сдвигаю на место каминную решетку, а затем отправляюсь на поиски спичек на кухню. И замираю перед единственным окном. В «черном доме» горит свет.

Я не должна туда идти. Прежняя я никогда бы не пошла. И я уже чувствую, как она возвращается. Мне снова снятся плохие сны. Я допускаю, чтобы все, что я начала любить в этом месте, было искажено и отравлено.

«Взгляните этому в лицо, – думаю я голосом доктора Абебе. – Увидьте это и бросьте вызов».

Может быть, я оставила свет включенным. Пусть даже я знаю, что это не так.

Хватаю тяжелый фонарь Уилла и открываю дверь. Когда выхожу наружу, мне с трудом удается снова захлопнуть ее. Ветер свиреп, он налетает на меня со всех сторон, его завывания разносятся в промежутке между скалами и морем. Я быстро иду к «черному дому», пока не утратила смелость. Проверяю дверь и ее ненадежный замок и,

когда она распахивается, отступаю назад. Сердце замирает. Через маленькое окошко ничего не видно, поэтому я заставляю себя выключить фонарь и взять его наперевес, как дубинку. И вхожу внутрь.

Там никого нет. Все выглядит так же, как я оставила несколько дней назад. Не считая света, который излучает лампа рядом с диваном. Я слышу бодрое «тик-так» мультяшной хайлендской коровы на каминной полке за ним. Кровать и шкаф по другую сторону комнаты погружены в темноту.

Я пробираюсь дальше, все еще держа в руках фонарь и пытаясь сохранять спокойствие.

– Эй?

Ничего, кроме воя ветра.

Подхожу к обеденному столу, беру ноутбук и сую его под мышку. Выхватываю фотографию Роберта, засовываю ее в карман своего плаща. Волосы на моих предплечьях встают дыбом. Я не могу избавиться от ощущения «жаме вю», будто снова смотрю на себя в телескоп с другого конца. Это все равно что сидеть в постели в одиночестве, пока кто-то бегает вокруг дома, или проснуться и обнаружить, что дом горит, а в прикроватном ящике лежит мумифицированная птица. А потом принять решение забыть о том, что все это было. Потому что в твоей жизни этому не место. Потому что ты не намерена сталкиваться ни с чем подобным.

И тут я слышу металлический щелчок – знакомый и громкий. Дверь в ванную распахивается с протяжным, низким скрипом. За дверью царит полумрак. Все, что я могу разглядеть в дверном проеме, – это смутные очертания человека, неподвижно стоящего в тени. Я стою на свету, а человек скрыт в темноте.

Я делаю шаг назад. Один. Второй. Ощущение такое, будто я падаю, и земля стремительно несется мне навстречу. Слишком быстро, чтобы я могла остановиться.

– Кто вы? – Мой голос дрожит. В тишине слышен стук моих зубов.

Фигура движется, и я вскрикиваю. Что-то летит из темноты в мою сторону и падает на пол с жутким мокрым стуком менее чем в двух футах от меня. Я вскрикиваю еще громче. Это мертвая ворона, окровавленная и мокрая от дождя.

– Оставьте меня в покое!

Щелчок выключателя – единственное предупреждение перед тем, как комната погружается в черноту. Я бросаю фонарик и ноутбук и бегу к двери. Потому что чувствую, как в темноте появляется кто-то еще, он находится ближе ко мне – настолько близко, что я могу услышать его слишком громкий вдох, прежде чем он задерживает дыхание. По моему позвоночнику волнами пробегает дрожь. Я пытаюсь открыть засов. Не останавливаясь, не оглядываясь, распахиваю дверь, выбегаю на тропинку и бегу обратно к ферме так быстро, что у меня подкашиваются ноги, а тело заваливается вперед. Лишь панический страх перед падением, ужас перед тем, что меня схватят, заставляет меня бежать, переставлять ноги.

Добравшись до фермы, я вбегаю внутрь. Поскальзываюсь на половичке, когда поворачиваюсь, чтобы захлопнуть за собой дверь. Только заперев засов, останавливаюсь, чтобы перевести дух, и возвращаюсь к кухонному окну. Я ничего не вижу. Блэкхауз погружен во тьму.

Я смотрю на свое отражение в стекле. И вижу вместо него мамино лицо, худое, белое, испещренное тенями. «Оно приближается. Оно уже рядом».

* * *

Когда Уилл возвращается, я сижу в темноте за кухонным столом. Вздрагиваю от внезапно вспыхнувшего верхнего света.

– Мэгги?

– Где ты был?

Он закрывает дверь и подходит ко мне.

– Взятие показаний заняло несколько часов, а потом я решил вернуться пешком, вместо того чтобы ехать с мамой и Юэном. Подышать свежим воздухом. Проверить овец. Почему ты сидишь в темноте?

– В «черном доме» кто-то есть. – Я знаю, что мой голос звучит странно. Знаю, что должна хотя бы попытаться говорить нормально, но не могу. И уж точно не могу сказать ему, что сижу в темноте, чтобы не видеть в окнах лица мертвецов.

– Оставайся здесь, – говорит Уилл и выбегает обратно за дверь, оставляя ее открытой, так что она неистово раскачивается на ветру.

Я не встаю. Не смотрю в окно. Не закрываю дверь. Я закрываю глаза, сжимаю пальцы вокруг прохладных граней и острых краев моего кулона, костяшки пальцев вдавливаются в грудь. И когда Уилл наконец возвращается, я выдыхаю – я даже не подозревала, что задерживаю дыхание.

– Там никого нет. Все выглядит нетронутым. – Он закрывает дверь от ветра, кладет фонарик и мой ноутбук на кухонный стол. – Разве что я нашел на полу вот это.

– Там кто-то был. Там были люди. – У меня в горле встает тревожный комок. Я думаю о мертвой вороне посреди комнаты, окровавленной и мокрой от дождя. Не может быть, чтобы он не видел ее. А это значит, что ее там уже нет.

Уилл приседает рядом с моим креслом и берет мою руку в свою.

– Детка, все хорошо, – произносит он новым, осторожным голосом. – Это были трудные дни. Любой занервничал бы. Может быть…

Я отдергиваю руку.

– Не говори со мной так!

– Ладно. Прости. – Он стоит на коленях и смотрит на меня. Взгляд у него прямой и очень ясный. – Я тебе верю.

И я вспоминаю, как смотрела сверху вниз на худое, белое лицо, изъеденное тенями; на фиолетовые вмятины в форме полумесяцев, оставленные ее ногтями на моей коже. «Я верю тебе, мама».

Я чувствую, как меня покидает всякое желание спорить, и, когда Уилл притягивает меня к себе, я прижимаюсь к его плечу, пытаясь дать волю слезам, которые сдерживала в темноте. Но они не идут. Я чувствую холод и пустоту.

– Всё хорошо, – повторяет Уилл, и его руки снова обхватывают меня, унимая мою дрожь. – Всё в порядке.

Но это не так.

Я вспоминаю доктора Абебе, каким видела его в последний раз: блестящий костюм, слишком большие очки, резкий запах одеколона. «У вас биполярное расстройство с момента полового созревания, Мэгги. Вы знаете, как с ним справиться, лучше, чем кто-либо другой. Нет никаких оснований полагать, будто у вас когда-нибудь снова

случится психический приступ. – Эта неизменно спокойная улыбка… – Не случится, если вы будете осторожны».

– Они были там, – говорю я, прижимаясь к Уиллу. – Мне это не привиделось.

«Но могло привидеться, – шепчет злобный голос у меня в голове. – Потому что, возможно, ты была слишком счастлива. Возможно, ты перестала быть осторожной. Возможно, отпустив Роберта и маму, ты разучилась крепко держаться за свои собственные страховочные канаты».

– Там птицы… – бормочу я. – В прихожей лежит холщовый рюкзак. Пожалуйста, там…

– Хочешь, чтобы я его принес?

Я киваю. Уилл отпускает меня, стараясь скрыть обеспокоенное выражение лица. Затем обхватывает мои щеки ладонями.

– На этот раз закрой за мной дверь, хорошо? – Он открывает ее, и я стараюсь не вздрогнуть от завывания ветра. – Я вернусь через минуту.

Закрываю дверь и сажусь обратно за деревянный стол в этой деревянной комнате. Меня не трясет. Я не думаю о маме. Я ни о чем не думаю. Когда Уилл окликает меня по имени, я поднимаюсь на затекшие ноги, впуская в дом ветер, холодный и пронизывающий. В руках у него ничего нет. Его лицо ничего не выражает, но Уилл не догадывается, что я замечаю, как он на меня смотрит. Потому что я видела это уже много раз.

– Там кто-то был, – шепчу я. – Там кто-то был…

Уилл закрывает дверь, поднимает меня на руки и несет к дивану, не проронив ни слова.

«Помоги мне, – думаю я, позволяя ему это. Прижимаюсь к его надежному теплу. – Заставь это уйти».

Глава 26

Роберт

Менее чем через три недели после первой овцы умирают еще две. Я нахожу их почти в том же месте, в укрытии под низкой кладбищенской стеной. Дело идет к вечеру, небо быстро темнеет. Я чувствую запах моря – еще один зимний шторм идет с Атлантики, чтобы обрушить свою ярость на скалы, камень и песок. Я чувствую еще и запах крови; ее так много, что шерсть овец, выбеленная солнцем, стала черной и грязной. Они умерли так же, как и первая: глубокая безобразная рана прямо на беременном животе. Я слишком устал и отчаялся, чтобы злиться. Я потерял не только трех здоровых овец, но и по меньшей мере трех ягнят, а ведь я истратил на своих овец весь зимний запас корма и вакцины. Удушье возвращается; его тяжесть я ощущаю в каждом шаге. И страх тоже, тягучий и изнуряющий. Ведь пока я не узнаю, кто это делает, как я могу это остановить?

Я думаю о том, чтобы бросить туши в том же месте, что и первую, – на болотной пустоши за стоячими камнями в Ор-на-Чир, – но в последнюю минуту решаю этого не делать. В животе вспыхивает искра гнева, и я затаскиваю туши на заднее сиденье квадроцикла. Не обращая внимания на кровь, на жесткую и неподатливую тяжесть, на пронизывающий ветер.

В доме горит свет, но я подъезжаю к сараю. Паркуюсь у задней двери. Овцы, может, и примитивные животные, но не глупые. Если я пройду мимо них с двумя мертвыми тушами их сородичей, меня ожидает настоящий ад. Морозильный ларь находится прямо за дверью. Он почти пуст. Мэри использовала б*о*льшую часть мяса и рыбы за последние несколько месяцев; нам предстоит еще одна поездка на восток, чтобы пополнить запасы. Я кладу мертвых овец в мусорные мешки, а затем складываю их с одного края морозильной камеры. Снимаю плащ и смываю кровь с рук, прежде чем снова выйти на улицу.

День темнеет, буря все ближе. Она надвигается от горизонта, как расползающийся кровоподтек, и на мгновение меня почти парализует страхом; ветер свистит вокруг моей головы, завывает в расщелинах и пещерах в скалах под моими ногами.

Я отряхиваюсь и спешу к приветливому свету «черного дома». Когда добираюсь до него, дверь открывается, и из нее выходит Чарли. Мэри стоит в дверном проеме, улыбаясь, и в этот момент искра гнева во мне вспыхивает и разгорается, как костер.

– Зашел проведать, как у вас дела, Роберт, – поясняет Чарли, хотя у него хватает благородства, по крайней мере, выглядеть застигнутым врасплох. – Похоже, буря будет ужасная. Уже сейчас в районе Бейли и Роколла волны мощью в десять баллов и высотой в пятьдесят футов.

– Может, шторм изменит направление, – отвечаю я.

– Да, может быть. – Он останавливается на дорожке. – Можно надеяться.

– Спасибо, что зашел, Чарли, – говорит Мэри. Ее улыбка исчезает.

Я захожу внутрь и закрываю за собой дверь. На полу в гостиной сидит мальчик. Он старше Кейлума и сейчас с угрюмым лицом нехотя помогает ему закончить огромный пазл. Я понимаю, что это сын Юэна Моррисона, Иэн, когда Юэн с грохотом распахивает дверь ванной и вбегает в комнату.

– Роберт! – восклицает он, его толстые щеки вздрагивают. – У тебя полон дом гостей, да? Я тут заскочил с запасными дровами и торфом. – Он смотрит в окно и хмурится. – Похоже, вечер будет скверный.

Когда я ничего не отвечаю, он откашливается.

– Пойдем, Иэн, лучше вернуться домой, пока не начался дождь.

– Спасибо, Юэн, – благодарит Мэри, а затем пристально смотрит на меня.

– Да, спасибо, – соглашаюсь я, открывая входную дверь, пока он натягивает плащ.

– Не за что. – Юэн улыбается, и это напоминает мне о той встрече в пабе в прошлом году, когда я впервые спросил о Земельном фонде. – Просто я хороший хозяин.

– Они с Чарли всего лишь хотели помочь, – замечает Мэри, когда они уходят. – Нет ничего постыдного в том, чтобы принять помощь. Ты говорил, что именно так и надо жить в подобном месте.

Я ничего не отвечаю, потому что не доверяю себе до конца и не знаю, что скажу. Усталость исчезла, полностью сгорела в костре злости.

– Папа! – кричит Кейлум, бросая свой пазл, а затем подбегает ко мне в безудержном восторге, боднув головой мои ноги.

– Привет, малыш, – говорю я, поднимая его на руки и пытаясь улыбнуться. – Может, спустимся в подвал и зажжем звезды?

– Крутой свет! – восклицает он, хлопая в ладоши.

– Да, и крутой свет мы тоже включим.

– Роберт! – Мэри хватает меня за локоть, но я отталкиваю ее, открываю люк и начинаю спускаться по лестнице в подвал, неся Кейлума.

Она следует за мной. Ничего не говорит, пока я усаживаю Кейлума на матрас и включаю лампу маяка – медленно перемещающуюся дугу бело-серебристого цвета на фоне кирпичных стен. Она складывает руки на груди, когда я выключаю основной свет, чтобы были видны все эти сотни звезд.

– Ночные звезды! – Кейлум смеется, снова хлопает в ладоши, глядя вверх широко раскрытыми глазами, неустанно дивясь чудесам и не уставая от них. Это помогает немного унять мой гнев – настолько, что, когда Мэри тянет меня обратно к лестнице, я иду без протеста.

– Роб. Мы не можем больше оставаться здесь, внизу.

– Сколько раз я должен тебе повторять? Ты еще не видела настоящий атлантический шторм. Мы должны…

– Чарли говорит, что такие штормы бывают раз в…

– Чарли пользуется своим обаянием и врет в лицо всем, кто достаточно глуп, чтобы слушать. Я не хочу, чтобы ты впредь впускала его в этот дом.

Мэри снова складывает руки.

– Он также говорил, что эти подвалы – одно из худших мест, где можно оказаться во время шторма. Даже на такой высоте, если море поднимется и хлынет на сушу, это место может затопить в считаные минуты.

Помню, на следующий день после смерти отца я обнаружил мертвого тюленя на мысе близ Лох-на-Эах. Он был большой и гладкий и смотрел на меня злобным черным глазом. Я представляю, как зелено-темное море устремляется вниз по ступеням подвала – ледяное, с водорослями и венцами бело-желтой пены. Знаю, что прячусь здесь не потому, что боюсь шторма. Я боюсь потерять людей, которых люблю. Даже если они не всегда любят меня.

Я смотрю на Мэри, на пламя в ее глазах и румянец на щеках; на Кейлума, который все еще разглядывает звезды на потолке. Я хочу, чтобы они были в безопасности. Хочу сохранить их любовь здесь, со мной, в этом убежище, которое я создал. В этом мире, где нет больше никого и ничего, кроме нас, звезд и яркого белого света, постоянного и надежного. Он всегда будет ярким. Он никогда не превратится в черную башню – в тень, похожую на выжженный на стене силуэт. Я никогда этого не допущу.

– Почему бы тебе просто не задать вопрос, который ты хочешь задать мне, Роб? – произносит Мэри, ее глаза темнеют.

Резкие черты отцовского лица. «Ты слаб, мальчик. Слаб, как женщина». Я должен сказать Мэри правду.

– Ты что, трахаешься с Чарли?

На ее щеках расцветают винно-красные пятна, хотя все остальное лицо бледнеет до восковой белизны.

– Нет. Я не трахаюсь с Чарли, – говорит она тихо. – И ни с кем другим не трахалась. Ни здесь, ни в Абердине. Ни разу. Но я не думаю, что ты хочешь услышать именно это, не так ли?

Я закрываю глаза. Иногда мне кажется, что я задыхаюсь. Как будто тону в словах, которые хочу сказать.

– Кто-то убивает овец.

– Что?

– Я солгал тебе, когда сказал, будто не знаю, что случилось с той овцой в прошлом месяце. Ее зарезали. А сегодня убили еще двух.

Мэри прижимает пальцы к губам и бросает испуганный взгляд на Кейлума.

– Какой зверь мог…

– Я положил их в морозилку в сарае. И завтра позвоню в полицию. – Я смотрю на нее. – Это сделал не зверь.

Она отступает к стене.

– Что ты имеешь в виду?

– Кто-то следил за мной. Наблюдал за нами.

– Кто? – Она качает головой. – Ты меня пугаешь, Роб.

Я смотрю на верстак.

– Помнишь мертвых ворон?

Глаза Мэри расширяются.

– Кто-то… Боже, неужели кто-то убил…

– Нет. Да. – Мои руки сжимаются в кулаки. – Ворон убивал я.

Когда ее глаза раскрываются еще шире, я заставляю себя разжать руки.

– Ты не понимаешь это место, не понимаешь эти острова, потому что я никогда не рассказывал тебе. Я никогда не мог рассказать как следует. Вороны – это *вандр-варти*. Я создал их, чтобы они защищали нас.

Мэри достает из кармана джинсов листок бумаги, разворачивает его и показывает неуклюжий рунический узор викингов, начертанный черным фломастером.

– Кейлум делает такие. Я нахожу их по всему дому. Он даже нарисовал один из них на стене. Он сказал мне, что это «Шлем трепета и ужаса». Чтобы защитить нас от зла. – Она качает головой, и я понимаю, что она в ярости. – Я не позволю тебе сделать Кейлума таким же параноиком, как ты.

– Это не то… Это ничем не отличается от того, чтобы стучать по дереву или не ставить обувь на стол. Когда я был маленьким, при приближении бури мама всегда приказывала мне положить в огонь кочергу и щипцы, чтобы защитить дом. Эти острова – *тонкие места*. И нужно быть осторожным – очень осторожным – с тем, что ты делаешь в *тонких местах*.

– Ради всего святого! Что это значит, Роберт? Фиона сказала мне, что ты странно вел себя в деревне в прошлый раз…

– Господи! Мне плевать, что тебе сказала эта чертова Фиона Макдональд. – Я заставляю себя остановиться. Я чувствую отчаяние. Она должна понять. Должна. Я протягиваю руки. – Прости меня. Просто я должен убедиться, что вы с Кейлумом в безопасности.

– Роберт… – Гнев покидает ее, и она подходит ко мне. В ее глазах стоят слезы.

Я заправляю прядь ее волос за ухо, касаюсь ладонью ее щеки, пока земля у меня под ногами не становится прочнее. И наконец говорю то, что должен был сказать в ту минуту, когда мы отплывали на пароме из Ская.

– Ты должна доверять мне, Мэри. Мама была права. – Я провожу большими пальцами по теплой влажной коже. – Ты даже не представляешь, каково это, когда такое место, как это, обращается против тебя.

Глава 27

– Я сказала, что тебе не обязательно идти.

– А я сказал, что хочу пойти, – парирует Уилл, ускоряя шаг и пытаясь взять меня за руку.

– Почему? Ты мне не веришь.

– Эй. Подожди. – Он хватает меня за локоть и заставляет остановиться. – Подожди…

Я стараюсь не смотреть на него, даже когда он разворачивает меня к себе.

– Я сказал, что верю тебе, – говорит Уилл. Губы у него сжаты, взгляд темный и пристальный. – Потому что я *верю* тебе, Мэгги.

Сегодня я чувствую себя по-другому. Я проснулась, чувствуя себя лучше. Сильнее. Скорее спокойной, чем отчаявшейся. Немного злой. Я сожалею о вчерашней слабости. Я все еще чувствую ее след в словах Уилла «я тебе верю», в моей неизбывной потребности услышать это. Но я уже не та, что была вчера. Я могу посмотреть правде в глаза.

Птицы исчезли. Мой холщовый рюкзак исчез. Но даже если я по-прежнему не хочу слишком сильно полагаться на собственный рассудок, все же и детектив-констебль Скотт, и Чарли видели их – видели *вандр-варти*. И кто-то их забрал.

– Я понимаю, почему ты это делаешь, ясно? – говорит Уилл. – Я понимаю, почему ты хочешь выяснить, что произошло.

Вчера я наконец рассказала ему о словах Чарли «я знаю, кто убил Роберта».

– Роберт Рид пропал в ту же ночь, что и Лорн, не может быть, чтобы одно не было связано с другим. Господи, что бы ни случилось с этим мальчиком, как бы он ни умер, кто-то – возможно, кто-то с этого острова, из этой деревни – закопал его в землю и оставил там на двадцать пять лет. – Лицо Уилла становится жестким. – Я знаю этих людей, Мэгги. Я знаю их почти всю свою жизнь. И если кто-то из них… – Он качает головой. – Если они поджидали тебя прошлой ночью… если это то, что… – Снова берет меня за руки. – Нам нужно поговорить с полицией.

– Они не поверят мне, Уилл. Особенно когда услышат всю эту чертову историю о том, как я приезжала сюда ребенком, что я говорила

тогда. Это было бы бессмысленно. – Я направляюсь в сторону Блармора. – Мне просто нужно, чтобы Чарли снова поговорил со мной. Тогда, возможно, я получу ответы.

И на этот раз я хочу задать вопрос не из-за того человека в «черном доме». Я хочу задать вопрос не для того, чтобы успокоить свою совесть или оплакать мать. Я делаю это, потому что в долгу перед Робертом. Я никогда не хотела доказать его убийство ради него самого – и когда попытка сделать это поставила под угрозу мое счастье, я выбросила его как мусор. Мама каким-то образом узнала, кто он такой, узнала о том, что он сменил имя, даже о том, что его убили… но, осознав, что это не принесет ей желаемого результата, она тоже отреклась от него. Поэтому я должна довести дело до конца. Должна выяснить, что произошло. На этот раз не ради себя, а ради Роберта.

* * *

Когда я стучусь в дверь Чарли, никто не отвечает. Я заглядываю в щель почтового ящика и вижу лишь темную пустую прихожую.

– Чарли. Чарли!

– Если он и там, то явно не в настроении принимать гостей. Пойдем, – говорит Уилл и поворачивает обратно к воротам. – Если он не хочет нам помочь, мы отправимся в Сторноуэй. Сделаем так, как ты сказала.

Когда мы входим в двери «Ам Блар Мор», в пабе пусто даже за стойкой. Но мы все равно идем к красной стене с фотографиями крадучись, точно воришки, и как только я нахожу снимок, быстро его забираю.

– Что вы делаете?

– Господи! – восклицаем мы с Уиллом в один голос, отшатываясь от стены и друг от друга.

– Попались на горяченьком. – Келли ехидно ухмыляется, перекидывая через плечо барное полотенце. – Ну, выкладывай; ты должна немедленно рассказать мне все.

Чувствуя нечто среднее между смущением и желанием оправдаться, я протягиваю фотографию улыбающихся людей в

непромокаемых плащах, стоящих под баннером «Фестиваль виски в Сторноуэе 1994 года».

– Все, кто изображен на этой фотографии, были в Сторноуэе в ночь шторма – в ночь, когда погибли Роберт и Лорн. Так что…

Улыбка Келли исчезает.

– Черт, Мэгги…

– Мне нужно что-то сделать. Мне просто нужно что-то сделать. – Я снова протягиваю фотографию, но она не берет ее. – Ты кого-нибудь узнаёшь?

Мэгги хмурится, качает головой, но я замечаю, что она почти не смотрит на фото.

– Почему бы тебе не спросить у Чарли?

– Он отказывается говорить, – объясняет Уилл.

– Я не могу спросить об этой фотографии никого в Бларморе, не объясняя причин. Но когда я в последний раз была в городской ратуше в Сторноуэе, мне сказали, что там работает человек из Урбоста, который знал всех в те времена.

Меня охватывает беспокойное чувство спешки; ощущение, что если я хоть на мгновение остановлюсь, то будет слишком поздно, чтобы докопаться до истины.

Келли разводит руками в стороны.

– Ладно. Я отвезу тебя.

– Что?

– Джаз может одолжить мне свой дурацкий тягач. – Она улыбается совсем не так, как обычно. – Мне все равно нужно с тобой поговорить. Нужно кое-что тебе сказать.

*** * ***

Келли ведет машину быстро. «Рейнджровер» с ревом проносится мимо плоских и унылых внутренних болот, все еще золотистых, все еще пустых, все еще наполненных свистом ветра.

– Ты ведь никому не расскажешь об этом, Келли?

– Конечно, нет.

– Кто-то же должен был убить Лорна, верно? Я думала, что Роберт узнал, кто именно, и поэтому был убит, но что, если это сделал сам

Роберт? И что, если кто-то видел его? Я имею в виду, боже, если Алек видел его… – Я вспоминаю его пылающие черные глаза. И слова Шины: «Ты здесь не в безопасности». – А может, муж Айлы, Кенни Кэмпбелл, убил Лорна? То, что он умер несколькими неделями позже, – это ведь совпадение, верно? Может, он убил их обоих, и чувство вины оказалось слишком сильным для него? Или как насчет Джимми? Я имею в виду…

Келли резко, с визгом тормозов, останавливает «Рейнджровер» на пустом Т-образном перекрестке, и я замолкаю. Стараюсь не обращать внимания на внезапную панику, вызванную моим чрезмерным волнением, на чувство спешки, которое все еще бурлит в моей груди.

– Извини. Это было перебором.

Келли поворачивается и смотрит на меня, на мои горящие щеки.

– Я понимаю. Желание знать. Потребность знать. Я понимаю. – Она качает головой. – Боже, просто… все вдруг сделалось таким странным, правда? Я постоянно смотрю на Фрейзера и думаю о бедном мальчике, который все эти годы лежал там один, даже без надгробия, не считая надписи на монументе над Лонг-Страйдом, и это просто… Господи, единственное, на что здесь всегда можно положиться, так это на то, что ничего никогда не случается. Раньше я думала, что это плохо.

Она включает «дворники», когда начинается сильный и стремительный дождь, а низкая облачность застилает болотистую местность мечущимися тенями.

– Полиция приехала в Норт-Уист, чтобы поговорить с мамой и папой, – сообщает она, и голос внезапно меняется, перестает быть похожим на ее обычную манеру речи. – Мама сказала, что следствие ведет подразделение по расследованию тяжких преступлений из Инвернесса.

Я закрываю глаза, заставляя себя не говорить больше ничего, не спрашивать ее о том, что полиция разговаривала с ее родителями.

– А я болтаю о подозреваемых, как будто считаю себя Эркюлем Пуаро, – вздыхаю я вместо этого. – Я бесчувственная дрянь. Извини.

– Не хочу тебя огорчать, но ты больше похожа на мисс Марпл, – говорит Келли с улыбкой, но голос у нее по-прежнему ровный.

Я смотрю на нее, пока позади нас не появляется машина, мигающая фарами, а потом наш «Рейнджровер» резко стартует с

места, пролетает перекресток и выезжает на дорогу в Сторноуэй.

* * *

Бобби Рэнкину за шестьдесят. Высокий и худой, он стоит в дверях офиса сутулясь – похоже, это привычка – и смотрит на нас усталыми серыми глазами.

– Да, Мердо рассказывал мне о вас. Про вашу книгу о смертельном случае на Килмери в девяносто четвертом году. – Он обходит стол и садится, морщась. – Чем я могу вам помочь?

– Я просто хотела узнать… – Достаю из сумки фотографию; ее рамка слишком громко стучит о стол, когда я кладу ее. – Мистер Блэк не смог всех опознать и подумал, что вы могли бы это сделать.

– А… Та самая знаменитая фотография. – Он берет ее в руки. – Она в плохом состоянии. Давайте посмотрим. – Подносит фотографию к глазам, щурится пару секунд, а затем отодвигает ее на несколько дюймов.

– Мистер Блэк решил, что те, кто впереди, – это Джимми Стратерс, Чарли Маклауд и, возможно, Брюс Маккензи…

– Да. – Бобби Рэнкин кивает. – Думаю, он прав. А за ними – Макдональды, Алек и Фиона.

– Никого слева на фотографии он не узнал.

– Не могу его винить. От них мало что осталось, не так ли? – Он щурится еще несколько секунд, прежде чем положить фотографию обратно на стол. Указывает на мужчину и женщину на самом левом краю снимка. – Боюсь, я не могу сказать, кто они, но за ними стоит Юэн Моррисон. Определенно.

– Спасибо. – Я необъяснимо разочарована. В основном потому, что не знаю, чем это поможет. Или даже чем это могло бы, по моему мнению, помочь. Я засовываю фотографию обратно в сумку, встаю и протягиваю ему руку для пожатия. Но не успевает Рэнкин отпустить мою ладонь, как резко качает головой и возвращается за стол.

– Подождите минутку. Могу я взглянуть еще раз?

Я протягиваю ему фотографию, и он смотрит на нее, наверное, целую минуту.

– Боюсь, кто-то неправильно вас информировал.

– Неправильно информировал в чем? – В его уверенности есть нечто такое, от чего мой пульс учащается.

– Эта фотография не могла быть сделана в день фестиваля.

Я замираю.

– Почему?

Рэнкин протягивает мне фотографию.

– Видите рыбацкое судно, пришвартованное позади них? CY415? Это был скаллопер[35] из Каслбэя. Он принадлежал Малькольму Синклеру. Его брат, Алан, управлял катером по ловле креветок из Сторноуэя, и этот катер затонул во время шторма в субботу, девятого апреля, за Нессом. В день фестиваля. Береговая охрана сумела спасти экипаж, но Алан не дожил до больницы. Малькольм приехал из Барры в понедельник, чтобы зарегистрировать смерть брата.

– В понедельник?

Рэнкин кивает.

– Я сам регистрировал смерть. – Он показывает на фотографию. – Это судно прибыло в гавань только в понедельник, одиннадцатого апреля.

Я опускаю взгляд на фотографию, как будто собираюсь возразить, придумать какой-нибудь контраргумент.

Рэнкин пожимает плечами.

– Может, они решили задержаться на несколько дней, переждать шторм… Так поступили многие. Эти транспаранты обычно держатся не меньше недели. – Он улыбается. – В конце концов, чтобы насладиться виски, не обязательно проводить фестиваль.

Только вот Чарли сказал мне, что на следующее утро после шторма все они отправились обратно на Килмери…

* * *

На улице еще только начало вечера, но паромный терминал полностью залит светом, а широкий изгиб гавани, как и пристань для парусных судов за ее пределами, усеяны огнями рыбацких катеров и яхт, пирсов и понтонов. Я прохожу мимо пабов, кафе и отелей, выкрашенных в яркие цвета: белый, желтый и голубой; окна их сияют

золотом. Небо над головой зловеще темнеет, ветер обдает лицо холодом и сыростью.

Я чувствую оцепенение. Я чувствую растерянность. Я снова начинаю бояться. Потому что если Чарли солгал – а я не знаю, чем еще это может быть, кроме лжи, – то это может означать только одно из двух. Первое – Бобби Рэнкин прав: эти люди приехали на фестиваль и остались по крайней мере на два дня после шторма. Но Лорн погиб в субботу, в день фестиваля; конечно, не может быть, чтобы Алеку и Фионе Макдональд еще два дня не сообщали, что их сын пропал. Я достаю фоторамку и размазываю дождевую воду по стеклу, еще больше размывая эти лица. Остается только вторая возможность. Возможно, восемь человек на этой фотографии вообще не были здесь, в Сторноуэе, в ночь шторма. Они были на Килмери. И приехали сюда через несколько дней после смерти Роберта и Лорна – и позировали для снимка, чтобы сфабриковать фальшивку. Чтобы все, как и я, решили, будто они единственные, у кого есть верное и надежное алиби. Я смотрю на их расслабленные и спокойные лица. Такие лица у всех, кроме Алека и Фионы, которые, словно застывшие и неулыбчивые восковые фигуры, стоят позади остальных. А потом смотрю на Чарли, размахивающего стаканом с виски и ухмыляющегося из-под своего неоново-желтого капюшона. «Я не сказал тебе правду, Мэгги. Я знаю, кто убил Роберта».

Я была права. Все это время он кого-то защищал.

Все они защищали.

И я понятия не имею кого. Или почему.

Глава 28

Роберт

Овцы исчезли. Все до единой.

Когда я только обнаружил, что дверь сарая распахнута, я скорее разозлился, чем обеспокоился. Предположил, что сам виноват. Что я был невнимателен. Потому что в последнее время я не могу спать. И слишком много пью по ночам, чтобы уснуть. Пытаюсь спрятаться в выпивке от бурь, которые теперь всегда на горизонте. От мрачного настроения Мэри. А иногда – от того, как она смотрит на меня, с каким-то усталым и отстраненным любопытством. Как будто я букашка на предметном стекле, объект для препарирования и изучения. Как будто она забыла, что я все еще ее муж.

Сразу после рассвета я поехал в сторону деревни искать овец, а потом мимо Баг-Фасах и Лох-Тана. Даже спустился к Бен-Донн и Урбосту. На обратном пути увидел Чарли и Джаза, которые наблюдали за мной из садиков возле своих домов. Прошло уже две недели с тех пор, как я сообщил о мертвых овцах, а никто из полицейского участка Сторноуэя так и не объявился у нас. Не похоже, чтобы туши в морозилке были кому-то интересны.

Когда стада не оказалось ни на пастбище, ни даже на берегу, я начал беспокоиться. И вот теперь, обшарив все западные болота, я вынужден заглянуть за край обрыва, пытаясь увидеть овечьи тела на камнях или в шумном белом прибое. Когда наконец отворачиваюсь от ветра и смотрю на высокие камни на холме, это зрелище впервые не внушает мне спокойствия. Ведь не может быть, чтобы с этих или других скал свалилось целое стадо овец. Овцы не так глупы, как большинство людей; они слепо следуют куда-либо, только когда знают, что это безопасно.

Кто-то сделал это намеренно. Скорее, это *сделали* несколько человек. Они украли моих овец, потому что *могут* так поступить. Потому что я не такой, как они. Потому что я не такой человек, который нравится людям. Потому что я не рыбак, мать вашу. И фермер из меня никакой. И потому что я не буду умолять их о помощи, об их гребаном одобрении. Я пытался. Всю свою жизнь, черт возьми, я

пытался, но этого никогда не было достаточно. Этого никогда *не будет* достаточно.

Но на этот раз им это не сойдет с рук. Им не удастся отправить меня обратно к горькому ветру и скалам Северного моря. Они не отнимут у меня душевный покой – право на покой, – который может дать мне только эта земля. Я им не позволю.

Потому что я больше не буду прятаться. Ни от штормов. Ни от *бокан*, которые нашептывают мне в уши слова ненависти, подобные соленой воде. Мне не нужны скандинавские талисманы для защиты. Мне не нужен подвал, полный яркого света маяка и звезд. Мне нужна только моя семья. И моя воля к выживанию. Этого всегда было достаточно, в конце концов. Мне просто нужно использовать это. Бороться за то, что принадлежит мне.

Но когда я возвращаюсь в дом, он пуст. Мэри и Кейлум тоже исчезли.

Глава 29

Во время часовой поездки обратно на Килмери я с трудом поддерживаю разговор. Келли бросает на меня любопытные взгляды, хотя я упорно твержу, что Бобби Рэнкин не сказал ничего интересного, – однако я не собираюсь рассказывать ей о том, какие подозрения возникли у меня насчет людей на этой фотографии. Келли снова, похоже, взвинчена, и это заставляет меня нервничать еще сильнее. Настолько, что, когда она резко сворачивает на обочину перед развязкой на Блармор, у меня замирает сердце.

– Келли?

Она ставит машину на ручной тормоз, поворачивается ко мне лицом и вздыхает.

– Помнишь, я хотела тебе кое-что сказать?

– Черт. Да. Изви…

– Я уезжаю. Один из друзей Дэвида сдает квартиру в Хиллхеде. Школа, где учился Фрейзер, с радостью примет его обратно, а я смогу найти работу официантки, пока не закончится лето и не начнутся занятия в колледже. Джаз предложил мне передать все дела Блэкхауза ему.

– Дэвид, да? – переспрашиваю я, пытаясь улыбнуться.

– Просто это место больше не ощущается как дом. То, что нашли тело Лорна, стало последней каплей. Наверное, я просто пряталась здесь, потому что слишком боялась начать жизнь заново, понимаешь?

И я понимаю. Я прекрасно понимаю.

– Когда ты едешь?

– Первый завтрашний рейс до Глазго отменили, поэтому мы собираемся сегодня на ночь остаться в Сторноуэе.

– На ночь?

– Прогноз погоды не очень хороший. – Келли смотрит на лобовое стекло машины. – Прости. Я не хотела тебе говорить, потому что только из-за тебя и не хочу уезжать.

– Я буду скучать по тебе. – Протягиваю руки через разделяющий нас промежуток, чтобы обнять ее. Келли крепко обнимает меня в ответ, а когда отпускает, в ее глазах стоят слезы, а нос красный.

– Есть… Есть еще кое-что. – Она снова смотрит в окно.

Я вижу, как подруга сглатывает, и это воскрешает мою прежнюю тревогу, мои давние подозрения относительно того, что она скрывала от меня. Я вижу то самое замкнутое выражение, которое появляется у нее на лице, когда я спрашиваю о ее родителях.

– Мы с тобой друзья. – Келли внимательно смотрит на меня. – Мы действительно друзья. Но… через несколько дней после твоего приезда я разговаривала с отцом по телефону и упомянула, кто ты такая, ну ты понимаешь, всю эту историю с Эндрю Макнилом… и он очень разозлился. Он не сказал мне почему. Но попросил меня… – Она вздыхает. – Попросил меня следить за тобой, рассказывать ему, что ты делаешь, что пишешь – в общем, всё. – Она поворачивается на своем сиденье ко мне лицом. – Честное слово, в ту первую ночь, когда ты приехала, я не знала, что Роберт вообще существовал. Что он жил в Блэкхаузе до того, как мои родители купили его. Я ничего об этом не знала, пока папа не рассказал мне. О том, что произошло тогда, я тоже ничего не знаю – они с мамой никогда об этом не говорили. Да и рассказывать ему вроде бы не о чем. Но я не должна была этого делать. Я должна была сказать ему нет.

Я смотрю наружу через лобовое стекло. И вдруг вспоминаю лицо за рулем серебристого «Лексуса», когда тот врезался в меня. Рот, идеально круглый от потрясения. Скорее чувство, чем воспоминание. Как вернувшаяся и неотступная паника из-за того, что все внезапно меняется, заканчивается, а я бессильна это остановить. Из-за того, что уже слишком поздно даже пытаться наверстать упущенное.

– Не сердись на меня, Мэгги. У меня душа не на месте от этого.

– Я не сержусь на тебя. – Улыбаюсь и коротко сжимаю ее запястье. – Честное слово.

Келли улыбается в ответ, но ее руки стиснуты в кулаки.

– Есть кое-что еще. – Она делает паузу, качая головой. – Я не знаю, почему солгала об этом, почему не сказала тебе. – Она опускает взгляд на мою сумку и хмурится. – Мои родители… это они на той фотографии.

* * *

Небо становится зловеще темным, пока я бреду по дороге, ведущей прочь от Блармора. Когда оказываюсь в тени Бен-Уайвиса, начинается настоящий дождь, ледяной и яростный, достаточно сильный, чтобы промочить мой плащ за считаные минуты. Воющий ветер задувает в мой капюшон, и я пытаюсь придержать его, стараясь одновременно следить за неистово колышущимися кустиками пушицы – они обозначают места, где нельзя сворачивать с дороги. Мне следовало бы попросить Келли отвезти меня обратно в Ардхрейк, но Уилл наверняка сейчас на ферме, а мне нужен этот перерыв, это время, чтобы обдумать и то, что я узнала про фотографию, и признание Келли. И тот факт, что она собирается уехать. Сегодня вечером.

Помню, несколько месяцев назад я спросила, почему ее родители покинули остров вскоре после покупки дома у Юэна Моррисона. Келли ответила, пожав плечами: «Может, они поняли, что совершили ошибку, и предпочли отделаться малыми потерями, убравшись отсюда». А может, призрак Роберта преследовал и их. Возможно, эта ошибка была куда серьезнее, чем предполагала Келли. Ошибка, из-за которой они уехали в Норт-Уист спустя всего год после смерти Роберта.

Я смотрю через пастбище на низкий ряд домиков перед Лонг-Страйдом. Они выглядят такими маленькими, такими непрочными во тьме… Я знаю, что почти все археологи уже уехали, и мне интересно, были ли среди них Мико и Феми. Я вдруг чувствую себя очень одинокой, словно я единственный человек, оставшийся на острове. Единственный человек в мире.

Я вскрикиваю. С юго-запада выезжает квадроцикл и резко тормозит, когда водитель видит меня – мой желтый плащ, вероятно, единственное, что можно различить во мраке. Это Брюс, закутанный в огромный черный анорак; лицо у него мокрое и красное.

– Тебе не следовало выходить в такую погоду, – говорит он в качестве приветствия. – Надвигается буря.

– Ты сегодня не видел Чарли?

Он хмурится и качает головой.

– Если у него есть хоть капля здравого смысла, он сейчас задраивает все люки в доме. Тебя подбросить до Ардхрейка?

– Спасибо, но не нужно. Со мной все будет нормально.

Брюс поджимает губы, его темные глаза непроницаемы. Я думаю о той фотографии в сумке. А потом он уезжает, рев ветра и двигателя его квадроцикла заглушают его и мое «пока».

Когда я добираюсь до фермы, свет не горит, и я не слышу блеяния овец в сарае. Мне кажется, что я улавливаю гул другого квадроцикла в направлении Большого пляжа. Я должна войти в дом, развести огонь и ждать Уилла. Но во мне все еще живет это беспокойное чувство спешки, ощущение, что мне нельзя останавливаться. Я знаю, что со мной всё в порядке. Я знаю, что у меня нет мании. Но теперь подозреваю, что ухватилась за то, что случилось с Лорном и Робертом, потому что должна была хоть за что-то ухватиться. Чтобы почувствовать контроль.

А потом я вижу птиц. Четыре мертвые вороны лежат ровной темной линией, клюв к хвосту, перед дверью Блэкхауза. Мышцы моих ног напрягаются и дрожат от желания бежать. Но я не делаю этого. Вместо этого достаю телефон и фотографирую их.

– Пошел ты к чертям! – Это не крик, мой голос ровен, но я говорю это всерьез.

Отворачиваюсь от «черного дома». Я больше не смотрю на птиц. Вместо этого направляюсь на запад по холмам в сторону Прекрасного Места. Наверное, потому что оно ассоциируется у меня с безопасностью. С Уиллом. Даже с мамой. В моем воображении это буйство цветов, сверкающие пруды и шумное поселение кроликов каким-то образом защищены от непогоды. Оазис спокойствия.

Но это не так, конечно. Сейчас это место отнюдь не прекрасно, оно превратилось в грязную трясину, которую я с трудом преодолеваю, едва не теряя равновесия, поскальзываясь в болотистых лужах, пропитавших мои джинсы до колен. К тому времени когда мне удается преодолеть половину пути вверх по утесу, я выбиваюсь из сил. Мне приходится хвататься за высокую, колючую траву, пока я подтягиваюсь к вершине; лодыжки подворачиваются на камнях и скрытых кроличьих норах. На мгновение я останавливаюсь и тяжело опускаюсь на плоский камень недалеко от берега. Снова достаю из сумки фотографию из Сторноуэя. Всматриваюсь в эти размытые лица. Пытаюсь разглядеть в них хоть что-то – хоть ложь, хоть вину.

Джимми, Чарли и Брюс. Алек и Фиона. Юэн. Родители Келли.

Мне следовало бы обратиться в полицию Сторноуэя. Я должна была отнести это инспектору Линн Аркарт. И должна была рассказать ей то, что сообщил мне Бобби Рэнкин. Это доказательство лжи. И возможно – *возможно* – эта ложь была рассказана полиции – так же, как и мне. Но вместо этого я вернулась сюда. Я застряла здесь. Я думаю о птицах. И в какой-то момент мне хочется оказаться где-нибудь еще.

Берег внизу – темно-серое пятно морской воды и взбитой пены. Волны бьются о песок, о скалы мыса. Ветер несет привкус соли. Шум стоит невероятный: череда снарядных разрывов. Я думаю о Роберте, который стоял там, внизу, в шторм, куда более страшный, чем этот. Дождь лупит по голове, точно градины, затуманивает мое зрение, но когда я смотрю на Западный Мыс, где стоял Джаз в ту ночь, когда видел Роберта, я вижу кое-кого другого. Стоящего на утесе над западным концом пляжа. И смотрящего, как и в прошлый раз, прямо на меня.

Нет.

Потому что с меня хватит. Я не хочу бежать. Я не хочу прятаться. Я смотрю на этот силуэт, который наблюдает за мной. Вижу и не собираюсь сдаваться. Я засовываю фотографию вглубь большой заброшенной кроличьей норы, углы деревянной рамки разрыхляют слежавшуюся землю. Свисающие корни травы щекочут мою кожу, словно паучьи лапки.

А потом я направляюсь вдоль обрыва к западному утесу. К Сонни.

* * *

Моя отвага сохраняется до тех пор, пока я не достигаю начала мыса Роэнесс. В сотне ярдов от меня виднеются каменистые руины – возможно, это остатки средневековой церкви, давшей название Килмери. Вокруг непроглядная муть. Как будто это не мыс, а остров, длинный и узкий, окутанный мраком и морской пеной.

Сонни исчез. Но менее чем в двадцати футах от края утеса стоит небольшая каменная хижина. В ней лишь одно квадратное окно. Низкая деревянная дверь грязно-серого цвета, испещренная

неровными трещинами. Крыша из гофрированной жести ржавая, коричнево-оранжевая.

Я медленно подхожу к строению, потому что внезапно чувствую головокружение и дезориентацию. Я не знаю, что буду делать, когда дойду до этой серой двери. А потом мне уже не требуется ничего решать – потому что она распахивается с пронзительным скрипом.

В гулкой влажной тишине мы смотрим друг на друга. Он высокий и широкоплечий. Когда он скрещивает руки на груди, его плечи занимают весь дверной проем. У него густая борода, такая же ржаво-коричневая, как крыша, с многочисленными пятнами седины. Волосы коротко подстрижены, темные глаза смотрят в упор, а губы сжаты в жесткую линию.

– Роберт? – Я испугана, и это слово слетает с языка лишь сдавленным шепотом.

Он щурит глаза и еще плотнее сжимает губы. Когда от порыва ветра дверь с силой ударяется о косяк, я вздрагиваю.

Он улыбается.

– Полагаю, тебе лучше войти внутрь.

Глава 30

Роберт

Все сидят в пабе – яркие золотые окна в конце деревенской дороги. И когда я стою снаружи в сумраке и смотрю на них, то чувствую такую печаль и стыд, что вынужден перегнать эти чувства в ярость, прежде чем они раздавят меня.

Я вламываюсь в дверь с таким яростным усилием, что она громко хлопает о стену, а потом пытается врезать мне в ответ. Все замирают и оборачиваются, и это так похоже на кошмары, которые мне снились, – все вдовы и дети, оставшиеся без отцов, и как они стоят на улице под окном и с ненавистью смотрят на меня, пока длинный луч света от Ардс-Эйниша пробегает по моему лицу, – что я отступаю назад.

– Где мои овцы? – И я уже жалею об этих словах, потому что мой крик больше похож на вопль отчаяния.

– Ты пьян, – говорит Юэн своим поганым голосом, словно считает себя королем всего, что видит.

Хотя он не ошибается. Я пьян. Ужасно пьян. Потому что я не могу врать, когда пьян. Не могу убедить себя, будто тени не преследуют меня. Не могу говорить себе, что если я буду стараться, если я стану лучше, то судьба изменится. Моя жизнь изменится.

На самом деле я настолько пьян, что все выглядят одинаково: безликие размытые пятна, притворяющиеся людьми. Кроме Мэри и Кейлума. Они сидят одни за столиком недалеко от барной стойки. Мэри полуотвернулась от меня, но ее нога выбивает дробь по ножке стула. Она держится за Кейлума; пальцы ее сжаты так крепко, что суставы побелели. Ее глаза зажмурены.

«Что они тебе сказали? – думаю я, глядя на ее ссутуленные плечи, всегда такие сильные, такие ровные. – Как они настроили тебя против меня?»

– Полиция знает, – говорю я всем этим лицам и тоже сжимаю руки в кулаки. – Я им сообщил.

Том Стюарт обходит стойку бара, на его лице застыла вечная самодовольная улыбка.

– Думаю, тебе нужно успокоиться.

Позади него Брюс качает головой и смотрит в пол.

– Вы убили моих гребаных овец, – заявляю я, обращаясь ко всем ним, ко всем до единого, потому что все они знают, кто это сделал. И все знают *почему*. Потому что жители острова держатся вместе; жители деревни держатся вместе. И они всегда защищают своих, что бы те ни натворили. – Но вы не отберете мою семью.

Я прохожу дальше в зал и опираюсь на пустой стол, когда пол ненадолго кренится.

– Кейлум. – Я пытаюсь проморгаться, чтобы лучше его разглядеть. – Подойди сюда, сынок.

– Прекрати! – отзывается Мэри, и ее голос высок и тонок, каким я его никогда раньше не слышал. – Просто прекрати это. Иди домой, Роберт.

– Я же говорил тебе не слушать их, мать твою! – Потому что я это говорил. Я говорил ей столько раз, что с трудом могу поверить, что все это вообще возможно. – Я твой муж, Мэри!

Но она снова отворачивается. И ее слезы только сильнее разжигают во мне ярость. Я смотрю на Кейлума, моего мальчика, прильнувшего к ее боку, как котенок. Как младенец.

– Кейлум! Иди сюда. Сейчас же!

– Ты его пугаешь, – вмешивается Мойра Маклауд. Спокойно и мягко, словно я ребенок, которого нужно успокоить после истерики. Рядом с ней встает Чарли, протягивая руки ладонями вперед. Вечный миротворец.

– Ты знаешь, что твой муж хочет трахнуть мою жену, Мойра? – Сердце стучит у меня в ушах, кровь пульсирует в кулаках. – То есть я знаю, что ты делаешь вид, будто небо всегда голубое, а море всегда ласковое, но даже ты не можешь…

– Ну, хватит!

И на меня надвигается уже не Чарли, а Алек Макдональд. Ему сгодится любой повод, чтобы помахать кулаками, выплеснуть свою ярость, которую он всегда приносит с собой с Северного моря. Возможно, это сделал он. Я представляю, как человек наподобие Алека может резать беззащитный скот просто ради удовольствия. Джимми тоже встает, и это задевает меня – почти так же сильно, как и беспомощное покачивание головы Брюса, пока я не понимаю, что Джимми вскочил лишь для того, чтобы схватить Алека и оттащить его к барной стойке.

Но он тоже не смотрит на меня. И вместо того, чтобы вспомнить, как он сказал мне, что у меня есть друг, если он мне когда-нибудь понадобится, я вспоминаю вспышку вины в его глазах, когда я нашел его возле своего сарая.

Никто не смотрит на меня, понимаю я. Как будто для них я – безликое пятно, притворяющееся человеком.

– Сынок, – говорит Кенни. Он подходит слишком близко, слишком быстро, заслоняя собой всех остальных. – Что бы ни случилось, ты можешь рассказать нам.

Сынок! Как будто разница в возрасте между нами не составляет менее десяти лет. Он протягивает мне руку, но моя обида слишком сильна, а потом я моргаю, и выражение его лица у меня перед глазами становится четким. Оно не самодовольное или надменное, а теплое и, возможно, даже обеспокоенное.

Чарли подходит ко мне; его ладони по-прежнему вытянуты вперед, словно я – злой пес.

– Мы хотим помочь тебе.

И я почти верю ему. Пока не вспоминаю лицо матери, перекошенное, бледное и красное от ярости. «Если б они знали, они бы тебя возненавидели».

Поэтому вместо того, чтобы ответить Чарли, вместо того, чтобы ответить кому-либо из них, я разворачиваюсь и иду обратно. Когда никто не останавливает меня, когда никто даже не окликает меня по имени, дергаю дверь.

– Мэри. Пожалуйста. – Мой голос звучит слишком слабо, чтобы перекрыть шум дождя и вой ветра. – Пойдем со мной…

И хотя она колеблется, хотя она *наконец* смотрит на меня, в конце концов только качает головой.

Глава 31

В хижине темно, но на удивление тепло. Кроме огня, единственный источник света – полусгоревшая свеча. Стул только один. По другую сторону комнаты лежат матрас и спальный мешок, в противоположном углу – небольшая походная печь. Воздух пропитан дымом, тяжелой сладостью торфа, но под ним чувствуется горький, металлический привкус. Я замечаю мертвого кролика одновременно с дробовиком, лежащим рядом на столе.

– Мужчина должен убивать то, что ест.

Мой желудок слегка сжимается – то ли от вида ружья, то ли от вида кролика, а может, и от того, и от другого, – и я складываю руки и расправляю плечи. «Не позволяйте панике или беспокойству закрепиться».

– Почему вы следили за мной? – Это не тот вопрос, который я хотела бы задать, конечно. Но все происходит слишком быстро, и я не успеваю осмыслить. Мне нужно время, чтобы перестроиться.

– Это то, чем я занимаюсь, – говорит он.

– Почему вы наблюдали за мной?

Он улыбается – так мимолетно, что кажется, будто я это вообразила.

– Думаю, ты знаешь, почему.

– Вы знаете, кто я?

– Да. – Он подходит к своему стулу и садится, оставляя меня стоять в центре комнаты. – Люди из деревни приносят мне еду, новости. В основном женщины. – Он хмурится. – Или Чарли, если мне не повезет…

– Я думала, вы умерли. Говорили, что вы утонули в море.

Он издает внезапный рев, в котором я распознаю смех только тогда, когда снова вижу эту мимолетную ухмылку.

– Так говорят. Но это всего лишь история. А истории могут быть опасными, девочка. В основном для тех, кто их рассказывает. – Темные, почти черные глаза смотрят на меня из-под кустистых седых бровей. – Или для тех, кто их пишет.

Мой взгляд возвращается к столу, оружию и крови.

– Почему вы сменили имя? – спрашиваю я, подбираясь к тем вопросам, которые действительно хочу задать.

Он качает головой, вытягивает ноги.

– Это было имя, которым мама называла меня в детстве. Я хотел его вернуть.

– Но, конечно, Эндрю – это…

– Не Эндрю. – Он снова раздражается. – Сонни.

– Я не это имела в виду. Я спрашиваю…

Он издает низкий горловой рык, словно зверь, и я закрываю рот и делаю два шага назад.

– Ты действительно хочешь знать, почему?

Я стараюсь не дрожать. Вместо этого пытаюсь думать о молодом человеке, стоящем в одиночестве на травянистом лугу перед холмом.

– Да.

Наступает пауза. Долгая и далеко не лишенная звуков. Дождь стучит по ржавой крыше у нас над головами. Когда этот человек снова смотрит на меня, от его холодного взгляда меня бросает в дрожь.

– Тебе когда-нибудь предлагали проглотить ложь, девочка? Хранить в брюхе секрет, настолько гнилой, что единственный способ сдержать его – стать кем-то другим? Притвориться, будто его нет внутри тебя?

И я хочу сказать «да». Я хочу сказать «да» так сильно, что ничего не говорю.

Он фыркает и отворачивается к огню.

– Тебе сказали, будто я утонул в море, потому что ложь – все эти истории – как мешки с песком. – Вспышка молнии в единственном окне освещает комнату ярким белым светом. Он даже не вздрагивает. – Нужно продолжать укладывать их, один на другой, пока в конце концов не будут уложены все до единого. – Оскал его зубов пугает меня. – А вода все равно проберется сквозь них.

Меня охватывает внезапное и ужасное понимание. И в этот момент я настолько уверена в этом понимании, пришедшем ниоткуда, из ничего, что снова отступаю назад, а мое сердце резко колотится о ребра.

– Вы не Роберт.

Я вздрагиваю от раскатов его смеха – этого жесткого, безрадостного лая.

– Вы Кенни Кэмпбелл. Вы муж Айлы.

Он поднимается со стула с такой скоростью, с такой яростью, что я вскрикиваю и отшатываюсь назад к двери.

– Кенни Кэмпбелл покинул этот остров, потому что не мог – не хотел – хранить секрет, настолько гнилой, что он отравил его кровь, его мечты, его собственную жену, – рычит он. – Меня зовут Сонни. И ты будешь использовать это имя.

– Мне жаль. – И я изумлена, что мне вообще удалось что-то сказать.

– Лучше задавай свои вопросы, девочка. Потому что твое время почти вышло.

Мое сердце все еще стучит, как эхо проливного дождя.

– Что это был за секрет?

– Перестань задавать вопросы, на которые ты знаешь ответ.

– Это был секрет о том, кто их убил. Верно? Секрет состоял в том, кто убил Лорна и Роберта. – Я вспоминаю слезы в глазах Чарли, его дыхание, теплое и резко пахнущее виски. «Я не говорил тебе правды, Мэгги». – Они все знают, кто это сделал?

Пауза. А потом свет огня бросает черные тени на его лицо, и он кивает.

– Вы знаете кто?

Еще один кивок, резкий и короткий. Я вижу, как пульсирует жилка на его виске. Воздух между нами кажется разреженным и тягучим.

– У тебя остался только один вопрос.

– Кто их убил?

– Это два вопроса.

И прежде чем я успеваю это осознать, он придвигается ко мне еще ближе, а в его глазах вспыхивает холодный свет, который действительно очень похож на безумие. Я боюсь его так же, как когда-то боялась маму. Так же, как до сих пор иногда боюсь себя. Я понятия не имею, что он собирается делать.

– Кто убил Роберта? – Дверная ручка упирается мне в спину, и я едва сдерживаю желание дотянуться до нее и повернуть. Ветер сотрясает дверь и гонит дрожь по моему позвоночнику. – Это мой вопрос.

– Ты уверена, что хочешь знать именно это? – Он уже достаточно близко, чтобы я могла видеть кроличью кровь на его коже и чувствовать ее запах, видеть его сжатые кулаки. Молния освещает половину его лица. – Потому что, как только ты узнаешь, девочка, никакие мешки с песком не удержат это наводнение.

Глава 32

Роберт

Я бегу на запад. Не знаю почему. Даже не знаю, почему я бегу. Просто мне кажется, это единственное, что остается делать. Дорога залита дождевой водой, стекающей по склону к деревне. Ветер хлещет меня по коже так, что она горит. Когда я наконец добираюсь до Ор-на-Чир, то слышу все тот же вой ветра вокруг стоячих камней. Падаю в травянистом центре креста, и мир кружится, когда все эти высокие камни уносятся от меня на темный север, юг, восток и запад. Достаю из кармана виски и пью – пусть оно согреет мне горло. И жду. Жду, когда эти камни снова возродят во мне Роберта.

Потому что Роберт не слаб. Он не таков. И Мэри должна была видеть только его, а не Эндрю. Если я не смогу помешать ей уйти, забрать Кейлума с собой, что у меня останется? Если я не смогу выжить здесь, куда мне идти? Эта земля, эти острова – единственное место, где я могу жить. Но я всегда оказываюсь тем, кем не хочу быть. Так что же мне остается делать?

*** * ***

Когда я прихожу в себя, земля сырая и вязкая, как трясина, а небо столь же тяжелое от приближающейся ночи, как и от дождя. Мои сны крадутся по его кромке, прячутся за камнями. Теперь в них только кровь, огонь и солоноватый привкус морской воды; все остальное исчезло. Но я чувствую себя странно и отрешенно, как будто проснулся в очередном сне.

Я застыл, промерз до костей. Когда пытаюсь встать, мои ноги – мертвый груз. Я нащупываю бутылку и пью, пока не захлебываюсь. Ужас сжимает мой желудок. Сердце колотится громким стаккато.

Я слышу крики рыбаков. И шум мотора, глухой и надсадный. «Ахкер». Мой отец. И я снова пытаюсь встать, теперь уже в панике, барахтаясь в грязной траве. Мне нужно спрятаться. От их теней, похожих на холодную смоляную черноту Атлантики за пределами

континентального шельфа. Словно сети, тянущиеся сквозь тьму, полную камней, обломков и смерти.

– Оставьте меня в покое! – Глаза затуманиваются, слезы кажутся теплыми. Вот почему я не должен пить. Потому что я лишь притворяюсь, будто хочу знать правду. Здесь, на этих островах, в этом *тонком месте*, нет оград. Здесь никогда не было оград. Всё неизменно было *за пределами* и никогда *внутри*. И я всегда знал. Какая воля заключена в мысли, желании, камне. И какой груз ты всегда должен будешь нести после того, как эта воля – это желание – будет исполнено. И маяк становится лишь черной башней, тенью, словно выжженный на стене силуэт.

Мне удается подняться на четвереньки. Я начинаю отползать от камней, возвращаясь к раскопу. Там безопасность. Совсем другая, не столько в духовном смысле, сколько в том смысле, который дарят нам ритуалы; это ближе к скандинавским талисманам и подкладыванию кошачьего когтя под фундамент дома. Но в шторм сгодится любой порт. Темнота опускается. Смыкается. И теперь я слышу их позади себя. Звуки все громче. Ближе. Это рыбаки. Паника возвращает моим ногам чувствительность; я встаю и бегу по болоту, хотя грязь засасывает мои ботинки. Поскальзываюсь и скольжу, падаю и встаю. Ветер с западных утесов пронизывает меня насквозь. У Лох-Ду я останавливаюсь, и дыхание вырывается из моих легких ледяным холодом.

Вот он. Стоит у восточного края озера. Смутная фигура. Смотрит. Вокруг него тьма, словно он – ее центр, ее источник. Мой отец.

Он кричит. Ветер поглощает слова, прежде чем они успевают долететь до меня. Но они звучат громко и яростно. Я вижу, как блестят его зубы. Он подходит ближе, а я все еще не могу пошевелиться. Вода в озере пенится и бурлит, словно в море; я едва ощущаю ее ледяные брызги на своей коже. Ноги дрожат и немеют. А он все приближается, приближается… Пока не становится слишком поздно бежать. Пока я не вижу его – и только его.

Это не мой отец.

Это Эндрю. Слабый и маленький. И он никогда не уйдет.

Эндрю снова кричит. Он преследует меня всю жизнь. Он единственный *бокан*, которого мне следует бояться.

Я валю его наземь, в грязь, где мы извиваемся и барахтаемся, а он все кричит и кричит. Я зажимаю ему рот ладонями – мокрый рот с острыми зубами – и притискиваю к себе. Он все еще борется со мной, дрыгает руками и ногами, ногти и зубы пронзают онемевшую кожу, посылая горячие уколы боли в запястья и локти.

Но я не сдаюсь. Потому что я – валькирия, выбирающая, кому жить, а кому умереть на поле кровавой битвы. Я – мстительный призрак, живущий под водой. Я – богиня смерти, которая собирает умерших в сеть, настолько огромную, что она никогда не наполнится.

– Ты рассказал, – шепчу я ему на ухо, прикрытое мокрыми прядями волос. – Ты не должен был рассказывать.

Его сопротивление ослабевает. Я чувствую его судорожное дыхание на своей коже. Медленнее, медленнее. Его глаза похожи на черные блестящие шарики.

– Всё в порядке. – Я глажу его по голове. – Всё в порядке.

Потому что я и люблю его тоже. Я видел во сне, как он спит. В бесконечном кошмаре среди волн и бескрайнего моря. Где никто не сможет его увидеть. Где никто не сможет его спасти. И я видел во сне, как этот ярко-белый свет разливается вокруг нас, когда я беру подушку, кладу ее ему на лицо и с силой прижимаю.

Мы жертвуем, чтобы нас не принесли в жертву.

Я решил пожертвовать Эндрю. И всеми его кошмарами. Чтобы я смог наконец быть только Робертом.

Глава 33

– Уверена. – Я стараюсь дышать ровно и говорить так, будто действительно уверена. – Кто убил Роберта?

– Я видел тебя с Чарли, – произносит Кенни, кивая в сторону залитого дождем окна. – Там, на пляже. Думаешь, он твой друг? – Его улыбка становится шире. – Просто у Чарли есть несколько капель того же, что я ношу в себе. И я сомневаюсь, что его чувство вины спасет тебя, Мэгги. Если ты будешь продолжать копаться в старых ранах, я не думаю, что он тебя выручит.

– Почему вы пытаетесь напугать меня? Почему бы вам просто не сказать мне правду?

Улыбка исчезает.

– Потому что приближается шторм. Ты думаешь, что он уже здесь. Но это не так. Еще нет.

– Кен… Сонни…

– Скандинавы называли этот остров Великим Защитником, и именно это он и делает. Этот остров защищает своих. И всегда защищал. – Его голос понижается до заговорщицкого шепота. – Вот почему тебе нужно бояться.

– Тогда скажите мне почему. Если не хотите сказать кто. – Я отталкиваюсь от двери и приближаюсь к нему. – Почему убили Роберта?

Он вскидывает руки. И смотрит на меня пугающе обычным взглядом; его глаза, все еще черные, как уголь, полны отчаяния.

– Потому что он убил Лорна, конечно же.

– Почему?

Он отвечает мне лишь мрачной, слабой улыбкой.

– Кто убил Роберта? Просто скажите мне. Пожалуйста. – Но я уже снова отступаю к двери, еще до того, как он отходит к столу и берет в руки дробовик. На этот раз его смех звучит как шум моря.

– Думаю, тебе лучше бежать, маленькая Мэгги Маккей.

Я хватаюсь за ручку двери, слишком напуганная, чтобы хоть на секунду повернуться к нему спиной. Я дрожу, дергая ее туда-сюда, пока дверь наконец не распахивается и внутрь не врываются ветер и дождь.

Но я успеваю отойти не более чем на десять футов, прежде чем останавливаюсь и оборачиваюсь. Кенни стоит на фоне светлого прямоугольника дверного проема, окруженный лишь темнотой.

– Скажите мне. Пожалуйста, Сонни. Пожалуйста!

Я не могу уйти, ничего не зная. Пусть даже я боюсь так сильно, как, по его словам, должна бояться. Потому что я боюсь именно до такой степени.

Он снова смеется.

– Ты уверена, девочка? Ты уверена даже сейчас?

– Да! – Мне приходится кричать, чтобы он услышал меня сквозь стук дождя по крыше и завывания ветра на мысу – и после удушающей тесноты в хижине это почти облегчение. – Кто убил Роберта? Пожалуйста.

Мое сердце стучит чаще дождевых капель, когда он идет ко мне, все еще держа дробовик, все еще улыбаясь своей безрадостной улыбкой. Потом останавливается.

– Мы все убили.

– Что? – Я делаю один шаг назад. А потом второй.

– Мы убили его. – Еще один оскал зубов, когда он поднимает оружие к плечу и направляет дуло мне в грудь. – Все до единого.

Когда он спускает курок, я издаю крик, который так долго сдерживала в груди. И когда в ответ не раздается ничего, кроме тупого металлического щелчка, едва слышного за воем шторма, я снова отшатываюсь назад; слезы застилают глаза, желчь подступает к горлу.

Кенни не опускает дробовик. Он ухмыляется, глядя на меня поверх ствола.

– Бах. – А потом подмигивает.

И я бегу.

Глава 34

Я бегу обратно к утесам. Это самый простой путь, с которого открывается лучший вид. Дождь и ветер сменили направление и теперь порывами несутся на запад, пытаясь погнать меня обратно в сторону хижины. Наступают сумерки; грозовое небо становится все тяжелее – гнетущий мрак, который стирает и скрадывает края поля зрения.

Поскорее бы вернуться на ферму. Я опускаю голову и продвигаюсь вперед, глядя только себе под ноги, пока утес не расширяется и не начинает более полого спускаться к лугу. Вернуться на ферму, вернуться к Уиллу, а потом решать, что делать дальше. Я не могу думать об этом «мы убили его». Не могу думать обо всех этих мертвых птицах перед дверью «черного дома». Мне кажется, что, если я это сделаю, внутри меня что-то сломается. Что-то очень важное, что и так едва справляется со своей задачей. Мне просто нужно вернуться на ферму.

Я лишь раз бросаю взгляд влево, на разъяренную Атлантику, и тут понимаю, что на берегу кто-то есть. Это не Кенни, не может быть Кенни, хотя мое сердце все равно неприятно замирает. Вторая мысль – о Роберте.

Я закрываю глаза от сильного ветра. Кто бы это ни был, он стоит ко мне спиной. На нем кобальтово-синяя накидка; она развевается и колышется, как флаг на шесте, капюшон натянут на голову. Человек не двигается. Просто стоит посреди песка и смотрит на бурный прибой и еще более бурный океан за его пределами. Что-то в том, как это происходит, заставляет меня дрожать. Так неподвижно, так решительно, несмотря на штормовой ветер, который на пляже ничуть не менее свиреп. Я снова думаю о Джазе, наблюдавшем за Робертом с вершины этого обрыва. «Нужно было быть сумасшедшим, чтобы спуститься туда».

А потом фигура начинает идти – шествовать – к морю.

Я делаю шаг вперед, но потом замираю. Кричу: «Эй!» – но даже сама едва слышу свой крик. И все же сомневаюсь, что этот человек просто так войдет в море, пока я смотрю. А потом он все же это делает.

Мое второе «эй!» получается куда более отчаянным. А когда особенно высокая волна на короткое мгновение оттесняет фигуру к берегу и капюшон откидывается, обнажая длинные серебристо-белые волосы, я тоже отшатываюсь назад. Это Кора.

– Черт. Черт!

Времени на то, чтобы добраться до более удобной тропинки, ведущей к пляжу, уже нет. Вместо этого я начинаю слезать по склону на четвереньках, спиной к морю, пытаясь ухватиться за любую опору, поскальзываясь и сползая слишком быстро, хватаясь за пучки длинной травы, которые тут же переламываются или вырываются с корнем. Последние несколько футов я преодолеваю в падении, тяжело приземляясь на дюну.

Песок уже не мягкий и белый, как на Карибах, а твердый и сырой. От моря к траве протянулись глубокие извилистые каналы, заполненные бурлящей, пенящейся водой. Море – уже не идеально прозрачная бирюза, а сердитое, удушливое месиво из белых брызг и темных водорослей. Я бегу сквозь полосы желто-рыжей пены, выкрикивая имя Коры. Я все еще почти вижу ее, вижу развевающуюся синюю накидку. В промежутках между набегающими волнами вода доходит женщине до груди.

Я отпрыгиваю назад, когда первая волна ударяется о мои икры и забрызгивает колени. Вода холодная, до ужаса холодная, однако не это заставляет меня колебаться. Я умею плавать, но не очень хорошо. Вблизи высота прибоя ужасает. Прежде чем разбиться, волны достигают по меньшей мере пятнадцати футов. А когда они разбиваются, набегая на берег, белые и стремительные, их грохот почти оглушает. Я не понимаю, как миновать хотя бы одну из них, не говоря уже о том, как добраться до Коры. Думаю о памятнике из полированного гранита в Ардшиадаре и вдруг понимаю, как целая деревня рыбаков могла погибнуть в считаных ярдах от дома и безопасности.

– Кора! Кора!

Но я больше не вижу ее. И именно это заставляет меня решиться. Я могу стоять здесь, кричать и притворяться, будто это сработает, – или пойти туда. Времени ни на что другое не хватает.

Я снимаю сумку, ботинки, плащ, бросаю их на берег и начинаю заходить в море. Почти сразу же песок уносится у меня из-под ног, а

затем в меня врезается волна, отбрасывая назад, с ревом проходя надо мной, как толпа в безумном бегстве. Я пытаюсь встать на ноги, соленая вода заливает мне рот, затекает в нос, заставляя захлебываться и паниковать. Но не успеваю я подняться, как очередная волна опрокидывает меня на спину, толкает вниз, отбирает последнее дыхание. Я снова встаю, и, когда вижу, что еще один темный вал поднимается, приближается, накатывает на меня, мне удается развернуться лицом к берегу и перестать паниковать на достаточно долгое время, чтобы подпрыгнуть вверх, когда он уже почти настигает меня. Он все равно с силой ударяет меня, и несколько секунд я лечу вместе с ним, прежде чем его пик спадает и мне удается восстановить равновесие и дыхание.

Мне кажется, что так продолжается целую вечность. Я судорожно гребу вперед в промежутках между волнами, а когда они накатывают, поворачиваюсь к ним спиной, стараясь не потерять слишком много отвоеванного расстояния и не поперхнуться водой. Я борюсь с нарастающей паникой, вызванной как тем, что пляж становится все дальше и дальше, так и страхом перед приходом следующей волны. В тот момент, когда я понимаю, что преодолела самую большую из них, миновала самую сильную часть прибоя, я начинаю искать Кору.

За пределами полосы прибоя море ворочается с боку на бок, мощно и буйно. Бесконечное море. Я изо всех сил стараюсь держаться на воде, а борющиеся течения толкают меня влево и вправо, подбрасывают вверх и вниз. Вода щиплет глаза и бьется о кожу. Теперь мне холодно. Мои джинсы стали словно свинцовые грузила, ноги и ступни полностью онемели.

– Кора!

На мгновение я теряю ее из виду и пугаюсь. Небо низкое и темное, море ледяное. И живое. Я нахожусь над глубиной в буквальном смысле слова – я могу быть в десяти или ста футах от дна, понятия не имею; вода подо мной вязкая и черная. Я представляю себе каменные мемориалы, выстроившиеся вдоль каждого берега и мыса, которых я больше не вижу, и у меня кружится голова. Я могу умереть здесь. Здесь умирают все.

Когда что-то задевает мою ногу, мою руку, я кричу – тонко и протяжно – и пытаюсь вырваться, отталкиваясь ногами, пытаясь

повернуть обратно к берегу. Пока чья-то рука не хватает меня за плечо и не разворачивает обратно.

Лицо у Коры белое, как воск. Волосы густыми мокрыми прядями свисают вокруг щек и ушей.

– Господи! Слава богу, с тобой всё в порядке… – Я притягиваю ее к себе. – Нам нужно вернуться на пляж.

Она отпускает мою руку и отталкивает меня. Ее лицо лишено всякого выражения, глаза пусты.

– Кора, пожалуйста. Здесь опасно. Мы должны вернуться на пляж. Уилл и Юэн ждут нас. Они попросили меня прийти и забрать тебя, понимаешь? Я – Мэгги, помнишь? Пожалуйста, вернись со мной, Кора. Я обещаю, что ты будешь в безопасности.

Когда она снова хватает меня за руку, мое облегчение оказывается кратким. Пальцы, сжимающие мою руку, синие от холода. Но ярость в ее глазах – белая. И вот я уже отбиваюсь от пощечин, столь же испуганных, сколь и неистовых, под яростными всплесками воды.

– Кора, остановись! – Вскидываю руки, чтобы удержать ее. Я не хочу причинять ей вред, но больше не могу пошевелить ни руками, ни ногами. Они уже не онемели, а как будто горят, и электрические спазмы боли отдаются в груди и в области таза. Мои мысли – даже паника – кажутся медленными и беспорядочными. Время уходит быстрее, чем силы. – Кора. Пожалуйста. Ты должна довериться мне. Позволь мне помочь тебе вернуться к Уиллу.

И тут она останавливается. Ветер ненадолго отбрасывает нас друг от друга, а дождь снова начинает идти с новой силой, прокалывая отверстия в поверхности моря и сильно барабаня по моему черепу. Кора смотрит на меня. Моргает раз, два, ее дыхание белым облачком клубится между нами. Ее глаза наливаются слезами, и моя паника смещается, ускоряется. Я полностью забываю о море, о шторме.

– Кора…

– Где я? – Она издает какой-то звук, тихий и страдальческий, кружась в воде, глядя на море.

– Кора…

– Я тебя не знаю, правда? – спрашивает она. Голос у нее высокий и испуганный, взгляд тусклый и несфокусированный. И есть еще что-то. Какая-то другая перемена в ней – чуждая и резкая, – которой я не

могу дать название, но ощущаю настолько остро, что хочу убежать от нее. Уплыть.

Но я не могу. Потому что это Кора. Это мама Уилла. И не ее вина, что она больна, что ее мозг медленно разрушается. Она не виновата, что не понимает, насколько сильно ей нужна помощь. А если я буду спасать только себя, то останусь тем же человеком, который накормил свою маму трамадолом и морфием – двойной смертельной дозой. Я останусь той же самой личностью, которая притворялась, что не знает, почему она видела демона, забравшегося в гроб ее матери.

Я тянусь к Коре, волоку ее к себе, вкладывая в это все оставшиеся силы. В глазах все расплывается, я все глубже погружаюсь в воду. Но, к моему облегчению, Кора на этот раз не сопротивляется; она цепляется за мою руку и прижимается ко мне. Я поворачиваю к берегу и пробиваюсь вперед, увлекая ее за собой. Когда волны становятся больше, края их гребней начинают превращаться в прибойные буруны. Я не представляю, как мне удастся удержать ее, когда мы попадем в полосу прибоя, но делать больше нечего. Брызги застилают мне глаза, пена полосами стекает по лицу. Одна волна толкает нас ввысь, а потом снова, еще выше. Ногти Коры впиваются в мою кожу, ее тяжелое дыхание обжигает мою шею. А потом она с испуганным криком: «Помоги мне!» прыгает на меня, ее руки крепко сжимают мои плечи.

Пузыри от моего собственного крика щекочут мне лицо, пока я пытаюсь вынырнуть на поверхность. Страх Коры делает ее удивительно – ужасающе – сильной. Ее пальцы все еще впиваются в мои плечи. В панике я продолжаю пытаться вынырнуть, хотя сил в руках уже не осталось. Когда она на мгновение отпускает меня, я делаю последний рывок и снова оказываюсь на свободе, задыхаясь от нехватки воздуха; легкие горят, сердце колотится, руки судорожно дергаются.

Волны стали намного мощнее, и нас швыряет как в гигантском водовороте. Я вижу мелькающие перед взором пятна пляжа – уже ближе, но все еще невероятно далеко. А Кора держит меня еще крепче, чем море, она цепляется за меня с диким ужасом. Я вижу, как клацают ее зубы, прежде чем она открывает рот, чтобы снова закричать.

Я задыхаюсь, когда волна ударяется в мою грудь, и набираю полный рот ледяной морской воды.

– Пожалуйста, Кора. – Кашель раздирает мои и без того горящие легкие. – Перестань…

Я чувствую, как кулак с размаху ударяет меня в висок, отбрасывая назад, в очередную волну. А потом Кора наваливается на меня всем весом, толкает вниз, на этот раз еще глубже; ледяная вода стремительно накрывает меня с головой. И я слышу свой булькающий крик в тот момент, когда понимаю, что так могу и утонуть – *уже тону*. Я вижу над собой темную тень Коры, окруженную бурлящей, неутомимой водой. А потом смотрю вниз, в эту темноту внизу, в это черное ничто, такое спокойное, такое неподвижное… Так тихо после всей этой ярости и шума…

Как это могло случиться? Я думаю о том, как смеялась с Чарли и Келли. Думаю об Уилле; о наших руках, с электрическим разрядом соприкасающихся в просвете между креслами, где никто этого не мог видеть. Я так устала… Мне так хочется вдохнуть. Хотя бы раз. Одного раза будет достаточно. А под этим кроется облегчение. Глубокое и неоспоримое облегчение, что наконец-то все закончилось.

«Уилл, прости меня. – Его имя пузырьками уносится ввысь, оставляя меня позади. – Прости меня…»

*** * ***

Боль шокирует меньше, чем шум, – его так много, все смешалось в приглушенную, гулкую массу звуков. Я пытаюсь бороться с этим, вернуться в ту благословенную пустоту и тишину, но тут в ушах что-то щелкает, и весь этот звук врывается внутрь моей головы, громкий и неожиданно отчетливый.

Я приподнимаюсь, задыхаясь, кашляя, пытаясь перевернуться, пытаясь втянуть воздух в легкие. Те больше не горят; вместо этого они словно наполнены кровью, холодной и густой, и каждый вдох, который мне удается сделать, причиняет такую боль, что я почти хочу прекратить дышать.

– Она жива. Она в порядке!

Я чувствую прикосновения рук, но они тоже ощущаются слабо, как будто мое тело больше не принадлежит мне. И я не могу видеть. Все вокруг зернистое и черное, тени и тусклый свет. Я лежу на боку и

пытаюсь дышать. Я чувствую запах моря. Чувствую вкус соли во рту, ощущаю песок на языке, на зубах, на коже. Слышу волны, но уже не так близко, не так бурно. Слышу, как ветер воет вокруг мысов, со свистом проносясь по их неглубоким темным шельфам. И еще я слышу голоса. Крики.

Мне тоже хочется кричать. Я хочу выпустить крик, бьющийся в груди, в голове, во рту. Я хочу бежать. С трудом сажусь. Песок подается под основаниями моих ладоней, прохладой просачивается между пальцами. Чужие руки снова касаются меня, давят на плечи, и я отталкиваю их.

– Все хорошо, ты в порядке, Мэгги.

Чарли. Голос Чарли. Глаза Чарли, широкие и темные. Его дрожащая ладонь на моей щеке.

Я пытаюсь заговорить, но из ноющих легких вырывается лишь очередной кашель. Чарли стоит на коленях на песке рядом со мной. Он прислоняет меня к своей груди, пока я снова не обретаю способность дышать.

Уилл стоит по другую сторону от меня; его дрожащие руки касаются моих волос, моих рук.

– Ты в порядке? Милая, ты в порядке?

– С ней всё в порядке, – повторяет Чарли тем же неуверенным голосом.

Кто-то укутывает меня в одеяло.

– Мы искали маму, когда… – Голос Уилла срывается. – Я увидел тебя. Я увидел, как ты вошла в море, и я…

К моей коже возвращается чувствительность. Я чувствую горячее и колючее, когда Уилл прижимается лицом к моей шее и плечу. Я понимаю, что он такой же мокрый, как и я.

– Я мог потерять тебя. Господи, Мэгги… Я мог потерять вас обеих…

И тут ко мне возвращается нечто большее, чем просто слух, зрение или осязание. Осознание возвращается ко мне, как очередной удар током, так быстро, так мгновенно, что я вздрагиваю. Оглядываю пляж, темный из-за приближающейся ночи. Здесь полно людей. Алек, Фиона и Шина. Джимми, Айла и Джаз. А рядом с Юэном, промокшим насквозь и всхлипывающим на песке, сидит Кора, закутанная в другое

одеяло. Джиллиан приседает на корточки рядом с ней, обнимая ее за плечи. Но она не смотрит на Кору. Вместо этого она смотрит на меня.

Я думаю о пузырьках, щекотавших мою кожу, о последнем воздухе в моих легких.

С трудом поднимаюсь на четвереньки. Потому что за моей паникой стоит что-то большее – что-то, что я нашла в шторме, в море; что-то, чего я пока не могу вспомнить. И вдруг я вспоминаю Кенни, ухмыляющегося поверх ствола своего дробовика. «Мы убили его».

– Мэгги, что случилось? – спрашивает Уилл. И мне хочется опереться на него, укутаться, словно в одеяло, в его заботливость, положить ему на плечо голову и заснуть.

– Мэгги? – окликает Чарли.

«Никому не верь», – шепчет мама мне в уши, полные рева ветра и моря.

Когда мне удается – наконец – подняться на ноги, я всхлипываю. Несмотря на то, что ветер немного стих, я шатаюсь, пытаясь сопротивляться ему. Сопротивляться рукам и заботливости Уилла. Песок уходит у меня из-под ног, заставляя качнуться вперед.

– Мэгги?

Мико стоит перед тропинкой, ведущей с берега наверх. Она держит в руках маленький яркий фонарик и одета в неоново-зелено-желтый анорак. Я смотрю на нее, на все эти цвета и свет, и, спотыкаясь, бреду к ней, позволяя ей подхватить меня, не дать мне упасть.

– Пожалуйста… – Я так стараюсь не закашляться, что почти забываю дышать. – Забери меня отсюда.

– Мэгги, что…

– Прошу тебя.

– Ей нужно в больницу.

Я отшатываюсь от голоса Чарли. Слишком близко. Я хватаю Мико за рукав, да так крепко, что она вздрагивает.

– Ты не дышала… Боже мой, Мэгги, – выдыхает Уилл и тянется к моей руке. – У тебя не было пульса.

– Я отвезу ее обратно на Лонг-Страйд, – говорит Мико. И что-то внутри меня наконец ослабевает от решимости в ее голосе. От этой властности. Я чувствую такое облегчение, что у меня едва не подламываются ноги.

– Пойдем, – говорит она, обнимая меня за талию.

И если в ее голосе звучит легкая дрожь, я вряд ли могу винить ее за это. Только не тогда, когда мое сердце все еще так сильно бьется в груди, что я его слышу. Я достаточно хорошо осведомлена, чтобы понять, что это паника. Паника и шок. Гипоксия и, возможно, переохлаждение. Но дело не только в этом. Это еще и пронизывающий ужас, который все еще сдавливает мне горло. Он заставляет меня вспомнить о щекочущих пузырьках воздуха и улыбке Кенни, о его оскаленных зубах. «Надвигается буря».

Потому что мне вдруг становится очень, очень страшно, что он прав.

Глава 35

– Вот.

Я беру кружку с кофе, обхватываю ее все еще онемевшими пальцами.

– В нем есть немного бренди. – Мико улыбается, садясь на узкую кровать напротив моей.

Бунгало маленькое и теплое. Крошечная кухонька и туалет в одном конце, раскладной стол рядом с дверью, две кровати между ними. Пахнет сосной и духами, которыми пользуется Мико, возможно, жасмином. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, стараясь не дрожать.

Стук в дверь негромкий, но я все равно вздрагиваю, проливая кофе на колени, на мешковатый джемпер и легинсы, в которые Мико заставила меня переодеться, как только мы вернулись сюда.

– Это Уилл. Я просто хочу поговорить с тобой, Мэгги. Ты в порядке?

Я закрываю глаза, и Мико осторожно забирает кружку у меня из рук.

Уилл снова стучит, на этот раз так сильно, что сотрясается дверная коробка.

– Я никуда не уйду. Скажи мне, что случилось. Ради всего святого! Мне просто нужно знать, что с тобой всё в порядке. Пожалуйста…

Я не могу слышать его голос. Не могу видеть его лицо. Не могу отвечать на его вопросы. Я хочу спрятаться в пустой и безразличной тишине. Хочу лишь попытаться думать. Когда я с ним, я не в состоянии думать.

– Всё в порядке, – заверяет Мико, направляясь к двери. – Я его не впущу.

Когда она возвращается, я подскакиваю, как будто задремала. Возможно, так и есть.

– Чарли тоже там. Он хочет поговорить с тобой.

Я качаю головой.

– Не могу. Не сейчас.

Мико садится рядом со мной и берет мои распухшие пальцы в свои прохладные ладони.

– Я не знаю, что случилось, и ты не обязана мне рассказывать. Но, думаю, тебе нечего бояться. Любому понятно, что они оба просто беспокоятся о тебе. – Когда я ничего не отвечаю, она вздыхает. – По крайней мере, позволь мне отвезти тебя в Сторноуэй. Чарли прав, тебе нужно в больницу. Гипотермия может…

– Я не поеду в Сторноуэй. Не сейчас. – Потом вспоминаю, что Келли уезжает сегодня вечером, и едва не меняю свое решение.

– Возможно, тебе следует поговорить с Чарли. Выслушать все, что он скажет. Он уверяет, что это важно. – Она удерживает мой взгляд. – Он говорит, что спас тебе жизнь, Мэгги.

Я делаю еще один болезненный вдох. Я тоже считаю, что мне нечего бояться. По крайней мере, не Чарли. И мне действительно нужно поговорить с ним. Мне необходимо знать, чего я на самом деле боюсь.

– Хорошо.

Мико встает, открывает дверь и снова выскальзывает наружу.

Чарли входит в дом один.

– Ты в порядке?

Его голос дрожит, и это заставляет меня чувствовать себя увереннее. Я киваю. Незаметно потираю грудь, в которой медленно бьется боль.

– Мне жаль, – говорит Маклауд, бросая короткий взгляд на свои руки. – Давненько я не… наверное, повезло, что я не сломал тебе пару ребер.

Я чувствую еще один толчок боли. Я умерла. А Чарли воскресил меня. Я пытаюсь представить себе это – как я лежу на песке, а все остальные стоят и смотрят, пока он пытается запустить мое сердце снова. Я не помню, как умерла. Не помню, как вернулась к жизни.

Чарли протяжно, тихонько выдыхает. Закрывает глаза.

– Ты уже знаешь.

– Я говорила с Сонни. С Кенни Кэмпбеллом. – Я заставляю себя посмотреть на него. – Он сказал, что вы убили Роберта. – А потом мне приходится отвести взгляд. – *Все вы*.

Чарли снова выдыхает, но уже более тяжело, и, когда он пошатывается, мне приходится преодолевать желание подойти к нему.

Он смотрит на меня, его глаза влажно блестят.

– Здесь ты в безопасности. Я обещаю.

Но я ему не верю.

– Я умерла, Чарли.

– Господи… – Он потирает лоб. – Что за чертовщина!

– Ты лгал мне. Обо всем.

Чарли опускает руки по швам. Расправляет плечи. В конце концов смотрит на меня.

– Мы нашли их у Лох-Ду. Роберта и Лорна. Было уже поздно. Шторм утих, луна светила ярко. И… они были там. Мы сначала подумали, что оба они мертвы. Но Роберт просто был в отключке. Выпивка, холод… – Он снова проводит руками по лицу. – Шок от того, что он совершил. – Пожимает плечами. – Бог знает. Наверное, всё вместе.

– Он убил Лорна?

– Задушил его.

– Почему?

– Он… он… Роберт… – Чарли горестно икает. – Это была наша вина. Мы знали, все мы знали, что что-то не так, и ничего не сделали. – Он делает паузу. – Или, может быть, мы не должны были ничего делать. Вместо этого усугубили плохую ситуацию и…

– О чем ты говоришь?

– Мы украли его овец. Как раз перед тем, как это случилось. Собрали их и спрятали в сарае Брюса. – Он покачал головой. – Это было именно оно. Это был переломный момент, я всегда был в этом уверен. Если б мы не…

– Какого черта вы украли его овец?

Чарли складывает ладони, словно собирается молиться. Но когда он смотрит на меня, его взгляд тверд.

– Потому что он их убивал.

* * *

Роберт

Я просыпаюсь в постели и сразу понимаю: что-то не так. Я не шевелюсь, однако могу сказать, что на мне все еще моя одежда. И я

чувствую боль. В стольких местах, что трудно определить какое-то одно. Острая и тупая, глубокая и поверхностная. Холодная и горячая. Свет заливает мои веки жгучим золотом, но я не открываю их. Я слишком боюсь этого – они пульсируют и ноют. В комнате двое мужчин. Они обсуждают меня свистящим полушепотом.

– Это безумие, и ты это знаешь. Когда завтра восстановится связь, мы позвоним в полицию.

– Мы должны подождать.

– Чего?

– Нам нужно подумать.

– О чем, черт возьми, тут думать?

Это Кенни и Чарли. И чем дольше я лежу здесь, слушая, как они говорят обо мне, чем дольше притворяюсь, будто все еще сплю и не испытываю боли, тем сильнее становится чувство ужаса в моем животе. Нестерпимая боль, которая, как я знаю, ждет, когда я пошевелюсь, подступает все ближе. Блики воды. Огромные стоячие камни и глаза, похожие на ярко блестящие шарики. Теплая голова овцы у меня на коленях, ее неглубокое и частое дыхание, когда я глажу ее прижатые уши. «Всё в порядке». Только всё совсем не в порядке.

– Нам нужно позвонить в полицию. – Кенни больше не шепчет.

– На кухне все еще кровавая баня, – замечает Чарли. – Последнее, что нам нужно, это чтобы полиция рыскала тут, пока мы…

– Да? И как долго, по-твоему, ты сможешь сдерживать Алека, чтобы тот не прикончил его?

На этот раз в памяти мелькают яростно оскаленные зубы и черные глаза. Рыдания, смешанные с безумным рычанием, молотящие кулаки. Кашель, скользкая поверхность под ногами. Кафельный пол, залитый моей собственной кровью.

Я с усилием открываю опухшие глаза. Сжимаюсь от ужаса, когда вместо солнца, пробивающегося сквозь тюлевые занавески Мэри, вижу только беленые кирпичи и яркую лампочку над головой. Я в погребе. Голова болит, она словно набита камнями с острыми краями. Я сажусь.

Кенни издает проклятие, а Чарли вздрагивает. Оба они стоят в изножье старого матраса, уставившись на меня так, словно впервые видят.

– Где Мэри и Кейлум? – Голос у меня хриплый, горло болит.

– С ними всё в порядке, – отвечает Чарли. – Они с Брюсом Маккензи.

– Почему? – В погребе прохладно, но мне жарко. Кенни напоминает статую. Он смотрит на меня не мигая, открывает и закрывает рот, не говоря ни слова.

– Что ты помнишь, Роберт? – спрашивает Чарли. Сегодня он не улыбается мне обычной веселой улыбкой. Плотно сжатые губы и фиолетово-темные тени под глазами. – Что ты помнишь о прошлой ночи?

Я качаю головой.

– Я не… Я не…

– Чушь собачья! – кричит Кенни, его сильные руки сжимаются в кулаки. Его взгляд становится пристальным и оценивающим, и я вздрагиваю, когда он внезапно шевелится, лезет в карман и что-то достает. – Ты думаешь, Чарли, будто можешь поступать так, как тебе хочется, и все мы просто подчинимся? – Его губы сжимаются, а затем искривляются в усмешке. – Ты высокомерный сукин сын. И всегда им был.

Он поворачивается к лестнице; перила протестующе скрипят, когда он хватается за них. И тут же останавливается, его плечи на мгновение поникают.

– Думаешь, я не знаю? О тебе и Айле? Думаешь, Мойра не знает?

Когда Чарли ничего не отвечает, Кенни поднимает голову, разворачивается и бросает в Чарли то, что у него в руке, – слишком быстро и сильно, чтобы тот успел поймать. Оно ударяется о земляной пол с глухим стуком, и я понимаю, что это ключ от люка.

Кенни стоит на нижней ступеньке и смотрит в стену – и никуда больше.

– Нужно позвонить в полицию.

А потом с топотом поднимается по лестнице и уходит в дом.

Я смотрю на кухню сквозь открытый люк. Смотрю на Чарли. Камни в моей голове скрежещут о кости, о нервы и друг о друга.

– Почему ты здесь? – Голос у меня заторможенный и отрешенный. Он больше не похож на мой голос. Черные тени подкрадываются ближе. – Что я сделал?

* * *

– Вы держали его *в заточении*?

Чарли качает головой, потом останавливается.

– Этого не должно было быть – просто… так получилось. После того как мы нашли их… после того как Макдональды узнали о Лорне, Алек впал в ярость. В безумие, словно берсерк. Мы отнесли Роберта обратно в дом, и Алек едва не выбил дверь, чтобы добраться до него. Потребовались усилия пятерых человек, чтобы оттащить его от Роберта; повезло, что он его не убил. Фиона умоляла нас не звонить в полицию – не хотела рисковать потерять не только сына, но и мужа. А я… я чувствовал себя слишком виноватым, чтобы отказать. Потому что я уже давно знал, что с Робертом что-то не так. Я знал, что ситуация ухудшается.

– Почему он убивал своих овец?

– Однажды утром, в январе, когда Джимми был наверху на Торр-Дисирт, он увидел Роберта с его отарой на соседнем участке. И видел, как тот присел за восточной кладбищенской стеной на несколько минут, а потом уехал на своем квадроцикле. Джимми даже не задумывался об этом, пока через несколько часов не пошел обратно и не обнаружил на том самом месте овцу с глубокой ножевой раной на животе. Поняв, что ничем не может ей помочь, он разыскал меня и Кенни. Но когда мы вернулись туда, она исчезла.

Чарли закрывает глаза.

– У Роберта… у него были все эти… увлечения. Навязчивые идеи. В основном – скандинавская мифология. Не знаю, верил ли он во все это в глубине души, но… он был таким человеком, которому требовалось чувствовать себя хозяином положения, потому что он никогда им не был. Ему нужны были его суеверия, его ритуалы. Его талисманы. Это Мэри рассказала мне о *вандр-варти*. Она беспокоилась за него. У него в Абердине было что-то вроде срыва. Но мы ее не слушали. Не слушали достаточно внимательно.

– Он рассказал тебе о шторме в семьдесят седьмом, о том, как думал, будто погубил всех тех рыбаков. – Я пытаюсь скрыть гневные нотки в своем голосе, но безуспешно. Вся эта ложь, которую Чарли

мне наговорил, подбрасывая мне мизерные крохи правды… – Я видела маяк, Чарли.

Он бросает на меня отчаянный взгляд, как будто хочет, чтобы я поняла то, чего не могу понять. Или не хочу.

– Люди – сложные существа, Мэгги. Я знаю, что ты это понимаешь. Я думаю, что в детстве он верил, будто убил тех людей, поскольку ему казалось, что его мать верит в это. Может быть, она опасалась того, что может случиться, если их друзья и соседи услышат его дикие заявления, ведь единственная возможность для людей пережить подобные трагедии – это держаться вместе, помогать друг другу. А может, она просто обезумела от горя… Не знаю. Но какова бы ни была причина, я думаю, именно поэтому Эндрю придумал *тонкое место*, полное богов и призраков, где все может быть правдой. Где можно обстрелять маленькими камнями маяк высотой в сто футов и заставить его разбиться – просто потому, что ты этого хочешь. – Он вздыхает. – Но она умерла, когда ему было восемнадцать, и, возможно, тогда он почувствовал, что наконец-то может быть свободен. Он уехал. Нашел жену, которая любила его. Жизнь. Будущее… Роберт задушил Эндрю.

– Ты думаешь, он убил маленького мальчика, потому что ненавидел себя? Потому что верил в богов, призраков и *тонкие места*? – Но я не могу сильно возмущаться подобному дикому предположению, поскольку прекрасно знаю, что такое ненависть к себе. Толстая и непроницаемая оболочка, из которой невозможно выбраться; бесконечные порочные круги, из которых невозможно вырваться.

Чарли кивает.

– Он сказал мне, что так и было. Я думаю, что, когда Роберт раскрыл свое настоящее имя, свою настоящую историю, он воскресил Эндрю. – Его взгляд внезапно становится спокойным, неподвижным. – А я ничего не сделал. Я был единственным, кто знал о нем. Я видел, как Роберту становилось все хуже, и ничего не сделал. И когда Лорн умер, я захотел сделать хоть что-то.

– Ты хотел помочь ему? – Потому что я понятия не имею, что он имеет в виду. Я вспоминаю тот холодный и затхлый подвал без окон и вздрагиваю. – Помочь Роберту?

– Да. – Маклауд тяжело качает головой. – Нет. Я… Мы были в шоке. Вся деревня. Это длилось всего неделю. Мы продержали его в «черном доме» неделю. Но это была… долгая неделя. А потом… – Выражение лица Чарли меняется. Все спокойствие исчезает, как солнце за тучами. – А потом Роберт заговорил.

Мое сердце бьется медленными ритмичными толчками, настолько мощными, что я чувствую, как пульс отдается в моей шее.

– Что ты имеешь в виду?

Чарли сглатывает. Смотрит на меня почти умоляюще.

– Иногда то, что мы делаем, гораздо хуже того, во что мы верим.

И я понимаю, что он говорит не о десятилетнем мальчике, который обстреливал маяк камнями, желая смерти своему отцу.

– Чарли… – Я прижимаю ладонь к шее, чувствую биение пульса под пальцами. – Что вы сделали?

* * *

Роберт

Я не помню, как убивал овец, но знаю, что это сделал я. Потому что под верстаком в погребе лежит комбинезон, заляпанный застарелой кровью. И потому, что я не помню, как убивал всех этих птиц, но их всегда было так много, они были скрыты глубоко внутри той древней каменной расщелины, заросшей зеленым мхом… И поэтому мне приходится верить, что я убил и Лорна Макдональда. Не только потому, что Чарли сказал мне об этом дрожащим голосом, при этом по его лицу текли слезы. А потому, что я чувствую ужасную правду этого, даже если не могу вспомнить.

Я сплю и просыпаюсь. Один раз от резкого запаха хлорки и шума на кухне, другой – от лязга металла и пластика, шепота людей. Я сплю и просыпаюсь; надо мной яркие звезды, маяк Ардс-Эйниш – темная тень в углу, воспоминание о белом луче, медленно движущемся по стенам, неизменном и надежном. И все это время я нахожусь в ловушке под водой; тьма снова накатывает на меня, как цунами, и все, что я могу сделать, – это попытаться всплыть, попытаться дышать. Но все равно я вижу *его* черные блестящие глаза, как у овцы, когда ее дыхание замирало в холодном воздухе; я ощущаю в своей тогдашней

ярости силу, которую никогда не находил в покое. И знаю, что это правда. Все это правда.

На третий день ко мне приходит Мэри, и я так рад, что чувствую, как тьма немного рассеивается. Потому что именно Мэри спасла меня от прошлого цунами. Именно она вытащила меня на сушу.

Она не подходит к матрасу. Вместо этого садится на табурет рядом с моим верстаком и смотрит на меня, как на чужого человека. Она похожа на мою мать. *После*. Сутулая и слабая. И полная гнева.

– Почему? – Шепот ее тоже звучит слабо. Слезы быстро капают с ее подбородка на колени. Из-за меня у нее тени под глазами, морщины вокруг рта. Из-за меня в ее голосе звучат эти усталые нотки темной ярости.

– С Кейлумом всё в порядке? Я могу его увидеть?

– Можешь ли ты его увидеть? – Мэри встает, обретя достаточно сил, чтобы расправить плечи и сжать челюсти. – Нет, Роб, ты не можешь его увидеть. – Ее глаза все еще блестят, но слезы остановились. – Ты убил маленького мальчика.

Я закрываю глаза, потому что вода снова заполняет мои легкие. А когда открываю их, Мэри уже нет, и надо мной только черное мрачное море.

Я медленно всплываю на поверхность. Так медленно, что сначала не замечаю этого, пока не осознаю́, что снова могу дышать. Я снова могу чувствовать, видеть и слышать. Столько боли и шума, что я почти тоскую по тяжести воды. Лорн – это все, что я вижу. Маленький мальчик, который даже не начал жить. Я понимаю, что не могу смотреть на свои руки, не могу смотреть на свою кожу. Я вообще не могу смотреть на какую-либо часть себя.

– Чарли… – На него я тоже не могу смотреть. Вместо этого смотрю на еду, которую он мне принес: термос с бульоном, который, как я знаю, приготовила Мэри, и свежий белый хлеб. – Пожалуйста, не сообщайте полиции. Пожалуйста, не позволяйте им забрать меня. Я умоляю вас. Пожалуйста.

А Чарли просто опускает голову на руки и покачивает ею.

– Я знаю, *что* сделал. Я знаю, что никто никогда не простит меня за это. – Я пытаюсь отстранить от себя всю эту боль и весь этот шум, заставить их подождать хотя бы до тех пор, пока Чарли не уйдет. Пока

я не скажу то, что хочу сказать. – Меня нужно наказать. Но не так. Я не могу… Я не смогу этого выдержать, Чарли. *Пожалуйста*.

Я вспоминаю здание без окон, полное шума, крови и стали.

Он смотрит на меня сверху вниз, глаза у него красные.

– Просто скажи нам почему, Роберт. Почему ты это сделал?

– Ты знаешь почему.

Но Чарли продолжает качать головой, притворяясь, будто не знает. И еще он притворяется, будто не знает, почему я все еще здесь. Почему он запирает меня в этом погребе каждую ночь.

– Скажи нам ради Мэри. Она любит тебя. Она хочет тебе добра.

Я смотрю на поднос, суп, хлеб, пока мое зрение не затуманивается.

– Нет. Она любит Роберта.

Когда Чарли ничего не отвечает, я встаю на шаткие ноги. Иду к подножию лестницы, оглядываюсь на маяк Ардс-Эйниш. В этом погребе слишком много того, что дарит мне комфорт; это крепость, а не тюрьма. Вместо этого я смотрю вверх, на светлые сосновые стены «черного дома». Солнечный свет, падающий сверху, согревает мою кожу, мои руки. *Мои руки*. Я все отравил. Всех – всех, – кого я когда-либо любил. И я должен искупить вину. *Мы жертвуем, чтобы нас не принесли в жертву*. Вот что я сделал. Я убил – умертвил – маленького мальчика, который даже не начал жить, потому что хотел убить Эндрю. Я всегда хотел убить Эндрю.

– Истина обитает в *тонких местах*, Чарли. Глаз за глаз, ожог за ожог, рана за рану. – Я смотрю вверх, в Блэкхауз, и чувствую, как мои легкие расширяются, наполняясь огромным количеством воздуха. – Жизнь за жизнь.

* * *

– Самоубийство, – догадываюсь я. – Роберт имел в виду самоубийство.

Чарли единожды кивает. Его руки сцеплены так крепко, что костяшки пальцев белые.

– Ему нужна была помощь, Чарли! Он никак не мог быть в здравом уме. Ни когда убил Лорна Макдональда, ни когда решил

покончить с собой. И вместо этого вы сказали «хорошо»? Вы не сообщили в полицию, не сказали врачу? Вы заперли его на неделю, а потом просто сказали «ладно»?

Ужас и возмущение, которые я испытываю, относятся не только к Роберту, я знаю это. Это касается и мамы, и ее собственных мифов и *тонких мест*. И столь же сильно это касается меня – меня, которую вечно тянет в двух направлениях, и ни одно из них я не могу назвать домом.

– Он бы сошел с ума в тюрьме, Мэгги. Или в какой-нибудь больнице. Когда он был совсем юн, с ним случилось несчастье, и он так и не смог это пережить, никто не помог ему с этим справиться. – Чарли смотрит на меня. – Просто вернуться на материк было бы для него… Ему нужно было это место, эта земля, это небо, даже это море. Это была его часть. Это часть всех нас. – Он протяжно вздыхает. – Я хотел помочь ему. И это правда. Правда, которую я никому не говорил, ведь он только что убил восьмилетнего мальчика.

– Если вы это сделали – если допустили это, – значит, то, что сказал Кенни, было правдой. – У меня в горле пульсирует тупая боль. – Роберт был убит. Вы убили его.

Взгляд Чарли внезапно становится яростным, горячим.

– Роберт Рид хотел искупить вину за содеянное. Он хотел понести наказание. Чтобы его простили.

– И ты рассказал всем остальным, что он хотел сделать? Или просто позволил ему сделать это?

– Я рассказал всем. Конечно, рассказал. Я рассказал им все, что он мне поведал, о своем настоящем имени, об Ардшиадаре, о том, почему он поступил с Лорном так, как поступил. – Чарли опускает взгляд на свои руки. – Мы должны были принять решение.

Внутри у меня все замирает. Даже сердцебиение.

– Боже мой… – Я вспоминаю слова Уилла: «Обычно люди без голосования в кругу друзей не могут договориться даже о том, кто купит первую порцию пива после звона колоколов». – Вы проголосовали. – Чарли слегка вздрагивает и отводит взгляд. – Вы проголосовали за то, чтобы убить его.

– Мы проголосовали за то, чтобы помочь ему умереть. Это не одно и то же.

Но на этот раз в его словах нет огня. Нет убежденности.

И мое возмущение, мое праведное негодование тоже превращается в пепел в моих устах. Потому что я снова оказываюсь внутри серебряной нити света, протянувшейся от окошка к краю кровати, и прислушиваюсь к маминому хриплому дыханию. К звяканью флакона с таблетками в моем кулаке. «Заставь это уйти, Мэгги».

– Мы – община, – говорит Чарли. – Мы – семья. – Он снова сжимает руки в кулаки.

– Все сказали «да»? – И я немного ненавижу себя за надежду и злость, которые звучат в этом вопросе.

– Все, кроме Кенни, – отвечает Чарли. – Для Макдональдов – во всяком случае, для Алека – это была месть, а для всех остальных – справедливость. – Он снова смотрит на меня умоляющим взглядом, отчаянно желая быть понятым. – А что есть справедливость, как не нечто среднее между состраданием и местью?

Он встает, прохаживается по бунгало из конца в конец, а потом обратно.

– Я думал, что так будет правильно. Для Роберта. Для всех. – Останавливается. – Но ты права. Кенни был прав. А я был неправ. – Когда он снова смотрит на меня, я вздрагиваю от затаенного ужаса в его глазах, и вся надежда и гнев вытекают из меня. – Боже, Мэгги… Я был ужасно, абсолютно неправ.

Глава 36

Эндрю

Мэри не хочет меня видеть. Она не хочет со мной прощаться. Моя отважная и чудесная жена, которая никогда не боялась столкнуться с чем бы то ни было. Пока я не притащил ее сюда, на край света. Когда Чарли выводит меня в прихожую, я все еще слышу ее плач в спальне Кейлума. Тихие горловые всхлипы, от которых у меня самого болит горло. От всех тех слёз, которые я заставил ее выплакать. Наше прощание прошло без единого слова; мы оба слишком старались для Кейлума – настолько старались, что это было совсем не настоящее прощание. Я слышу и Кейлума тоже. Его тоненький голосок, полный растерянности, – он пытается утешить Мэри, возможно, пробует взять ее за руку. Он всегда стремится взять тебя за руку.

Чарли открывает входную дверь. Снаружи дует прохладный ветерок. Пахнет морем. Дорога пуста, мыс безлюден. Брюс стоит на Гробовой дороге рядом с моими пасущимися овцами. Он оглядывается на меня и замирает; я киваю ему, и спустя долгое мгновение он кивает мне в ответ. Я рад, что теперь овцы в безопасности; я рад, что именно он присматривает за ними.

Чарли направляется на запад; он даже не оглядывается, чтобы проверить, следую ли я за ним. Ветер усиливается, становится холоднее, когда мы приближаемся к Аче-Лурах. Я хромаю, и мои ушибленные ребра болят, а дыхание сбивается. Я чувствую мимолетное сожаление о том, что больше никогда не увижу *махир* – все эти краски и блики, – но это сожаление тусклое, далекое. Мы взбираемся на утесы, и я не обращаю внимания на то, как колотится мое сердце, когда передо мной открывается Атлантика, плоская и безликая. Позднее полуденное солнце стоит низко, как и вода в отлив; его отражение сверкает на бесконечной серости, словно алмазная пыль.

Мы спускаемся по тропинке. Чарли ругается, когда в самом низу теряет опору и скатывается на песчаные дюны. До береговой линии идти недолго – даже в низкий отлив море не отступает от суши. Когда мы наконец останавливаемся, мое сердце снова начинает колотиться,

на этот раз громче. И когда Чарли поворачивается, чтобы посмотреть на меня, он чувствует это.

– Ты не обязан этого делать.

Я вдыхаю и выдыхаю, тихо и медленно.

– Нет, обязан. Я не могу вернуться.

Чарли пытается сохранять тщательно выпестованную безучастность, но она не подходит к его лицу. Я понимаю, что мне не хватает той легкой улыбки, которую я так презирал, – теперь, когда я знаю, что больше ее не увижу.

– Тогда мы можем сделать это по-другому, Роберт. Не так.

– Нет. – Спокойствие внутри меня подобно кокону. – Это должно быть именно так.

Но я все еще колеблюсь. Не могу сделать эти последние несколько шагов. Смотрю на море, на белые волны вокруг моих ботинок.

– Я не боюсь боли, Чарли. Я не боюсь смерти. Я боюсь страха.

Чарли сглатывает.

– Все боятся страха.

– Они все придут? Они все будут там? – Мой голос слишком слаб. Слишком сильно колотится сердце.

– Все будет так, как ты хотел. Я дал тебе слово.

Я еще раз оглядываюсь на пляж и мыс.

– Прощай, Чарли.

И когда его маска безучастности наконец начинает трескаться, я быстро отворачиваюсь и начинаю идти в море.

Холод кажется почти обжигающим. Я делаю судорожные вдохи, быстро и тяжело шагая сквозь волны. Все болит – колено, ребра, челюсть, – но я абсолютно уверен, что не могу упасть, не должен упасть. Потому что мой кокон становится все менее прочным, его стенки прогибаются внутрь под тяжестью воды. Когда прибой усиливается, я пытаюсь плыть. За Западным Мысом, чуть ниже мыса Роэнесс и каменных развалин церкви, есть скала, к которой я и направляюсь. Я полон решимости сделать все правильно.

Это занимает много времени. Когда я наконец выныриваю из волн и добираюсь до скалы, наполовину погруженной в воду и скользкой от водорослей, мои руки висят мертвым грузом, а все ниже пояса онемело. Я наполовину втаскиваю себя на скалу, как жирный тюлень, тяжело и быстро дыша, выкашливая морскую воду. Оглядываюсь на

пляж – на берегу стоит Чарли. Он смотрит в мою сторону, и я думаю, не поднимет ли он руку, чтобы помахать мне. Но Чарли не поднимает и не машет. Я смотрю на океан позади себя, такой невероятно огромный теперь, когда я нахожусь в нем. Относительное укрытие от ветра, которое дает мне Западный Мыс, радует, но его тень – нет. Я оглядываюсь назад, на Чарли и солнце, и стараюсь не жалеть о том, что я здесь, а не там.

Отдыхаю некоторое время, смотрю на небо, созерцаю странные полуосознанные образы черных башен и белых ярких огней, сигнальных маяков вдоль мыса и утеса. Когда волна смывает меня со скалы, я с криком просыпаюсь, и паника, которую я испытываю, пытаясь дотянуться до нее снова, наконец-то пробивает брешь в моем спокойствии и решимости. Течение изменилось, оно стало сильнее, резче. Солнце наполовину опустилось за атлантический горизонт, окрасив море в цвет крови, а на сером небе появились белые облака. Мне холодно. Зубы стучат, а кожу словно колют тысячи иголок. Я чувствую невероятную усталость; мне кажется, что я могу спать вечно. Однако все мои мысли о том, как легко и безболезненно можно снова погрузиться в сон, разбиваются вдребезги, когда я оглядываюсь на пляж и вижу только Чарли.

Но он обещал. Он обещал. И поэтому я должен ждать. Я должен продолжать держаться.

* * *

А потом наступают сумерки. Темнота. Но я наконец-то, наконец-то вижу фигуры на обрыве. Их силуэты резко выделяются на фоне угасающего серого неба позади. Все они стоят и смотрят, их фонари создают вокруг себя золотисто-желтые сферы света. Люди есть и на пляже – теперь это просто темная полоска земли между обрывом и морем.

Меня то и дело бросают вверх и вниз вздымающиеся волны. До прилива, должно быть, еще три-четыре часа, но ветер уже поднялся – ледяной, холодный, северо-западный. Я чувствую внезапный прилив бодрости, хотя едва могу заставить свои руки продолжать цепляться за скалу – мышцы скованы холодом, а мокрая одежда тянет меня вниз.

Когда я смотрю на небо, облака уже сливаются в одну аморфную темную массу, такую низкую, что кажется, будто я могу дотянуться до них, если захочу. Я чувствую себя зажатым между ними – между тяжелым небом и сердитым морем, – а затем раздается раскат грома, настолько мощный и близкий, что я ощущаю его отголоски в своей груди. Страх, острый и горячий, захлестывает то, что осталось от моей решимости сделать все правильно.

Это было то, чего я хотел. Именно этого. Умереть, как умер мой отец. Как умирают рыбаки. На камнях в шторм, когда с берега смотрят на тебя и оплакивают тебя. Я хотел искупления. Прощения. Мира. Волна сильно бьется о скалу – теперь эта скала погружена в воду по меньшей мере на две трети, – поднимая брызги воды, которые щиплют мне глаза. Я кашляю, когда другая волна ударяет меня плечом и боком о скалу, расцарапывая острым краем щеку и ушибленный подбородок. Я кричу, когда обретаю возможность закричать, когда наконец перестаю задыхаться, – и тут тяжелый вал отбрасывает меня назад и кружит. Я судорожно цепляюсь за скалу, охваченный старым, парализующим страхом, что меня унесет в бездушное море и никто никогда меня больше не увидит.

Я чувствую привкус крови. И черные тени вокруг меня: *сёвэттир*, скрючившиеся в безжалостных волнах; *бокан* с сетями и ножами. Вечный безмерный ужас – что я буду утоплен этим океаном, его жестокостью, такой же холодной и мстительной, как у мальчика, обводящего силуэты рыбацких судов на запотевшем окне. Потому что я каким-то образом забыл: единственное, чего я боюсь больше, чем страха, – это умереть в одиночестве.

Молния разрывает небо и превращает море – хаос вокруг меня – в четкий рельеф. Белый застывший снимок ада. Волны вдруг становятся похожими на горы, а пространства между ними – на черные бездонные пропасти. Когда свет снова исчезает, я смотрю вверх на темное небо, вниз на темное море. И снова на эти золотисто-желтые сферы. Я был неправ. Здесь нет покоя.

Я отталкиваюсь от скалы и пытаюсь плыть к берегу, но тут же погружаюсь. Вода засасывает меня, как торфяное болото. Ужас отнимает последние силы и выталкивает меня на поверхность, где я барахтаюсь и задыхаюсь, пока костяшки пальцев снова не ударяются о камень. Я начинаю кричать. Махать руками. Пытаюсь вскарабкаться на

то, что осталось от скалы, чтобы они могли меня увидеть. Чтобы они знали: я не хочу этого. Я хочу вернуться. Я хочу вернуться домой.

В течение долгих и страшных секунд я думаю, что они не видят, что они не понимают. А потом, в течение еще более долгих и ужасных секунд – что они видят и им все равно. Но потом я замечаю Чарли, бегущего по песку. Слышу его голос, четкий и сильный, звучащий громче нарастающего шторма, громче разъяренного моря:

– Он хочет вернуться!

А потом огни перестают быть неподвижными.

Кенни и Чарли спускают ялик – большой, по меньшей мере шестиместный – в море недалеко от мыса. Но прибой слишком силен; даже с помощью двух других гребцов – кажется, Джимми и Брюса – они не могут продвинуться вперед, не могут одолеть роковую полосу.

Большинство фигур уже спустились с обрывов. Пляж озаряется ослепительными огнями, похожими на беспорядочно мечущихся светлячков. Но некоторые фигуры остаются неподвижными: одинокие точки на фоне неба, которые приковывают к себе мой взгляд, заставляют сосредоточиться, напоминают о моей матери.

Ветер становится все более свирепым. Он воет и рикошетит от скал и мысов. Волны колотят меня, разбиваясь о скалу бесконечными наскоками. Все больше людей помогают столкнуть ялик в море. Их так много, что я не могу их узнать, так много, что я перестаю видеть лодку вообще, но наконец она движется вперед, и я вижу, как на борт взбираются люди, судорожно пытаясь выгрести из прибоя. На мгновение кажется, что им это удастся – ялик поднимается на волну раз, другой, но затем ветер снова меняется, и следующая волна ударяет в левый борт, опрокидывая команду в море. Я слышу их крики, вижу, как они пытаются справиться с перевернутой лодкой, но море швыряет ее обратно на берег, увлекая вместе с ней и эти фигуры.

Гром гремит, возвещая о начале ледяного быстрого дождя, который колотит по моему черепу. Молнии трещат и вспыхивают, а море вздымается все выше. Настолько высоко, что в белом свете эти волны кажутся небом. Как будто в мире больше не осталось ничего. Соль жжет глаза и горло. Спазмы сотрясают меня, заставляя зубы стучать, сердце замирает, делая долгие паузы.

Вокруг ялика снова толпятся люди, толкают его обратно в волны. Но двое бегут к отвесным скалам, быстро поднимаются и

устремляются на восток. В том, кто бежит впереди, я узнаю Джимми: он, должно быть, идет за своим катером, а может, за подвесным яликом, вытащенным на причал в Баг-Фасах. Я не знаю, кто следует за ним, но знаю только, что это не Чарли. Потому что он обещал мне, что не уйдет. Я вижу, как он снова забирается в ялик вместе с тремя другими, гребет и гребет против моря и прилива. И я задерживаю дыхание в груди, когда ветер и течение подталкивают их ближе, ближе.

Но недостаточно близко. Менее чем в пятидесяти ярдах от моей скалы ветер отбрасывает их на запад, в тень мыса, а море там волнуется все сильнее, грозя разбить их о скалы. И я издаю крик, высокий и протяжный, когда именно это и происходит: ветер хватает ялик и кружит раз, другой, прежде чем бросить на скалы. Я не слышу звука удара – из-за ветра, грома и хлещущего дождя, – но слышу крики и вопли на берегу. При очередной вспышке молнии я вижу, как лодка разлетается на куски, как оказавшиеся в море люди судорожно плывут обратно. Наконец их выплевывает на берег.

Когда все они встают, я выдыхаю воздух и пытаюсь сделать еще один. Смотрю на эти прыгающие огоньки, на эти обмякшие и потерпевшие поражение фигуры на берегу. Ялика больше нет. Даже если Джимми удастся провести катер вокруг Эйлан-Бик и всех этих мысов, это займет слишком много времени. Дождь переходит в ливень, а затем в град, твердый и неумолимый. Гигантские волны бьют и давят меня. Я стал таким тяжелым, что не могу удержаться на скале. Я не могу грести достаточно сильно, чтобы оставаться на плаву. Я проглотил слишком много моря; мой живот кажется твердым и переполненным, но все равно каким-то пустым. Мое изнеможение не похоже ни на что испытанное когда-либо прежде – свинцовое и безнадежное, как беззвездное черное небо.

И тут я оглядываюсь на пляж. Все фонари погасли, кроме одинокой золотой сферы, сияющей на фоне яростных волн. В горле поднимается всхлип, испуганный и беспомощный, как у ребенка. На какое-то ужасное мгновение я не вижу ничего, кроме этого одинокого огонька – мое зрение слишком размыто, а в сумерках слишком много теней, – а потом вижу. Я вижу их. Они входят в море, в бурный прибой. Длинная тонкая вереница людей, держащихся за руки. Чарли впереди, машет рукой, кричит мне, чтобы я продержался еще немного, пока они направляются к моей скале. Ко мне.

И тут я понимаю. Это то, чего я хотел. Не того, чтобы искупить вину за те ужасные вещи, которые я совершил. Не того, чтобы принять судьбу, которая всегда должна была быть моей. Не того, чтобы меня увидели, узнали или принесли в жертву. Я никогда ничего и никого не понимал – в первую очередь самого себя. Я смотрю, как эта людская вереница колеблется и растягивается, но так и не обрывается. Даже когда ветер воет, море ревет, а небо кричит, они продолжают тянуться ко мне. Они хотят спасти меня. Они *знают* меня. Они *видят* меня. И все равно хотят спасти меня.

Я думаю о Мэри. Столько обжигающего жара под прохладой и спокойствием – неспешного, уверенного и сильного… Я думаю о Кейлуме, его круглом маленьком личике и предвкушающей улыбке. Мой маленький мальчик, которого я люблю больше жизни, больше всех, кого я когда-либо знал. *Никто из нас не получает того отца, которого заслуживает*.

Вместо этого я стану просто еще одной душой, потерянной в море. Тем, кто так долго и упорно боролся, чтобы вернуться. Потому что призраки – это просто невысказанные истины. И груз моего страха больше не будет жерновом на моей шее, а станет якорем. Памятью о доме.

Конец – это еще не конец.

Я разжимаю руки, которыми судорожно цеплялся за скалу. Смотрю в беззвездное небо. И наконец-то позволяю морю забрать меня.

Глава 37

– «РЫБАК». – Я думаю о том высоком строгом монументе над Лонг-Страйдом, смотрящем на море. – Это по Роберту.

Чарли вытирает глаза.

– Он хотел, чтобы надпись была именно такой. Мы так и сделали.

Я выглядываю в единственное окно бунгало. Вижу узкую полоску звезд над головой, сплошную и ровную, как дверная перекладина. А под ними – море. Я не знаю, что сказать. Я даже не знаю, что чувствовать.

– После… – Чарли проводит указательным пальцем под носом, а затем свешивает руки между коленями, – ничто уже не было прежним. Стюарты – родители Келли – проголосовали «за», но не пришли на пляж. После этого Том купил дом, взял в аренду землю и продержался там чуть больше года, прежде чем навсегда увез свою семью в Норт-Уист. – Он качает головой. – А Кенни… Может, он и был единственным, кто проголосовал «против», но в ту ночь он все равно был на пляже. И когда я понял… когда я увидел, что Роберт хочет вернуться, Кенни был первым, кто бросился к ялику. Он оставил его на приколе у Роэнесса. Может, он все это время намеревался воспользоваться им? – Он вздыхает. – Алек так и не простил нас. Когда мы попытались вывести лодку в море, Брюсу пришлось нокаутировать его.

Чарли встает и смотрит в окно на полосу звезд.

– Вина, которую мы всегда испытывали за то, что сделали, – это наш крест, который мы должны нести. – Он снова поворачивается ко мне. – Мой крест. Полагаю, это тоже правосудие.

– Раскопки… Вот почему Феми показалось, что кто-то шарил вокруг, сдвигал брезент, после того как Мико перенесла раскопки обратно на старый курган, не так ли? Вот почему Джаз стал их тенью, да? Все вы опасались, что тело Лорна обнаружат? – Легче задавать Чарли вопросы. Искать, в чем его можно обвинить, вместо того чтобы думать о том, что он на самом деле сделал.

Маклауд кивает и садится обратно.

– Это Роберт предложил похоронить там Лорна. – Его улыбка ужасна. – Мы не могли похоронить его на кладбище, не… не объяснив,

что произошло, но Роберт сказал, что вся гряда до болота и стоячих камней была священной землей на протяжении тысячелетий.

– Но почему, Чарли? Почему вы не могли просто объяснить полиции, что произошло? Я не понимаю.

Он открывает рот, закрывает его. Качает головой.

– Мэгги, я не могу… Это трудно объяснить. Мы…

– А фестиваль виски? – говорю я. – Я знаю, что вы подделали ту фотографию. Почему?

Чарли вздыхает.

– Роберт заявил, что мы виновны в гибели его овец. Он сообщил полиции в Сторноуэе, что все мы против него и хотим его убить. – Он снова качает головой. – Мы не доверяли ни поведению Кенни, ни молчанию Мэри. И Алек подумал, что если полиция найдет кровь… то есть мы ее смыли, но, понимаешь, они все равно могут ее найти, если захотят, а ее было так много, – то они решат, будто это он убил Роберта.

Чарли закрывает глаза, и его голос становится тихим, слабым.

– А мы все еще ждали ответа по поводу заявки в Земельный фонд. На эти деньги претендовали по меньшей мере шесть других общин. Никто из нас никогда не упоминал об этом, не говорил открыто, но, если бы правда вышла наружу – не говоря уже о том, что Алека обвинили бы в убийстве Роберта, – мы никогда не получили бы финансирование, чтобы выкупить землю у Юэна.

– Господи…

Маклауд вздрагивает.

– Это был ужасный хаос, Мэгги. И мы поступили так, как поступают провинившиеся люди. Мы сделали всё еще хуже. Мы сделали хуже *себе*. Стали параноиками. Придумывали ложь в ответ на вопросы, которые никто не задавал. Решили, что тем из нас, кого Роберт, вероятно, обвинил, необходимо алиби. На всякий случай. На следующий день после шторма мы попытались добраться до Сторноуэя, чтобы сделать фотографии, пока Айла будет заявлять о пропаже Роберта и Лорна, но дороги были затоплены и непроходимы. Пришлось ждать до понедельника. Телефонные линии не работали – они почти всегда выходят из строя во время сильных штормов, – поэтому никто не стал допытываться, почему мы не обратились в полицию до этого времени. Джимми бросил ялик Лорна в море к

северу от залива, и мы придумали историю о том, что произошло той ночью. Мы – община, семья. У нас не может быть секретов. Именно это и стало причиной всего этого хаоса. – Он вздыхает. – Когда Джаз решил остаться на острове, нам пришлось рассказать правду и ему. Он согласился дать ложные свидетельские показания, что видел, как Роберт в одиночку заходил в море. Кенни согласился сказать то же самое, но… – Чарли отводит взгляд. – Меньше чем через неделю после нашего разговора с полицией он ушел жить в хижину на Западный Мыс. Там и остался.

– Значит, все получилось, – констатирую я.

Чарли смотрит на меня наполовину бесстрастным, наполовину измученным взглядом.

– Когда Роберт передумал, все мы были рады, Мэгги. Все, кроме Алека. Мы думали, что поступаем правильно. Так, как хотел Роберт. – Его руки сжимаются в кулаки. – И мы сделали всё – всё, что могли, – чтобы вернуть его.

– Кто следил за мной? Крался следом? Наблюдал за мной из темноты?

– Алек. – Выражение лица Чарли становится еще более страдальческим. – Как только мы поняли, чем он занимается, мы убедили его вернуться на буровую раньше срока. Как ради него, так и ради тебя. Пойми, больше всего на свете он ненавидит самого себя. И всегда ненавидел.

Когда я бросаю на него недоверчивый взгляд, он снова вздыхает.

– Они с Томом Стюартом всегда были заодно. И Тому взбрело в голову стать фермером. Он планировал арендовать у Юэна дом и землю на Ардхрейке задолго до того, как Роберт его опередил… хотя я не думаю, что Роберт вообще об этом знал. Том с самого начала хотел его выжить. Они с Алеком добавляли каменную соль и глифосат в почву под кормовые посевы Роберта. Они шантажировали Брюса деньгами, которые он задолжал им за игру в покер; заставляли его рекомендовать неправильные корма, давать Роберту плохие советы. Они даже хотели, чтобы он испортил случку и окот, но Брюс нашел деньги, чтобы избавиться от них. – Он смотрит на меня. – Я не знал. Никто из нас не знал. До тех пор, пока Алек не впал в ступор спустя неделю после смерти Роберта. Тогда все и выплыло наружу. В ночь смерти Лорна они с Шиной ночевали у Кэмпбеллов, но Алек винит в

смерти сына только себя. – Выражение лица Чарли становится жестким. – Не могу сказать, что я с ним не согласен.

– Тогда кто следил за мной, когда я возвращалась из Ардшиадара? – интересуюсь я. – Алек к тому времени уже уехал. Кто…

– Джаз, – отвечает Чарли, отводя взгляд. – Мы следили за тобой, вот и всё. Просто хотели знать, чем ты занимаешься.

– Нет, не «вот и всё». – Я вспоминаю шарканье ботинок по горке сыпучих камней в темном ущелье Пасти Дьявола. – Он пытался напугать меня, Чарли. – И мой гнев накатывает с новой силой, потому что я знаю, что права.

– Мэгги, *все* были напуганы. И *сейчас* напуганы. – Маклауд протягивает ко мне руки, но потом спохватывается. – И что бы я ни говорил тебе с тех пор, как ты вернулась, я тоже напуган.

Я стараюсь не смотреть на него, потому что не хочу испытывать к нему сочувствие. Не хочу вспоминать, как стояла в торфяной канаве, когда он сжимал мои пальцы и бормотал: «Спасибо, что ты здесь».

– Алек оставлял мертвых птиц? – спрашиваю я. – А пожар? Это тоже он?.. Господи, Чарли, он мог убить меня!

Когда Чарли вообще ничего не отвечает, мой гнев становится сильнее. Ярче.

– Он был *в моем доме*. Он запугивал меня, пока я спала. Как…

– Боже… – Чарли опускает голову на руки и долгие секунды смотрит в пол. – Какой поганый, долбаный хаос…

И именно это окончательно выбивает меня из колеи – мой бессмысленный допрос, который больше похож на истерику. Вид Чарли, обхватившего голову руками; дрожь его пальцев, вцепившихся в волосы. Потому что, насколько я понимаю, он надеялся, что я не задам именно этот вопрос. В моей груди снова просыпается беспокойство, от которого по позвоночнику пробегает нервная дрожь.

– Это был не Алек. – Я смотрю на макушку склоненной головы Чарли. – Правда?

Я думаю о том, как тонула. Смотрела вниз, в вязкую черноту, и не ощущала ничего, кроме пузырьков последнего вздоха. Вспоминаю слова Чарли: «Это Мэри рассказала мне о *вандр-варти*. Она беспокоилась за него. У него в Абердине было что-то вроде срыва».

Это то самое «что-то», которое я нашла в море. То самое «что-то», заставившее меня вспомнить улыбку Кенни. «Надвигается шторм». То самое «что-то», которое я заметила в поведении Коры, – перемена, чуждая и резкая, которой я не могла дать название. Это был ее голос. Ее акцент. Уже не английский, а шотландский.

Абердинский.

– О боже, – говорю я. – Кора – это Мэри. *Кора – это Мэри*.

Плечи Чарли поникают.

– Она не возвращалась в Абердин. Когда Стюарты купили Блэкхауз, Юэн настоял, чтобы она переехала в пустующее крыло Биг-Хуза. За несколько лет они с Юэном сблизились. – Он с усилием пожимает плечами. – И в конце концов поженились.

Я сглатываю.

– Это она шныряла вокруг «черного дома», заходила в Блэкхауз бог знает сколько раз? Она устроила чертов пожар… ты знал? Ты знал, что она…

– Нет. Нет, конечно, нет. Все мы знали, что ей становится хуже, даже до твоего возвращения. Но после… Может, она сделала это, потому что в «черном доме» снова кто-то жил и она могла видеть свет по ночам. А может… я не знаю… может, потому что это была ты – та маленькая девочка, которая когда-то сказала, что она Эндрю. – Чарли глубоко вздыхает.

Я вспоминаю, как Кора плевала в меня от ярости возле паба пару месяцев назад. Вспоминаю треск выстрелов по всему поместью Моррисона в тот день в Биг-Хузе и те дробовики в двух шкафах из вишневого дерева. Распростертые черные крылья, стержни перьев – словно ребра, лапы, скрюченные в когти, и холодное мягкое брюхо, испещренное дробью.

– Это она сделала *вандр-варти*, не так ли? Ты говорил, что это она рассказала тебе о них. Она оставляла их возле «черного дома». Внутри дома.

Талисманы для защиты от зла. Для защиты *от меня*. От меня, которая когда-то сказала, что я – Эндрю.

– Я узнал о том, что она делала, только после того дня на Большом пляже, когда ты показала мне *вандр-варти*, – объясняет Чарли. – Я рассказал Юэну, и тот поведал, что иногда она ускользает по ночам, и

он находит ее у Блэкхауза или по дороге туда. Но он не знал про *вандр-варти* – пока я ему не рассказал.

– Кто-то забрал их, – говорю я, и мое сердце снова учащенно колотится от какого-то более сложного чувства, чем гнев. – Кто-то знал, куда я их положила, и забрал их.

Чарли, по крайней мере, хватает благородства выглядеть одновременно и виноватым, и печальным.

– Я сказал Юэну, что ты хранишь их в рюкзаке в прихожей.

Я думаю о той фигуре, которая затаилась в темном дверном проеме ванной комнаты и смотрела на меня, стоящую в освещенной комнате, прежде чем бросить в меня мертвую ворону, окровавленную и мокрую от дождя. *Кора*. А потом вспоминаю щелчок выключателя за мгновение до того, как все погрузилось в черноту; того, другого человека в темноте, стоящего достаточно близко ко мне, чтобы я услышала его слишком громкий вздох, прежде чем он затаил дыхание. *Юэн*.

Чувство, более сложное, чем гнев, вспыхивает ярче, пытаясь распалить во мне негодование.

– Знал ли Уилл? Он знал, что…

– Нет. Нет, он не знал, Мэгги, – говорит Чарли, яростно мотая головой и сжав губы в плотную линию. – Он не знал, что делала Кора. Он не знал ничего из этого.

И тут, конечно, до меня доходит. Слишком поздно.

– Нет. О нет! – Потому что все, о чем я могу думать, это Уилл. *Уилл*. Я крепко сжимаю руку Чарли. – Нет!

Он смотрит на меня, хватает за руку.

– Мэгги… Роберт заставил нас пообещать присматривать за ними, – шепчет он. – Мы не могли сделать ничего, кроме этого.

Я отдергиваю руку и прижимаю ее к своему горячему лицу.

– Он знает? – Я тоже говорю шепотом. – Знает ли Уилл, что Кора – это Мэри? Что он… *он* – Кейлум?

Чарли качает головой, глаза у него красные.

– Когда Кора заболела и все это началось, мы поняли, что нам придется… Просто – я знаю, что не имею права просить, – но просто дай нам одну ночь, Мэгги. Позволь нам рассказать ему. Пожалуйста.

Когда Мико входит в дверь, я вздрагиваю.

– Прости, – говорит она. – Я… Уилл сказал, что тебе нужно это, Мэгги.

Она протягивает флакончик с таблетками. Это мой литий.

Меня внезапно захлестывает изнеможение. Сердце не просто ноет, оно болит.

– Я хочу, чтобы ты ушел, Чарли.

Маклауд встает, не возражая, и идет к открытой двери. Там он останавливается.

– Мы решили, – он обращается ко мне, но смотрит только вперед, на ночь за дверью. – Все мы. На пляже, после того как ты ушла с доктором Окицу, а Уилл последовал за тобой. Что если ты узнаешь правду… – Я слышу, как Чарли с трудом сглатывает. – Что бы ты ни решила сделать… сказать – мы примем это. Несмотря ни на что. – Он снова поворачивается ко мне. – Мы все будем в пабе завтра в обед. – На его лице выражение, в котором весь Чарли: строгое и скорбное. – Обещаю, Мэгги, здесь ты в безопасности. – Он удерживает мой взгляд. – Что бы ни было.

Глава 38

На следующий день я просыпаюсь, пока Мико еще спит. Ускользаю из бунгало, оставив ей благодарственную записку, которая мало что объясняет. Она заслуживает большего, но если это позволит ей почувствовать себя освобожденной от забот и ответственности за меня, то, возможно, так и надо. На мне все еще джемпер и легинсы, которые Мико мне пожертвовала, и я надеюсь, что она не будет возражать и против этого. Беру только свой плащ; я даже не могу смотреть на одежду, в которой чуть не утонула. Одежду, в которой я *утонула*.

Снаружи воздух чист и свеж; гнетущее ощущение шторма исчезло. Небо бледно-голубое и фиолетовое, облака редкие и белые. Я бросаю взгляд на восток, в сторону Блармора, но вместо этого направляюсь на север, к Лонг-Страйду. Все зудит и ноет. Кожа у меня воспалена от соли, она красная, она горит. Но я чувствую себя до странности бодро. Голова ясная и чистая, как этот воздух.

Пляж еще не оправился после шторма. Песок скорее серый, чем безупречно белый. Его покрывают водоросли и битые ракушки, а глубокие извилистые борозды, заполненные морской водой, вызывают у меня дрожь. У меня ноет грудь. Я потираю ребра и морщусь, вспоминая синяк, оставленный основанием ладони Чарли. Вспоминаю его лицо, бесстрастное и измученное одновременно, и эта боль становится еще сильнее.

Я медленно иду на запад, пока не дохожу до тех двух камней. «РЫБАК», высокий, суровый и гранитный, и его сосед, со всеми его завитушками и спиралями из более мягкого песчаника – «ПО ЛОРНУ». Это заставляет меня вспомнить слово *forlorn*[36] – горестная печаль и заброшенность, или надежда, которая вряд ли увенчается успехом. Полагаю, выбирать следует мне.

Я не хочу выбирать. Я хочу ничего не делать. Хочу забыть все то, что так упорно пыталась узнать. Хочу чувствовать себя в безопасности и тишине. И больше не хочу нести ответственность за чью-то судьбу.

Но Роберт убил Лорна, потому что никогда не мог взять на себя ответственность. Он никогда не просил о помощи. Он так и не смог

сбежать от маяка и от той длинной тени, которую тот отбрасывал на его жизнь. Алек, Том, Брюс и Фиона так и не взяли на себя ответственность за то, что навредили и без того страдавшему человеку. А остальные жители деревни так и не взяли на себя ответственность за то, что помогли ему умереть.

Я смотрю на солнце, а с моря надвигается мелкая дождевая морось, охлаждая мою кожу и окрашивая песок в темный цвет. Смотрю на пустые западные скалы Роэнесса, затянутые ватой облаков. Я уже не нахожусь в аквариуме с золотыми рыбками, глядя на мир, к которому не принадлежу. Больше не принадлежу. Я здесь. Я часть этого места, этих людей. А они – часть меня.

Я вспоминаю, как лежала в кровати, как рассвет проникал сквозь занавески, когда мама читала мне о хоббитах и Шире. Мой ночник освещал вьющиеся прядки волос у ее висков. «Ты – все самое лучшее, моя дорогая, самое замечательное, что есть в моей жизни…»

Мама никогда не брала на себя ответственность за нашу жизнь, полную неопределенности и хаоса. За то, что она выбежала на дорогу перед серебристым «Лексусом» и по-прежнему – *по-прежнему* – отказывалась признать, что она отнюдь не *особенная*. Она никогда не брала на себя ответственность за то, что лгала мне. За то, что просила меня помочь ей. За то, что просила меня поверить ей.

Ведь мама знала, что я не верю. С того момента, как в пятнадцать лет я сама обратилась к врачу, – и с тех пор больше никогда ей не верила. Мы обе это знали. А она все равно просила. Я все равно скормила ей те таблетки – одну за другой. Потому что в глубине сердца – я потираю болезненный, расплывшийся синяк над этим самым сердцем – я просто хотела, чтобы это прекратилось. Я хотела, чтобы все это закончилось. Вспоминаю, как сидела на предпоследней ступеньке подвала, смотрела на звезды Роберта и думала: не в этом ли заключается чувство вины? Не столько в том, что мы делаем, сколько в том, что мы хотим сделать? И я никогда даже близко не подходила к тому, чтобы взять на себя ответственность за это.

Я смотрю на этот высокий суровый камень. Онемевшими пальцами прослеживаю завитки на соседнем камне. Чувство вины привело меня сюда. На этот остров. К Роберту. К этому решению.

«Ты просто должна сделать правильный выбор, Мэгги, вот и всё. И ты всегда его делаешь».

* * *

Блармор безлюден. Магазин закрыт. На двери паба приколота наспех нацарапанная записка: «Частная вечеринка». Я колеблюсь. Мне приходится сделать один глубокий вдох, затем другой, прежде чем я нахожу в себе достаточно смелости, чтобы открыть эту дверь.

Монотонный гул и без того приглушенных разговоров смолкает. Все поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. Так же, как и в тот первый зимний день три месяца назад… Как давно это было!

Маккензи сидят за своим столом. Вид у Брюса обеспокоенный, а у Джиллиан – вызывающий. Донни выглядит более мрачным, чем когда-либо прежде; он не смотрит мне в глаза. Интересно, знал ли он всю эту историю с самого начала; знал ли он, что его друг детства когда-то был Кейлумом? Алек торчит у барной стойки рядом с Джимми, и, хотя оба они смотрят на меня одинаково пристально, я вижу, как рука Джимми тянется к плечу Алека, готовая вот-вот схватить его, остановить. Айла, Фиона, Шина и Джаз разместились за длинным столом, за которым вела дознание инспектор Линн Аркарт. На другом конце зала в одиночестве сидит Чарли. Нет ни Юэна, ни Коры, ни Уилла.

Я не решаюсь пройти дальше в зал. Жду, пока кто-нибудь заговорит, пока не понимаю, что они ждут, пока заговорю *я*. Сглатываю, в горле сухо. Чувствую, как мои ногти впиваются в кожу ладоней. Смотрю на красную стену с фотографиями: пейзажи моря, скал и пляжей, портреты мужчин, женщин и детей. А над ними – закрепленный кусок лакированного плавника. «Овца всю жизнь будет бояться волка, а потом ее съест пастух». И я вспоминаю тот день на кухне Биг-Хуза, когда я смотрела на Кору и думала: «Как чертовски несправедлива жизнь… Как неумолимо беспощадна… А мы все равно должны продолжать жить».

– Я ничего не расскажу, – заявляю я, все еще глядя на стену.

Раздается всхлип, громкий и короткий, и Фиона прижимается к Айле, закрывая руками лицо. Та смотрит на меня жесткими стальными глазами, а потом отводит взгляд.

– Роберт убил Лорна, – продолжаю я, слегка вздрагивая, когда Фиона всхлипывает снова. – Если полиция и придет к какому-то выводу, то только к этому. Но пусть придет к нему без моей помощи.

Я смотрю на Чарли, его голова низко склонена, указательный палец снова и снова потирает под носом. Думаю о том, чтобы взять его за руки и сказать ему, что правда – это еще не всё. Это даже не самое важное.

– У меня не было права приезжать сюда. Ни в первый раз. И ни в этот. Простите меня.

А потом я обвожу взглядом всех, не в состоянии сказать, как сильно мне будет их не хватать. Как сильно я буду тосковать по этой деревне. По этому острову. Как сильно буду тосковать по жизни, которую, как я думала, смогу прожить.

– Мэгги… – Брюс встает. Смотрит на меня темными глазами. – Спасибо.

Я киваю. Сглатываю растущий ком в горле.

– Я уеду завтра.

А потом отворачиваюсь, открываю дверь и выхожу на улицу, ни разу не оглянувшись.

Глава 39

Я иду на запад. Я притворяюсь, будто мне нужно забрать фотографию с фестиваля виски, чтобы повесить ее обратно на красную стену, где ей самое место, но это неправда. Обхожу ферму стороной, хотя не вижу никаких признаков присутствия Уилла. Обычно к этому времени он уже встает и приступает к работе, но сегодня шторы задернуты. Я даже не смотрю в сторону «черного дома». Вот почему я иду на запад. Мне нужен простор и душевный покой, которые дает мне Прекрасное Место. Мне нужно справиться с собственной болью, прежде чем я смогу принять на себя чужую.

Когда я снова поднимаюсь на утесы, выглядывает солнце. Я сажусь на теплый плоский камень, вдыхаю соленый воздух. Смотрю вниз на луг, на жизнестойкий *махир*, розовый и пурпурный, желтый и белый. Кролики гоняются друг за другом от норы к норе. Дыхание сбивается, боль в груди возвращается. Все произошло так быстро… Вот и конец. А ведь я только что была в самом начале. Но я не могу остаться, зная то, что знаю. У меня нет на это права. Я не могу быть постоянным напоминанием о Роберте, о том, что они совершили. У меня был шанс перестать искать, перестать копать, выбрать счастье, и я им не воспользовалась.

Я встаю, подхожу к заброшенной норе. Протягиваю руку внутрь сквозь траву и корни, нащупываю острые края фоторамки, потом вынимаю ее, разрыхлив почву еще сильнее. На мгновение присаживаюсь на корточки, счищаю землю со стекла, с этих размытых улыбающихся лиц. Интересно, о чем они думали, когда делали этот снимок? Весь этот ужас, вся эта вина… Несмотря на всю чудовищность того, что произошло со мной вчера, мне стыдно за то, что я замкнулась в себе. За то, что убежала и спряталась. Я думаю о Мико, которая протягивала мне таблетки. «Уилл сказал, что они тебе понадобятся». Он, наверное, чувствует себя более растерянным, более одиноким, чем когда-либо в своей жизни, а я все еще прячусь. Я помню тот первый день на Большом пляже, когда спросила его, не думал ли он когда-нибудь покинуть остров, и он ответил, ухмыляясь: «Я бы согласился. Ради подходящего человека».

Я встаю, внезапно обретая цель и надежду.

– Мэгги…

Я поворачиваюсь и испуганно прижимаю ладонь к груди.

Чарли выглядит усталым; его румяное лицо посерело, а щетина, пробившаяся на подбородке, совсем белая.

– Ты поступила хорошо. Спасибо.

Под глазами у него виднеются темные тени, когда он смотрит на фотографию в моих руках. Я протягиваю ему фото, испытывая смутное чувство стыда.

– Это было правильно, вот и всё.

Маклауд ничего не отвечает, лишь смотрит на снимок несколько секунд, после чего снимает с плеча открытый рюкзак и засовывает фотографию внутрь.

– Ты идешь к Уиллу? – Он не поднимает глаз.

– Да. С ним всё в порядке?

Чарли вздыхает – болезненный, неровный вздох, который заставляет меня чувствовать себя странно, как будто я снова вступила на небезопасную почву.

– Я не могу продолжать лгать тебе, – говорит он. – Я не могу продолжать говорить тебе правду, в которой так много лжи, что она может оказаться и не правдой вовсе.

Затем лезет в рюкзак и достает широкую деревянную коробку.

– Чарли… – Я понимаю, что качаю головой и отступаю от него в сторону обрыва. – Не надо больше…

Но он протягивает мне коробку, и я беру ее.

– Она принадлежала Роберту, – поясняет Чарли, хотя я не спрашиваю. – Я нашел ее здесь, много лет назад. В одной из этих старых нор.

Я опускаю взгляд на коробку. На ее крышке неуклюже выцарапаны три слова на гэльском языке – должно быть, на гэльском. *Tha mi duilich*. Меня парализует чувство нарастающей тревоги; я не могу ничего делать, кроме как перечитывать эти слова снова и снова.

– Открой, Мэгги. – Голос Чарли звучит странно, незнакомо.

Петли крышки коробки скрипят так, что я вздрагиваю. Внутри лежат два черных мешочка. Больший – тяжелый, из плотно сотканного холста. Я задерживаю дыхание, когда достаю лежащий в нем предмет. Это металлическая рамка в форме буквы Y, к которой прикреплена плоская черная резинка. Рогатка. Я бросаю взгляд на Чарли, кладу

рогатку и коробку на землю и достаю мешочек поменьше, бархатный, мягкий и шуршащий. Дрожащими пальцами растягиваю шнурок и высыпаю содержимое в ладонь. Полдюжины осколков розового кварца. Как раз такого размера, чтобы поместиться в матерчатый «карман» рогатки. Такие же плоскости и острые грани, как у кулона, который я чувствую, когда он давит на мою ушибленную грудину. И мое сердце – сердце, которое перестало биться меньше суток назад, – начинает колотиться так сильно и быстро, что я задыхаюсь, роняю мешочек и камни на землю.

– Мэгги…

Я стряхиваю с себя руки Чарли и отступаю к обрыву. Когда колени окончательно подгибаются, с радостью отказываюсь от попыток встать.

– Мэгги!

Я думаю о том дне на Большом пляже с Чарли в начале весны, когда остров снова оживал, как и я. «Ты нашла его здесь, знаешь ли. На этом пляже. Ты убежала, и твоя мама чуть с ума не сошла. А потом мы нашли тебя у восточных обрывов; ты держала этот кусочек кварца, как будто это был золотой самородок».

– Мы были в шоке, – продолжает Чарли тем же странным голосом. – Я говорил тебе об этом. Но я не… я не объяснил, как… время словно остановилось. После того как Роберт сделал то, что сделал, после того как мы сделали то, что сделали, и его не стало, все как будто… остановилось.

Я слышу, как он подходит ближе, но не поднимаю глаз.

– Мы не могли решить, что делать, – никто из нас. А потом стало слишком поздно – мы ждали слишком долго, мы не могли ничего рассказать полиции, даже если б захотели. Мы привели в порядок дом; мы похоронили Лорна. – Голос Чарли срывается. – Нас разбудил шторм. «Молот Моря». Самый сильный весенний шторм, обрушившийся на западное побережье за последние два десятилетия. И мы… Помоги нам Господь, мы увидели в этом шторме возможность. Роберт так и не вернулся. Его нигде не выбросило на берег. Он просто пропал. И вот. Мы решили сказать, что и он, и Лорн погибли во время *Òrd na Mara*.

Я зажмуриваю глаза, пытаясь ухватиться за спокойствие этого места, за его тишину, но это все равно что пытаться ухватиться за дым.

За отрыжку от огня, в котором сгорает все, что у меня есть.

– Роберт умер в другую ночь, – шепчу я. – В другой шторм.

Я слышу, как Чарли сглатывает.

– Да.

– Сколько дней оставалось тогда до фестиваля?

Когда он не отвечает, я заставляю себя посмотреть на него. Он смотрит на меня, усталый, измученный. Старый.

– Чарли. За сколько дней до фестиваля он умер?

Он закрывает глаза.

– За пятьдесят три.

– За пятьдесят три? – У меня вырывается что-то среднее между всхлипом и смехом. Пальцы немеют, когда я прижимаю их к губам. – Какого числа?

Чарли испускает долгий, судорожный вздох. Он протягивает ко мне руки ладонями вперед, но не приближается больше ни на шаг.

– Пятнадцатого февраля.

Мой день рождения.

Я отшатываюсь назад, поднимаюсь на ноги.

– Нет. Нет! – И начинаю карабкаться, взбираться почти ползком вверх по обрыву к его вершине, не обращая внимания на Чарли, выкрикивающего мое имя.

На вершине ветер свирепствует, как никогда, и я приветствую его ярость. Смотрю вниз. Шторм не только прорезал глубокие раны на песке Большого пляжа, но и изменил топографию дюн и береговой линии – настолько, что это уже не похоже на то же самое место, на тот же самый пляж. Как будто это пародия. Замена. Я смотрю на Атлантику. Тихая и ровная под белыми облаками. Чистая и бирюзово-голубая. То яркое воспоминание на белом фоне. Сжатые кулаки, хрип в горле, горячие слезы…

«Я Эндрю Макнил. Я Эндрю Макнил. Я Эндрю Макнил!»

Мама, с этим светом в глазах, с этой безмятежной улыбкой. «Да, это так».

А потом я смотрю на запад, в сторону Роэнесса, на низкую серую тень от домика Сонни. Знал ли он? Знали ли они все?

– Ты знал, – говорю я, когда Чарли поднимается на вершину и останавливается рядом со мной, тяжело дыша. – Ты знал.

Он морщится, протягивает руки.

– Когда ты впервые посмотрела на меня, будучи пятилетним ребенком, я понял все.

У меня должны быть вопросы. Очень много. Но я не могу их задать. Не могу даже думать о них. Это так слишком… Слишком много, чтобы принять все. То, что мама не лгала. То, что пятилетняя я не лгала, не верила в ложь. То, что когда Роберт умер, родилась я.

– Я не знал, как тебе сказать, – произносит Чарли. – Я знал, что на этот раз должен сказать тебе правду. Если я этого не сделаю, ты будешь возвращаться. Как рыбацкая лодка в порт. – Он умолкает. В его глазах блестят непролитые слезы. – Поэтому я попытался помочь тебе увидеть. Но это было так трудно, просто еще одна ужасная ошибка. Это…

Я чувствую внезапную усталость. Опускаю взгляд на кроличьи норы, на этот плоский теплый камень. Розовый, пурпурный, желтый и белый цвета.

– Что означает *Tha mi duilich*? – Мой голос дрожит, но я чувствую себя совершенно оцепеневшей.

– «Простите меня». Это значит «простите меня».

Я вспоминаю, как имя Уилла сорвалось с моих губ последним дыханием и всплыло наверх из черной воды, оставляя меня внизу. «Простите меня». И рыдание, вырвавшееся у меня, больше похоже на вой. Я падаю на колени, зажимая рот рукой, новые рыдания сотрясают меня одно за другим. «Уилл!»

– Мэгги. Мэгги… – Чарли обнимает меня и прижимает к груди. Он держит меня так крепко, что я едва могу дышать. Его сердце бьется у моего уха, его слезы увлажняют мою кожу. – Прости меня. Мне очень, очень жаль.

Я плачу так, как никогда не плакала раньше. Стоя на коленях в траве и грязи, окруженная волнами Атлантики, цветным ковром и голубым небом с белыми облаками. Я плачу, даже когда голос пропадает, а легкие горят, как будто я тону. Я плачу по Роберту. По себе. И по той пятилетней девочке, для которой никогда не существовало разницы между «я» и «он».

Глава 40

Я останавливаюсь на краю луга и смотрю на белокаменный коттедж с красной дверью и резной деревянной табличкой. *Tuathanas Àrd Chreag*. Когда я смотрю в сторону «черного дома», то вижу, что кто-то унес птиц, и думаю, не Уилл ли это сделал.

«Посмотреть этому в лицо, – думаю я. – Противостоять этому».

Дверь не заперта, я открываю ее и вхожу в узкий коридор. Уилл сидит за кухонным столом; его плечи ссутулены, длинные ноги вытянуты вперед. Он смотрит на меня, все еще стоящую в коридоре.

– Мэгги…

Я не могу пошевелиться. Я так быстро забыла, каково это – когда я смотрю на него… Когда он смотрит на меня…

– Я не знал о маме. – Голос у него хриплый, глаза обведены красной каймой. – Честное слово. Я ничего не знал.

– Я понимаю. Все нормально. – Я заставляю себя пройти на кухню.

– Не нормально. – Уилл встает. – Ничего из этого не нормально. Это безумие.

Он подходит ко мне, и мне требуются все силы, чтобы не убежать, не отвести взгляд.

– Ты в порядке? – В его глазах яростная тревога. Он протягивает руку, чтобы коснуться моего лица, возможно, моих волос, но затем, поколебавшись, сжимает ее в кулак. – Я был так чертовски напуган, когда увидел тебя… когда увидел, что сделала мама… Прости меня. Я не знаю, что бы сделал, если б…

– Я в порядке, – отвечаю я, пытаясь улыбнуться – но у меня не получается даже отдаленно.

– Ей гораздо хуже, чем я думал. Неудивительно, что Юэн был на нервах. Он, наверное, уже до смерти перепугался, что она скажет правду, разоблачит всю их гребаную ложь… – Уилл качает головой. Смотрит на меня умоляющим взглядом. – Она по-своему пыталась защитить меня.

– Я знаю.

– Мне чертовски жаль, Мэгги.

И на этот раз он касается моего лица. Пальцы у него теплые. Когда Уилл придвигается ближе, он – все, что я могу видеть, обонять и осязать. И мне приходится отступить. Мне приходится отступить так быстро и далеко, что я снова оказываюсь в узком коридоре и крепко держусь за раму кухонной двери.

Страдание в глазах Уилла усиливается.

– Что случилось?

Я не знаю, что сказать. Как ответить. Как сказать ему, что Кора была права, защищая его. Что когда-то я была другим человеком. Когда-то я была Робертом Ридом. Когда-то я была Эндрю Макнилом. Его отцом. И поскольку я твердо решила взглянуть всему этому в лицо, противостоять этому – противостоять всему, от чего я хочу убежать, – от этого уже не спрятаться. Нельзя притворяться, будто ничего не изменилось. Делать вид, будто то, что есть между мной и Уиллом – эта связь, ничего похожего на которую я ни с кем другим никогда не испытывала, – осталась незамутненной. Если знать то, что я знаю – то, во что мне остается только верить, – эта связь всегда будет полна мути. Она будет *неправильной*. Я смотрю на Уилла, и любовь, которую я испытываю к нему, мучительна. Невозможна.

– Ты – Кейлум.

Он вздрагивает, отворачивается от меня, запускает пальцы в свои и без того растрепанные волосы. Голос у него яростный, но срывающийся от отчаяния.

– Они пришли вчера вечером, Чарли и Юэн. И рассказали мне все, что уже рассказали тебе. Что мама… и я… были из Абердина. Мы никогда не жили в Кенилуорте; мама никогда не знакомилась с Юэном в Глазго. Что мой отец… мой отец – Роберт Рид. – Его голос слегка дрожит, когда он опускает взгляд на стол, и я узнаю́ фотографию, которая стояла рядом с его кроватью: молодая Кора и темноволосый мужчина с глазами Уилла. – Это мамин брат, мой чертов дядя. Неудивительно, что он обделался, когда я появился на пороге его дома в Бэлеме. – Когда Уилл снова поворачивается ко мне, из него буквально хлещет гнев, и мне хочется спрятаться от его взгляда. – Все мне лгали. Всю мою жизнь. Мои первые воспоминания об этом острове – это Биг-Хуз, и всё. Больше я ничего не помню. Клянусь, я бы рассказал тебе, если б…

– Я знаю.

Он смотрит на меня.

– Ничего не изменилось. Я – Уилл, Мэгги. Я не был Кейлумом с тех пор, как мне исполнилось три года.

– Всё изменилось, – шепчу я.

Уилл подходит к двери, и я крепче сжимаю ее раму.

– Пожалуйста, не уходи. – Он говорит очень тихо. – Пожалуйста, не уходи.

А потом не просто прикасается ко мне – целует меня. Прижимает меня к себе так крепко, что моя грудь вспоминает, как она болит. И все это кажется неизменным, незапятнанным и таким правильным, что я не могу этого вынести. Я не могу это пережить.

– Нет. Уилл, остановись! – И паника в моем голосе заставляет его сразу же отпустить меня.

Я обхватываю себя руками. В горле першит, глаза щиплет. Я чувствую, как моя хрупкая защита начинает трещать. Боль, которая ждет за тонкими стенами и башнями, рвется наружу.

– Я не смогу этого сделать, если ты прикоснешься ко мне.

– Тогда не делай этого. Останься.

– Я не могу, Уилл. Я не могу.

– Тогда я уеду с тобой. Мы сможем построить жизнь вместе где-нибудь еще. В любом другом месте.

Я качаю головой еще до того, как он замолкает, потому что это звучит так заманчиво… Так реально…

– Это твой дом.

Улыбка у него горькая. В глазах стоят слезы.

– Неужели ты не понимаешь, Мэгги? *Ты* – мой дом.

И мне приходится собрать все оставшиеся силы, чтобы не подойти к нему, утешить его, утешить *себя*. Но я не подхожу. Поскольку знаю, что никогда не смогу сделать это – сказать это – снова.

– Я не жду, что ты поймешь. Но так будет правильно. Для нас обоих.

Потому что я предпочту, чтобы он ненавидел меня до конца наших дней, чем взвалю на него бремя понимания причин. То, что я знаю – то, что с трудом могу принять, – слишком свежо, слишком болезненно. Но это тоже никогда не изменится. *Его отец*; это слово проносится у меня в голове, как поезд по кольцевой линии. Неважно,

что я этого не помню, неважно, что сейчас я люблю его только как Уилла, человека, с которым я думала провести остаток жизни. И даже не важно, что родственные души во всем мире, несомненно, когда-то тоже были друг для друга кем-то другим: братом, матерью, сыном. Это все равно остается правдой. И я никогда не смогу избавиться от этого знания.

Когда Уилл качает головой и пытается сократить оставшееся между нами пространство, я вскидываю руки.

– Мне нужно уйти. Это не мой дом. Это не моя жизнь. Мне нужно узнать, что такое – моя жизнь. И я могу сделать это только сама. Пожалуйста. – Я пытаюсь заставить себя сказать это так, как будто действительно имею это в виду. Пусть эти слова прозвучат так, словно я действительно этого хочу. – Пожалуйста. Просто отпусти меня.

И, возможно, Уилл видит что-то в моих глазах. Решимость, уверенность. Потому что он склоняет голову и закрывает глаза.

– Когда ты уезжаешь? – Торопливо проводит пальцами по своим щекам, и на них остается влага.

– Завтра.

Уилл вздрагивает. Но когда он наконец поднимает на меня глаза, то вовсе не выглядит подавленным.

– Останься здесь на ночь. – Все-таки подходит ко мне и привлекает меня к себе, его пальцы впиваются в мою кожу, а глаза темнеют. – Может быть, ты права и нам обоим нужно побыть порознь какое-то время. Может, мне тоже нужно понять, кто я такой. – Он наклоняется ко мне настолько близко, что я вижу размытые красные прожилки в его глазах. Берет мое лицо в ладони. – Но нам с тобой суждено быть вместе, Мэгги Маккей. И ничто из того, что ты говоришь, ничто из того, что мы делаем, не изменит этого.

Я не отвечаю. Я не сопротивляюсь, когда он снова целует меня. Или когда он ведет меня по коридору в спальню. Или когда он укладывает меня на кровать, и я чувствую, как мое сердце пару раз ударяет не в такт, словно я вот-вот рухну с пика на «американских горках». Эта последняя ночь принадлежит мне, а не кому-то другому. Она принадлежит *нам*, тем, кем мы с Уиллом могли бы стать. «Я люблю тебя, – говорю я его коже, его слезам, шепоту моего имени на его губах. – Я люблю тебя».

Глава 41

Я просыпаюсь рано, когда свет, проникающий сквозь шторы в спальне, едва-едва становится серым, а комната все еще полна теней. Уилл лежит на боку, спиной ко мне. Я слушаю его дыхание, наблюдаю за тем, как вздымаются и опускаются его плечи. Мне так остро хочется прикоснуться к нему, что я заставляю себя встать. Одеться. Открыть дверь спальни. Уйти не попрощавшись. Я знаю, что Уилл не спит, но он позволяет мне это сделать. Избавляет меня от болезненной необходимости снова говорить нет. От необходимости притворяться, что я говорю это искренне.

Утренний воздух так пронзительно-холоден, что я вполне могу винить его в том, что у меня щиплет в носу, а из глаз текут слезы. А ледяной атлантический ветер – в том, что мне приходится остановиться, прислониться к гладкой белой стене фермы и в течение многих минут просто дышать. Но когда я начинаю колебаться, думать о возвращении, я снова заставляю себя действовать. Пересечь пастбище и дойти до «черного дома». Заставляю себя зайти внутрь, собрать сумку и не останавливаться, не смотреть, не думать.

Когда я открываю дверь, чтобы уйти, мне приходится обернуться. Приходится остановиться и оглянуться на ярко освещенные сосновые стены, шторы из тартана и твидовые подушки «Харрис». Каминная полка из плавника и часы с хайлендской коровой, широкое серебряное зеркало и старинная лампа. Люк в погреб и его утопленная стальная ручка. Я должна в последний раз вдохнуть аромат сосны, кофе и дровяного дыма. Я должна попрощаться. А потом – уйти.

Я медленно иду назад по главной дороге, отчасти потому, что хочу запомнить каждую частичку этого места – заросшую Гробовую дорогу; Лох-Тана, Бен-Уайвис и Долину Призраков; все эти торфяные пластины, сохнущие на солнце, как чешуя на хребте дракона. Скоро все вернутся, чтобы собрать их и уложить в штабеля. А потом будет последняя большая вечеринка в «Ам Блар Мор»… Я отгоняю от себя боль, которую испытываю при этой мысли. Она не может принадлежать мне.

Старый зеленый драндулет припаркован рядом с разрушенной церковью. На водительском сиденье дремлет Чарли. Когда я открываю

дверь, он моргает и произносит ругательство.

– Извини. – Я сажусь, бросаю сумку на заднее сиденье. В машине пахнет растворителем для краски и кофе. – Спасибо, что согласился подвезти.

Он кивает. Протягивает мне курящуюся па́ром чашку-термос.

– Ты в порядке?

Я киваю в ответ.

– Поехали.

– Не хочешь заехать в деревню? – Я чувствую его пристальный взгляд.

– Нет.

– Ты не обязана это делать, Мэгги. Ты не обязана уезжать. Я рассказал тебе все не для этого.

Я поворачиваюсь к нему лицом и пытаюсь улыбнуться.

– Думаю, именно для этого, Чарли. И ты был прав.

Он смотрит на меня еще несколько секунд и наконец заводит двигатель, который урчит и кашляет. Я смотрю на внушительные склоны Бен-Уайвиса. Мы сворачиваем на юго-восток, а потом Чарли что-то говорит вполголоса, и я поворачиваюсь к другому окну машины.

Все ждут на перекрестке дороги, ведущей в Блармор. Джаз и Юэн. Айла и Джимми. Брюс, Джиллиан и Донни. Фиона и Шина. Даже Алек. Все стоят бок о бок в ряд. Чарли не останавливает машину, но замедляет ход, когда мы приближаемся к ним, и я слышу, как он сглатывает, сухо и громко.

– Все вы знали, – говорю я. – Когда мы с мамой приехали со съемочной группой. Вы должны были знать тогда. В какой день я родилась. В день смерти Роберта. Вы все должны были знать, что это правда.

– Мы знали.

– Но когда я вернулась, вы были добры ко мне. – Я смотрю, как людская шеренга делается все ближе, и прижимаю ладонь к окну. – А когда я решила остаться, вы приняли меня.

Голос Чарли звучит хрипловато:

– Мы решили, что так и надо, – что ты возвращаешься домой.

Мои глаза затуманиваются, когда мы проезжаем перекресток и эту молчаливую, торжественную вереницу. Джимми кивает, Айла

улыбается. Брюс поднимает руку. И я понимаю, что они здесь не для того, чтобы увидеть, как я ухожу – чтобы убедиться, что я ушла. Вместо этого они подобны фонарям на вершине мыса или утеса, светящим вниз, на море. Они прощаются со мной. Дают мне понять, что я не была одинока.

Я оборачиваюсь на своем сиденье и смотрю, как они и Блармор становятся все меньше и меньше.

– Как рыбацкая лодка в порт, – говорю я.

– Да. – Чарли смотрит на меня и улыбается. – Именно так.

* * *

После Килмери огни и суета Сторноуэя кажутся почти оглушающими. Терминал ярко освещен прожекторами и фарами автомобилей. Паром низко сидит в воде; его широкий пандус дребезжит и скрипит, когда машины и фургоны съезжают на асфальт. Чайки кричат и проносятся над гаванью и дорогой за ней. Что-то сжимается внутри меня, когда я думаю о материке. О будущем. Я выхожу из машины, а Чарли идет за мной и берет с заднего сиденья мою сумку.

Я не могу смотреть на него. Молчание, повисшее между нами, молчание, которое раньше было комфортным, теперь кажется натянутым и неловким. Мое сердце разрывается от боли. Каждый вздох причиняет страдание.

– Что будет с Корой?

– Мы позаботимся о ней, – обещает Чарли.

На мой телефон приходит сообщение, и, когда я вижу, что оно от Уилла, кладу телефон обратно в карман, не читая. Смотрю, как выгружаются последние машины, и снова поворачиваюсь к Чарли. Ветер свистит вокруг нас, треплет его густые бакенбарды и вьющиеся седые волосы, выбивающиеся из-под твидовой кепки.

– Уилл не знает, – утвердительно говорю я.

Чарли кивает.

– И не узнает. – Он смотрит на меня пристальными серыми глазами, его морщинистое лицо раскраснелось от ветра.

Помню, когда я впервые встретила его, мне показалось, будто в нем есть какая-то холодность, отстраненность, как будто мы с ним принадлежим к разным видам, и пропасть между нами слишком велика, чтобы даже пытаться ее преодолеть. Теперь я вижу в нем больше, чем просто доброту. Я вижу все, что он скрывает. Все, чем он пожертвовал. Все, что он пережил.

– Что я буду делать без тебя, Чарли?

Он кладет мою сумку, берет меня за обе руки, крепко сжимает их между своими ладонями, мозолистыми и теплыми.

– Думаю, это я должен спрашивать тебя об этом, девочка. – Сжимает мои руки еще крепче. – У тебя все будет хорошо. Это то, чему я научился за время своего пребывания на этой земле. Ты всегда настолько сильна, насколько это необходимо. У тебя все будет хорошо.

Но его взгляд становится затравленным, а хватка пальцев ослабевает. И что-то похожее на гнев прорывается сквозь мое оцепенение, мою меланхолию, потому что я понимаю, в чем причина. Я понимаю, во что Чарли верит относительно себя – во что он *всегда верил* относительно себя. В то, что он слаб.

– Знаешь, чему научилась *я*? – отзываюсь я. – Чувство вины – это как рак. И единственный способ справиться с ним – вырезать его.

Когда Чарли наконец снова поднимает глаза, его губы дрожат, а глаза влажно блестят.

– Мне очень жаль, – шепчет он. – Мне так жаль… Не проходит и дня, чтобы я не пожалел, что не сказал нет. Или не сказал, что ясно, как день, видел ложь в твоих глазах, когда ты говорил, будто не боишься умереть. – Его голос срывается. – Или что не протянул руку и не удержал тебя, когда ты отвернулся от меня, чтобы уйти в море.

Я отпускаю его руки. Охватываю его лицо ладонями и смотрю, как его слезы скапливаются на моей коже. И снова думаю о том, чтобы сказать ему, что правда – это еще не всё. Потому что это я могу сделать для Чарли. Я могу дать ему покой.

– Я тебя прощаю.

Глава 42

Я стою на кормовой палубе и машу рукой, пока не только Чарли, но и весь Сторноуэй не скрывается из виду, поглощенный скалистыми заливами и мысами восточного побережья. Ветер воет у меня над головой. Палуба пуста, ряды красных пластиковых сидений безлюдны. Металл дребезжит и брякает, водонепроницаемые чехлы дергаются и хлопают. Мои кроссовки скользят по палубе, когда я прислоняюсь к выкрашенным в белый цвет перилам.

Когда я только приехала сюда, Минч застилали колышущиеся завесы тумана. Штормовые сумерки скрывали горизонт, не было видно ни каких-либо особенностей, ни очертаний острова, который находился у нас прямо по носу. Сейчас, даже когда остров становится все дальше и дальше, я по-прежнему вижу его серые скалы и коричневые болота; огненное золото и пурпур его лесов и холмов. Одинокие золотые огни, разбросанные вдоль побережья – словно цепочка маяков. Белый прибой. Там, где *внутри ограды* встречается с тем, что за *оградой*. Вот где я сейчас. И где я всегда буду. *За пределами*.

Звонит телефон, и я вздрагиваю, застигнутая врасплох тем, что появился сигнал. Когда я вижу, что это Келли, часть моей тоски рассеивается и я улыбаюсь еще до того, как слышу ее знакомый голос, всегда такой быстрый и смешливый.

– Где ты? Скажи мне, что ты хотя бы покинула остров, иначе мне придется тебя убить. Я с прошлой ночи терпеливо жду тебя, чтобы вместе нырнуть с головой в чан с голубым WKD[37] и огромной пачкой сырных шариков.

Я смеюсь, и это звучит для меня так странно – так чуждо, – что я тут же умолкаю.

– Извини. Я сбилась с пути. – Смотрю на прибой, на одинокие золотые огни. – Но да, я уже покинула остров. – Отворачиваюсь от резкого ветра. – Слушай, я просто хотела еще раз поблагодарить тебя. За то, что предложила приютить меня, за то, что была такой…

– Ты шутишь? Я жду не дождусь встречи с тобой. Фрейзер, конечно, отличная компания и большой любитель сырных шариков, но

он не может помочь мне с чаном голубого WKD. Тебе здесь понравится. Ты найдешь писательскую работу своей мечты и останешься с нами навсегда, если я добьюсь своего. – Она фыркает. – А ты знаешь, что я умею добиваться своего.

– Спасибо, Келли.

Я никогда не расскажу ей о Роберте. Ни о чем из того, что произошло. Не ради себя. Даже не ради ее отца. Но только ради нее.

– Все это часть службы. – Улыбка исчезает из ее голоса. Я могу представить себе выражение ее лица: беспокойство, которое она всегда так тщательно скрывала. – Ты в порядке, Мэгги?

Я снова поворачиваюсь к ветру, проливу и исчезающему вдали острову.

– Кажется, да.

После завершения разговора я не убираю телефон. Вместо этого открываю сообщение Уилла.

Don't Worry, Be Happy x

И что-то меняется внутри меня. Внезапно и без предупреждения. Как будто кто-то повернул переключатель, от темноты к свету. Вся эта грусть, вся эта подавленность исчезают, как дождевые облака, занесенные вглубь страны атлантическим ветром. Я думаю о Юэне и Коре, танцующих под «Кланнад» на своей кухне. «Я найду тебя, даже если на это уйдет тысяча лет». Я думаю о своем гневе – о том, как трудно любить того, кого мы неизбежно потеряем. Но никто никогда никого по-настоящему не теряет. Теперь я знаю, как должна ощущаться любовь – благодаря Уиллу. Благодаря *нам*. И жизнь без него, которую я выбираю сейчас, будет другой – но он всегда будет причиной, по которой я ее выбрала.

Может быть, все мы лишь составные тела, сидящие за обеденными столами в домах. Может быть, то, чем мы жертвуем, – это лишь то, кем мы когда-то были и что когда-то знали. А помнят о нас другие. Кто возводит мемориалы и рассказывает истории о том, какими мы были раньше. Потому что мама была права. То, что я собой представляю, никогда не было проклятием. Я знаю, кем когда-то была. И знаю, что я знала это. Я думаю о словах Юэна: «Некоторые люди просто не живут. Они просто не могут жить. Таким был и Роберт».

Потому что Роберт так и не смог понять, что единственное прощение, которое ему нужно, – это его собственное.

Когда я давала маме все эти таблетки, одну за другой, когда я смотрела, как она умирает, – это был мой выбор. И я прощаю себя за то, что сделала его. Так же как прощаю себя за то, что никогда не видела ни в ней, ни в себе нечто большее, чем диагноз; большее, чем несколько слов в карточке или на рецепте. Теперь я думаю не о диагнозах, а о ее неизменно ярких глазах, неизменно широкой улыбке, как будто она знала нечто такое, о чем все остальные только хотели узнать.

И тогда легко, так легко я тянусь к горловине своего плаща и стягиваю цепочку через голову. Потереть прохладный кварц кулона между почти онемевшими пальцами. Перегнуться через перила и опустить его в воду, чтобы длинная череда серебряных звеньев заиграла на свету, а затем исчезла под волнами, поднятыми паромом. Я лезу в карман и достаю фотографию молодого человека, одиноко стоящего на травянистом лугу перед холмом. Высокий, широкоплечий, руки сложены на груди. Густая коричневая борода, глубоко посаженные глаза и стоический хмурый взгляд.

– Прощай, Роберт.

Я отпускаю фотографию. Наблюдаю, как она трепещет и порхает, ненадолго подхваченная ветром, прежде чем исчезнуть в тех же волнах. Я не Роберт Рид. Я не Эндрю Макнил. Я не верю в талисманы и скандинавские мифы. Я не верю, что люди бывают про́кляты. Я не верю, что они этого заслуживают.

Я – не мое биполярное расстройство. И я – не моя мать. Я не Мэгги Маккей. Я не та Мэгги Андерсон, которая жила в Лондоне и притворялась, будто счастлива, довольствуясь малым.

Я даже не та женщина, которая стояла на палубе этого парома три месяца назад. Стояла на пляже и говорила Чарли, что всегда боялась быть счастливой. Что не знает, как жить одним мгновением, а не целой жизнью. Потому что она умерла. А я родилась.

Я смотрю на запад, наблюдая, как эти мысы и вершины медленно исчезают за занавесью из морского тумана и солнца. Это был подарок мне от этого острова. Это *тонкое место*. Это прекрасное и дикое место, которое навсегда останется частью меня.

Никогда не бывает слишком поздно. Потому что конец – это никогда не конец. Время будет всегда, всегда.

Время любить, время прощать. Время жить.

Эпилог

Конец сентября 1993 года
Роберт

«Все мы в чем-то виноваты», – всегда говорил мой отец. Но самый большой грех – это страх. И то, что мы никогда не смотрим ему в лицо. Разумеется, это был не его грех. Только мой.

Этим утром солнце стоит высоко. Оно зажигает серебристо-белые искры на редких брызгах над волнами. С этой высоты океан кажется бесконечным, как небо. Голубой и спокойный. Но приближаются бури. Я угадываю их по брызгам, сдуваемым с гребней волн, и по белым гребням, катящимся к горизонту. По медленному, неуклонному исчезновению дневного света с небес, с каждым днем все более раннему. И я ощущаю их в воздухе и на своей коже. Трепет. Дрожь давнего страха.

Сегодня на горизонте нет ни одной лодки, но я вижу «Единство», разукрашенное красными и белыми полосами, – оно возвращается на стоянку в Баг-Фасах. Кейлум тоже видит его и мчится вдоль береговой линии, вздымая воду; ветер подхватывает и уносит вдаль его заливистый смех. И что-то в моей груди сжимается от надежды.

Когда-то, много лет назад, я вот так же стоял на мысу и смотрел на тот же океан. Я был одинок, испуган и полон отчаяния. Но уже тогда поклялся, что вернусь снова. Я вернусь, несмотря на штормы. Несмотря на страх. Несмотря на отчаяние. У меня была надежда. Потому что я каким-то образом знал, что однажды все будет по-другому. Однажды я перестану бояться. Я вернусь. И все будет хорошо.

Благодарности

Как всегда, спасибо моему блестящему редактору Карле Джозефсон и моему не менее блестящему агенту Хелли Огден за их щедрость и компетентность, абсолютную веру и бесконечное терпение! Я благодарна вам обеим больше, чем можно выразить словами.

Спасибо невероятно талантливым сотрудникам издательств «Бороу пресс» и «Харпер Коллинз», которые с самого первого дня проявляли энтузиазм и поддерживали меня. Спасибо Сьюзи Доре, Оре Агбадже-Уильямс, Энн Бисселл и Марго Грей. И спасибо Иззи Кобурн, Саре Манро, Мэдди Маршалл, Джейме Виткомб и Элис Хилл за то, что они всегда так неустанно работают, чтобы познакомить с авторами и нашими книгами как можно больше читателей. Невозможно выразить словами, как я вам благодарна. Мне очень нравится работать со всеми вами.

Спасибо британской команде «Янклов и Несбит», особенно Эллис Хейзелгроув, Майми Сулейман, Ма’сума Амири, Меган Браун и Кирсти Гордон.

Я также в огромном долгу перед жителями острова Льюис-и-Харрис. Открытые и щедрые, такие же уникальные, как и сам остров, они всегда оказывают самый теплый прием, независимо от погоды! Хотя остров Килмери полностью вымышлен (и в значительной степени создан на основе необитаемого острова Скарп у западного побережья Харриса), многие из мест, упомянутых в романе, очень дороги моему сердцу – в немалой степени благодаря тем, кто в них живет.

Если говорить более конкретно, то я невероятно благодарна сержанту полиции Дональду Джону Маклауду из полицейского участка Сторноуэя за то, что он терпеливо отвечал на все мои вопросы о работе островной полиции. Спасибо также Марлин и Фрейзеру Рэлли за то, что любезно предоставили мне свой замечательный дом в Клиффе, где и была создана значительная часть романа. Это были волшебные несколько месяцев.

Шторм в Ардшиадаре в 1977 году и связанная с ним гибель трех рыболовецких судов и пятнадцати рыбаков были вдохновлены

реальной трагедией, произошедшей на Льюисе в марте 1885 года. Внезапный шторм заставил рыболовецкие флотилии из Порт-Ниша вернуться домой, два судна решили направиться к суше на северо-западном побережье в Эоропи. Когда они налетели на скалы, жители деревни были вынуждены лишь наблюдать за их гибелью, потому что все попытки спасти их заканчивались неудачей. Все двенадцать рыбаков утонули. Мемориал, известный как «Утопление в Кунндале», теперь стоит на утесе над бухтой, где рыбаки пытались высадиться на берег. Все погибшие были из деревни Эоропи. Их имена, возраст и адреса – от «Эоропи, дом 1» до «Эоропи, дом 36» – показывают, насколько сокрушительной должна была быть такая трагедия для этой маленькой рыбацкой общины. Эта книга также посвящена всем гебридским рыбакам, которые погибли в море за эти годы, и осиротевшим семьям, оставшимся после них.

Спасибо Гиллебрайду Макмиллану и Эйлин Макдональд за их значительную помощь в переводе с шотландского языка на гэльский и за их терпение в отношении всех моих вымышленных географических названий! Спасибо также Элисон Лэнг и замечательному Совету гэльских книг. Все ошибки принадлежат исключительно мне.

Спасибо благотворительной организации «Майнд», занимающейся вопросами психического здоровья, за всю информацию и советы. Я также хочу выразить особенную признательность людям, которые были достаточно любезны, чтобы рассказать мне о своем личном опыте жизни с биполярным расстройством первого типа.

Спасибо всем книготорговцам, рецензентам и блогерам за их бесконечный энтузиазм и доброту. Я в вечном долгу и назвала бы каждого из вас, если б могла!

Спасибо моим друзьям и семье за их потрясающую поддержку, особенно моим родителям, Мюру и Луизе Джонстон, моей сестре Лорне Бут и моей крестной, Сьюзан Макьюэн. Спасибо также Нине Аллан, Крису Присту, Прие Шарме, Саре Пинборо, Лорне Уодделл и Шоне ван дер Вульф.

И спасибо моему мужу, Иэну. Остров Льюис-и-Харрис может быть нашим домом, но ты – мой дом и всегда будешь им.

И последнее, но не менее важное – спасибо всем читателям. Я благодарна вам более всего.

Перечень персонажей

Мэгги Андерсон (Мэгги Маккей)

Семья Кэмпбеллов:
Айла Кэмпбелл
Кенни Кэмпбелл
Дэвид Кэмпбелл

Семья Макдональдов:
Алек Макдональд
Фиона Макдональд
Шина Макдональд
Лорн Макдональд

Семья Маккензи:
Брюс Маккензи
Джиллиан Маккензи
Донни Маккензи

Семья Маклаудов:
Чарли Маклауд
Мойра Маклауд

Семья Моррисонов:
Юэн Моррисон
Кора Моррисон
Иэн Моррисон
Уилл Моррисон
Хизер Моррисон

Семья Ридов:
Роберт Рид
Мэри Рид
Кейлум Рид

Семья Стюартов:
Том Стюарт
Кейт Стюарт
Келли Стюарт
Фрейзер Стюарт
Эджаз (Джаз) Махмуд
Джимми Стратерс

Археологи:
Феми Тинубу
Доктор Кумико (Мико) Окицу

Глоссарий терминов и топонимов

Остров Килмери
Эйлан Килл Мари
[перевод: «Остров церкви (святой) Марии]
Написание: *Eilean Cill Maraigh*
Эйлан-Бик
Маленький остров
Написание: *Eilean Beag*

Поселения на Килмери
Блармор
[перевод: Большая битва]
Написание: *Blàr Mòr/ Blairmore*
Урбост
[происходит от староскандинавского слова со значением «Новое поселение»]
Написание: *Ùrbost*

Топонимы остров Килмери
Гленн-нам-Бокан
[перевод: Долина Призраков]
Написание: *Gleann nam Bòcan*
Ан-Дрох-Хаху
[перевод: Злой Перевал]
Написание: *An Droch Chadha*
Ан-Клух-Ду
Археологический раскоп на Килмери, ведущийся с 90-х годов XX века [перевод: Черное Захоронение]
Написание: *An Cladh Dubh*
Торр-Дисирт
[перевод: погребальный курган или заброшенный курган; происходит от староскандинавского слова *Dysætr*, то есть «место погребения»]
Написание: *Tòrr Dìseart*
Шич-а-Хойн-Вор

[перевод: Логово Большого Пса]
Написание: *Sid a» Choin Mhòir*
Аче-Лурах
[перевод: Прекрасное Место]
Написание: *Àite Lurach*
Ардхрейк
[перевод: Высокий Утес]
Написание: *Ardcraig/ Àrd Chreag*
Ан-Руа-Шир
[перевод: Западный Мыс]
Написание: *An Rubha Siar*
Ор-На-Чир
[перевод: Край Земли]
Написание: *Oir na Tìr*

Водоемы острова Килмери
Ан-Куан-Шир
[Атлантический океан; перевод: Западный океан]
Написание: *An Cuan Siar*
Лох-Ду
[перевод: Черное озеро]
Написание: *Loch Dubh*
Лох Тана
[перевод: Узкое озеро]
Написание: *Loch Tana*
Глумак-а-Бройн
[перевод: Пруд Скорби]
Написание: *Glumag a Bròin*

Побережья острова Килмери
Трай-Вор
[перевод: Большой пляж]
Написание: *Tràigh Mhòr*
Трай-Шарак
[перевод: Пляж Длинных Шагов]
Написание: *Tràigh Shearrag*
Баг-Фасах

[перевод: Защищенная бухта]
Написание: *Bàgh Fasgach*

Горы острова Килмери:
Бен-Уайвис
[перевод: Гора Ужаса]
Написание: *Ben Wyvis*/*Beinn Uais*
Бен-Донн
[перевод: Бурая Гора]
Написание: *Ben Donn*/*Beinn Donn*
Остров Льюис (северная часть острова Льюис-и-Харрис)
Поселения
Ардшиадар
[перевод: Высокое Поселение/Место Обитания (от староскандинавского слова sœtr]
Написание: *Ardshader* /*Àrd Shiadair*
Эйниш
Написание: Einish/*Èinis*
Ардс-Эйниш
[перевод: Верхний Эйниш (мыс)]
Написание: *Aird Einish*/*Àird Èinis*
А'Харнах (Харнах)
[перевод: Скалистый или Каменистый]
Написание: *Carnach* / *A Chàrnach*

Водоемы
Нэ-Бай
[перевод: Бухты или Заливы]
Написание: *Na Bàigh*
Баг-ан-Иар
[перевод: Западная бухта]
Написание: *Bàgh an iar*
Лох-на-Эах
[перевод: Лошадиное Озеро]
Написание: Loch Naich/*Loch nam Each*

Побережья

Трай-Лак
[перевод: Пустой пляж]
Написание: *Tràigh Lag*
Трай-Шир
[перевод: Западный пляж]
Написание: *Tràigh Shiar*
Реально существующие места:
Сторноуэй
Написание: *Stornoway*/*Steòrnabhagh*
Порт-Ниш
Написание: *Port Ness/Port Nis*
Бревиг
Написание: *Brevig/Brèibhig*
Миавайг
Написание: *Miavaig*/*Miabhaig*
Валтос
Написание: *Valtos*/*Bhaltos*
Лангават
Написание: *Langavat*/*Langabhat*
Ишлевиг
Написание: *Ishlivig*/*Islibhig*

Общие гэльские термины
Òrd na Mara
[перевод: Молот Моря (исторический шторм в 1977 году)]
Произношение: *Ордст-на-Мара*
Tilg mìr am beul na bèist
[перевод: «Брось кость в пасть дьявола». Из гэльской пословицы «Брось кость в пасть дьявола, и это тебя спасет»]
Произношение: *чиллиг мир ам беал на бейджет*
Am baile gun fhir
[перевод: деревня без мужчин]
Произношение: *Ам балу гунн ир*
«Ахкер»
[перевод: «Якорь» (название рыболовного судна)]
Написание: *Acair*
«Маркан-шина»

[перевод: «Морская пена» (название рыболовного судна)]
Написание: *Marcan-sìne*
«Дарах»
[перевод: «Дуб» (название рыболовного судна)]
Написание: *Darach*
Tuathanas
[перевод: ферма]
Произношение: *Туаханас*
Тарашгир
лопата для резки торфа
Написание: *Tairsgeir*
Скоу
Лодка, ялик, построенный «накроем»
Написание: *Sgoth*
Tìoraidh
[перевод: до свидания, пока]
Произношение: *Чири*
a ghràidh
[перевод: моя дорогая/мой дорогой, моя любовь]
Произношение: *у гирай*

Древнескандинавские термины
Вандр-варти
Скандинавский талисман: «вандр» переводится как «зло», «варти» означает «защита против»
Написание: *Vándr Varði*
Сёвэттир
Морские духи в скандинавской мифологии
Написание: *Sjóvættir*
Ландвэррир
Природные/наземные духи в скандинавской мифологии
Написание: *Landvættir*
Dysætr
Погребальные Земли Burial Ground
Произношение: *дусетр*
Иннангардс
Внутри дома/ограды

В раннем средневековом язычестве часто толковалось как огражденный человеческий мир порядка, закона и безопасности, который следует защищать извне.

Написание: *Innangarðs*

Утангардс

За пределами дома/ограды

В раннем средневековом язычестве часто толковалось как дикий, хаотичный, населенный чудовищами и великанами мир за пределами человеческого мира.

Написание: *Utangarðs*

---

notes

Примечания

1

Скоу (sgoth) – ялик (*гэльск.*).

2

Читается как «АМ БЛАР МОР» (*гэльск.*).

3

Больница Модсли – психиатрическая клиника в пригороде Лондона.

4

Большой Дым – шутливое название Лондона.

5

Bàgh Fasgach – «Защищенная бухта» (*гэльск.*).

6

Gleann nam Bòcan (*гэльск.*).

7

Дэвид Бейли – английский фотограф, портретист и специалист по модельным съемкам.

8

Airbnb – сайт для размещения и поиска краткосрочной аренды жилья.

9

«Убить Мерри» (*англ.*).

10

Мамочка (*гэльск.*). Пишется как Mamaidh.

11

Термин, которым шотландцы называют англичан. Иногда используется в презрительном контексте.

12

Лэрд (*англо-шотл*. laird – землевладелец, лорд) – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии.

13

Кейли (ceilidh) – вечеринка (*гэльск.*).

14

The Gay Gordons – сельский шотландский танец на музыку авторства Дж. С. Скиннера.

15

«Highland Cathedral» – популярная шотландская мелодия для волынки.

16

Капитан Ахав – персонаж романа Г. Мелвилла «Моби Дик», классики американской литературы.

17

Тарашгир – лопата для резки торфа (*гэльск.*). Пишется как *tairsgeir*.

18

Ферма Ардхрейк (*гэльск.*).

19

Магалуф – курортный город на Майорке.

20

Главный герой романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби».

21

Милая (*гэльск.*). Произносится как «гирай».

22

Похан (пишется как Bothan) – «логово», «место для отдыха и выпивки» (*гэльск.*).

23

RFC – аббревиатура от Rangers Football Club (футбольный клуб «Рейнджерс» из Глазго), девизом которого является слово READY («Готов!»).

24

«Якорь» (пишется как Acair) (*гэльск.*).

25

Читается как «сёвэттир», множественное число от «сёвэтте» – «морской дух».

26

Названия судов переводятся как «Морская пена» и «Дуб».

27

Читается как «Ам балу кун ир».

28

Пока (пишется как Tìoraidh) (*гэльск.*).

29

«Доктор “Прыщик”» – сериал-видеоблог дерматолога Сандры Ли, в котором она дает полезные советы относительно проблем с кожей.

30

Слова из песни «I will find you» ирландской музыкальной группы «Кланнад».

31

«Не волнуйся, будь счастлив» – слова из песни американского музыканта Бобби Макферрина.

32

Пер. Е. Фельдмана.

33

Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

34

Запах овец (*фр.*).

35

Скаллопер – судно, оборудованное для промысла морских гребешков.

36

Надпись на камне по-английски читается как For Lorne и по произношению совпадает со словом forlorn.

37

WKD (произносится как «викед») – бренд слабоалкогольных напитков, популярный в Англии и Ирландии. Голубой WKD имеет вкус «фруктовый микс».

Table of Contents

Кэрол Джонстон Черный-черный дом
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32

Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Эпилог
Благодарности
Перечень персонажей
Глоссарий терминов и топонимов
Примечания
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22

23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37